М. М. Решетников

ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

МОНОГРАФИЯ

2-е издание

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ▪ Юрайт ▪ 2018

УДК 159.96
ББК 88.3
Р47

***Автор*:**

Решетников Михаил Михайлович — доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, ректор Восточно-Европейского института психоанализа (г. Санкт-Петербург).

***Рецензенты*:**

Батурин Н. А. — доктор психологических наук, профессор;
Литвинский Д. — доктор юриспруденции;
Чермянин С. В. — доктор медицинских наук, профессор;
Горшечников А. — ветеран Афганской войны;
Михайлов А. — ветеран Афганской войны.

Решетников, М. М.

Р47 Психология войны. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей : монография / М. М. Решетников. — 2-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 336 с. — (Серия : Актуальные монографии).

ISBN 978-5-534-05663-1

Монография посвящена проблеме психологического прогнозирования состояния, поведения, эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации людей в условиях современной войны. Впервые в отечественной литературе на основе исторического подхода подробно анализируется возникновение и развитие проблемы психодиагностики способностей людей, а также теоретические, методические и экспериментальные подходы к их исследованию (с конца XIX по начало XXI века). Обобщается опыт практического применения и эффективности профессионального психологического отбора в армиях ведущих зарубежных стран и в советской армии. Во второй и третьей частях книги автором приводятся результаты собственных исследований, выполненных в период Афганской войны (1979—1989), после аварии на Чернобыльской АЭС (1986), в процессе спасательных операций после Спитакского землетрясения (1988) и Уфимской железнодорожной катастрофы (1989), рассматриваемых как модели применения оружия массового поражения с большим количеством человеческих жертв.

Издание предназначено для психологов силовых ведомств, психиатров и психотерапевтов, а также для преподавателей вузов и командного состава частей и подразделения Вооруженных сил Российской Федерации.

УДК 159.96
ББК 88.3

ISBN 978-5-534-05663-1

Оглавление

Предисловие **10**

Введение **12**

Часть 1
МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОСТОЯНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

Глава 1. Профессиональный отбор в отечественной и зарубежной науке и практике **19**

1.1. Теоретические основы профессионального отбора 19

1.1.1. Проблема способностей 22

1.1.2. Роль наследственности и среды в формировании способностей 23

Глава 2. Возникновение и развитие проблемы профессионального психологического отбора (историко-методологический анализ) **26**

2.1. Экспериментальная психология 26

2.2. Психометрический метод 34

2.3. Дифференциальная психология 36

2.4. Психологические тесты 37

2.4.1. Типологические подходы к результатам тестирования 38

2.5. Современные подходы к тестовым процедурам 42

2.6. Профессиографическое исследование 46

Глава 3. Практическое применение профессионального психологического отбора в системе образования, промышленности и армии **51**

3.1. Профессиональный отбор в США 51

3.2. Профессиональный психологический отбор в других зарубежных странах и армиях 70

3.3. Экономические и идеологические основы профессионального отбора 74

3.4. Профессиональный отбор в отечественной науке и практике комплектования Вооруженных сил 77

Глава 4. Актуальные проблемы профессионального отбора военнослужащих **91**

4.1. Профессиональный отбор и рациональное распределение на заключительном этапе развития советского общества и военного строительства 91

Глава 5. Общеметодические подходы к прогнозированию успешности военно-профессиональной адаптации по психофизиологическим показателям 99

Глава 6. Психофизиологическая проблема на современном этапе интеграции наук о человеке 105

Часть 2
ПСИХОЛОГИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

Глава 1. Предыстория Афганской войны 113

Глава 2. Организация, материалы и методы исследований, математико-статистический аппарат 120

2.1. Организация исследований и условия работы 120
2.2. Методы исследования и объем материала 122
2.3. Математико-статистический аппарат 123
2.4. Автоматизированные системы сбора, обработки и предварительного анализа данных психологического обследования в целях профессионального отбора и рационального распределения призывников и военнослужащих 131

Глава 3. Изучение особенностей деятельности боевых контингентов 40-й армии 141

3.1. Проблема экологических факторов 141
3.2. Психологические факторы 143
3.3. Особенности личностной динамики в процессе боевой деятельности 149
3.4. Военно-профессиональная характеристика и особенности деятельности боевых контингентов 153
3.5. Исследование профессионально важных качеств боевых контингентов 162
3.6. Социально-политическое, социально-психологическое и демографическое изучение боевых контингентов 166
3.7. Специальная подготовка и мотивация к деятельности в составе боевых контингентов 174
3.8. Психофизиологическая характеристика боевых контингентов 179
3.9. Режимы труда и отдыха и медицинское обеспечение боевой деятельности 183

Глава 4. Обоснование прогностических критериев эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации личного состава 193

4.1. Исследование детерминант эффективности боевой деятельности 193
4.2. Исследование детерминант успешности военно-профессиональной (боевой) адаптации 211
4.3. Изучение внутренней структуры прогностических критериев (математическое моделирование) 227

4.4. Изучение иерархических взаимосвязей основных прогностических критериев эффективности боевой деятельности и успешности боевой адаптации 239
4.5. Определение пороговых критериев профессионального отбора боевых контингентов 247

Глава 5. Особенности личностной динамики в процессе боевых действий и психологические проблемы уволенных в запас 253
5.1. Особенности личностной динамики под влиянием боевых действий 253
5.2. Психологические проблемы уволенных в запас из числа личного состава 40-й армии 257
5.3. Особенности состояния и поведения военнослужащих частей, прибывших из Афганистана 261

Глава 6. Окончание войны — Корея, Вьетнам и Афганистан: общее и отличия 264
6.1. Увольнение в запас 264
6.2. Итоги и аналогии Вьетнамской войны 269
6.3. Мифы об американском рае для ветеранов 271
6.4. Стратегические итоги непобедоносных войн 274

Глава 7. Участники и жертвы вооруженных конфликтов 276
7.1. Комбатанты и их правовое положение 276
7.2. Законы и обычаи войны 280
7.3. Суд для комбатантов 281
7.4. Предатели 282
7.5. Запрещенные виды оружия 283
7.6. Военная оккупация 284
7.7. Современные тенденции 286

Часть 3
ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ В ОЧАГАХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ И КАТАСТРОФ, МОДЕЛИРУЮЩИХ ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Введение 291

Глава 1. Психофизиологические реакции личного состава при воздействии ударной волны большой разрушительной силы 292

Глава 2. Особенности состояния, поведения и деятельности пораженных в очаге объемного взрыва 301
2.1. Боеприпасы объемного взрыва 301
2.2. Обстоятельства трагедии 301
2.3. Военно-прикладные психологические исследования 303
2.4. Уфимские ликвидаторы 308

Глава 3. Обобщение опыта работы в очагах стихийных бедствий и катастроф... 311

Глава 4. Чернобыльская катастрофа.. 317

4.1. История проблемы 317

4.2. Психологические исследования в зоне радиоактивного загрязнения...321

Заключение.. 331

Новые издания по дисциплине «Психология экстремальных ситуаций» и смежным дисциплинам.. 336

Contents

Foreword **10**
Introduction **12**

Part 1
METHODICAL FUNDAMENTALS FOR PSYCHOLOGICAL PROGNOSIS OF BEHAVIOUR AND ACTIONS

Chapter 1. Recruitment-selection in Russian theoretical and practical approach and abroad **19**
1.1. Theoretical basis of recruitment-selection 19
1.1.1. Problem of abilities 22
1.1.2. Role of heredity and environment in development of abilities 23

Chapter 2. Psychological approach to recruitment-selection, its beginning and development (historical and methodical analysis) **26**
2.1. Experimental psychology 26
2.2. Psychometric method 34
2.3. Differential psychology 36
2.4. Psychological tests 37
2.4.1. Typological approaches to test results 38
2.5. Modern approaches to test procedures 41
2.6. Professio-graphic research 46

Chapter 3. Practice of psychological recruitment-selection in education, industry and military forces **51**
3.1. Recruitment-selection in the USA 51
3.2. Psychological recruitment-selection in other foreign countries and their military forces 70
3.3. Economic and ideological basis of recruitment-selection 74
3.4. Recruitment-selection in Russian science and in military forces 77

Chapter 4. Actual problems in recruitment-selection of military personnel **91**
4.1. Recruitment-selection and rational distribution at the final stage of Soviet society and military forces development 91

Chapter 5. General methodical approaches to evaluation of professional adjustment in military personnel according to psycho-physiological characteristics **99**

Chapter 6. Problem of psycho-physiology at contemporary stage of integration in humanities 105

Part 2
PSYCHOLOGY OF LOCAL WARS

Chapter 1. Pre-history of Afghan War 113

Chapter 2. Organization, material and methods of research and its mathematic-statistic apparatus 120

2.1. Organization of research and working conditions 120
2.2. Methods of research and its material 122
2.3. Mathematic-statistic apparatus 123
2.4. Automatic systems of gathering, processing and preliminary analysis of psychological survey data for recruitment-selection and rational distribution of conscripts and servicemen 131

Chapter 3. Scrutinizing the specific of 40th Army combatants' actions 141

3.1. Problem of ecological factors 141
3.2. Psychological factors 143
3.3. Specific of personal dynamics in combat (direct observations) 149
3.4. Professional military characteristic and specific of combatants' actions 153
3.5. Scrutiny of combatants' professionally important qualities 162
3.6. Social-political, social-psychological and demographical scrutiny of combatants 166
3.7. Special training of combatants and their motivation 174
3.8. Psycho-physiological characteristic of combatants 179
3.9. Schedule of activity and rest and medical care for combatants 182

Chapter 4. Proving the prognostic criteria of combatants' efficiency and their adjustment to military service 193

4.1. Scrutiny of combatants' efficiency determinants 193
4.2. Scrutiny of combatants' adjustment to military service (situation of combat) determinants 211
4.3. Scrutiny of inner structure of prognostic criteria (mathematic modelling) 227
4.4. Scrutiny of hierarchical interconnections between main prognostic criteria of combatants' efficiency and adjustment to situation of combat 239
4.5. Threshold criteria for recruitment-selection of combatants 247

Chapter 5. Scrutiny of personal dynamics in combat and psychological problems of retired combatants 253

5.1. Specific of personal dynamics influenced by situation of combat 253
5.2. Psychological problems of retired 40th Army combatants 257
5.3. Specific states and behaviour of combatants after Afghan War 261

Chapter 6. The end of a war. Korea, Vietnam, Afghanistan: similarities and differences 264
6.1. Retirement 264
6.2. Results and analogues of Vietnam war 269
6.3. Myths about American “paradise for veterans” 271
6.4. Strategic results of non-victorious wars 274
Chapter 7. Participants and victims of military conflicts 276
7.1. Combatants and their rights 276
7.2. Laws and traditions of war 280
7.3. Court of law for combatants 281
7.4. Traitors 282
7.5. Non-conventional weapons 283
7.6. Military occupation 284
7.7. Contemporary tendencies 286

Part 3
SPECIFICS OF PSYCHIC CONDITION, BEHAVIOUR AND ACTIVITY OF PEOPLE IN AREAS OF NATURAL DISASTERS AND CATASTROPHES SIMILAR TO USE OF MASS DESTRUCTION WEAPONS

Introduction 291
Chapter 1. Psycho-physiological reactions of combatants struck by blast wave of significant destructive force 292
Chapter 2. Specific of condition, behaviour and activity of survivors in area of thermobaric explosion 301
2.1. Thermobaric weapons 301
2.2. Circumstances of catastrophe 301
2.3. Applied military psychological research 303
2.4. Special team in Ufa 308
Chapter 3. Summarizing experience of work in areas of natural disasters and catastrophes 311
Chapter 4. Chernobyl catastrophe 317
4.1. History of the problem 317
4.2. Psychological research in zone of radioactive pollution 321
Conclusion 331

Предисловие

Эта книга имеет длинную историю. Начало изучения и разработки методических вопросов профессиональной психодиагностики можно отнести к 1979 году, когда мне впервые пришлось заняться психологическим отбором кандидатов для обучения в авиационном училище летчиков. Затем тема профессиональной прогностики продолжилась в период службы в Военно-медицинской академии, но уже в качественно другом аспекте — в целях психологического отбора и рационального распределения всех призывных ресурсов МО СССР. Большинство методических разработок в этот период выполнялось совместно с доктором медицинских наук, профессором Б. В. Кулагиным. В 1984 году, когда Афганская война длилась уже пять лет, в соответствии с директивой Генерального штаба МО СССР начались исследования по прогнозированию эффективности боевой деятельности и боевой адаптации военнослужащих (как тогда было принято говорить — «в горно-пустынной местности»). Основные исследования по этой теме были проведены совместно с моим другом и коллегой доктором педагогических наук, профессором Е. Б. Науменко в боевых частях в Афганистане в марте мае и октябре декабре 1986 года. В публикуемой работе также нашли отражение материалы, полученные в 1988—1989 годах совместно с доктором психологических наук, профессором В. А. Корзуниным при обследовании военнослужащих частей, выведенных из Афганистана.

На заключительном этапе материалы работы были дополнены исследованиями состояния и поведения людей в очагах стихийных бедствий и катастроф, моделирующих применение оружия массового поражения, в частности — после аварии на Чернобыльской АЭС (1986), Спитакского землетрясения в Армении (1988) и объемного взрыва газа и железнодорожной катастрофы под Уфой (1989). Эти исследования проводились совместно с доктором медицинских наук, профессором С. В. Чермяниным, доктором философских наук, профессором А. П. Мухиным и кандидатом психологических наук, старшим научным сотрудником Ю. А. Барановым. Научное руководство работой по изучению состояния и поведения людей, постоянно проживающих на территории радиоактивного загрязнения, именовавшегося «Чернобыльским следом» (1986—1989), осуществлялось совместно с доктором медицинских наук, профессором А. А. Новицким (активное участие в проведении этих исследований принимала кандидат психологических наук

Н. А. Муханова). В связи с тем что для многих специалистов описываемые события — это уже далекое прошлое, к каждому из них дается краткая историческая справка.

В период проведения этих исследований у нас практически не было никаких надежд, что их результаты когда-либо выйдут в свет. Все полученные данные получали гриф «Секретно» или «Совершенно секретно». С тех пор прошло много лет, и многое изменилось — и в науке, и в технике, и в обществе, и в армии, и в психологической науке. Возможно, кому-то покажется, что эти материалы устарели. Но думаю, что они не утратили своей актуальности, ибо то, что одними не было сказано, другим не дано услышать. А не сказано было много.

Книга написана сухим языком научного отчета и, в силу этого, ориентирована на узкий круг специалистов. Наши исследовательские возможности в тот период были весьма ограничены, а методы — предельно просты, если не сказать — примитивны, что обусловливалось условиями их применения. Тем читателям, которых мало интересует методология психодиагностики, сразу рекомендую пропустить первые главы книги. Тем, кто обнаружит в ней факты, «порочащие советскую армию», в чем меня неоднократно обвиняли в конце 1980-х, со всей искренностью должен сказать, что всегда любил и люблю свою армию, с которой был связан более 25 лет. И именно поэтому, даже рискуя многим, пытался, как мог, вскрыть недостатки в ее подготовке, комплектовании и обеспечении.

Подготовка этого текста к публикации далась мне с большим трудом. Диссертационное исследование и книга — это разные формы изложения материала. Кроме того, мой профессиональный язык с тех пор сильно изменился, впрочем, как и язык всей современной психологической науки. Не скрою, что была идея переписать и «осовременить» основное содержание, но в конечном итоге она была отброшена как непродуктивная — каждая историческая эпоха должна говорить своим языком.

Читатель не найдет в этой книге подробного описания посттравматической психопатологии и специфики боевых неврозов, которым была посвящена одна из моих предыдущих монографий.

В заключение предисловия считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность своим коллегам — доктору медицинских наук, профессору В. А. Бодрову и члену-корреспонденту РАН А. Л. Журавлеву, которые во многом способствовали появлению этой книги и сняли гриф «Совершенно секретно» с моей докторской диссертации.

Проф. М. Решетников 1986—2011
Ленинград — Кабул — Санкт-Петербург[1]

---

[1] См.: *Решетников М. М.* Психическая травма. СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006.

Введение

Во второй половине 80-х годов XX века, на фоне продолжающейся Афганской войны (1979—1989), усилилось внимание к боеспособности войск, и была вновь поставлена почти позабытая проблема человеческого фактора[1], обозначенная как «оптимизация использования мобилизационных ресурсов страны». Техническое переоснащение армии и флота, внедрение новых образцов вооружения и техники, а также предпринимаемое сокращение количественного состава Вооруженных сил СССР с неизбежностью ставили задачу качественных характеристик рядового и офицерского состава. Для ее решения был существенно расширен объем военно-профессиональной экспертизы кандидатов для подготовки в военно-учебных заведениях и призывных контингентов, и в дополнение к существующим видам отбора военнослужащих (медицинского и образовательного) приказами МО СССР № 250-1984, № 162-1986, № 280-1987 и № 90-1989 [40, 41, 42, 43] был введен профессиональный психологический отбор.

В соответствии с поставленными задачами профессиональный психологический отбор определялся как комплекс мероприятий, направленных на определение личностных особенностей и психофизиологических свойств, позволяющих прогнозировать успешность обучения и последующей деятельности призывников и военнослужащих по конкретным группам сходных военных специальностей, как в мирное, так и в военное время [34]. В предшествующие десятилетия, начиная с 20-х годов XX века, этой проблеме были посвящены сотни работ, внесших существенный вклад в развитие проблемы и обозначивших ряд новых ее аспектов [4, 6, 9, 10, 27, 28, 30, 45, 66, 67, 77, 105 109, 119, 171—173, 201, 217, 218, 256, 304—314, 248—251 и др.]. Однако, несмотря на значительные наработки в области профессиональной психологической экспертизы способностей к той или иной деятельности, до середины 1980-х их направленность в нашей стране была связана преимущественно с прогнозированием успешности деятельности различных категорий специалистов в условиях мирного времени, а применительно к воинской практике — успешности обучения или учебно-боевой подготовки военнослужащих. В то же время опыт мировой науки показывал, что прогноз успешности обучения не эквивалентен прогнозу эффективности реальной деятельности, а прогноз

[1] История повторяется, и читатель найдет в этой книге еще много аналогий с современной действительностью.

успешности деятельности в обычных условиях (или в «режиме обслуживания») не идентичен прогнозу последней в экстремальных условиях [308], что ограничивало возможности прямой экстраполяции опыта профессиональной психодиагностики мирного времени на боевые контингенты.

Какие-либо систематические исследования, посвященные прогнозированию эффективности боевой деятельности и успешности боевой адаптации военнослужащих по психологическим показателям в условиях современной локальной и ядерной войны, в отечественной науке ранее не проводились. Существовали лишь отдельные разработки времен Первой и Второй мировых войн, преимущественно гуманитарного содержания. Доступные зарубежные источники по этой проблеме были немногочисленны, и в силу особенностей теоретических и методологических подходов их авторов [77, 436, 441, 451, 452, 453, 457, 483, 485, 511 и др.], а также специфики комплектования вооруженных сил в других странах, нуждались в критической переоценке и адаптации к наличной ситуации в стране.

Практической предпосылкой появления этой работы явились собственные наблюдения автора, выполненные в боевой обстановке в 1986 году. Эти наблюдения показали, что от 10 до 30% военнослужащих из состава советских войск в Республике Афганистан, в связи с недостаточным уровнем развития боевых качеств и негативными особенностями течения адаптационного периода, вообще не привлекались к вооруженной борьбе, что существенно сказывалось на боеспособности и морально-психологическом климате подразделений. Эти данные определили актуальность и военно-профессиональную значимость разрабатываемой проблемы, одобренной ученым советом Военно-медицинской академии, где эта работа выполнялась. После завершения работы и представления ее в качестве докторской диссертации в Институт психологии Российской академии наук, она получила гриф «Совершенно секретно», который был снят только в 2008 году.

Цель исследования состояла в повышении боеготовности и боеспособности личного состава Вооруженных сил путем разработки и обоснования общеметодических подходов и основных принципов прогнозирования эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации военнослужащих по психологическим показателям, а также в определении методов, критериев, организации и этапности психологического отбора кандидатов для укомплектования учебных и учебно-боевых частей и центров по подготовке контингентов специального назначения.

В соответствии с поставленными целями исследования включали следующие задачи.

1. Обобщение общеметодических вопросов и теоретического состояния проблемы профессионального психологического отбора.

2. Определение перечня профессионально важных качеств военнослужащих, участвующих в реальных боевых действиях.

3. Установление индивидуальных особенностей психических и физиологических функций, обеспечивающих оптимальную эффективность боевой деятельности и успешность военно-профессиональной адаптации.

4. Обоснование методических подходов, методов и критериев профессионального психологического отбора боевых контингентов, а также разработку принципов экономически доступной и технически надежной автоматизированной системы для проведения массовых обследований призывников и военнослужащих, реализуемой на базе серийных ЭВМ отечественного производства.

В предлагаемом для публикации тексте последовательно излагаются: анализ развития и состояния проблемы психодиагностики профессиональных способностей в отечественной и зарубежной науке и практике комплектования воинских подразделений, определяются актуальные вопросы военно-профессионального отбора; рассматриваются методические подходы к изучению личностных качеств и физиологических свойств индивида, проводится развернутая характеристика материалов и методов исследования, обобщаются результаты профессиографии военнослужащих учебно-боевых частей и боевых контингентов; исследуются общие закономерности социально-психологической и физиологической адаптации военнослужащих, раскрываются взаимосвязи психологических и физиологических показателей, проводится анализ интеграции разноуровневых функциональных систем в единый комплекс адаптивного реагирования, обосновывается разработанный при участи автора математико-статистический аппарат, приводится описание автоматизированной системы профессионального психологического отбора, реализуемой на основе оптических считывающих устройств и базовых или персональных ЭВМ. Несмотря на то что эти исследования проводились почти 25 лет назад и, в целом, представляют, скорее, исторический интерес, по оценкам моих уважаемых рецензентов, они не утратили своей актуальности и значимости. Аналогичную точку зрения выразил и мой английский коллега сэр Родрик Брейтвейт, чья книга об Афганской войне вышла практически одновременно с первым изданием моей.

Несмотря на многочисленные войны, которые велись Россией и Советским Союзом, систематическое изучение проблемы прогнозирования боевых качеств военнослужащих фактически проводилось впервые. В процессе этих исследований были разработаны предложения по методическому обеспечению, организации и этапности осуществления профессионального психологического отбора боевых контингентов, реализованные в ряде официальных документов МО СССР [29, 34, 35—38, 51], а также установлена практическая эффективность разработанных методов. Был проведен критический анализ наличного состояния проблемы профессиональной психодиагностики и определены перспективные направления ее развития. Были также установлены наиболее общие закономерности личностной и группо-

вой динамики в процессе интенсивной боевой деятельности в условиях локальной войны, а также исследованы модели поведения людей в очагах применения оружия массового поражения.

В дополнение к коллегам, упомянутым в предисловии, автор считает своим долгом выразить самую искреннюю благодарность всем, у кого и на чьих работах он учился, особенно: академику РАМН В. И. Медведеву, профессорам А. А. Боченкову, В. А. Егорову, Ю. М. Забродину, И. Д. Кудрину, В. С. Лобзину, В. А. Пухову и Б. Л. Покровскому, а также своему коллеге и другу профессору С. В. Чермянину — за конструктивную помощь и дружескую поддержку на всех этапах сбора материала, подготовки и выполнения этой работы.

При подготовке окончательной редакции этого текста мной были несколько расширены и дополнены разделы, которые требовали актуализации с учетом современного состояния проблемы.

Выражая благодарность всем своим рецензентам, хотел бы подчеркнуть особую роль в появлении этой книги моих друзей — непосредственных участников Афганской войны Александра Михайлова и Андрея Горшечникова, а также председателя межрегиональной общественной организации «Афганвет» Саида Тулакова, чья приверженность боевому братству и дружеская поддержка ко многому обязывали и не раз помогали мне в трудных жизненных ситуациях.

Я также хочу поблагодарить мою жену Ирину Решетникову за заботу и терпение, которые сопровождали меня на протяжении всех последних лет, когда завершалась эта книга.

На заключительном этапе значительную помощь в подготовке рукописи к печати оказала мой бессменный издатель и добрый советчик Марина Красноперова.

Часть 1
МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОСТОЯНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

Глава 1
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОТБОР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

1.1. Теоретические основы профессионального отбора

Профессиональный психологический отбор для отечественной науки не является новой проблемой, скорее — несколько забытой и, по известным обстоятельствам, «отложенной на неопределенный срок». Возобновление исследований в этой области после почти 40-летнего перерыва относится к началу 1960-х годов[1]. О причинах и последствиях этого еще будет сказано в соответствующих разделах книги. Здесь же следует отметить лишь одно до 1980-х годов в отечественной литературе имелись весьма немногочисленные источники, в которых бы систематически и последовательно излагались вопросы возникновения и развития профессионального психологического отбора в его общественно-историческом аспекте, что нередко затрудняло понимание существа проблемы и приводило некоторых исследователей к методологическим ошибкам, частью — новым, а иногда повторяющим прошлые. Поэтому первый раздел посвящается краткому историко-методологическому анализу проблемы и понятийному аппарату.

Проблема профессионального отбора и подготовки квалифицированных кадров для промышленности и армии уже почти на протяжении столетия составляет неотъемлемую часть экономической политики в большинстве передовых стран мира. В первую очередь это диктуется объективной необходимостью повышения эффективности и надежности использования дорогостоящего оборудования и энергоемкой тех-

[1] Сейчас ситуация повторяется — в 2010 году Президентом страны вновь поставлена задача психологического отбора сотрудников силовых структур, которая была не просто решена, а реализована на практике еще к началу 1990-х годов. Первое в XXI веке организационное совещание по этой проблеме новых руководителей психологических служб силовых ведомств (МВД РФ, МОРФ, МЧС РФ, Погранвойск РФ, Таможенного комитета РФ, ФСБ РФ и др.) под председательством члена-корреспондента РАО профессора Ю. П. Зинченко и к. и. н. Ю. С. Шойгу состоялось в МГУ 15.02.2011.

ники, дальнейшего роста производительности труда и рациональной расстановки кадров, повышения боеготовности и боеспособности вооруженных сил, снижения уровня профессиональной патологии, травматизма и аварийности. Применительно к началу XXI века следовало бы добавить такие факторы, как снижение демографического потенциала страны и появление качественно новой проблемы, которая была обозначена мной как отбор и психологическое сопровождение «субъектов высоких технологий», от малейших ошибок которых или несвоевременно выявленной у них склонности к психопатологии могут зависеть судьбы и жизни миллионов людей.

Сущность профессионального отбора состоит в определении степени пригодности кандидатов к обучению и последующей деятельности по конкретной специальности на основании научно обоснованных норм и критериев для оценки состояния здоровья, физического развития, уровня образования, психологических, физиологических и социально-психологических свойств личности, рассматриваемых как ее профессионально важные качества (ПВК). Таким образом, в структуре профессионального отбора выделяется несколько составных частей: психологический (иногда объединяемый с социальным), образовательный, медицинский (традиционно включающий некоторые психофизиологические аспекты) и спортивный виды отбора, каждый из которых имеет свою регламентацию, отличается спецификой целей и задач, особенностями методологии и методов исследования, а также содержанием итогового заключения (табл. 1.1).

С учетом целей и задач исследования содержание первой главы будет посвящено преимущественно профессиональному психологическому отбору, а также некоторым пограничным проблемам прогнозирования успешности деятельности по психологическим и физиологическим показателям.

Таблица 1.1

Общая структура мероприятий, особенности и регламентация отдельных видов профессионального отбора военнослужащих в СССР

Отличительные особенности	Основные виды профессионального отбора военнослужащих				
	Социально-политический	Медицинский	Образовательный	Спортивный	Психологический
Регламентация	Приказ МО СССР № 90-1989, директивы ГПУ СА и ВМФ СССР	Приказ МО СССР № 260-1987	Приказ МО СССР № 90-1989	Приказ МО СССР № 90-1989, наставление по физической подготовке и спорту МО СССР (1987)	Приказы МО СССР № 90-1989, № 162-1986, № 280-1987

Отличительные особенности	Основные виды профессионального отбора военнослужащих				
	Социально-политический	**Медицинский**	**Образовательный**	**Спортивный**	**Психологический**
Цель	Отбор по морально-политическим качествам	Отбор по состоянию здоровья	Отбор по уровню образования	Отбор по физическим данным	Рациональное распределение по способностям
Задачи	Изучение социально-политических качеств	Выявление соматической и психиатрической патологии	Оценка уровня общеобразовательной и специальной подготовки	Оценка общего физического развития, силы и выносливости	Определение способности и склонности к деятельности по конкретным специальностям
Методический подход	Социально-политический	Клинический	Педагогический	Спортивно-педагогический	Психологический
Методологический базис	Офици альная идеология	Концепция нормы и патологии	Требования общеобразовательной программы	Возрастные нормативы физических данных	Теория способностей
Методы исследования	Изучение характеристик, семейного фона и собеседование	Врачебный осмотр, клинические и функциональные пробы	Устный и письменный опрос, изучение документов	Испытания силовых качеств и выносливости	Тесты для исследования общих и специальных способностей
Содержание итогового заключения	Общая оценка социально-политических качеств	Клинический диагноз, заключение о противопоказаниях и годности к службе	Качественная или количественная оценка уровня знаний и квалификации	Количественная оценка уровня физического развития и подготовленности	Группа пригодности к обучению и (или) деятельности по конкретным группам сходных специальностей

1.1.1. Проблема способностей

Теоретической основой профессионального психологического отбора являются действующие в современной науке концепции о соотношении врожденных и приобретенных свойств личности, которые участвуют в формировании способностей и обусловливают индивидуальные отличия. Традиционно принято разделять общие и специальные способности. Общие способности определяются как сочетание достаточно устойчивых, хотя и изменяющихся под влиянием тренировки, обучения и воспитания индивидуально-психологических особенностей личности, составляющих необходимое условие успешного выполнения многих видов деятельности [141, 303, 308]. При этом подразумевается, что успешность освоения или выполнения этих видов деятельности определяется лишь уровнем развития общих способностей, обученностью и мотивацией личности к тому или иному конкретному виду труда.

В отдельную категорию выделяются специальные способности, под которыми понимаются психологические особенности индивида, позволяющие прогнозировать особо благоприятное освоение какого-либо вида специфической деятельности. Как правило, специальные способности определяются соответствующими задатками (например, абсолютный слух, вокальные данные) и индивидуальной одаренностью. Различают специальные музыкальные, литературные, математические, художественные и т.п. способности. При этом задатки обычно связываются с врожденными анатомо-физиологическими особенностями строения или функционирования нервной системы, органов чувств или, например, голосового аппарата, а одаренность определяется как качественно своеобразное сочетание различных способностей или качественно иной (многократно превосходящей среднепопуляционные значения) уровень развития общих способностей. Таким образом, приведенное деление способностей на общие и специальные отчасти условно.

Единой или общепринятой классификации способностей до настоящего времени не разработано. В традиционном определении понятия способности, которое не всегда удовлетворяет специалистов по профессиональному отбору, обычно подразумевается, что речь идет только об индивидуальных отличиях, имеющих психологическую природу и широко варьирующих в человеческой популяции. Например, все люди способны к прямохождению и речевому общению. Однако как способности эти функции квалифицироваться не могут, так как первая не относится к психологическим, а вторая является всеобщей. В то же время, развивая приведенный пример — ораторское искусство, в силу широкого диапазона вариативности в популяции, бесспорно, относится к категории способностей.

Наиболее часто понятие способности применяется для характеристики уровня развития и индивидуального своеобразия интеллек-

туальных функций, хотя в настоящее время вполне обоснованное распространение получили термины «спортивные способности», «операторские способности», «адаптивные способности» [145, 148, 242, 243, 248 и др.], как правило, объединяющие несколько разноуровневых характеристик личности.

1.1.2. Роль наследственности и среды в формировании способностей

Одним из наиболее сложных и одновременно методически важных является вопрос о соотношении биологических (врожденных, генетически заданных) и социальных (приобретенных) детерминант способностей [134, 400]. На протяжении уже почти вековой истории психодиагностики этот вопрос нередко решался с диаметрально противоположных точек зрения, о чем еще будет сказано ниже.

Наиболее часто в качестве доказательства генетических детерминант способностей приводятся данные об их раннем проявлении у выдающихся личностей, а также — закономерном повторении определенных способностей в нескольких поколениях. Например, появление музыкальных способностей у Моцарта обнаружилось в 3 года, Рафаэль проявил себя как художник в 8 лет, Ч. Чаплин впервые вышел на сцену в 5 лет. Известны целые династии выдающихся людей: композиторов Бахов, физиков Кюри, математиков Ковалевских, биологов Вавиловых и Дарвинов и многих других. Однако приведенные закономерности не всегда сочетаются и не являются абсолютными. Так, А. Эйнштейн в детстве развивался довольно медленно, поздно начал говорить и лишь в 9 лет пошел в подготовительную школу, что не помешало ему стать одним из выдающихся ученых современности.

Иногда высказывается мнение о специфичности (или однозначной предопределенности) способностей, что, казалось бы, подтверждают упомянутые выше профессиональные династии. Однако гораздо больше данных, свидетельствующих о «поливалентности» способностей, в частности — разносторонность проявляемых одновременно дарований у многих выдающихся личностей (например, у Леонардо да Винчи, у М. В. Ломоносова и др.), а также случаи существенных различий в областях проявления выдающихся способностей во многих творческих династиях. Например, в генеалогии семьи немецкого биохимика, академика Г. Кребса насчитывается 17 нобелевских лауреатов, получивших это высокое звание за научные достижения в самых различных областях знаний [208]. Братьями выдающегося русского врача С. П. Боткина были не менее известные в свое время художник М. П. Боткин и литератор В. П. Боткин.

В пользу социальных детерминант способностей (воспитание, обучение, тренировка) говорит то, что интеллектуальное развитие детей существенно зависит от образовательного уровня родителей, основного места жительства (городские дети в абсолютном большинстве случаев более развиты), культурной среды и ценностных ориентаций

ближайшего социального окружения (например, на материальные или духовные ценности), а также ряда других факторов [67, 75, 104, 114, 227, 255], которые подчас трудно однозначно разделить на биологически обусловленные или приобретенные.

Обращаясь еще раз к личности Альберта Эйнштейна, можно отметить, что, получив воспитание в профессорской семье, он в школьные годы (несмотря на некоторую задержку развития в раннем детстве) обнаружил удивительную тягу к знаниям, целеустремленность и поразительное трудолюбие. Однако природа его высокой познавательной активности (врожденная или приобретенная) от такого уточнения яснее не становится. Подобных фактов можно было бы привести огромное множество, но они, как уже отмечалось, не позволяют строго дифференцировать влияние наследственности или среды. Совершенно определенно можно констатировать лишь следующее: при ярко выраженных способностях родителей с гораздо большей вероятностью создаются благоприятные, а нередко и уникальные условия для развития соответствующих задатков у детей [141], что обычно определяется как специфически социальное наследование. Хотя в глубоком смысле все личностные функции принадлежат к социально наследуемым, формирующимся в процессе усвоения общественного опыта поколений (в отличие от индивидных функций, характеризующих человека как представителя вида Homo sapiens и отличающих его от других представителей отряда приматов, например, обезьян). Это положение наиболее демонстративно подтверждается невольными «опытами воспитания» человеческих детенышей в животных сообществах, когда ни одна из сугубо человеческих функций, включая сознание, мышление и речь, а порой и прямохождение, — не развивались.

Полемизируя со сторонниками концепции, определяющей умственное развитие как категорию относительно независимую от обучения и подчиняющуюся только «строгой возрастной динамике», А. Р. Лурия отмечал: «Ни один ребенок не развивается в изоляции, и никакая робинзонада не может заменить реальной истории развития ребенка. Психическая деятельность ребенка формируется под влиянием окружающих его вещей (автор, бесспорно, имел в виду и людей. — *М. Р.*), каждая из которых представляет материализованную историю духовной жизни сотен поколений» [240, с. 51].

Следует подчеркнуть, что понятие «специфически социального наследования», введенное П. П. Блонским [104] и С. Л. Рубинштейном [358—360], гораздо шире его обыденного содержания, ибо уникальность «благоприятных условий» связана не только с бесспорно важными для развития личности материальными и духовными благами, но обусловливается еще целым рядом специфических факторов, реализующихся на эмоциональном и бессознательном уровнях, возможно, вплоть до сугубо физиологических компонентов «общения», которые также относятся к вариантам межличностного взаимодействия

и информационного обмена, механизмы и биологическое значение которых пока во многом гипотетичны.

Несмотря на продолжающиеся попытки «взвесить» доли биологического и социального в детерминации способностей человека, по нашему мнению, более продуктивным является подход, ориентированный на исследование не их соотношения, а их взаимодействия.

Глава 2
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА (ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

2.1. Экспериментальная психология

В середине XIX века индустриализация производства предъявила повышенные требования к квалификации и общему уровню образования рабочих, поэтому в передовых странах того времени (Германии и Англии) вводится всеобщее начальное обучение. Это, в свою очередь, выдвинуло проблемы неуспеваемости, второгодничества и низкой способности к обучению в целом, за решение которых взялась экспериментальная психология [176, 434].

Общепризнанным основоположником этого направления считается немецкий врач В. Вундт (1832—1920), в 1879 году организовавший в Лейпциге первую экспериментально-психологическую лабораторию и вслед за Г. Фехнером и Г. Эббингаузом внедрявший объективные методы в психологию (в отличие от господствовавшего ранее и совершенно несправедливо позднее полностью отвергнутого академической психологией интроспективного подхода к исследованию психических процессов). В. Вундт считал [130], что высшие психические функции, которые составляют сущность личности, недоступны экспериментальному исследованию, поэтому главное направление его работ было связано с изучением сенсомоторных («зрительно-моторных») реакций. При этом в лаборатории В. Вундта впервые была установлена высокая вариативность этой функции у различных людей.

В конце XIX века основное внимание немецких психологов и врачей сосредоточилось на изучении проблемы умственно отсталых. Поскольку дети даже с умеренными формами умственной отсталости не справлялись с программой народных школ, они отчислялись и, оказываясь предоставленными улице (вернее, рабочим трущобам), нередко пополняли ряды асоциальных и преступных элементов.

В связи с этим выявление слабоумных и оказание им психологической помощи в экономически и политически развитых странах начинает рассматриваться не только как проявление гуманности, но и как социальная необходимость, как способ предотвращения исходящей от них опасности [176].

Нужно отметить, что, хотя общественная опасность, связанная со слабоумием, и не является мифом, в середине и особенно в конце XIX века она существенно преувеличивалась, а в отдельных странах буквально переходила в панику. Этому, с одной стороны, способствовали труды многих известных исследователей [70, 157], а с другой — более значительное, нежели в последующий технократический период, внимание широкой общественности к гуманитарным, психологическим и социально-психологическим проблемам социума. На какой-то период огромную популярность приобрела идея «вырождения» наций, в которой обосновывалось, что поскольку «низшие классы» в большинстве случаев оставляют больше потомства, все нации обречены на деградацию. В последующем эта идея оценивалась как «малообоснованное преувеличение». В то же время в основе этих преувеличений лежали вполне достоверные научные наблюдения. В качестве примера можно привести результаты исследований немецкого врача Л. Клаусенера, проследившего судьбу потомства одной слабоумной нищенки на протяжении почти 150 лет. За это время в трех ее последующих поколениях насчитывалось 834 потомка, из которых было подробно изучено 709. Результаты действительно были удручающими: 100 человек родились от внебрачных связей, 181 занимались проституцией, 142 — нищенствовали, 46 — содержались за счет общин, 76 оказались уголовниками, на счету которых были сотни преступлений, в том числе 7 убийств. Бесспорно, что описанный случай связан с отягчающим взаимопотенцированием наследственных и социальных факторов, комплексное изучение которых в практике профессиональной психодиагностики длительное время игнорировалось. Во многом этот недостаток является характерным и для нынешнего состояния проблемы, особенно — для современной психодиагностической практики, где реализуются все более «изящные» (но оторванные от реальной личности и истории ее развития) компьютерные технологии.

Здесь уместно отметить, что если в России, Англии, Германии и Франции проблема умственной отсталости в начале XX века решалась преимущественно путем создания (на добровольные пожертвования граждан) благотворительных учреждений общественного призрения, то в США, в соответствии с сомнительной гуманности законодательным актом только за 1907—1936 годы были подвергнуты принудительной стерилизации около 20 тыс. проституток, умственно отсталых и заключенных. В России первое «Общество призрения калек несовершеннолетнего возраста и идиотов» под покровительством великой кня-

гини Марии Павловны (отсюда — Мариинский приют) было основано в Петербурге в 1892 году [147][1].

Если в немецкой психологии конца XIX века одним из основных объектов исследований являлась умственная отсталость, то в Англии столь же успешно развивалась проблема одаренности, наиболее существенный вклад в которую внес двоюродный брат Ч. Дарвина антрополог и психолог Ф. Гальтон. Именно Гальтоном в экспериментальную психологию впервые внедряются статистические процедуры, антропометрические замеры, близнецовый метод исследования способностей, разрабатываются различные тесты. Им же предложен и сам термин «test» (англ. — проба, испытание). Кроме того, Гальтоном были впервые разработаны: метод дактилоскопии в криминалистике, метод корреляционного анализа и сделано множество других открытий.

Главный и затем многократно подтвержденный экспериментальным путем вывод Гальтона состоял в следующем: психические свойства человека наследуются в той же мере, в коей наследуются свойства физические. При этом наследственными являются не только способности и талант, но и другие психические и соматические характеристики: предрасположенность к пьянству, бродяжничеству, воровству, туберкулезу, болезням сердца и долголетию, а также к моральному поведению.

Исследовав родословные около 400 знаменитых личностей всех доступных периодов истории, в наиболее известной своей работе «Наследственность таланта» (1869) Ф. Гальтон писал: «Я совершенно не допускаю гипотезы, которая утверждает, будто все родятся на свет почти одинаковыми и что единственными факторами, создающими различия между тем и другим мальчиком и тем и другим взрослым человеком, являются прилежание и нравственные усилия над собой... Существует известная граница для каждого человека, и через эту границу никакое воспитание и никакое упражнение не помогут ему переступить» [137, с. 15]. Подробное изучение генеалогии самых выдающихся современников также показало, что более 50% из них имели не менее знаменитых предков[2].

---

[1] По свидетельству современников, великая княгиня вложила в фонд приюта практически все свое состояние, но для содержания учреждения на проценты от вклада (подобно Нобелевскому фонду) недоставало 10 000 золотых рублей. В связи с этим Мария Павловна обратилась через газету к состоятельным гражданам с просьбой оказать материальную помощь. На следующий день требуемая сумма была внесена в банк благотворителем, пожелавшим остаться неизвестным.

[2] В последующем Гальтон, как основатель евгеники (идеи улучшения «породы» людей путем скрещивания «элитных ветвей»), во многих странах стал автором недостойным упоминания. Однако через столетие после Гальтона появились банки спермы нобелевских лауреатов и других выдающихся личностей, к которым все чаще обращаются в целях получения более успешного, более прогнозируемого и более здорового потомства.

Гальтону также принадлежит ряд весьма оригинальных наблюдений и выводов, которые, хотя и не лишены элементов дидактики, имеют не только общепознавательное значение. Приведем еще несколько цитат из его книги «Наследственность таланта». Близким к современным идеям о здоровой соревновательности в обществе является взгляд английского исследователя прошлого века на социальные проблемы. «Я смотрю на общественную и профессиональную жизнь, — писал он, — как на непрерывный экзамен. Все выступают кандидатами на хорошее мнение своих ближних и на успехи в своей профессии». Интересно и другое наблюдение автора: «Люди, оставившие после себя наиболее славные имена, большей частью обязаны своей славой таким трудам, которые не имели ничего общего с их официальной профессией». В качестве примера можно вспомнить монаха Менделя, русских врачей В. Даля, А. П. Чехова, чилийского коллегу последних — С. Альенде. Говоря о природной даровитости, Гальтон отмечал, что «при этом не только способность должна быть соединена с энергией, но кроме того необходимо, чтобы с ними была связана выносливость в труде, т.е. способность совершать трудную работу в течение продолжительного времени» [137, с. 7, 9, 37]. В последней цитате, вне сомнения, присутствует как физиологический, так и психологический взгляд на проблему, хотя физическая и умственная работоспособность относятся к разным системам регуляции, соответственно организма и личности. Последующие исследования проблемы способностей во многом подтвердили ряд эмпирических выводов Гальтона, и к некоторым из них мы еще вернемся (тем более что они были не только основательно забыты, но даже необоснованно вычеркнуты из истории психологии советского периода).

Но прежде, чем идти далее, приведем еще один из выводов Гальтона, который представляется чрезвычайно важным. Он обосновывал, что люди выдающейся даровитости по отношению к обычному среднему человеку стоят настолько же высоко, насколько идиоты стоят ниже последнего. Расстояние между талантами и гениями, которых за всю историю человечества было не более ста, еще больше. Характерно (и даже печально), что таланты и гении редко проявляют мотивацию к управленческой и политической деятельности. В большинстве случаев, это — яркие индивидуальности, не склонные к конформизму и сотрудничеству, хорошо сознающие дистанцию, отделяющую их от других людей, и даже от достаточно широкой группы, которая ситуационно именуется интеллектуальной элитой общества или конкретного исторического периода. Но именно ими делаются эпохальные открытия и изобретения, создаются новые технологии и шедевры мирового искусства. Эта особая роль и особый статус одаренных людей в отечественной истории XX века многократно пересматривались, и естественно — не идиотами, а обычными средними

людьми[1]. Отчасти этот процесс все еще продолжается, иначе невозможно объяснить: почему сенсомоторные качества футболистов или примитивные откровения современных шоуменов оцениваются в миллионы раз дороже самых светлых умов ученых?

Для сохранения исторической объективности и последовательности в изложении сущности психометрического метода следует отметить, что в своих исследованиях Ф. Гальтон опирался на работы одного из основателей современной статистики — социолога и математика А. Кетле, который, исходя из теории вероятностей, обосновал подчиненность поведения людей и распределения ряда социальных феноменов в целом некоторым общим закономерностям [194—196]. С высот современного знания легко упрекнуть Кетле в метафизичности, однако для того времени его работы были, бесспорно, выдающимся достижением, во многом не утратившим своей актуальности.

Кетле, в частности, была высказана гипотеза, что если средняя величина при исследовании психических или поведенческих феноменов (в том числе, например, количество ежегодных самоубийств и их распределение по месяцам года) остается постоянной, то за ней должна стоять объективная реальность, сопоставимая с физической, и, следовательно, имеется возможность вероятностного прогнозирования явлений психической и социальной жизни на основе статистических законов[2]. Еще более важным для понимани основ психодиагностики является следующий вывод Кетле: объектом изучения в психологии и социологии должен быть не отдельный человек, а большие массы людей («репрезентативные выборки»), а основным методом изучения — не те или иные замеры, а вариационная статистика. Этим же исследователем было установлено, что чем больше отклонение тех или иных (физических, физиологических или психологических) показателей от средней («популяционной») величины, тем оно встречается реже, причем распределению (иди частоте) тех или иных отклонений можно дать относительно строгое математическое выражение. На этом положении основаны все современные шкалы измерений в психологии, среди которых в отечественной (военно-прикладной) психологической практике наиболее широкое распространение получила 10-балльная шкала нормального распределения (рис. 2.1) или шкала стэнов.

---

[1] Более подробно об этом см. в кн.: *Решетников М. М.* Психическое расстройство. Лекции. СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. Лекция 4-я: «Метод негативного поощрения в науке». С. 128—149.

[2] Можно дополнить эту гипотезу следующим положением: если средняя величина становится нестабильной или обнаруживает некую однонаправленную динамику, например, рост или снижение уровня образования, культуры, морали и нравственности, социальной напряженности или преступности, или даже техногенных катастроф (в основе которых лежит человеческий фактор), по этим изменения можно прогнозировать векторность и выраженность этих социальных феноменологий как минимум в среднесрочной перспективе (на 5—10 лет).

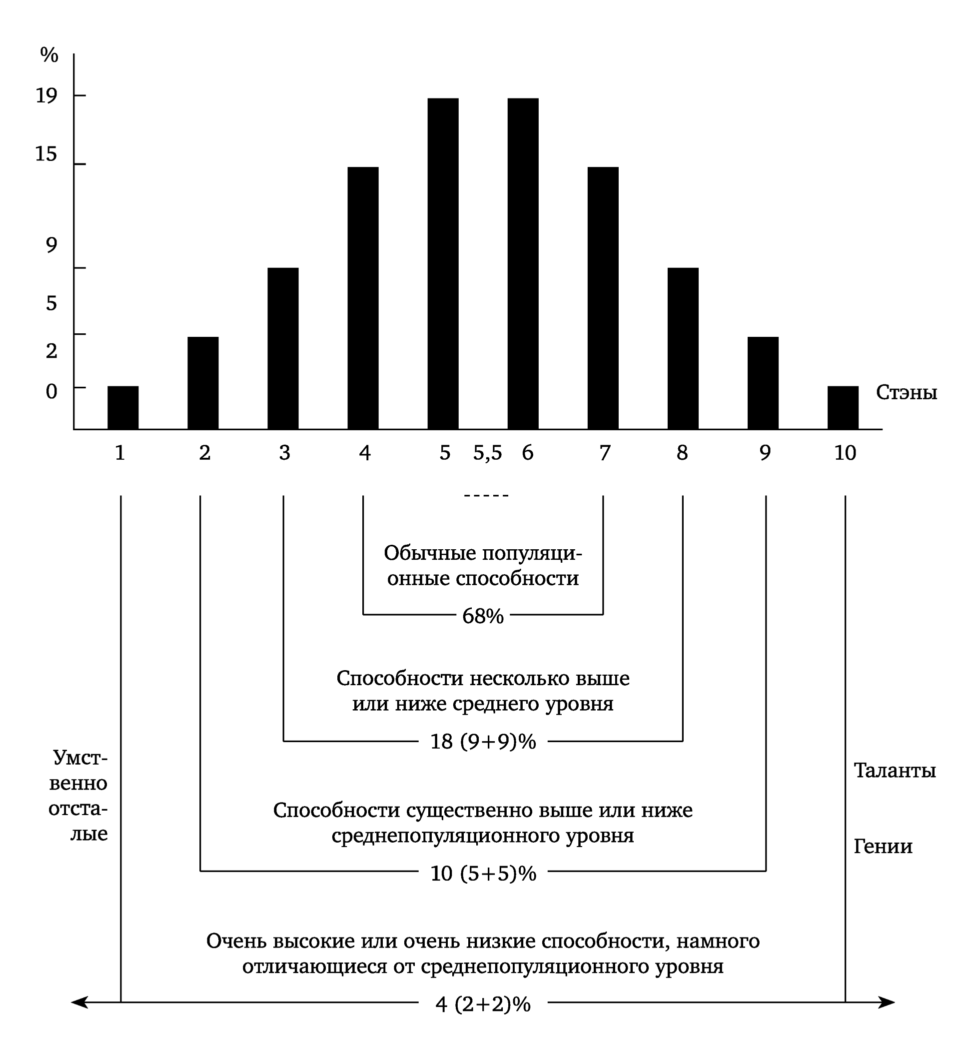

Рис. 2.1. **Графическое изображение и содержательная интерпретация 10-балльной шкалы нормального распределения (стонов) применительно к проблеме способностей (как умственных, так и физических)**

В целом правильно определяя роль наследственности в детерминации способностей, экспериментальная психология конца XIX — начала XX века существенно преувеличивала ее значение, отводя ей более 90%. Современные специальные исследования, проведенные в 1980-х годах в различных странах на многотысячных выборках моно- и дизиготных близнецов, воспитывавшихся с рождения совместно и раздельно, биологическими или приемными родителями, показывают, что вклад генотипа в межиндивидуальную изменчивость, например, интеллектуальных способностей составляет около 70%, а корреляции интеллекта приемных детей с интеллектом усыновивших их с рождения родителей оказались равными около 0,2 для матерей и менее 0,1

для отцов. В принципе эти данные отражают реальное соотношение и роль длительности и интенсивности социальных контактов ребенка (в период раннего развития, когда закладываются основы личности) с родителями того и другого пола. В то же время — аналогичные показатели в контрольной группе биологических родителей и детей (независимо от длительности и интенсивности их социальных контактов) составляли около 0,5 для обоих родителей. В этих же исследованиях было установлено, что внутрипарное сходство по интеллектуальным тестам даже для разлученных с рождения близнецов варьируется от 0,5 до 0,7, а для совместно живущих достигает 0,9 и даже 0,99 [134, 330, 416].

Учитывая, что в отечественной науке и социальной практике достаточно долго постулировалась (якобы — «вытекающая» из марксизма) идея врожденного равенства способностей всех людей, что ориентировало практическую педагогику и психологию только на проблемы обучения и воспитания, уместно обратиться кработе В. И. Ульянова (Ленина) «Либеральный профессор о равенстве», в которой, остро полемизируя по вопросу вульгарного понимания идеи равенства, он писал: «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство способностей и одинаковость физических и душевных способностей людей. Само собой разумеется, что в этом смысле люди не равны» [62, с. 361—362]. Таким образом, даже коммунистическая идея равенства предполагала равенство всех перед законом и обществом, и одновременно, по выражению К. Маркса, признавала «неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями» [58, с. 18] конкретной личности.

Одаренные люди — это весьма немногочисленная и в значительной степени самовоспроизводящаяся система, составляющая золотой фонд любой нации. Это обусловливается тем, что, несмотря на всяческие паранаучные спекуляции, в ряде психологических исследований было установлено, что при выборе сексуального и семейного партнера обе стороны (при множестве прочих критериев) бессознательно отдают предпочтения лицам со сравнимым уровнем интеллекта, а также — принадлежащим к соответствующему социальному страту (т.е. людям, объединенным определенным образовательным, культурным, имущественным, профессиональным или иным общим социальным признаком). «Переходы по вертикали» — из одного страта в другой, как правило, составляют исключение и являются результатом длительных усилий конкретных личностей, направленных на повышение образовательного и культурного уровня и реализацию своего природного потенциала. При этом мужчины, как правило, принимают роль «ведущих», а женщины — «способствующих» такому переходу. Массовые «переходы по вертикали» также случаются, но лишь в искусственно созданной (и трагической для любой нации) ситуации, когда

сформировавшаяся на протяжении столетий и тысячелетий научная, культурная и управленческая элита целенаправленно уничтожается или изгоняется, как это было в 1920-е годы в советской России. Утрата более 200 тыс. выдающихся ученых, общественных деятелей, предпринимателей и мыслителей качественно изменила структуру нации и последствия этого все еще сказываются. Как отмечал один из моих зарубежных коллег, этот «дар революционеров» был принят Западом «с ужасом и благодарностью». Столь же психологически безграмотно и политически безответственно эта проблема решалась в период последних российских реформ, когда начиная с 1985-го страну покинули более 300 тыс. ученых и деятелей культуры, а также более миллиона специалистов высшей квалификации и одаренных аспирантов и студентов[1]. Эту (вторую за одно столетие) утрату качества национальной элиты не только невозможно оценить, но даже хотя бы приблизительно спрогнозировать сроки ее восстановления. По моим представлениям, не менее столетия, и то — при условии качественных перемен в государственной политике по отношению к интеллектуалам, а возможно, и путем создания особых привилегий для их привлечения в страну извне, как это происходило в период Петровских реформ. Пока в этом процессе не намечается даже какой-либо стабилизации — по данным социологических опросов (2008), до 53% выпускников российских вузов хотели бы продолжить свою карьеру за рубежом[2].

Немного забегая вперед, отмечу, что разработанные нами в 1984—1989 годах стандартизированные методы психодиагностики до настоящего времени (без изменений) применяются в системе профессионального психологического отбора кандидатов для подготовки в высших военно-учебных заведениях. При этом анализ, проведенный моими коллегами в 2005 году, показал, что за последние 20 лет средний уро-

---

[1] В свое время, анализируя статистические расчеты, выполненные на основе далеко не бесталанной популяции англичан, Ф. Гальтон обосновал, что число людей с потенциально выдающимися способностями в любом обществе не превышает 250 человек на один миллион, а люди, чьи интеллектуальные достижения получают всемирное признание, составляют не более одного на миллион, а есть и такие, «каковых приходится не более одного на несколько миллионов» [137]. Если допустить, что Гальтон не ошибся в расчетах, то на 220 млн населения СССР приходилось около 55 тыс. потенциальных талантов и всего 200 выдающихся умов. Не так много. Сколько из них безвозвратно утеряно за XX век?

[2] Уже когда эта работа была подготовлена к публикации (в июле 2010 года) был сделан ряд стратегически важных заявлений первых лиц государства о мерах по привлечению в страну ученых и созданию для них условий для творчества. К сожалению, речь шла только о некой локальной группе, а следовательно, общий «климат» отношения к интеллектуальной элите нации вряд ли сколько-нибудь изменится. Одновременно продолжается вывод капиталов за рубеж, который по итогам только 2010 года составил более 35 млрд долларов. Причина этой «утечки» связана не столько с корыстными интересами «отдельных граждан», сколько с психологическим климатом в стране, который традиционно мало учитывается в реформаторском процессе, реализуемом на платформе экономизма.

вень интеллектуального развития и предрасположенности к психопатологии среди кандидатов даже в самые престижные военно-учебные заведения ухудшился в 2 раза. Наряду с «утечкой мозгов» в качестве способствующих заслуживают упоминания еще два фактора: бесконечный процесс реформирования средней и высшей школы, а также практически полная утрата образованием функции «социального лифта». Казалось бы, исключительно терминологическое нововведение, сделавшее всегда стоявшее на недосягаемой высоте российское образование одной из «сфер услуг», по сути, исключило нашу страну из числа участников соревнования за интеллектуальное лидерство как минимум на ближайшее десятилетие.

2.2. Психометрический метод

Появление психометрии было логическим развитием экспериментальной психологии и следствием запроса медицинской, педагогической, а затем — и индустриальной практики. В экспериментальной психологии В. Вундта учение об индивидуальных отличиях еще отсутствовало, но оно появляется в работах его ученика Дж. Кэттела, позднее сотрудничавшего с Ф. Гальтоном. В послесловии к изданной впоследствии в США книги Дж. Кэттела «Умственные тесты и измерения» [446] наиболее ясно формулируются сущность и задачи психометрического метода: «Психология не сможет стать прочной и точной, как физические науки, если не будет базироваться на эксперименте и измерении. Шаг в этом направлении может быть сделан путем применения серии умственных тестов к большому числу индивидов». Таким образом, уже в ранних работах Дж. Кэттела, подготовленных под влиянием и при участии Ф. Гальтона, основная направленность исследований смещалась с «полярных» групп (умственно отсталых и одаренных) на человеческую популяцию в целом[1].

Хотя в книге Дж. Кэттела приводилось уже около 50 образцов различных тестов (преимущественно зрительно-моторных и вербальных), практическая диагностика умственных способностей, как правило, связывается с именами психолога А. Вине и психиатра Т. Симона, в 1905 году по поручению правительства Франции разработавших «Метрическую шкалу умственных способностей» [98, 99, 437, 438, 439]. Шкала представляла собой систему заданий для практического выполнения и вопросов, содержание которых постепенно усложнялось в сериях для детей от 3 до 12 лет. Для каждой серии эмпирически были

[1] Идея о превращении психологии в точную науку оказалась очень продуктивной и позволила сделать ряд выдающихся открытий, но в целом, по моим представлениям, это стремление — уподобиться физике и математике — в такой же степени затормозило ее развитие, особенно в таких сферах, как психология смыслов жизни, психология веры, морали, нравственности, интуиции, бессознательного и ряде других областей гуманитарного знания.

подобраны такие тесты, которые успешно решают 75% нормальных детей конкретной возрастной группы. Образцы первых тестов, входивших в «Метрическую шкалу...», приведены в табл. 2.1. По результатам успешности последовательного выполнения отдельных субтестов и серий А. Бине и Т. Симон устанавливали «умственный возраст» испытуемых и давали заключение: отстает или опережает ребенок в своем развитии сверстников. В последующем В. Штерн [422, 508, 509] ввел понятие «интеллектуального коэффициента» (IQ), который определялся как частное от деления показателя «умственного возраста» на реальный (биологический) возраст. Появление «интеллектуального коэффициента» явилось первой практической реализацией идеи дифференциально-психологического исследования личности.

Позднее были предложены тесты для еще более ранней диагностики способностей и развития ребенка — начиная с месячного возраста. Однако, учитывая, что эти методы базировались преимущественно на качественной оценке (табл. 2.2) и существенно зависели от квалификации эксперта, они не получили достаточно широкого распространения.

Таблица 2.1

Образцы первых субтестов «Метрической шкалы умственных способностей» А. Бине и Т. Симона*

Возрастная группа	Содержание субтеста
3 года	1. Показать нос, глаза, рот. 2. Перечислить предметы, изображенные на картинке. 3. Повторить две цифры. 4. Повторить фразу в шесть слогов. 5. Назвать свою фамилию
5 лет	1. Сравнить две коробки различного веса. 2. Нарисовать четырехугольник. 3. Повторить фразу в 10 слогов. 4. Сосчитать четыре монеты по одному су. 5. Сложить из двух частей геометрическую фигуру
7 лет	1. Указать, чего не хватает на рисунке. 2. Сосчитать свои десять пальцев. 3. Скопировать написанную фразу. 4. Срисовать треугольник и ромб. 5. Повторить пять цифр. 6. Рассказать содержание какой-нибудь картины. 7. Сосчитать тринадцать одинаковых монет. 8. Назвать какие-либо четыре монеты
9 лет	1. Указать, какой сегодня день недели, число, месяц, год. 2. Перечислить все дни недели. 3. Дать точное определение нескольких предметов. 4. Дать сдачу с 20 су, вычтя из них 4 су. 5. Расположить по порядку пять предметов разного веса

Окончание табл. 2.1

Возрастная группа	Содержание субтеста
11 лет	1. Указать нелепости, содержащиеся в соответствующих фразах. 2. Соединить три слова в одной фразе. 3. Назвать более 60 слов в течение 3 минут. 4. Дать некоторые абстрактные определения. 5. Расположить в смысловой последовательности специально перемешанные слова отдельной фразы

* Для демонстративности приведены субтесты только для «нечетных» возрастов с 3 до 11 лет. При оценке содержания субтестов необходимо учитывать, что они составлялись по результатам обследования детей более 100 лет назад.

Таблица 2.2

Образец «Венского теста» Ш. Бюлер и Г. Гетцера для диагностики развития у детей первого месяца жизни

№ субтестов	Содержание субтестов
1	Повернуть голову при прикосновении к щеке (пищевая реакция).
2	Уцепиться за прикасающиеся предметы.
3	Успокоиться при перемене положения.
4	Успокоиться при легком шуме.
5	Задержать глаза на свете из затемнения.
6	Дать зрительную реакцию на затемнение.
7	Продемонстрировать реакцию «избегания» при стесняющем прикосновении.
8	Дать общую неспецифическую реакцию на мешающую картонную коробку.
9	Приподнять немного (кратко) голову из положения на животе.
10	Открыть рот после потери источника пищи.

2.3. Дифференциальная психология

Основателем этого направления является В. Штерн (1871—1938), в 1900 году опубликовавший работу «О психологии индивидуальных различий». Основная идея этой работы также базировалась на статистических подходах, так как автором предлагалось изучать не отдельных людей как таковых, а определять различия в их психических свойствах или в индивидуальных вариантах и формах проявления этих свойств, а также причины и последствия этих различий. При этом

дифференциальная психология, в определенном смысле абстрагируясь от целостного представления о конкретном человеке, сосредоточила свое внимание преимущественно на отдельных, взятых изолированно, свойствах, и только значительно варьирующих в популяции. Таким образом, объектом изучения в дифференциальной психологии становились не личности в целом, а различия между ними по тем или иным «изолированным» свойствам. Именно поэтому дисперсионный[1] (статистический) анализ (разработан в 1925 году) стал одним из основных методов исследования этого научного направления. Объективно-исторической основой такого подхода являлась неразработанность фактологии и понятийного аппарата психологической науки, что неизбежно предполагало вначале некоторую узкую «специализацию» с последующей систематизацией и обобщением на уровне целостного объекта изучения.

Переход от исследований дискретных индивидуальных отличий к типологии личности (например, выделение типов экстравертов и интровертов [429], циклоидов и шизоидов [209, 482], соматотоников и церебротоников [501, 502] и т.п.), а затем к «проблеме индивидуальности человека», под которой понимается все своеобразие и неповторимость конкретной личности, являются приобретением более позднего времени.

2.4. Психологические тесты

В уже упомянутой работе Дж. Кэттела был сформулирован основной принцип тестирования, состоящий в единообразии метода и процедуры обследования, так как только в этом случае результаты, полученные в различное время и в различных местах, можно было бы сравнивать [446]. В абсолютном большинстве случаев как первые, так и современные тесты представляют собой задания более или менее однообразного содержания, успешность выполнения которых оценивается по количеству верных ответов[2]. Время выполнения тестов, как правило, эмпирически ограничивается так, чтобы лишь 5—10% (или даже менее) из обследуемых конкретной возрастной, образовательной или профессиональной группы могли справиться со всеми заданиями (субтестами). Таким образом, исследуемыми переменными во всех случаях оказываются темп восприятия и переработки информации, а также

[1] Дисперсионный анализ — в наиболее общем виде предполагает анализ или исследование изменчивости какого-либо психологического признака под влиянием или в зависимости от каких-либо контролируемых переменных факторов (например, изменение уровня памяти в зависимости от возраста, времени сенсомоторной реакции в зависимости от уровня бодрствования или времени суток и т.д.).

[2] Таким образом, в процессе тестирования оцениваются преимущественно процессуальные характеристики интеллекта (память, внимание и мышление), а духовная составляющая личности — мораль, нравственность, этика, ценностные ориентации и т.д. — традиционно оцениваются вне исследования.

рациональный компонент мышления, т.е. — способность в условиях лимита времени находить единственно верный вариант решения, обычно — по заданному алгоритму[1].

Намного реже в качестве показателя эффективности работы обследуемого используется время, затраченное на нахождение верного ответа. Еще реже, как правило, в лабораторных экспериментах, исследуется индивидуальный способ нахождения ответа и этапы принятия решения. Но в типичном варианте результаты психологического обследования, как по отдельным методикам, так и по их совокупности, выражаются какой-то одной величиной — «коэффициентом интеллектуальности», «коэффициентом успешности», «интегральным показателем» и т.п. Значительное количество информации при этом безвозвратно теряется. В частности, не учитываются «продуктивность» работы обследуемых (темп мышления и общее количество выполненных заданий) и надежность их деятельности, характеризующаяся соотношением количества верных ответов ко всем выполненным заданиям.

2.4.1. Типологические подходы к результатам тестирования

На основе рабочей гипотезы о том, что продуктивность (темп мышления), эффективность (характеризующая рациональный компонент обработки информации) и надежность являются самостоятельными и лишь относительно взаимосвязанными составляющими интеллектуальных процессов у человека, нами было проведено исследование соотношения упомянутых показателей при выполнении различных заданий в обычных и усложненных условиях. В 52% случаев рабочая гипотеза не подтвердилась. Иными словами, показатели продуктивности, эффективности и надежности у этой части обследованных находились на одном уровне или их различия не превышали одного стэна. Вместе с тем, несмотря на стандартный инструктаж, стандартные условия и методы исследования, у 19,5% испытуемых статистически достоверно более высокими оказывались либо показатели продуктивности (в сравнении с популяционной нормой), либо надежности ($0{,}001 < P < 0{,}005$). Так, у одних обследованных при показателях продуктивности (темпа мышления) 8—9 стэнов надежность интеллектуальной деятельности составляла лишь 2—3 стэна, у других — наблюдалось обратное соотношение. Эффективность работы (количество правильно выполненных заданий), которая большинством автором рассматривается в качестве основного критерия при профессиональном психологическом отборе, у этих лиц, как правило, имела промежуточные значения между абсолютными величинами показателей продуктивности и надежности

[1] Этот же принцип оценки действует и в отношении современной компьютерной техники, а именно, скорость и объем перерабатываемой в единицу времени информации.

и также достоверно отличалась от последних ($0,01 < P < 0,05$). Это позволило сделать вывод, что по отношению к этой группе лиц (48% популяции) традиционные интегральные показатели успешности тестирования не являются исчерпывающей характеристикой и (применительно к ряду особенно сложных видов деятельности) не могут служить основными критериями профессионального отбора. Принимая во внимание стандартные условия обследования и инструктаж экспериментатора, создающего внешнюю установку на выполнение заданий («как можно больше и как можно точнее»), можно сделать заключение, что, стараясь реализовать эту установку (в условиях высокомотивированной деятельности, например, при сдаче квалификационного экзамена в вуз), одни испытуемые тем не менее неосознанно реализуют свою внутреннюю установку на «больше», а другие — на «точнее». Такая интерпретация результатов обследования обосновывалась тем, что (с учетом уровня образования обследуемых) задания составлялись таким образом, что при отсутствии лимита времени практически каждый был способен найти верное решение всех субтестов. Дальнейший анализ показал, что обобщенные показатели преимущественной установки на продуктивность или надежность отражают общую устойчивую тенденцию, которая с закономерным постоянством проявлялась при выполнении любых тестовых заданий с незначительными вариациями. Полученные данные позволили предположить наличие, во всяком случае, пяти основных типов психологической установки на переработку информации или разделить всех обследованных на пять групп: с преимущественной установкой на продуктивность (П-тип), средний или сбалансированный тип (подтипы АБ, ББ и БВ) и с преимущественной установкой на надежность (Н-тип), отличительные особенности которых представлены на рис. 2.2.

Наиболее распространенным в мужской популяции (возрастная группа: 18—25 лет) оказался средний тип: ББ — 51,7%; АБ-тип составил — 9,2%, БВ — 8,7%. Лица с выраженной установкой на продуктивность составили 9,1%, с установкой на надежность — 10,4%. В остальных случаях были установлены различные формы переходных или неустойчивых типов. Тип психологической установки на переработку информации (который может быть также интерпретирован как преобладающий стиль интеллектуальной деятельности) оказывал различное и неоднозначное влияние на успешность в различных профессиональных группах. В процессе проверки этой гипотезы были также установлены многочисленные корреляты критериев продуктивности, эффективности и надежности интеллектуальной деятельности с другими психологическими и физиологическими показателями. Содержание и результаты проверки сформулированной выше гипотезы были отражены в двух публикациях [340, 344], однако, учитывая, что эти разработки велись параллельно с основным направлением исследований и преимущественно на контингенте высокоинтеллектуальных кандидатов в военно-учебные заведения, в тот период они не получили даль-

нейшего развития и были надолго отложены. Вторая причина обусловливалась высокой трудоемкостью подготовки квалифицированного заключения о стилевых особенностях интеллектуальной деятельности, что в то время (когда один компьютер первого поколения приходился на 20—30 научных сотрудников одной из центральных лабораторий МО СССР, а в военных комиссариатах их вообще не было) ограничивало саму возможность применения этих разработок при массовых обследованиях призывников и военнослужащих. Уверен, что эти идеи найдут свое адекватное воплощение, особенно при отборе специальных контингентов, деятельность которых связана с условиями реальной опасности или повышенной ответственности, включая уже упомянутых субъектов высоких технологий[1].

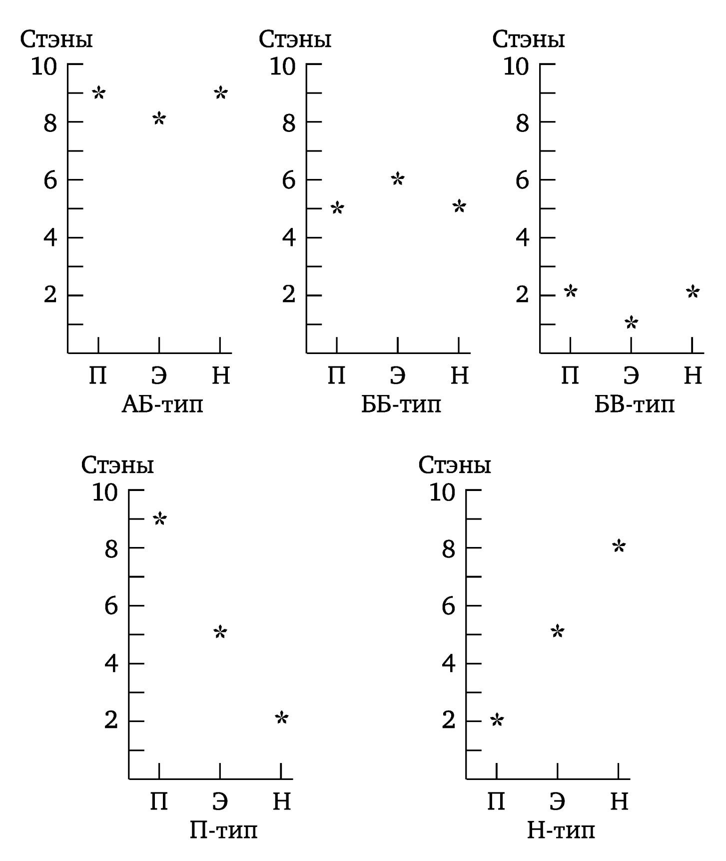

Рис. 2.2. **Графическое изображение индивидуальных различий в стиле интеллектуальной деятельности при выполнении тестовых заданий (П — продуктивность, Э — эффективность, Н — надежность)**

---

[1] Уже при подготовке рукописи к публикации было чрезвычайно приятно узнать, что работа в этом направлении была продолжена и в настоящее время (2010) завершается диссертационное исследование по этой тематике, в частности, имеется в виду работа С. С. Вьюшковой «Особенности адаптации к условиям обучения в военных вузах курсантов с различными стилями интеллектуальной деятельности» (ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010).

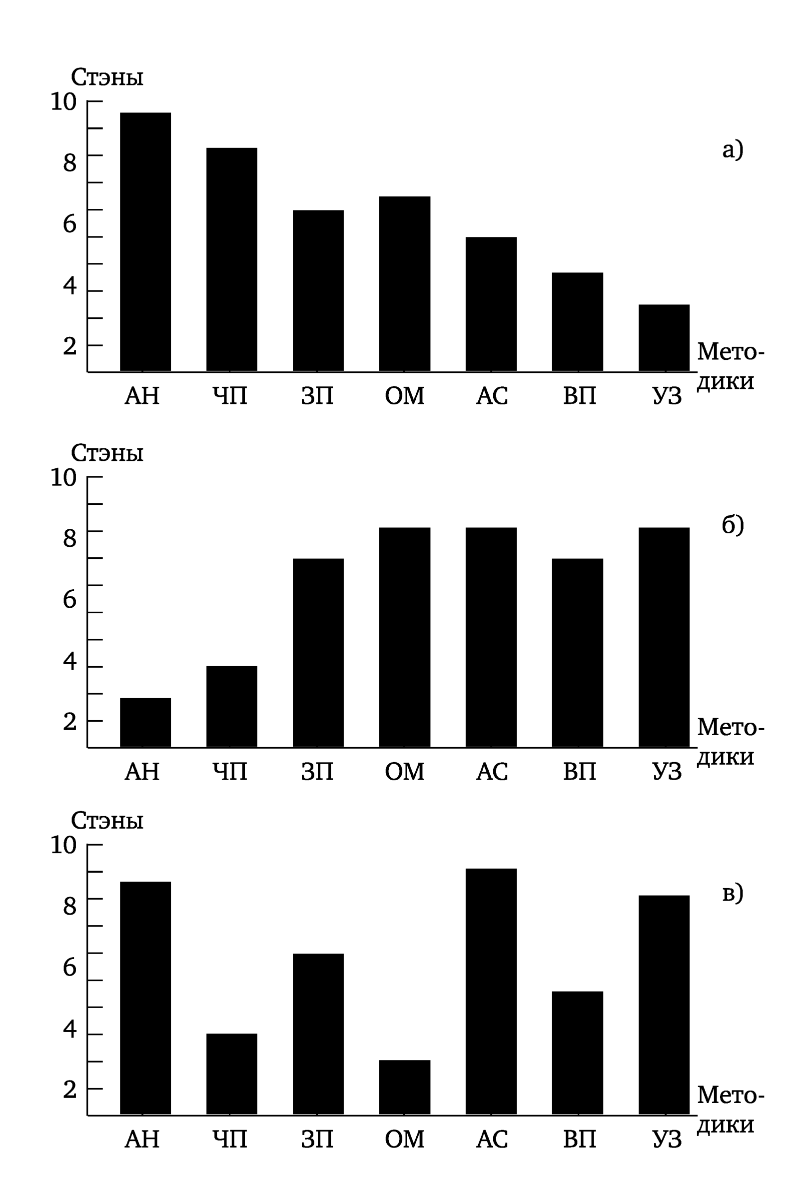

Рис. 2.3. **Графическое изображение реальных примеров различий в динамических характеристиках интеллектуальной деятельности с помощью батареи из семи квантифицированных тестов в процессе 44-минутного непрерывного обследования (в данном случае — по показателю надежности). На графиках показаны случаи: а) повышенной истощаемости интеллектуальных функций; б) сниженной врабатываемости; в) повышенной лабильности функционирования при длительном интеллектуальном напряжении**

Условные обозначения методик (по оси абсцисс): АН — «Аналогии», ЧР — «Числовые ряды», ЗП — «Зрительная память», ОМ — «Образное мышление», АС — «Арифметический счет», ВП — «Вербальная память», УЗ — «Установление закономерностей».

В целях совершенствования и повышения эффективности профессионального психологического отбора кандидатов в военно-учебные заведения нами было также предложено на основе квантифицированной по составу и содержанию батареи психологических тестов оценивать динамические характеристики умственной работоспособности обследуемых, что позволяло выявлять лиц с повышенной истощаемостью, низкой врабатываемостью и нестабильностью интеллектуальной деятельности при длительном нервно-эмоциональном напряжении (рис. 2.3). Однако предложенная методика, как и в первом случае, предполагала наличие специальных технических средств, соответствующего программного обеспечения, и индивидуальную оценку и интерпретацию результатов, что также ограничивало возможности ее использования при массовых обследованиях призывников и военнослужащих.

2.5. Современные подходы к тестовым процедурам

Большинство современных тестов составляются на основе принципа возрастающей трудности, отдельные задания формулируются таким образом, чтобы они не адресовались к распространенным в популяции знаниям, умениям и навыкам, а в предварительной инструкции обычно дается лишь наиболее общий алгоритм решения субтестов, конкретное применение которого предоставляется самим испытуемым.

В последние десятилетия понятие «тест» существенно расширилось и правомерно применяется для обобщенной характеристики любых измерений в психологии и физиологии. Но первоначально оно соотносилось лишь с «умственными испытаниями», которые до настоящего времени составляют основу профессионального психологического отбора во всех странах мира. Это обусловливается тем, что тесты интеллекта интегрируют наиболее общие и социально значимые требования к личности. Как остроумно заметил в свое время американский специалист по психодиагностике Дункан [цит. по: 118, с. 11]: «Если бы первые тесты для определения интеллекта были разработаны в обществе с культурой, в которой наиболее важное дело — охота, то под “общим интеллектом” подразумевали бы остроту зрения и скорость бега, а отнюдь не словарный запас, умение им пользоваться и способность оперировать знаковой информацией».

Многолетний экспериментальный и практический опыт свидетельствует, что получаемые с помощью интеллектуальных тестов показатели характеризуются очень высокой вариативностью в популяционной выборке, отличаясь у отдельных индивидуумов в десятки раз. При этом было установлено, что лица с высокими показателями тестирования значительно превосходят своих сверстников в успешности обучения вообще, относительно независимо от специфики той или иной деятельности или области знаний. Своеобразным ката-

лизатором высокой реализации способностей является мотивация к конкретному виду деятельности, формирующаяся в онтогенезе под влиянием, как правило, ближайшего социального окружения, например семьи или референтной группы, на нормы и ценности которой личность ориентируется в своем поведении. В то же время было бы неверно игнорировать наличие определенных генетически обусловленных детерминант склонностей, проявляющихся в форме специфических достижений уже в раннем детском возрасте и затем развивающихся в результате накопления личного опыта, знаний о самом себе, своих способностях и возможностях. Эти детерминанты обычно реализуются в склонности выбирать (или предпочтении) тех видов деятельности, где вероятность достижения успеха наиболее велика и, наоборот, — отвергать другие, где эта вероятность минимальна.

Вторым существенным, но пока мало исследованным фактором, также входящим в мотивационную сферу личности, является уровень притязаний, которым обычно характеризуется склонность к личным социально одобряемым достижениям (или — одобряемым хотя бы той или иной референтной для конкретной личности группой, включая весь возможный диапазон — от высокоинтеллектуальных до преступных сообществ). Если личность демонстрирует стабильно высокий уровень притязаний, последний, как показали наши наблюдения и исследования, проявляется относительно независимо от специфики или сферы ее деятельности, и даже — от ее способностей. Аналогично может быть охарактеризована и самооценка личности, как в ее общих, так и в частных проявлениях. Апеллируя к своему терапевтическому опыту, следовало бы также констатировать, что «конфликт» завышенной самооценки и уровня притязаний, с одной стороны, и недостаточно развитых способностей — с другой, в сочетании с нереалистическими требованиями только превосходных достижений со стороны родителей, составляет одну из устойчивых детерминант невротического развития личности.

Сразу отметим, что последние социально-психологические понятия в существенной степени относятся уже к современным достижениям. Первоначально же вся психодиагностическая практика была сосредоточена почти исключительно на умственных и сенсомоторных тестах[1].

В зависимости от формы предъявления стимульного материала и способа регистрации предполагаемых ответов испытуемых, тесты разделяются на бланковые и аппаратурные, вербальные и действенные, индивидуальные и групповые. По способу психологического изучения и интерпретации результатов они в свою очередь делятся на автоматизированные, аналитические и синтетические. Последнее направление рассматривается как одно из наиболее перспективных и адекватных

[1] Единой или общепринятой классификации тестов пока нет. В качестве рабочей нами используется классификация, которая приводится в Приложении 1.

задачам профессионального отбора [106, 109], и уже давно применяется при отборе летчиков и космонавтов[1].

Первоначально предполагалось, что каждый тест направлен на исследование какой-то отдельной способности, что побуждало специалистов к разработке все новых и новых методик («для исследования логического мышления», «для исследования образного мышления», «для исследования математического мышления» и т.п.). При этом результаты тестирования и конкретные способности в таких исследованиях нередко отождествлялись. Однако позднее, после внедрения в психодиагностику математических методов (в частности — корреляционного анализа), английским психологом Ч. Спирменом [504—506] было установлено, что между показателями всех интеллектуальных тестов практически всегда обнаруживается положительная корреляционная связь, т.е. все они характеризуют нечто общее: способность к восприятию, сохранению и переработке информации, или — общий интеллект. Аналогичных представлений придерживались Д. Векслер [526—528], Дж. Равен [495] — создатель известной методики «прогрессивных матриц», предназначенной именно для исследования общего интеллекта, а также большинство других специалистов.

Тем не менее представления об общем интеллекте, как системном показателе, на протяжении нескольких десятилетий оставались предметом острой дискуссии. Вначале Г. Томсоном [518] было высказано предположение, что общий интеллект может слагаться из большого количества дефиниций, что побудило многих исследователей к их поиску (работы Р. Кэттела [447, 448], Дж. Хорна [447], П. Верно [525] и др.). Однако затем поиск этих дефиниций сменился мало продуктивными попытками установить так называемые «независимые структуры интеллекта» (работы Л. Терстона [522], Дж. Гилфорда [465—469] и др.). При этом, если у Р. Кэттела и П. Вернона общий интеллект разделялся лишь на 2 фактора (соответственно — «флюидный» и «кристаллический» или «практическо-механический» и «вербальный»), то у Л. Терстона он представлялся уже как сочетание «семи первичных умственных

[1] На протяжении нескольких лет моя работа была связана с проведением психологических испытаний кандидатов (нескольких тысяч юношей) для подготовки летчиков сверхзвуковой авиации, в том числе на аппарате ДКН («двигательная координация — напряженность»). Этот аппарат моделировал типичные варианты координации действий пилотов с ручкой управления и педалями в кабине истребителя. Обследование включало три последовательных этапа: 1) краткий инструктаж и освоение навыка; 2) зачетное задание в обычных условиях (сопровождение метки на экране с помощью ручки управления и педалей); 3) повторное зачетное выполнение тех же действий, но — с угрозой легких «ударов» электрическим током за совершение ошибок. Примечательно, что даже в тех случаях, когда (перед третьим этапом испытания) угрозы только озвучивались, но вообще не реализовались, 7% кандидатов, до этого демонстрировавших достаточно высокие показатели, значительно ухудшали их, вплоть до дрожи в руках и ногах, обильного пота, покраснения или побледнения лица, срывания датчиков и отказа от эксперимента (и мечты стать летчиком). Эти наблюдения со всей очевидностью демонстрируют, что эффективность деятельности в обычных условиях ни в коей мере не дает прогноза надежности ее осуществления в экстремальных ситуациях.

способностей» (понимание слов, беглость формулировок — флуентность, логическое мышление, способность к счету, пространственное воображение, память и скорость восприятия). Еще дальше пошел Дж. Гилфорд, установивший 120 «репрезентативных факторов» или «независимых дефиниций» интеллекта, для каждой из которых был предложен отдельный метод исследования.

Поиск этих факторов и построение структурных теорий интеллекта, как правило, осуществлялись с помощью математических процедур, в частности факторного анализа, который является лишь инструментом, но не может служить методом исследования. Вторым методологическим недостатком этого направления являлось то, что результаты тестирования рассматривались не как косвенные показатели внутренней психической деятельности, а нередко отождествлялись с самими психическими процессами. Это нашло свое выражение и в традиционном разделении тестов по их направленности на исследование тех или иных психических процессов (внимания, памяти, словесно-логического, образного, математического, невербального и тому подобных видов мышления). Однако при этом молчаливо игнорировалось, что это разделение является условным, конвенциальным, а полная адекватность тестов (или их показателей) исследуемым психическим феноменам лежит более в области авторских концепций или тех или иных традиционных представлений, нежели отражает объективную реальность. Даже при выполнении такой простой процедуры, как корректурная проба, обычно интерпретируемой как тест на внимание, от испытуемого требуется постоянно удерживать в памяти инструкцию, логически мыслить и сопоставлять каждый стимул с эталоном, различать его образно и т.д. То есть все психические функции мобилизуются (хотя и в разной степени) при любом тестовом испытании. И все психические функции реализуются в тестовой деятельности (которая, так же как и любая другая, по отношению к ее субъекту является внешней) как системное качество — общий интеллект.

Указанные недостатки частично признавались и авторами подобных разработок. Так, например, Дж. Кэттел, выделивший более 100 «фундаментальных» факторов интеллекта и личности, отмечал, что «настойчивый ученый мог бы обнаружить, наверное, в два раза больше» [цит. по: 253, с. 89]. Более точно формулировал свое отношение к построению теорий структуры интеллекта и личности на основе факторного анализа Дж. Хелм [476], считая, что подобные методы «производят впечатление поисков вслепую». В конечном итоге недостаточная методологическая обоснованность факторных подходов к исследованию интеллекта привела большинство авторов к выводу, в наиболее общем виде выраженному У. Гутияр [470, с. 19]: «Вряд ли найдется много терминов, которые употреблялись бы в столь расплывчатом, смутном значении, как “структура” интеллекта».

Хотя упомянутые выше структурные подходы многократно подвергались аргументированной критике, они имеют немало сторонников

до настоящего времени. При обосновании их адекватности объективной реальности (структурной организации функций) в качестве «веского» доказательства нередко упоминаются работы А. Р. Лурия по изучению нейропсихологических нарушений и «выпадений» отдельных функций при органических поражениях тех или иных участков коры головного мозга. Не анализируя правомерность прямой экстраполяции симптомов органических поражений мозга на здоровую психику, здесь уместно обратиться непосредственно к высказываниям самого А. Р. Лурия. Критикуя попытки локализационистских подходов к исследованию высших психических функций, он писал: «Естественная психология шла правильным путем, рассматривая сложное целое как состоящее из простых частей. Но она делала ошибку, разлагая сложные формы поведения на простейшие элементы, терявшие признаки целого. Нет сомнения в том, что вода распадается на водород и кислород. Но есть ли в водороде, который горит, и в кислороде, который поддерживает горение, те свойства, которыми отличается вода — продукт их соединения?» [240, с. 49]. Уместно подчеркнуть, что еще Ф. Гальтон, констатируя, что слишком много внимания уделяется конструированию все новых и новых тестов для диагностики так называемых специальных способностей (по мнению некоторых приверженцев структуралистских теорий — однозначно предопределяющих успешность в одних видах деятельности и низкую эффективность в других) отмечал: «С таким же правом можно было бы утверждать, что молодой человек, страстно влюбившийся в брюнетку, по этому самому ни в коем случае не мог бы полюбить блондинку» [137, с. 25].

По нашему мнению, более обоснованной является концепция общего интеллекта, базирующаяся на признании генетических и социальных детерминант общих способностей, конкретная направленность, проявления и область применения которых, как уже отмечалось, в существенной степени зависят от особенностей воспитания, культурной среды, ближайшего социального окружения и референтной группы, на нормы и ценности которой ориентируется личность, а также — от выраженности познавательных потребностей, уровня притязаний и самооценки личности, вероятно, также имеющих и генетическую, и социальную обусловленность.

2.6. Профессиографическое исследование

Разработка методов профессионального отбора кандидатов для укомплектования конкретных специальностей всегда начинается с профессиографического исследования, в процессе которого определяется роль и значение тех или иных психологических и физиологических функций для успешного обучения и последующей деятельности. По результатам профессиографии формируется (первоначально — обычно несколько избыточный) перечень методов для диагностики установленных для

данной специальности профессионально важных качеств, а затем проводится апробация и статистическая валидизация сформированного банка методов на репрезентативных выборках конкретных специалистов.

Одним из основных понятий профессионального психологического отбора является валидность, которая показывает, насколько по результатам тестирования можно судить о прогнозируемом аспекте поведения или деятельности в будущем. Как правило, валидность характеризуется коэффициентом корреляции между показателями успешности выполнения тестов (прогностической оценкой) и реальными оценками качества деятельности или обучения (внешними критериями).

Валидность бывает прогностической и текущей. Как прогностическая, валидность характеризуется в том случае, если при ее расчете используются результаты психологического обследования, полученные на этапе отбора кандидатов, а в качестве внешних критериев выступают показатели реальной деятельности, например водителя, врача или летчика. Таким образом, для расчета прогностической валидности обычно требуются очень длительные (многолетние) исследования. Текущая валидность, иногда называемая еще компромиссной, используется в тех случаях, когда требуется предварительно оценить прогностическую ценность какого-то теста относительно успешности той или иной деятельности в процессе обучения будущего специалиста. В качестве внешнего критерия в этом случае используется не сама деятельность, а успешность освоения отдельных профессиональных навыков. Иногда также проводится валидизация методом контрастных групп, которая основана на сравнительном анализе показателей тестирования и принадлежности обследуемых лиц к определенным группам, например, хорошо и плохо успевающих, дисциплинированных и недисциплинированных, высококлассных и неэффективных специалистов и т.д.

В тех случаях, когда не представляется возможным определить — что могло бы быть достаточно надежным психологическим инструментарием для измерения тех или иных способностей, в практике профессионального отбора иногда употребляется понятие содержательной валидности, под которой подразумевается прогностическая ценность какого-либо неочевидного личностного качества или свойства, для диагностики которого пока не найдено соответствующих методов и математически точного выражения. Определение содержательной валидности обычно осуществляется на основе независимой психологической экспертизы (с привлечением квалифицированных специалистов именно в данном виде деятельности).

Другими важными характеристиками любого теста являются его стабильность и надежность. Коэффициент стабильности также (как и валидность) определяется с помощью корреляционного анализа и характеризует устойчивость распределения результатов тестовых

испытаний одних и тех же лиц, проведенных через определенный промежуток времени. А надежность теста характеризуется совпадением результатов обследования одних и тех же испытуемых при случайном разделении теста на две количественно равные половины.

Как правило, обоснование валидности теста включает несколько этапов, общая характеристика которых приведена в табл. 2.3. Применительно к приведенным в ней содержательным данным нужно добавить, что в отечественной практике 4-м и 6-м этапами, к сожалению (в целях экономии времени и средств), обычно пренебрегается, что снижает эффективность и демонстративность профессионального психологического отбора, и, как следствие, — очевидность экономической значимости его результатов.

На протяжении длительного периода времени было принято считать, что применение тестов является обоснованным, если их валидность составляет не менее 0,40, а коэффициент стабильности и надежности теста — не менее 0,80 [524]. Однако в последние годы, в связи с более рациональным подходом к понятиям «больше — меньше» в психологических исследованиях, где редко обнаруживаются «жесткие» зависимости, критериальный уровень валидности нередко определяется обычной статистической значимостью, особенно если расчетная валидность подтверждает содержательный анализ и результаты профессиографии.

В качестве пороговых величин или критериев профессионального отбора, обычно берется тот уровень прогностических оценок, который позволяет (при традиционном подходе) обеспечивать успешность обучения или деятельности выше среднего уровня. В зависимости от величины этих показателей у конкретных обследуемых или кандидатов определяется группа психологического прогноза успешности деятельности или психологической пригодности к обучению. Понятие «группа пригодности», как правило, интегрирует результаты нескольких предварительно валидизированных тестов или батарей тестов, в том числе психологических вопросников. В соответствии со стоящими перед исследователем или экспертом задачами и сложившимися традициями таких групп может быть две, три, четыре (как в отечественной практике) или пять (как было принято в армии и полиции США), или даже 20 (10 выше и 10 ниже среднепопуляционного уровня), как предлагалось Ф. Гальтоном.

Таблица 2.3

Основные этапы обоснования методов профессионального психологического отбора и валидности тестов

№ этапа	Содержание этапа
1	Профессиографическое исследование и выявление профессионально важных качеств для конкретной специальности (групп специальностей или видов деятельности)

Окончание табл. 2.3

№ этапа	Содержание этапа
2	Логическое обоснование содержательной валидности и формирование банка (батареи) тестов и других методов психологического исследования для измерения и количественной характеристики установленных профессионально важных качеств
3	Проведение тестовых испытаний на репрезентативной выборке всех претендующих на обучение (или деятельность) по изучаемой специальности в процессе стандартной процедуры найма или формирования переменного состава учебного заведения (курсов и т.п.)
4	Прием на работу (или в учебное заведение) всех, соответствующих обычным требованиям — без учета результатов тестовых испытаний
5	Выбор и обоснование внешних критериев, которые будут использоваться для оценки валидности тестов (например, успешность обучения или деятельности, аварийность, дисциплинированность, «текучесть» кадров и т.д.)
6	Достаточно длительное психологическое наблюдение (без каких-либо элементов психологического сопровождения), сбор ранговых оценок и прямых показателей успешности деятельности или обучения (так называемых внешних критериев); проведение повторных тестовых испытаний с использованием тех же (см. п. 2—3) методов в целях установления перечня показателей (или качеств), существенно изменяющихся (развиваемых) и остающихся достаточно стабильными в процессе обучения или деятельности
7	Сопоставление результатов тестовых испытаний (прогностических оценок) и показателей успешности деятельности (внешних критериев) в строго методическом варианте — после окончания обучения и начала реальной деятельности, т.е. определение валидности
8	Обоснование пороговых критериев профессионального отбора с учетом данных о динамике (изменении, формировании) психологических свойств (показателей), а также личностных качеств в процессе деятельности
9	Обобщение данных наблюдения и сведений о критических периодах в подготовке (в становлении личности) специалистов конкретной возрастной, образовательной и профессиональной группы
10	Разработка рекомендаций по психологическому сопровождению подготовки и деятельности специалистов

Завершая раздел, посвященный психологическим тестам, следует отметить, что они имеют ряд недостатков, хорошо осознаваемых специалистами. В частности, тесты измеряют лишь наличный уровень способностей и — при однократном применении — не позволяют судить об их потенции или тенденциях развития; они не устанавливают каких-либо механизмов психической деятельности (включая компенсаторные); не несут информации о генетических или социальных детерми-

нантах способностей, а результаты тестирования существенно зависят от состояния испытуемого и его отношения (мотивации) к самой процедуре обследования. Тем не менее общепризнанным и хорошо обоснованным является тот факт, что лица, демонстрирующие высокие показатели при тестовых испытаниях, отличаются лучшей обучаемостью, при этом — относительно независимо от области применения их способностей, а люди с «ранним умственным подъемом», хотя с годами и обнаруживают тенденцию к «выравниванию», сохраняют уровень способностей и достижений выше средней возрастной нормы даже через 50 лет [224].

Глава 3
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И АРМИИ

3.1. Профессиональный отбор в США

Первое бюро профессиональной ориентации было открыто Парсоном в 1908 году в Бостоне (США). В задачи этого бюро входило:

1) помочь личности с помощью тестов приобрести более полную информацию о своих психических свойствах;

2) изучить требования, предъявляемые различными профессиями к психологическим качествам человека;

3) сопоставляя эти две группы сведений, дать рекомендацию обследуемому о целесообразном выборе профессии [434].

Задачи, сформулированные Парсоном, практически без изменений определяют деятельность всех современных профконсультационных центров и бюро.

Однако практическое внедрение и наиболее широкий размах тестовых испытаний связан с именем автора книги «Психология промышленной производительности» [269] немецкого психолога Г. Мюнстерберга[1], основные открытия которого были сделаны в США. Наиболее широкую известность получило его расследование причин аварийности на городском транспорте, поставившей на грань разорения страховые общества. В результате этих исследований был впервые (в качестве обязательного) введен психологический отбор вагоновожатых. Затем были разработки, связанные с конвейерным производством, где, используя только методы профессионального отбора, Мюнстерберг

---

[1] Иногда его именуют американским психологом, но точнее было бы сказать, что это был один из первых примеров «утечки мозгов» из Европы за океан. Сейчас его имя упоминается редко, но следовало бы согласиться с А. Анастази, которая считала его первым практическим психологом Америки, заложившим основы всей промышленной, судебной, школьной и военной психологии.

почти вдвое сократил число рабочих и во столько же раз количество производственного брака.

Основная заслуга Г. Мюнстерберга состоит в доказательстве преимуществ научного экспериментально-психологического подхода к отбору профессиональных кадров по сравнению с традиционными методами, основанными на житейском опыте или интуиции предпринимателя. Исследования Г. Мюнстерберга включали три основных аспекта:

1) изучение с помощью методов дифференциальной психологии отдельных психических функций (внимания, памяти и мышления) и степени участия этих функций в той или иной деятельности;

2) исследование нервно-психического напряжения и сенсомоторных функций непосредственно в процессе деятельности;

3) создание адекватных моделей трудового процесса и проведение экспериментального обследования кандидатов.

В последующем на основании своих исследований, получивших широкую известность (упомянутая книга Г. Мюнстерберга уже в 1914 году была издана в России), он писал: «Всем стало ясно, что никакая расточительность ценных бумаг не носит столь пагубного характера, как расточительность, объясняющаяся тем, что живые рабочие силы народа распределяются в полной зависимости от случая и что совершенно не обращается внимания на необходимое соответствие между трудом и работником» [269, с. 65]. С этого времени психологический отбор, как составной элемент кадровой политики, начинает практически повсеместно применяться в средней и высшей школах, армии и на производстве. Свой высокий статус профессиональный отбор сохраняет по настоящее время. Так, известный экономист и признанный специалист в области организации труда Г. Эмерсон в своей работе «Двенадцать принципов производительности» [425] неоднократно подчеркивал, что необходимо «отстранять от всякого занятия тех людей, которые не могут добиться успеха». И далее: «Чтобы выяснить, годится ли любой кандидат на имеющееся место, достаточно нескольких часов испытания; но этих несколько часов обычно почему-то жалеют».

Когда в 1917 году США вступили в Первую мировую войну, Американской психологической ассоциацией был назначен специальный комитет под руководством Р. М. Йеркса (в последующем удостоенного высшего боевого отличия армии США) для рассмотрения тех средств, которыми психология может помочь ведению войны [77]. В это же время был создан первый вариант группового теста для оценки пригодности призывников к службе в различных родах войск. Созданная методика психологического отбора (преимущественно по интеллектуальным показателям) рассматривалась как психологическое оружие, поэтому все испытания, масштаб исследований и их результаты хранились в тайне.

В настоящее время известно, что в Первую мировую войну в целях профессионального отбора в США было обследовано 1 700 000 солдат

и около 40 000 офицеров. На основании результатов исследования умственных способностей выявлялись «непригодные» и «неспособные к строю», проводилось выравнивание частей по уровню интеллектуальности, осуществлялось комплектование унтер-офицерских школ, военных училищ и частей специального назначения [488]. Все обследуемые в соответствии с законом нормального распределения (см. рис. 2.1, с. 31) делились на 7 групп психологической пригодности к службе в армии. Лица, отнесенные к первым двум группам (A и B), считались «выдающимися», способными к исполнению офицерских обязанностей или подлежащими направлению в военные учебные заведения. Три последующих группы (C+, C и C–), составлявшие среднестатистическую норму, определяли уровень рядового состава. Принадлежность к группам D и E соответствовала негативному прогнозу военно-профессиональной пригодности. В 1980-е годы армия и полиции США перешли к разделению кандидатов на 5 интеллектуальных категорий, обозначаемых как «высшая» (9% популяции), «выше средней» (21%), «средняя» (34%), «пограничная» (28%) и «группа непригодных» (8%). Новый подход также базировался на статистическом подходе, основанном на законе нормального распределения (9—21—34—28—8%), хотя и с некоторым «запланированным сдвигом» в сторону снижения относительного количества пригодных (30% «высшей» и «выше средней» интеллектуальной категории против суммарных 36% «условно годных» и «непригодных») [457].

Основой всех американских тестов вплоть до середины XX века являлась уже упомянутая шкала А. Бине и ее более поздние модификации. Наиболее широкое распространение в рассматриваемый период приобрел вариант Станфорд — Бине, названный так по имени автора и места его разработки. Эта шкала была предложена в 1916 году [99, 434] и именно с ее появлением сначала в американскую, а затем и в мировую практическую психологию вошло понятие коэффициента интеллектуальности — Intelligence Quality, или IQ (который, как уже отмечалось, был предложен Штерном в 1911 году для характеристики соотношения между умственным и фактическим возрастом).

Тесты, используемые для отбора военнослужащих, делились на так называемый армейский «Альфа» (для общего тестирования американской мужской популяции) и армейский «Бета» — невербальная шкала, которая предназначалась для обследования неграмотных и иностранцев. Еще до Первой мировой войны кроме тестов, так или иначе направленных на измерение общего интеллекта, в промышленной психологии, а позднее и практике комплектования вооруженных сил, начали применяться тесты для исследования специальных способностей. Если показатель IQ объединял результаты различных (прежде всего умственных) тестов, то под специальными чаще всего подразумевались испытания, моделирующие ту или иную деятельность и, таким образом, характеризующие профессиональную пригодность к каким-то конкретным видам труда.

Примером таких испытаний может служить «тест ручной умелости» (см. п. 9—12 табл. 3.1). В последующем внимание исследователей к таким тестам несколько снизилось, однако в последние годы вновь все чаще упоминается о необходимости включения в процедуру профессионально-психологического обследования не только умственных испытаний, но и заданий, предполагающих выполнение различных манипуляций с предметами.

После Первой мировой войны исследования по обоснованию и проверке эффективности профессионального психологического отбора военнослужащих были продолжены. Его бесспорная военно-прикладная значимость явилась основой того внимания, которое придавалось тестовым испытаниям в армии США в период Второй мировой войны, когда было обследовано более 20 млн призывников и военнослужащих [67, 308, 434].

Таблица 3.1

Общая характеристика и содержание батареи тестов GATB

<table>
<tr><th>№ п/п</th><th>Количество субтестов</th><th>Содержание задания</th><th>Образцы или описание субтестов</th></tr>
<tr><td>1</td><td>150 пар слов</td><td>Определить, какие пары полностью идентичны</td><td>Jourdan — Jourdan
Pearson’s — Peerson’s
Ansel — Ansle
Arapian — Arapean</td></tr>
<tr><td>2</td><td>50 арифметических примеров</td><td>Выполнение элементарных вычислений</td><td>Сложить: 6 и 2. Вычесть: из 9 число 5. Умножить: 4 на 5</td></tr>
<tr><td>3</td><td>40 графических заданий</td><td>Определить по развертке с прорисованными гранями, какая фигура была развернута</td><td></td></tr>
<tr><td>4</td><td>60 групп из 4 слов</td><td>Определить, какое слово не связано с остальными</td><td>А) старый, молодой, практичный, родственный;
Б) горький, холодный, сладкий, пресыщенный</td></tr>
<tr><td>5</td><td>49 заданий</td><td>Выбрать из 4 вариантов рисунок, полностью идентичный образцу</td><td>! ! ! ! !
=*– –*= –*– =*– =*–
| | | | |
| | | | |
а) б) в) г)</td></tr>
<tr><td>6</td><td>50 заданий</td><td>Решение арифметических задач</td><td>1. В текущем году у разносчика втрое больше клиентов. В прошлом году их было 46. Сколько теперь?</td></tr>
</table>

Окончание табл. 3.1

№ п/п	Количество субтестов	Содержание задания	Образцы или описание субтестов
7	60 заданий	Определить, какие фигуры одинаковы по размерам	Дается два больших поля, в которых хаотично расположены пронумерованные фигуры различной формы. Нужно выписать номера равновеликих фигур
8	50 заданий	В максимальном темпе нарисовать в 50 квадратах две вертикальные линии и одну пересекающую их горизонтальную	
9	48 заданий (выполняются трижды)	Проверка «ручной умелости»	Даются две прямоугольные доски с высверленными отверстиями, в которые на одной из досок вставлены короткие цилиндры. Низ и верх цилиндров окрашены в разные цвета. Предлагается переставить цилиндры с одной доски на другую, действуя двумя руками
10	48 заданий (выполняются трижды)	Проверка «ручной умелости»	В отличие от предыдущего задания тест выполняется одной рукой и на одной доске
11	50 заданий	Проверка «ручной умелости»	Задание подобно двум предыдущим, но вместо цилиндров используются заклепки, на которые при перестановке необходимо надеть шайбы, лежащие отдельно
12	50 заданий	Проверка «ручной умелости»	Задание подобно трем предыдущим, но выполняется в обратном порядке и с разделением операций для левой и правой рук

С учетом опыта, накопленного в двух мировых войнах, в конце 1940-х годов в США начинают создаваться так называемые комплексные батареи тестов для определения, как предполагалось, различных способностей. Методологическую основу создания этих батарей тестов составляли все те же представления о структуре интеллекта. И хотя впоследствии многие авторы высказывали справедливую критику в адрес последних, это «заблуждение» сыграло существенную положительную роль, а именно — способствовало созданию большого количества разнообразных тестов, позднее получившего наименование

«психологического инструментария». В качестве наиболее известных в конце XX века следовало бы назвать батарею тестов SAT, используемую для определения общих способностей к обучению, TALENT — для старших школьников (применявшуюся также в ВМС и ВВС США), а также GATB (General Army Test Battery — общая армейская батарея тестов; образцы субтестов — см. табл. 3.1), которая в различных модификациях на протяжении десятилетий использовалась в ряде западных стран для профессионального отбора в промышленности и армии [197, 274, 465, 524].

Валидность батареи тестов GATB была определена в отношении более 200 профессий, при этом в 79% случаев критерии прогнозирования успешности подготовки и деятельности по этим профессиям имели чрезвычайно высокие коэффициенты интеркорреляций (более 0,5), что еще раз подтверждало обоснованность концепции общих способностей, определяющих успешность во многих видах деятельности. Так, например, было установлено, что коэффициенты корреляции между «усредненным прогнозом» (по GATB) и прогнозом на конкретные группы специальностей составляют: для профессии радиомастер — 0,52, механик — 0,58, оператор ЭВМ — 0,74 и т.д.

Затрагивая общенациональные интересы, практика профориентации и психологического отбора в США давно вышла за рамки частных бюро и служб. Прагматизм, составляющий философский базис американской экономики и политики, явился решающей основой того, что ни в одной другой стране тестовые испытания не получили в XX веке столь широкого распространения. Кроме этого, государство централизовало и практически полностью взяло на себя удовлетворение коллективных потребностей общества и военно-промышленного комплекса в исследовании и рациональном использовании способностей людей.

Уже в 1947 году в США была создана специальная служба тестирования в образовании, в задачи которой входила разработка программ исследования способностей кандидатов для подготовки в системе профессиональных училищ, университетов, правительственных учреждений и других организаций. Уместно отметить, что у нас подобные учреждения под эгидой Госкомтруда СССР начали появляться лишь в середине 1980-х годов. В начале 1990-х годов мной и моими коллегами был выполнен ряд тем по заказу Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, но затем интерес к этим разработкам был утрачен почти на два десятилетия. Лишь совсем недавно (в 2009 году) этот интерес возобновился, и это отчасти радует, а отчасти тревожит. — Профессиональный психологический отбор привлекал особое внимание высшего руководства ведущих стран мира почти исключительно в периоды обострения международной обстановки, а в периоды стабилизации — этот интерес закономерно угасал. Это странно и явно недальновидно, так как конкуренция, которая уже давно сместилась

в сферу интеллектуальных разработок и технологий, действует во все времена.

США в этом плане действовали и действуют более адекватно и даже изощренно, и об этом еще будет сказано. С самого начала профессиональный отбор на всех уровнях (в системе образования, промышленности и армии) рассматривался в США как один из мощных рычагов повышения эффективности производства, роста научно-технического и военного потенциала. Еще в 1961 году в докладе Американского национального совета по вопросам рабочей силы отмечалось, что «все более серьезное внимание, которое привлекают вопросы улучшения профессиональной ориентации (термин «профессиональная ориентация» в США включает и профессиональный отбор. — *М. Р.*) объясняется в значительной степени растущей заботой об уменьшении расточения потенциальных способностей людей и огромными успехами в научной, технической и военной областях Советского Союза» [486, с. 181]. Наиболее ярким примером самого пристального внимания к этой проблеме является доклад президента США Р. Никсона (1970), посвященный правительственной программе в области образования, в основных положениях которого явно просматривается влияние идей о генетической детерминации интеллекта, целесообразности ранней диагностики способностей и экономической обоснованности материального стимулирования их сохранения и развития, независимо от того, кто является их носителем[1].

---

[1] По данным, представленным Главным ученым секретарем Президиума РАН академиком В. Е. Костюком, вклад России в мировую науку и разработки в 2009 году составил 2%, у США этот показатель был равен 35%. При этом самый тяжелый кризис переживает отечественная военная наука. Количество ученых в РФ постоянно снижается (в среднем на 2% в год), а само научное сообщество последовательно стареет. Китай, где финансирование науки в течение последних 10 лет стабильно растет на 20% в год, а число ученых — на 9% в год, в настоящее время обладает равным с США научным потенциалом (в этих двух странах работает 1,5 млн ученых; еще столько же — в странах Евросоюза; в России — около 450 тыс.). В качестве особого негативного фактора для развития отечественной науки следует отметить отсутствие адекватного общественного признания и материального вознаграждения ученых. В целом, в полном соответствии с советской традицией, продолжается финансирование «вывесок академических институтов», а не конкретных ученых; выдающиеся изобретения и открытия подаются как «коллективные достижения» тех или иных структур, хотя, как известно, гениальные идеи иногда приходят на ум двум ученым одновременно, но чаще — кому-то одному (любое творчество по большей части глубоко индивидуально). Дополнительным негативным фактором является многоступенчатая система научного признания: кандидат — доктор — профессор — член-корреспондент — академик, что создает зависимость ученого от научной администрации с ориентацией не столько на научные достижения, сколько на карьерный рост и одновременно способствует формированию предельного научного конформизма, гибельного для любой области знаний. Любой ученый понимает, что, если даже осуществить одномоментное «вбрасывание» в отечественную науку 100 тыс. потенциальных светлых голов и создать им адекватные финансовые, материально-технические и что еще более важно — морально-психологические условия для реального научного творчества, качественного изменения ситуации можно ожидать лет через 20, когда восстановится прерванная «связь времен».

Еще до Второй мировой войны конгрессом США было принято специальное постановление о том, что правительство должно прилагать все усилия для привлечения в вузы США талантливой молодежи, и создавать все условия для того, чтобы они оставались в стране, независимо от их расы, происхождения, вероисповедания и т.д. В результате этой весьма дальновидной политики только из стран Латинской Америки, Африки и Азии в США эмигрировали сотни тысяч талантливых студентов, аспирантов и специалистов, которые сейчас составляют значительную часть американской интеллектуальной элиты. В последующем некоторые страны пытались предъявить США счет за «вывоз мозгов», но все эти претензии остались без ответа. Широко пропагандируемая идея «свободы передвижения граждан» на самом деле преследовала далеко не бескорыстные цели. Вид на жительство в самой богатой стране мира предоставлялся отнюдь не всем[1]. В результате Америка занимает первое место в мире по числу нобелевских лауреатов — 276 человек[2]. На втором месте Великобритания — 102 человека, на третьем — Германия — 77 лауреатов. За всю историю самой престижной премии мира ее получил лишь 21 наш соотечественник (по данным на 2004 год), и огромную роль в этом сыграло типично российское пренебрежительное отношение к интеллектуалам и примитивная уверенность, что Россия обладает неиссякаемым запасом талантов[3].

После Второй мировой войны в США начинают активно разрабатываться и использоваться так называемые ситуационные тесты, задания которых (преимущественно — на основе психоаналитической парадигмы) составлялись таким образом, чтобы истинные цели тестирования оставались неизвестными обследуемым. Основное назначение этих тестов состояло в выявлении таких черт, как лживость, склонность к воровству, агрессивному поведению, сексуальным перверсиям, совершению преступлений и некоторых других особенностей личности. Эти тесты, как отмечала А. Анастази [77], активно использовались управлением стратегических служб США. К этому же времени относится широкое внедрение в практику профессионального отбора проективных методов исследования личности — ТАТ, Роршаха и др., направленных на «обнаружение скрытых или бессознательных аспектов поведения... с минимумом осознания с его (испытуемого) стороны цели исследования» [483, с. 41]. В основе этих тестов также лежали идеи психоанализа о бессознательном психическом. В описываемый

---

[1] Самым крупным «донором интеллекта» со второй половины 80-х годов XX века стали СССР и затем Россия. Эта «утечка мозгов» продолжается по настоящее время.

[2] Из них — 200 лауреатов относятся к ныне здравствующим и входящим в состав Национальной академии наук США, в которой состоит около 2000 членов, при этом все они работают на общественных началах.

[3] Интеллектуалы составляют золотой фонд любой нации. Это в значительной степени самовоспроизводящаяся и отчасти закрытая система, которая формируется столетиями.

период проблемой профессионального отбора в США занимались специалисты 12 университетов и 20 научно-исследовательских центров ВВС, ВМС и армии.

Самостоятельный интерес представляет организация профессиональной ориентации и отбора в США, который начинает проводиться преимущественно с 9-го класса, т.е. за три года до завершения школьного образования. Весь комплекс мероприятий профессионального отбора организуют и непосредственно осуществляют инспекторы по профессиональной ориентации или, как их еще называют, — профсоветники. В обязанности профсоветника входит объяснение связи между успешностью учебы и будущими возможностями выбора профессии, раскрытие и развитие способностей учеников, ознакомление учащихся с миром профессий, а также оказание помощи в рациональном выборе будущей специальности с учетом социального и материального положения учащегося. Кроме этого, профсоветник на протяжении всего периода обучения в школе осуществляет сбор персональных данных на каждого учащегося, проводит экспериментально-психологическое обследование, ведет специальные карты психологического изучения, которые по окончании школы передаются в службу занятости или по запросу предоставляются в вузы и министерство обороны. В этой карте фиксируется успеваемость, перечень предпочитаемых и нелюбимых предметов, все результаты тестирования, отмечаются особые способности, лидерские качества, преобладающие интересы, склонности, индивидуально-психологические особенности, данные физического развития и состояния здоровья, внешкольные занятия, хобби, имеющийся или приобретенный опыт работы или трудового обучения, а также социальное и материальное положение семьи [126, 127, 241, 197, 308, 499]. Оптимальные нормы предусматривали одну ставку профсоветника на 300 учащихся.

В 70-е годы XX века в практике профессионального отбора широкое распространение получили психологические вопросники — 16-PF (российский вариант — 16-ФЛО), MMPI (СМИЛ), Айзенка, Спилбергера, Тейлора, тест наклонностей Кудера, тест интересов Стронга, опросник акцентуаций личности Леонгарда и др. [77, 93, 102, 224, 228, 254, 302, 374, 448, 454, 455, 475, 507], основное предназначение которых состояло в установлении принадлежности испытуемого к определенному психологическому типу, выявлении лиц с выраженными акцентуациями характера и склонных к психиатрической патологии, а также — для изучения мотивационной сферы личности.

В связи с наблюдавшимся в 1980-е годы чрезмерным «креном» отечественного военно-профессионального отбора в сторону изучения профессиональной направленности, нужно отметить, что прогностическая надежность тестов интересов и склонностей (Кудера, Кэмпбелла — Стронга и других) традиционно оценивалась нашими американскими коллегами весьма осторожно. Так, П. Хатсон [478, с. 450] отмечал: «Когда вопросник интересов применяется в условиях, при которых кли-

ент не имеет резона лукавить в ответах на вопросы, и когда он достаточно взрослый, чтобы иметь опыт, из которого возникают действительно профессиональные интересы, тогда, без сомнения, вопросники интересов могут успешно дополнить наблюдение и исследование». Применительно же к юношам 14—18 лет более адекватной представляется постановка прямых вопросов: какая профессия или область деятельности является для него более предпочтительной или привлекательной? Тем не менее оценкам мотивационной сферы во всех случаях уделяется особое внимание. Не менее важными являются факторы, связанные с отношением испытуемого к материалам, технике и своему рабочему месту, которые при решении вопросов профессиональной пригодности учитываются наравне с умственными и физическими тестами, а в отношении некоторых профессий — даже выше [268].

Многолетний опыт применения профессионального отбора в промышленности и армии США показал, что эффективность его является чрезвычайно высокой. В частности, отсев «непригодных» в процессе обучения снижается с 30—40% до 5—8%, аварийность по вине персонала уменьшается на 40—70%, надежность систем управления повышается на 10—25%, затраты на подготовку специалистов снижаются на 30—40%. По опубликованным данным, каждый доллар, затраченный на разработку тестов, создает экономический эффект в 1000 долларов [67, 152, 465].

В настоящее время кроме психологических тестов в армии, экономике и государственных учреждениях США широко используются так называемые квалификационные тесты (испытания на знания и умения), которые применяются как перед приемом на работу и службу, так и в процессе ее — при передвижении по служебной лестнице, повышении в звании или должности.

Получение отрицательной оценки по квалификационному тесту в армии США может служить основанием для заключения о том, что военнослужащий нуждается в дополнительном обучении или переводе на другие работы. Применительно к офицерскому составу вооруженных сил США невыполнение нормативов квалификационного теста дает основание для задержки в присвоении очередного воинского звания и даже понижения в должности. Это положение распространяется на весь офицерский состав, включая высший командный. В частности, ежегодно объявляется конкурс кандидатов на замещение первичных генеральских должностей, список которых формируется методом «самовыдвижения», а отбор осуществляется по множеству критериев, в том числе — с применением психологических, квалификационных и физических тестов [441]. Представляет интерес и замещение врачебных должностей в системе государственного здравоохранения: каждый кандидат на то или иное место кроме обязательного представления рекомендаций и заключения о предшествующем периоде работы подвергается исследованию с помощью квалификационных тестов по специальности, включающих несколько сотен вопросов, и испытаниям

на практические навыки. Успешно преодолевшие первичный отбор, принимаются на работу с испытательным сроком, как правило, составляющим не менее года, часто — при чисто символической (по американским стандартам) оплате на этот период.

Как уже отмечалось, психологическое тестирование в вооруженных силах США получило наиболее широкий размах в период и после окончания Второй мировой войны. В плане научных разработок в послевоенные годы особое значение придавалось повышению надежности тестов и системы профессионального отбора в целом, в частности применительно к лицам, деятельность которых связана с воздействием экстремальных факторов труда и обитаемости (летчиков, моряков-подводников, операторов пусковых установок ракетного и появившегося ядерного оружия). В этих целях расширяется объем психологической экспертизы, к которой привлекаются специалисты в области социальной психологии, физической культуры и спорта, психиатры. В последующем в системе профессионального отбора в армии США наблюдался постепенный отказ от ортодоксального психотехнического подхода (ориентированного только на показатели одномоментного квалификационного тестирования) и наметился переход к методам психиатрической оценки, включающим исследование семейного фона, истории развития личности, а также применение психологических тестов [441].

В американской психологии тесты принято разделять на 4 подгруппы:

1) для определения общего интеллектуального развития (вербальные тесты смысловых связей, арифметические тесты, тесты для исследования памяти и т.д.);

2) тесты для определения уровня развития пространственного воображения (которые в американской прикладной психологии обычно соотносятся со способностями в области механики);

3) тесты для определения точности восприятия (зрительное сравнение чисел и буквенного состава слов или другие тесты типа «Колец Ландольта»);

4) тесты для исследования сенсомоторных способностей (преимущественно направленные на определение скорости и точности мануальных движений).

В отдельные группы выделяются тесты для проверки состояния зрительного анализатора (по 12 признакам), личностные вопросники и уже упомянутые проективные методики и квалификационные тесты.

Еще в период Второй мировой войны начинают проводиться массовые лонгитюдные исследования военнослужащих. Так, 10 тыс. летчиков, прошедших отбор в 1943 году, наблюдались американскими психологами до 1958 года. Лонгитюды на других контингентах неоднократно проводились и до войны, и в послевоенные годы. В 1962 году по батарее тестов, включающих более 2 тыс. заданий, было обследо-

вано 440 тыс. школьников, наблюдение за которыми велось в течение 20 лет. Результаты этих исследований позволили сделать заключение, что понятие «выдающиеся интеллектуальные способности» весьма многомерно, неоднородно по природе и содержанию. Одновременно было еще раз подтверждено, что люди с «ранним умственным подъемом» в большинстве случаев сохраняют уровень способностей выше средней возрастной нормы на протяжении всей жизни. В этих же исследованиях было обосновано (вопреки широко распространенному мнению о якобы характерных д ля интеллектуалов тех или иных психических или физических отклонениях), что лица с выдающимися способностями в абсолютном большинстве случаев принадлежат к категории физически и психически здоровых, крепких и способных к самым высоким нагрузкам [224]. К этому можно добавить и, как правило, долгожители, сохраняющие творческую активность до глубокой старости, чему имеется множество исторических примеров. Так, многие из своих диалогов Платон составил в возрасте 80 лет. Катон в этом же возрасте овладел греческим языком. Теофраст в 100 лет продолжал читать публичные лекции о характерах. Софокл написал «Царя Эдипа», когда ему было 75 лет, а «Эдипа в Колоне» — в 89. Архимед изобрел зажигательные зеркала в 75 лет. Леонардо да Винчи завершил всемирно известную «Джоконду» в 67 лет, Тициан «Битву при Лепанто» — в 95. Дж. Верди создал «Фальстафа» в 80 [230]. Список таких примеров можно было бы продолжать бесконечно, в том числе, не обходя вниманием выдающихся российских ученых и мыслителей, сохранявших высочайшую творческую активность до глубокой старости: И. П. Павлов — до 87 лет, К. Э. Циолковский — до 78 лет, Л. Н. Гумилев — до 80, И. И. Сикорский — до 83 и т.д.

После Второй мировой войны американские методы профессионального отбора в переведенном и адаптированном варианте начали применяться во всех странах НАТО. Одновременно продолжались исследования по повышению эффективности и совершенствованию методики профессиональной экспертизы. Изучение эффективности профессионального отбора во время войны, которую США вели в Корее (1953), позволило сделать частично уже упомянутый вывод: прогноз обучения или военнопрофессиональной деятельности в мирное время не всегда идентичен прогнозу успешности боевой деятельности [308]. В этот же период значительное внимание уделялось изучению внутригруппового взаимодействия военнослужащих (групповой динамики). Проведенные исследования показали, что межличностные отношения членов боевых подразделений существенно влияют на эффективность их деятельности, боевую адаптацию военнослужащих, частоту и выраженность нервно-эмоциональных реакций в условиях локальной войны [512].

Несколько раньше при решении вопросов комплектования боевых экипажей было установлено, что предпочтительные выборы «желательных партнеров» относительно независимы от показателей успеш-

ности их деятельности или наличия боевого опыта, а обусловливаются такими факторами, как «способность приспособиться к экипажу», «личная уравновешенность», «способность быть хорошим товарищем» [464].

Как известно, вслед за Великобританией с 1973 года США начали осуществлять переход к принципу добровольного комплектования вооруженных сил. Это решение обусловливалось тем, что современная военная техника требовала большого числа специалистов высокой квалификации, подготовка которых обходилась чрезвычайно дорого и требовала существенных затрат времени, тем самым сокращая сроки практической службы на соответствующих должностях. В связи с этим возникала дилемма: или продлевать сроки службы в вооруженных силах, что, с учетом массового дезертирства (особенно в период Вьетнамской войны) и многочисленных случаев неявки на призывные участки, не сулило особых выгод, или комплектовать войска уже подготовленными специалистами и лицами, наиболее пригодными к обучению и имеющими мотивацию к воинской службе. Не менее существенной причиной являлась потребность в регулярной и высокопрофессиональной армии, чтобы обеспечить реализацию американской политической доктрины военного доминирования («с позиции силы»). Другая составляющая американской политической доктрины не столь очевидна, хотя и неоднократно (в том или ином виде) формулировалась американскими политическими деятелями: у других стран проблем должно быть всегда больше, чем у США. В ряде регионов эти проблемы создавались искусственно или провоцировались спецслужбами и затем поддерживались войсками «экспедиционного корпуса», действовавшего далеко за пределами страны. В той или иной мере, прямо или косвенно, США участвовали практически во всех локальных конфликтах, которые вспыхивали то в одних, то в других районах мира на протяжении всего периода после завершения Второй мировой войны. Во многом аналогичной тактики придерживался и Советский Союз, однако в отличие от американской политики разумного эгоизма и прагматизма советские руководители в большинстве случаев исходили из примитивно интерпретируемых идеологических установок и потребности поддержания иллюзии «победного шествия социализма по планете», не считаясь с затратами и ущербом экономике страны. Распад СССР, с одной стороны, способствовал усилению военного влияния США, а с другой — привел к росту пацифистских настроений в американском обществе и создал новые проблемы с рекрутскими наборами в армию.

В конце 1980-х годов в соответствии с законодательством США добровольцы 17—35 лет и образованием не менее 9 классов, годные по состоянию здоровья, интеллектуальному и физическому развитию к военной службе, подписывали контракты на 3—6 лет. Профессиональный отбор добровольцев предусматривал несколько этапов. На вербовочных пунктах добровольцы проходили предварительное

психологическое обследование. Набравшие «проходной балл» направлялись в специализированные психологические лаборатории, где обследовались с помощью стандартной армейской батареи тестов. Показав и здесь необходимый результат, доброволец отправлялся на приемный пункт вида вооруженных сил, где уточнялось его профессиональное предназначение. Профессиональный отбор, однако, на этом не заканчивался: для добровольцев устанавливался испытательный срок — в период начальной военной подготовки (16 недель) и в течение всего первого года службы.

Несмотря на появившиеся в последние годы новые модификации, в том числе реализуемые на основе компьютерных технологий, армейская батарея включала, в принципе, те же тесты для оценки общих и специальных способностей, общее количество которых, в зависимости от целевого назначения, колеблется от 30 до 50 [442, 464, 485]. В основе этого подхода лежат два главных принципа тестирования — протяженность и разнообразие. В наиболее общем виде этот принцип можно сформулировать следующим образом: независимо от специфики обследуемого контингента и прогнозируемых качеств, чем разнообразнее набор тестов, чем больше заданий содержит конкретная методика и чем протяженнее по времени процедура тестирования, тем больше вариативность данных об эффективности работы испытуемых и надежнее информация об их индивидуальных особенностях.

Значительное внимание в США и других странах НАТО уделяется отбору сержантского состава, который комплектуется из числа солдат, прошедших дополнительный (специализированный) отбор и подготовку в учебных центрах.

Состав армии США, впрочем, как и в современной России, отражает классовую структуру общества. Рядовой состав армии в значительной степени формируется из социально-незащищенных слоев общества и так называемого цветного населения. В то же время офицерский состав в конце XX века на 95% состоял из представителей привилегированных классов. Для поступления в некоторые военные училища и практически во все академии по подготовке офицерских кадров, кроме высоких показателей профессионального отбора и определенного образовательного ценза, нередко требовалось предоставить дополнительную рекомендацию статусных личностей (из армии, политики или бизнеса), которая одновременно являлась своеобразным поручительством в лояльности кандидата к существующей политической системе.

В 1982 году началось внедрение автоматизированных систем для психологического обследования добровольцев и военнослужащих, реализуемых на основе компьютерных технологий. В отечественном военно-профессиональном отборе начало внедрения подобных систем было запланировано на 1990 год [47], и нами уже было разработано соответствующее программное обеспечение, но в целом это решение так и не было реализовано до настоящего времени.

В США уже в конце 1980-х годов все подразделения профессионального отбора были оборудованы системами автоматизированного тестирования, реализуемыми на основе персональных компьютеров, связанных в единую сеть с базовой системой ЭВМ министерства обороны страны [485]. При этом был учтен очень существенный психологический фактор — эти системы были общедоступны и обращение к этой автоматизированной системе (вроде бы) никого ни к чему не обязывало. Обследование по армейской батарее тестов мог пройти каждый желающий, после чего ему выдавалась карта «Предварительных квалификационных результатов тестирования Армии США», где указывались индексы пригодности кандидата к тем или иным группам военных специальностей, рекомендуемое профессиональное предназначение, сроки подачи рапорта о желании поступить на военную службу, а также место проведения военной подготовки и размеры оплаты. Одновременно все данные о любом прошедшем тестирование фиксировались в памяти базовой ЭВМ министерства обороны и могли быть использованы при объявлении тотальной мобилизации. В последующем эта система неоднократно модифицировалась, однако принципы ее методического обоснования изменились несущественно.

Переход к добровольному принципу комплектования армии решил одни, но поставил другие проблемы. Учитывая, что этот вопрос остается актуальным для современной российской армии, остановимся на некоторых его аспектах. По данным на 1980 год (т.е. через 7 лет после введения рекрутских наборов) дефицит в людских резервах армии США (с учетом армейского звена, резервистов и национальной гвардии) составлял около 300—500 тыс. человек. Впервые нехватка добровольцев во все виды вооруженных сил начала ощущаться с 1979 года, когда суммарно было набрано только 93% от потребного (установленного конгрессом) количества, при этом армейское звено было укомплектовано лишь на 88% [487]. Наиболее выраженный некомплект наблюдался в частях сухопутных войск, которые состояли из стратегического резерва и воинских контингентов в других странах. В начале 80-х годов XX века это объяснялось отсутствием опыта комплектования войск на основе рекрутских наборов. Однако эти же проблемы оставались актуальными и через 10 лет. Так, по данным, опубликованным в журнале «Newsweek» (1989), в течение 1988 финансового года в вооруженные силы США было завербовано 272 тыс. человек, что на 45,5 тыс. меньше, чем за аналогичный период 1987 года, даже несмотря на достаточно высокое и регулярно повышающееся денежное содержание военнослужащих, составлявшее от 2 (у рядового состава) до 5 и более тыс. долларов в месяц (у офицеров). С тех пор денежное содержание увеличилось более чем вдвое, а у отдельных категорий военнослужащих — в 3 раза, но проблемы остались. Финансовое стимулирование очень существенно, но оно не решает проблему, в основе которой лежат не столько материальные, сколько психологи-

ческие факторы современного мироощущения (качественно изменившегося за последние 20 лет)[1].

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТИРОВАНИЯ АРМИИ США

Это еще не контракт, а только результаты вашего предварительного тестирования

Имя:	Мэрихуг Гордон
Личный номер:	386549417
Адрес:	723 Boone St. Cadillac Mich. 43 601
Телефон:	312-555-5555

Исследованные области способностей:			Исследованые медицинские данные:
Пехота*	(CO)	121	Состояние здоровья: 111111
Полевая артиллерия	(FA)	111	
Электроника	(EI)	103	
Операторский профиль (DF)	114		
Охрана	(SC)	126	Цветоощущение: норма
Моторизованные части	(MM)	109	
Обслуживающий персонал	(GM)	090	
Работа с документами	(KL)	138	
Квалифицированный технический персонал	(ST)	098	
Общий технический персонал	(GT)	148	

Возможная оплата: **Безвозмездная ссуда:**

[Приводятся данные о сроках службы, общей оплате, вычетах за продовольствие и обмундирование, средствах, выдаваемых в наличный расчет, стоимости подготовки военных специалистов и т.д.]

Предварительный прогноз для последующего тестирования перед поступлением на службу:

Рекомендуемое назначение: **Н-17**

Подобранная специальность: 118 — пехотинец

Срок подачи рапорта о поступлении на службу: 31.08.81

Место специальной военной подготовки:

Форт Бенин, Джорджия, начало подготовки 9.11.81

Место общей военной подготовки:

Форт Бенин, Джорджия, начало подготовки 7.09.81

Имя вербовщика: прибор № 9999.

* Приводится принятая в армии США классификация военных специальностей.

[1] Ведущими императивами общества потребления стали материальное и финансовое благополучие. Безусловно, для реализации этих прагматичных целей можно потратить много сил и десятки лет, но умирать ради этого? Как свидетельствуют все доступные периоды истории, умирать можно только за идеи, которые этого стоят. Западная цивилизация, к которой мы не так давно примкнули, уже давно не предлагает таких идей.

С учетом усложнения проблем комплектования в конце XX века значительное внимание в армии США уделялось использованию женщин-военнослужащих, но само «нововведение» подавалось как последовательное развитие демократии и еще один шаг к преодолению дискриминации по половому признаку. Количество женщин-военнослужащих в армии США в начале 1980-х годов составляло 12% от всего личного состава, а к концу 1990-х снизилось до 10%. И хотя, как отмечали американские эксперты, «первый энтузиазм в отношении использования женщин в нетрадиционных видах деятельности упал», так как они (преимущественно в связи с недостаточной физической силой и выносливостью) оказались эффективны лишь на канцелярской и медицинской работе, в 1989 году было принято решение о приеме еще 4 тыс. женщин в «чисто мужские подразделения», включая морскую пехоту. Правда, в последнем случае предполагалось, что на женщин будут возложены функции охраны американских посольств за рубежом. Тем не менее женщины служат в ВВС, как правило, пилотами транспортных самолетов, на флоте — в экипажах кораблей обеспечения и ряде других «неженских» подразделений. Естественно, что женщины далеко не всегда способны преодолеть «барьер» тестов на физическую подготовленность для отбираемых в морскую пехоту: не менее 58 приседаний и отжиманий от пола за 2 минуты и кросс на 2 мили (около 3 км) не более чем за 30 минут. Однако это не исключало возможность их использования при укомплектовании боевых подразделений. В целом, несмотря на то что привлечение женщин в армию активно поддерживалось всеми американскими СМИ и последовательно романтизировалось кинематографом (большинству соотечественников хорошо знакомы эти фильмы, например «Солдат Джейн»), эта идея, по прошествии десятилетий, может оцениваться как весьма сомнительная: «У войны не женское лицо».

Одновременно со снижением количественного состава вооруженных сил США, по мнению американских специалистов, снижается их качественный состав. В частности, в одном из ежегодных отчетов конгрессу США отмечалось, что с 1976 года количество выпускников высшей школы в армии уменьшилось на 25%. При этом подчеркивалось, что, как показали специальные исследования, выпускники высшей школы почти вдвое лучше несут службу, чем военнослужащие, не имеющие высшего образования, они более дисциплинированы, имеют более устойчивую мотивацию к службе и склонность к продолжению военной карьеры.

В качестве второго важного показателя изменения качественного состава вооруженных сил самым серьезным образом рассматриваются результаты профессионального психологического отбора. Как уже отмечалось, по результатам тестирования военнослужащие США делятся на 5 категорий или групп пригодности. При этом принадлежность к первой группе («высшей интеллектуальной категории») коррелирует с успешностью обучения, более эффективным сохранением и примене-

нием навыков, с потенциальной способностью к руководству и лидерству. Поэтому естественна заинтересованность в отборе именно этой категории кандидатов. Но, как отмечали американские специалисты, относительное количество военнослужащих и добровольцев с «высшей интеллектуальной категорией» постоянно снижается, а военнослужащих с «четвертой интеллектуальной категорией» («пограничная группа пригодности») среди военнослужащих профессиональной армии оказалось в четыре раза больше, чем предполагалось. «Пограничниками» было укомплектовано около 25% должностей рядового состава, а в сухопутных войсках эта категория достигала 45%. Здесь уместно отметить, что в наших Вооруженных силах до последнего времени с этой (качественной) точки зрения личный состав вообще не изучался. Но уже приведенные данные о качественных характеристиках кандидатов в высшие военно-учебные заведения МО РФ (см. с. 34), дают вполне определенный прогноз.

Учитывая складывающиеся тенденции, американские эксперты отмечали, что наряду с рекрутскими наборами примерно до 33% должностей в армии по-прежнему должны укомплектовываться переменным составом, призываемым на службу независимо от желания или отсутствия такового (через год после перехода на добровольную систему комплектования переменный состав, т.е. призывники, составлял около 40%). Это обусловливалось тем, что количество военнослужащих, склонных к продлению службы на срок более 3 лет, неуклонно снижалось (тем не менее эта категория составляла около 60%), при этом особенно «страдали» морская пехота и ВМС. С момента начала введения рекрутских наборов количество солдат с воинским стажем более 5—12 лет в сухопутных войсках уменьшилось на 40%, что свидетельствовало о том, что старослужащие все меньше склоняются к продлению службы. Однако, как бы ни были пессимистичны оценки американских экспертов, достаточно ясно, что подразделения, состоящие даже на 50% из военнослужащих с воинским (как правило, боевым) стажем более 5 лет, отличаются, бесспорно, более высоким уровнем боеготовности и боеспособности, чем подразделения, полностью состоящие из необстрелянных «новобранцев», к тому же принадлежащих к более молодой (и, следовательно, — менее опытной) возрастной группе. Поэтому, учитывая, что в описываемый период проблема профессиональной армии в СССР только обсуждалась, оптимальным представлялось решение об использовании двух способов комплектования подразделений: рекрутские наборы на срок не менее 4—5 лет и регулярные призывы на действительную воинскую службу, длительность которой при таком подходе могла бы быть разумно сокращена.

Завершая изложение проблемы профессионального психологического отбора в армии США, уместно привести данные о ее количественном составе, имевшиеся в нашем распоряжении на 31 декабря 1988 года. Численность военнослужащих составляла 2 121 142 человека,

из них: армия (сухопутные войска) — 765 тыс., ВМС около 583 тыс., морская пехота — 195 тыс., ВВС — 578 тыс. При этом плановое сокращение вооруженных сил, начатое еще после Второй мировой войны, осуществлялось в основном за счет рядового состава. Если с 1945 года, когда «под оружием» находилось 12 млн военнослужащих, численность рядового состава уменьшилась на 82%, то число офицеров в вооруженных силах США за тот же период снизилось лишь на 15% (и составляло на исследованный нами период около 300 тыс. человек), что также характеризует качественный состав армии США. Для сравнения приведем оглашенную в тот же период Президентом СССР М. С. Горбачевым (во время визита в Англию, 1989) численность Вооруженных Сил СССР — она составляла 4 млн 258 тыс. человек[1].

В последние десятилетия XX века годы в американской системе психологического отбора происходил ряд изменений. Для руководства системой профессионального отбора было создано специальное управление министерства обороны (Recruiting Command Headquarter), особые рекрутинговые подразделения и вербовочные компании, а также более 2000 постоянно действующих консультативных пунктов для потенциальных новобранцев. Отбор добровольцев ведется непрерывно, преимущественно прошедшими специальную подготовку сержантами — высококвалифицированными профессионалами, которые способны легко входить в контакт с молодыми людьми и вызывать у них чувство уважения и доверия. После предварительного отбора на вербовочном пункте рекруты направляются для дополнительного медицинского и психологического обследования, а также оценки физической подготовленности, а затем (при соответствии установленным критериям) — поступают в учебные центры видов вооруженных сил. На всех этапах отбора особое внимание уделяется психологической обработке и пропаганде службы в армии, новобранцам последовательно разъясняется (и отчасти внушается), что они становятся членами организации, призванной защищать мир и демократические ценности, а также отстаивать национальные интересы США. Подчеркиваются преимущества воинской службы, в частности — ее престиж, стабильность занятости, высокая оплата, социальные гарантии, льготы для членов семьи и т.д. Добровольцам предоставляется возможность выбора военной специальности, вида вооруженных сил, рода войск и места службы (естественно — в рамках установленной психологической пригодности). Регулярно, по аналогии со службой занятости США, министерством обороны издаются сборники с перечнем наиболее востребованных военных специальностей, сведениями об условиях контрактов, сроках

[1] К 2010 году офицерский корпус армии РФ уменьшился до 355 тыс., и в ближайшие годы планируется его сокращение до 220 тыс., при общей численности военнослужащих около млн (220 тыс. — офицеры; 100—120 тыс. — сержанты со специальной подготовкой в течение 3 лет, остальные [730—750 тыс.] — солдаты-срочники). По мнению независимых военных экспертов, при нашей территории и протяженности границ — этого может оказаться недостаточно.

обучения и службы, присваиваемых званиях и должностных окладах, а также последующих перспективах применения полученной квалификации в гражданской жизни. Аналогичные сведения размещаются на сайтах министерства обороны США, где любой желающий может пройти предварительное тестирование в режиме онлайн по системе CAST (Computerized Adaptive Screening Test).

Данные обо всех, кто прошел обследование (независимо от принятого решения), фиксируются в информационной системе вербовочных пунктов и передаются в единую базу данных вооруженных сил США (ARADS Army Recruiting and Accession Data System).

Особое внимание уделяется мотивационным факторам поступления на службу, которые условно разделяются на несколько групп: например, связанные с возможностью получения образования, обусловленные некими причинами личного характера или проявлениями чувства патриотизма (предпочтение отдается «солдатам-патриотам»). Применяемые тесты, как и прежде, составляются по принципу возрастающей сложности, но в целом, в самой процедуре тестирования по армейской батарее тестов (ASVAB — Armed Services Vocational Aptitude Battery) более существенное внимание стало уделяться выявлению уровня знаний (по математике, физике, механике и электронике), а также — психиатрической оценке, в частности, предрасположенности к социальной патологии и исследованию характерологических признаков.

В соответствии со шкалой нормального распределения, как и ранее, выделяется 5 групп профессиональной пригодности: намного выше среднего уровня, выше среднего, среднего, ниже среднего и намного ниже среднего (две последние группы составляют 30% и оцениваются как условно пригодные и непригодные). В целом, с учетом результатов тестирования и окончательного решения самих молодых людей рекрутируется один новобранец из 24 обследованных. Финансирование службы профессионального психологического отбора США составляет около 200 млн долларов в год.

3.2. Профессиональный психологический отбор в других зарубежных странах и армиях

Уже на состоявшейся более 40 лет назад в Страсбурге Международной конференции по проблемам образования и профессиональной психодиагностики отмечалось, что из 58 стран — участниц конференции тестовые испытания в целях профессионального отбора применяли 52 страны. Профессиональный отбор получил особенно широкое распространение в передовых странах Запада: Великобритании, Германии, Италии, Швейцарии, Швеции, Франции и др. В системе образования профессиональный психологический отбор начал активно применяться и в развивающихся странах, в том числе при отборе кан-

дидатов, направляемых для обучения в вузы передовых стран мира. Например, в Колумбии в 1981 году из 100 претендентов (преимущественно выпускников привилегированных школ) методами психологического отбора было «отсеяно» более 70%, а из числа выдержавших испытания лишь первым 10 было предоставлено право выбора страны и профиля обучения. Не повторяя уже изложенные подходы, во многом аналогичные используемым в США, остановимся лишь на некоторых отличительных особенностях применения профессионального отбора в экономически развитых странах.

Во Франции отбор военнослужащих по психологическим критериям был введен в 1954 году в интересах установления интеллектуальных способностей призывников, которые в сочетании с данными об их физическом развитии и индивидуальными особенностями позволяли определять профессиональное предназначение новобранцев. Специалисты французской службы профессионального отбора обследовали призывников, как правило, достаточно большими группами (до 300—600 человек). Это позволяло более эффективно осуществлять распределение кандидатов по основным группам военных специальностей. При обследовании использовалась батарея интеллектуальных тестов, исследовалась сенсомоторика, изучались особенности личности и мотивация к тому или иному виду воинской деятельности. Обработка данных, так же как и в армии США, уже в 1980-е годы осуществлялась с помощью ЭВМ с объемом памяти лишь в 16 килобайт, что свидетельствовало о ее достаточной простоте (для сравнения — разработанная нами [в рамках НИР «Отпрыск»] автоматизированная система обработки и учета психологических данных призывников реализовалась на ЭВМ с объемом памяти в 512 килобайт). Упомянутая выше французская система, так же как и разработанная для нее программа «ТАТОС» (автоматическая система обработки тестов), имела «моноцелевое» предназначение. Эта программа позволяла классифицировать кандидатов применительно ко всем специальностям, на которые проводился отбор, с учетом их физических и умственных способностей, мотивации и потребностей армии в тех или иных специалистах [441].

Используемое во французской армии программное обеспечение состояло из четырех блоков:

- 1-й блок — содержал данные, отражающие обоснованные требования к призывному контингенту, включая пороговые значения оценок (критериев отбора) по каждому тесту или батарее тестов применительно к конкретным специальностям;
- 2-й блок — служил для накопления всех данных о кандидатах (заключения медицинского освидетельствования, результаты психофизиологического обследования, оценки физической подготовленности и сведения о склонностях);
- 3-й блок — программа обработки данных — на основе сопоставления данных первого и второго блоков рассчитывал для каждого

кандидата три варианта вероятностного заключения в порядке его предпочтительного использования и ранга выбора (или, вернее, приоритетного предназначения). Этой же программой осуществлялось автоматизированное распределение кандидатов по группам специальностей. В случае необходимости, в частности, при несоответствии качественного состава кандидатов плану на призыв, программой предусматривалась коррекция пороговых оценок (введение поправочных коэффициентов к критериям отбора в 1-м блоке);

- 4-й блок — программа формирования и предъявления результатов распределения кандидатов в виде списка: рекомендованных на ту или иную специальность; оставшихся вне распределения; избыточных по той или иной специальности; непригодных к службе; вакансий, оставшихся неукомплектованными после распределения.

Для изучения психопатологических тенденций в армии Франции применялась специальная анкета, состоящая из 115 вопросов. По аналогии с вопросником MMPI, результаты обследования выражались в виде профилей из 9 шкал, которым придавалась клиническая интерпретация (тревожность, предрасположенность к депрессии, навязчивости, демонстративности (истероидность), психосоматизация, шизоидность, паранойяльные и психопатические тенденции, лживость). Эта же анкета использовалась при отборе летчиков французских ВВС и при первичном отборе французских космонавтов для участия в совместном советско-французском космическом полете. Общее руководство системой профориентации и профотбора Франции осуществляла Генеральная академия профориентации.

В Великобритании системой профориентации и отбора в рассматриваемый период руководила служба занятости молодежи, подчиненная министерству труда. В вооруженных силах Великобритании, так же как и в США, действовали специализированные подразделения профотбора. Основным научным центром по этой проблеме являлся Британский институт промышленной психологии, который также действовал в качестве независимого профконсультационного центра.

В ФРГ вопросами профотбора занималось Управление профориентации, которое координировало свою деятельность с биржей труда и министерством обороны. В стране существовала, например, отдельная биржа для «самых хороших директоров», к услугам которой прибегали преимущественно частные предприниматели. К кандидатам в руководители индустрии предъявлялись следующие требования: максимальная квалификация в своей области, предприимчивость, высокий уровень общих способностей, творческие возможности, обладание стратегическим мышлением, умение планировать, знание технологии своего производства и рынка, развитое чувство ответственности, знание английского языка, возраст — от 40 до 50 лет. Первичный договор после предварительного отбора заключался на 3—5 лет. Он мог продлеваться, но лишь до достижения кандидатом 63 лет. Оплата труда директоров крупных концернов (которая также рассматривалась как один

из важных психологических факторов, побуждающих к «максимальной отдаче» при рабочем дне в 12—14 часов), была, как правило, в 3—4 раза больше оклада премьер-министра. Уместно отметить, что такое же положение в распределении материальных благ в соответствии со способностями людей и их личным вкладом в общественное достояние действовало в большинстве западных стран. Например, в США — при самой высокой оплате деятельности в правительстве в 200 тыс. долларов в год (оклад президента страны по данным на 1985 год), в стране насчитывалось около 50 руководителей крупных фирм с годовым окладом более 1 млн долларов. Учитывая, что за последние 20 лет доллар существенно обесценился, сейчас эта сумма, вероятно, составляет от 5 до 15 млн долларов. Переходя к современности, нужно также отметить, что самые крупные доходы директоров и служащих «переместились» из сферы реального производства в банковский сектор (как следствие того, что деньги из «всеобщего эквивалента» постепенно трансформировались в специфический товар, не подлежащий длительному хранению[1]).

В Италии служба профориентации была создана еще в 1951 году. В отличие от ряда других стран, где вопрос о том, применять или не применять тесты, решался конкретным предпринимателем индивидуально, в Италии обязательность профессионального отбора при приеме на работу или службу в определенный период была закреплена законом (Закон № 25 «Об ученичестве», 1955 г.).

Заслуживает внимания вопрос о подготовке кадров по профориентации и профотбору в зарубежных странах, которых в США на конец 1980-х годов было более 150 тыс. (у нас на тот же период — около 4,5 тыс.). В экономически развитых странах в конце XX века действовали преимущественно три основных вида подготовки специалистов по профотбору:

1) краткосрочные (2-, 3-, 6-месячные) курсы для лиц, имеющих опыт работы в этой области;

2) 2—3-годичные программы в специализированных учебных заведениях, куда принимались лица, имеющие высшее образование по одной из следующих специальностей: социология, психология, экономика, педагогика, антропология (заметим, что подготовка ни по социологии, ни по психологии не являлась основанием д ля допуска к психодиагностической практике);

3) специализирующиеся по подготовке специалистов по профессиональной психодиагностике факультеты колледжей, например колледж Бирбека в Англии, Национальный институт труда и профориентации во Франции и др.

---

[1] Более подробно эта позиция изложена в моей статье: Какой кризис мы переживаем? Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных и кризисных ситуациях // Вестник МЧС России. 2009. № 3 (13). С. 44—46.

Приведенные материалы позволяют сделать заключение, что в большинстве развитых стран в конце XX века действовала развитая система профориентации и профессионального отбора, включающая соответствующие службы вооруженных сил. Деятельность этих служб вполне обоснованно рассматривалась в качестве одного из важных звеньев государственной политики, направленной на изучение, учет, рациональное распределение и экономически целесообразное использование человеческих (прежде всего — интеллектуальных) ресурсов.

3.3. Экономические и идеологические основы профессионального отбора

В одном из самых популярных американских справочников для специалистов по профессиональной ориентации профессиональный отбор определялся как «процесс оказания помощи индивиду в изучении профессии и собственных качеств, процесс, завершающийся разумным выбором профессии» [436, с. 1]. Однако это определение во многом раскрывает лишь внешнюю сторону профессионального отбора. Более глубоко его сущность была определена несправедливо забытым на какой-то период К. Марксом: «Если рабочий не обладает средней работоспособностью, если он не в состоянии дать определенного минимума дневной работы, то его увольняют» [60, с. 563—564]. Таким образом, профессиональный отбор, имея определенную позитивную направленность (гуманитарную составляющую), в то же время выполняет социальный заказ работодателей, заинтересованных в подборе наиболее способных исполнителей, обеспечивающих адекватный уровень производительности труда и конкурентоспособности. В условиях сокращения численности населения в современной России, где производительность труда в среднем в 2—3 раза ниже, чем в экономически развитых европейских странах, эта проблема становится еще более актуальной.

Ф. Тейлор, методы которого в советской литературе (в полном соответствии с определением В. И. Ленина) однобоко характеризовались как «прогресс в искусстве выжимать пот» [64, с. 19], в своих работах неоднократно отмечал, что в ряде случаев профессиональный отбор является ведущим элементом его системы научной организации труда. Особое значение, по мнению Ф. Тейлора [385], профессиональный отбор приобретает по отношению к профессиям, где от личных качеств человека в решающей мере зависит результат труда. Следуя принципу справедливости, следует отметить, что, критикуя тейлоризм как одно из средств усиления капиталистической эксплуатации трудящихся, В. И. Ленин одновременно подчеркивал, что «в системе Тейлора заключается громадный прогресс науки... открывающей пути к громадному повышению производительности человеческого труда» [63, с. 140]. К сожалению, эти принципы в отечественной производствен-

ной практике, особенно в советский период, постепенно приобретали все более идеологическую окраску, а их научная составляющая последовательно выхолащивалась, что, в целом, характерно и для современной ситуации.

Если рассматривать процесс разделения труда и социальное расслоение в историческом аспекте, то можно констатировать, что привилегия физической силы уступила привилегии знатности рода, а на смену ей пришла привилегия богатства, способность к умножению которого уже «научными» методами обосновывалась чуть ли не как высшая одаренность. И хотя для умножения собственного состояния в условиях жесткой конкуренции действительно требуются неординарные способности, гуманистический аспект и общественная значимость способностей конкретной личности, по нашему мнению, должны во всех случаях рассматриваться не только в качестве приоритета, но и как важный аспект поддержания социальной стабильности и обновления управленческой и экономической элиты. Однако сращивание экономических, политических и властных элит и их заинтересованность в сохранении своего элитарного положения привели к тому, что именно гуманистическим аспектом профессионального отбора последовательно пренебрегается. Индивидуальные способности, примерно так же, как в период монархических форм государственного устройств, рассматриваются как достойные уважения, но не такие уж значимые факторы общественного признания. Одновременно с этим отсутстве экономических возможностей для получения образования и развития способностей в ряде случаев характеризуется как результат «стечения обстоятельств» или «собственная вина конкретной социальной группы» или конкретной личности. В наиболее примитивном виде эта позиция была сформулирована известным западным идеологом и психологом (в тот период — советником президента США Р. Рейгана) Р. Пайпзом: «Если ты беден и болен — ты дефективен». Этот тезис, безусловно, не лишен определенного смысла, но тем не менее предельно циничен. И здесь уместно еще раз обратиться к К. Марксу, который обосновывал, что на определенном этапе развития общества «капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист» [61, с. 344]. Вравной степени этот тезис может быть спроецирован на современную административно-политическую элиту. Способности и здоровая конкуренция здесь играют уже второстепенную роль, и это также может быть одной из причин перманентных кризисов, сотрясающих то отдельные компании, то целые государства.

В свое время наши гуманитарно настроенные американские коллеги указывали, что, несмотря на успехи профессионального отбора, до 40% учащихся с достаточно высоким уровнем способностей не имеют возможностей для получения образования по причинам материального характера. И одновременно более 60% молодых людей в США отме-

чали огромное расхождение между предпочитаемыми сферами деятельности и теми профессиями, которые они считали доступными для себя с учетом своего материального и социального положения [127, 450, 493]. В целом, эта ситуация стала характерной и для современной России. Тем не менее, в отличие от нашей страны, социальный заказ на психологические исследования остается в западном мире на самом высоком уровне, что обусловливается ихвысокой экономической эффективностью, а также возможностью их применения в качестве специфического политического «инструментария». Только «благодаря» фонду Сороса в нашей стране было проведено психологическое обследование нескольких сот тысяч учащихся школ, десятки тысяч из которых получили приглашение продолжить образование в США. Не вызывает сомнения, что лучшим из них будут предоставлены вид на жительство, гражданство, работа и достойная оплата. Другая сторона вопроса имеет исключительно политическую направленность. Весьма своеобразно специфический характер социального заказа на психологические исследования был в свое время выражен У. Чемберленом: «Если предприниматели научатся понимать, что у рабочих на уме, и смогут воздействовать на их состояние... они научатся удовлетворять желания рабочих, и тогда профсоюзы исчезнут как ненужные» [цит. по: 197, с. 180][1].

В современной России роль психологического отбора в соответствии со способностями стала подменяться не вполне адекватным этим задачам образовательным отбором на основе примитивных тестов, хорошо известных как ЕГЭ. Стратегическая задача введения образовательных тестов в школе базировалась якобы на принципе обеспечения (вытекающих из Конституции РФ) равных возможностей для получения высшего образования молодежью из всех социальных слоев и регионов страны. Однако самые престижные и действующие на уровне высоких образовательных стандартов вузы находятся в столичных центрах, и для того, чтобы даже доехать до них, а тем более — жить и учиться (даже на основе бюджетного финансирования) в течение нескольких лет, требуется очень высокий уровень доходов семьи. В то же время число бюджетных мест в вузах последовательно сокращается на протяжении всего реформаторского процесса. В этой связи следовало бы перенять «опыт Сороса» по выявлению талантливых детей и созданию для них особых условий для получения образования и развития их способностей, но в собственной стране. Как уже упоминалось, ряд специфических способностей (напрмер, математических или художественных) имеют свои периоды манифестации, и если именно в эти периоды они не будут замечены и не будут созданы адекватные условия для их развития, эти способности утрачиваются. Кроме того, талантливые

[1] В этом материале мы не затрагиваем разработанные психологами методы воздействия на массовое сознание, которые с высокой эффективностью применяются во всех развитых странах.

дети, помещенные в традиционную образовательную среду (обычных детей и таких же преподавателей) очень быстро «усредняются» и, как таланты, гибнут.

3.4. Профессиональный отбор в отечественной науке и практике комплектования Вооруженных сил

Одной из первых работ, посвященных проблеме профессионального отбора, в отечественной практике была статья Н. И. Киреева «Выбор факультета и прохождение университетского курса», опубликованная в 1897 году, которая имела не столько научный, сколько филантропический характер [274].

История зарождения, становления и развития методики и техники профессионального отбора как научного направления в нашей стране на протяжении длительного периода была связана почти исключительно с летной практикой. Это обусловливалось тем, что, вероятно, ни один другой вид деятельности не предъявлял столь высоких требований к соответствию между «трудом и работником».

Еще на заре русской авиации в 1898 году выпускник Военно-медицинской академии коллежский асессор С. П. Мунт поднимает вопрос о медицинской и психологической пригодности офицеров к службе в Воздушном флоте [308]. Но только в 1909 году было принято постановление об обязательном медицинском (с элементами психологического) освидетельствовании всех членов аэроклуба, которое, просуществовав менее года, по инициативе высокопоставленных участников этого (достаточно аристократического) общества было отменено — правящая элита всегда легко корректировала неудобные для нее законы. В 1911 году эта проблема уже выносится на страницы широкой печати. В частности, в одной из статей журнала «Разведчик» (№ 1057, 1911) указывалось на необходимость отбирать летчиков «по физическим и душевным качествам и способностям» и констатировалось, что нужны специальные «испытания, дающие гарантию, что кандидаты годны». Эти же вопросы поднимались в изданной в 1912 году книге А. И. Витмера «Авиация», а также в ряде статей, посвященных воздухоплаванию. Например, в газете «Русское слово» (от 10.04.1914) отмечалось, что «многие авиаторы обрекаются на гибель, так как совершенно не способны к этому делу».

По свидетельству одного из моих учителей, К. К. Платонова, В. М. Осипов, сменивший в 1925 году В. М. Бехтерева на кафедре психиатрии Военно-медицинской академии, говорил ему, что уже в 1917 году при Ученом совете академии начала работать специальная комиссия по изучению труда летчиков. В это же время на кафедре психиатрии академии работал известный русский психолог А. Ф. Лазурский [219—221], подходы которого к проблеме психодиагностики отличались достаточной самобытностью. В частности, по-видимому, не без влияния

В. М. Бехтерева, учеником которого онявлялся, А. Ф. Лазурский пришел к выводу о необходимости нейродинамического подхода к изучению личности. Им же впервые была предложена типология личностей, в основе которой лежал принцип успешности адаптации и результатов взаимодействия личности с окружающей средой, включая социальную среду. В то же время А. Ф. Лазурский практически полностью отрицал психометрику и количественные критерии оценки психических процессов.

Несколько иным путем к выявлению типологического в способностях людей подходил Г. И. Россолимо [356], который выделял 11 психических функций, которые можно объединить в 5 основных групп: внимание, запоминание, ассоциативные процессы, воля и «восприимчивость» (по автору — точность воспроизведения и формирования суждений). Выраженность каждой функции оценивалась в 10-балльной шкале, а результаты обследования по 38 субтестам различного содержания наносились на график, имеющий 11 шкал («психологический профиль Россолимо»). По сравнению с современной ему ортодоксальной тестологией, подход Г. И. Россолимо, бесспорно, был более прогрессивным, так как включал некоторые важные социально-психологические и клинико-психологические показатели, такие как воля, внушаемость, обучаемость, а их оценка в сочетании с интеллектуальными качествами и профильное выражение результатов обследования позволяли давать более развернутую характеристику личности. В последующем профильный подход получил широкое распространение в мировой практике. В частности, построение профилей используется при анализе данных обследования по шкале векслера, теста Мейли, батареи Ампхауэра (в отечественной практике более известной как «МИОМ»), в многочисленных клинико-психологических и личностных вопросниках (16-ФЛО, MMP1-СМИЛ и др.). Профильный подход был основным как в исследованиях, так и в практике мероприятий «профессионального психотехнического подбора», которые проводились у нас в стране в 1930-е годы [138].

С самого начала в отечественном профессиональном психологическом отборе, интенсивное развитие которого продолжалось в первые десятилетия советского режима, выделялись два основных направления — психологическое и социально-психологическое. Об этом свидетельствует, в частности, директива военного комиссара ВВФ за 1919 год, где отмечалось, что все авиашколы должны укомплектовываться «исключительно за счет коммунистов с партийным стажем не менее 6 месяцев», указывалось на проблемы групповой совместимости («особенно важно подготовить идеально спевшиеся экипажи»).

Как известно, в 1920 году по инициативе ВЦСПС был образован Институт труда (позднее, в 1921—1940 годах, — Центральный институт труда, или ЦИТ), от которого впоследствии отделились Центральная психофизиологическая лаборатория и Институт авиационной

сти» (тест Эббингауза, построение фраз из ограниченного количества слов, восстановление рассказа из перепутанных фраз, составление геометрических фигур из их частей и т.п.); «на логические способности» (тесты типа «Аналогии», «Числовые ряды», «Силлогизмы» и т.д.). Вероятно, не требуется какого-либо обоснования, что все три группы тестов направлены на исследование общей обучаемости и логического мышления, а предложенное авторами деление является достаточно условным. Эти методы в сочетании с исследованиями физической силы составляли основу военнопрофессионального отбора. Ранее (с 1924 года) при отборе военнослужащих (во многих случаях — из числа малообразованных людей) использовались более простые методы, в частности: запоминание 12 двузначных чисел, запись чисел в течение 30 секунд, начиная с любого числа с последующим увеличением на единицу (точно так же обратный счет). В отдельных случаях проводились опыты с написанием слов противоположного значения, давались задания на логическое мышление и исследовалась мышечная сила. В целом о научном уровне исследований того времени свидетельствует то, что приведенные выше методы излагались в сборнике «Достижения психофизиологической секции малого академического педагогического совета по исследованию учащихся в военно-учебных заведениях СССР» [165, с. 115].

В 1924 году в соответствии с положением, утвержденным членом РВС И. С. Уншлихтом и наркомом Н. А. Семашко, создается Центральная психофизиологическая лаборатория ВВС (ЦПФЛ ВВС), в состав которой входили физиологический и психологический кабинеты, а также научная библиотека. Основными задачами ЦПФЛ являлись: «изучение и установление свойств человеческого организма, коим должны удовлетворять лица, поступающие и выпускаемые из учебных заведений ВВС СССР», «разработка однородных инструкций, форм учета и прочих руководящих указаний для ПФЛ».

В 1925 году известным отечественным авиационным психологом и физиологом Н. М. Добротворским [161] ставится вопрос о «физиологических паспортах», являющийся в равной мере актуальным и нерешенным до настоящего времени. Тогда же Н. М. Добротворским [162] публикуется статья «К вопросу о применении психофизиологических методов в войсках для отбора по родам оружия», т.е. фактически, впервые ставится проблема не только отбора, но и рационального распределения призывных ресурсов. В том же 1925 году профотбор выходит за рамки авиационной практики и в соответствии с приказом Революционного военного совета (РВС) № 205 от 1925 года начинают создаваться психофизиологические лаборатории округов, армий и флотов. Первые результаты и проблемы внедрения профотбора в практику комплектования вооруженных сил страны были обобщены на I Всесоюзном съезде Военно-научного общества начальником ЦПФЛ Военно-санитарного управления РККА Ю. П. Фроловым в докладе «О практическом применении психофизиологических методов к укомплектованию

Красной армии, отбору по родам войск и рационализации военно-трудовых процессов». Широко известны слова из выступления на этом же съезде председателя РВС М. В. Фрунзе о психологических принципах отбора по родам войск: «При двухгодичном сроке службы для кадрового состава и при нашей территориальной системе... если мы в морской флот, в специальные технические войска, в авиацию будем давать такой контингент, который по своей физической структуре, по своей психологии непригоден для несения службы в этих родах оружия, то тем самым мы весьма и весьма ударим по боевой мощи их» [404, с. 401]. Ксожалению, следует признать, что в отечественной истории это было и остается пока единственным непосредственным обращением министра обороны к психологическим проблемам комплектования войск.

К этому же периоду относятся известные и теперь уже классические работы по исследованию индивидуальных отличий и профессиональной психодиагностике Л. С. Вьнотского [131, 132], А. Ф. Лазурского [221—222], А. Р. Лурия [131, 237—240], А. П. Нечаева [278—279], С. Л. Рубинштейна [358—360] и ряда других выдающихся ученых. Несколько ранее А. Ф. Лазурским [220] впервые была высказана идея о необходимости лонгитюдных исследований. В частности, он отмечал, что «индивидуальная психология должна в данном случае следовать примеру медицины», где ведущим методом являются длительные клинические наблюдения, где «больного изучают целые месяцы, иногда годы» [220, с. 330]. Этим же автором были в наиболее общем виде сформулированы основные подходы и критерии изучения интеллектуальной деятельности: «Быстрота или медленность умственных процессов. Преобладание сознательных или бессознательных психических процессов. Преобладание внешних восприятий над внутренними и обратно. Наличность или отсутствие направляющих идей в умственной сфере. Умственная утомляемость. Умственная упражняемость (привыкание)» [там же, с. 334]. Эти принципы также не утратили свою актуальность, и также — все еще не реализованы в полной мере, в том числе в отношении наиболее сложных и наиболее ответственных видов деятельности по управлению объектами повышенной опасности (ГЭС, АЭС и т.д.).

В 1930-е же годы, как уже отмечалось, в относительно короткие сроки были разработаны и внедрены в практику психологические испытания при укомплектовании частей и военных училищ Красной армии. Уже в 1928 году психофизиологический отбор в целях рационального распределения призывных ресурсов по родам войск прошли 76 тыс. красноармейцев и 10 тыс. кандидатов в военно-учебные заведения [310]. По решению М. Н. Тухачевского в Смоленске была создана психофизиологическая лаборатория, в 1929 году вышла книга Г. Хаханьяна «Основы военной психологии», в 1932 году была утверждена Инструкция о проведении психотехнических испытаний в военно-учебных заведениях и красноармейских частях. Однако в 1937 году, вследствие распро-

странения действия известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» [2911 и, в частности, выводов о «порочной практике тестирования» в педологии, на психологическую науку и методику тестовых испытаний в целом, проблема профессионального психологического отбора на несколько десятилетий была предана забвению, а фактически — запрещена. Перенос политических установок упомянутого выше постановления ЦК ВКП(б) на воинскую практику связан с именем Д. Е. Розенблюма — в то время научного сотрудника Института авиационной медицины. Как свидетельствовал К. К. Платонов, в 1937 году именно Д. Е. Розенблюмом был подан рапорт на имя начальника ИАМ Ф. Г. Кроткова о продолжающейся в РККА, «порочной практике тестирования», который последний был вынужден передать в Наркомат обороны. Однако психологические испытания при укомплектовании частей и училищ Красной Армии продолжались еще почти год. И лишь в 1939 году на докладной записке флагманского врача Управления ВВС Белорусского военного округа о необходимости введения «единой унифицированной методики и порядка ее проведения в частях, особенно по производству психофизиологических испытаний», помощником начальника Санитарного правления Красной Армии Л. К. Ротгаузом была наложена резолюция: «Никаких испытаний не будет».

В последующем, на протяжении почти 30 лет, военная психология развивалась в существенной степени вне связи с общественной, образовательной и воинской практикой, что не могло не сказаться на уровне теоретических обобщений и разработке новых экспериментальных и методических подходов. Во многом этому способствовало принижение роли отдельной личности вообще и популяризация вульгарных представлений об исходном (врожденном) равенстве способностей и потенций людей, однобоко ориентирующих психологическую науку только на вопросы воспитания, обучения и общетеоретические, в определенной степени — оторванные от социальной практики, исследования. Возрождение изучения этой проблемы относится к 1960-м годам, когда с появлением сверхзвуковой авиационной техники отсев профессионально непригодных из летных училищ ВВС составил более 50% уже в начале обучения навыкам пилотирования.

Уместно также отметить, что уже через четыре года после внедрения в практику отбора кандидатов на летное обучение психологических методов отсев непригодных за весь период обучения снизился до 36%. Однако в политическом аспекте проблема способностей впервые была поднята лишь на июньском (1987) пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачевым, в докладе которого прямо указывалось, что «...основной принцип социализма “от каждого — по способностям, каждому — по труду” на практике нередко приносился в жертву упрощенно понимаемому равенству» [290, с. 3]. Этот, относящийся не только к социализму, принцип по-прежнему остается непонятым и нереализованным.

Возобновление исследований по профессиональной психодиагностике в Советской армии относится к 1955 году, когда были изданы «Методические указания по изучению индивидуально-психологических качеств курсантов и летчиков», в которых, наряду с методами наблюдения и беседы, приводились методики для оценки качеств внимания, памяти и мышления. Но лишь в 1961 году началось практическое внедрение экспериментально-психологического отбора кандидатов на летное обучение. После обобщения его результатов директивой Главнокомандующего ВВС СССР № 1488 от 20.05.1964 был введен обязательный профессиональный психологический отбор кандидатов на обучение в летные истребительные училища, порядок и перечень методов которого были определены в «Методическом пособии по психологическому отбору в высшие военные училища летчиков» (1966). Позднее были разработаны и введены в действие аналогичные пособия для училищ по подготовке штурманов (1973) и летчиков вертолетной авиации (1974). А затем требования этих документов были объединены в «Руководстве по профессиональному психологическому отбору в высшие военные авиационные училища» [260].

С 1970 года в штат летно-методических отделов авиационных училищ ВВС были введены психофизиологические лаборатории в составе: начальника — преподавателя учебно-летного отдела (подполковник медицинской службы), старшего лаборанта-пси- холога (служащий СА) и механика. Для отбора летчиков использовались: бланковая батарея интеллектуальных тестов (оценка общего интеллектуального развития); аппаратурные методы для исследования сенсомоторных качеств и профессиональных испытаний в условиях моделирования летной деятельности (на аппарате ДКН); «черно-красная таблица» для оценки распределения и переключения внимания; психологические вопросники (16-ФЛО, СМИЛ, ЧХТ, Айзенка и некоторые другие) для исследования личностных особенностей и нервно-психической устойчивости. Мотивация в сочетании с экспертной оценкой направленности на воинскую службу изучалась в процессе индивидуального собеседования, к которому привлекались летчики-инструкторы летно-методических отделов военных училищ. Научно-методическое руководство работой ПФЛ ВВС осуществлялось и осуществляется по настоящее время Институтом авиационной и космической медицины ВВС. И хотя методика и техника профессионального психологического отбора летчиков постоянно модифицировалась, в целом, разработанные в конце 1950-х годов методические подходы остаются прежними и, безусловно, адекватными. На протяжении почти двух десятилетий научно-методическое руководство этой работой в ИАМ и ВВС СССР осуществлял один из моих учителей — личность, заслуживающая самого высочайшего уважения и подражания, — Б. Л. Покровский.

Исследования по разработке методов профессионального психологического отбора специалистов ракетных войск стратегического назначения (в соответствии с распоряжением Главнокомандующего РВ

СН СССР) начались в 1972 году. В 1980 году приказом Главнокомандующего РВ СН № 0342 было введено «Положение по профессиональному психофизиологическому отбору младших специалистов ракетных войск». Научно-методическое руководство исследованиями и осуществлением практических мероприятий по профессиональному психологическому отбору в РВ СН осуществлялось войсковой частью 74833-В под руководством В. А. Пухова.

Интенсификация исследований по проблеме психологического отбора специалистов ВМФ СССР также относится к 1960-м годам. Однако лишь в 1969 году приказом Главнокомандующего ВМФ СССР № 160 было введено «Положение о приемно-технической комиссии флота», в дополнение к которому в том же году были изданы «Методические указания по проведению психофизиологического отбора курсантов в учебные отряды подводного плавания и школы ВМФ». К концу 1980-х годов на флотах постоянно действовали 14 штатных психофизиологических лабораторий учебных отрядов и школ в составе: начальника (старший лейтенант медицинской службы), врача-психофизиолога (служащий СА) и техника (мичман). Научно-методическое руководство работой ПФЛ ВМФ осуществлялось Центральной научно-исследовательской лабораторией профессионального отбора и профессиональной подготовки ВМУЗ при высшем Военно- морском училище имени М. В. Фрунзе (Б. В. Блинов) и войсковой частью 27177 (В. В. Белов, А. М. Васильков, В. Ю. Рыбников, Ю. С. Горский и другие).

Таким образом, к началу 80-х годов в советской науке был накоплен большой опыт профессионального психологического отбора военнослужащих, однако отсутствовало централизованное руководство практическим осуществлением этой работы в войсках, не было единства методических подходов, не имели собственной службы профессионального отбора самые многочисленные сухопутные войска.

В 1981 году Генеральным штабом Вооруженных сил СССР была поставлена задача развития и совершенствования мероприятий профессионального психологического отбора в Советской армии, для решения которой в Военно-медицинской академии были созданы научно-исследовательские отделы социально-психологического и психофизиологического отбора, а позднее введены группы профотбора в Генеральном штабе, главных штабах видов вооруженных сил и Центрального военно-медицинского управления МО СССР. Одновременно была начата подготовка врачей-психофизиологов в Военно-медицинской академии и психологов-исследователей в Военно-политической академии. Созданным научно-исследовательским отделам директивой ГШ ВС № 341/гс/0472 от 29.10.81 года была задана комплексная научно-исследовательская работа (КНИР): «Разработка единой системы профессионального отбора и оптимального распределения военных специалистов, методов прогнозирования нервно-психической устойчивости и психологической совместимости военнослужащих» (шифр «Переволок»). В процессе выполнения этой и последующих НИР (под

шифрами: «Коррелятор» 1984—1987 годы; «Лавина» — 1988—1992 годы и др.), в которых приняли участие более 20 учреждений-соисполнителей — ведущих научных центров Академии наук и МО СССР, были разработаны общие методические подходы к проблеме и методы для исследования интеллектуальнного развития, нервно-психической устойчивости и физической подготовленности призывников, военнослужащих и кандидатов в военно-учебные заведения (приложение 2), вошедшие в ряд официальных документов [29, 30, 34—38, 40—44, 51, 284]. Постепенно сформировалась адекватная поставленным задачам организационно-штатная структура и последовательность мероприятий профотбора (рис. 3.1), проведены профессиографические исследования и обоснована психологическая классификация военных специальностей (табл. 3.2) личного состава срочной службы [41, 302], разработано техническое задание на автоматизированные комплексы для психологического обследования, обосновано разделение военнослужащих на 4 группы психологической пригодности к службе в СА и ВМФ [24]. В ходе КНИР «Переволок» были созданы группы профотбора вначале в 5, а затем — во всех военных округах, а с 1990 года началась их организация на флотах[1].

Результаты проведенных исследований показали достаточно высокую эффективность внедрения мероприятий профессионального психологического отбора в практику. В частности, повышение качества комплектования учебных частей позволило сократить сроки ввода в строй молодого пополнения на 15—20% и снизить отсев военнослужащих по причине профнепригодности в 1,7—6,8 раза (по различным специальностям). Например, отсев из учебных частей и отрядов специального назначения, составлявший в отдельных случаях до 40%, уменьшился до 20—25%, а успеваемость курсантов повысилась в среднем на 0,9 балла. Эффективность учебно-боевой деятельности расчетов возросла на 10—15% при одновременном сокращении количества ошибочных действий на 20%. Надежность систем управления повысилась на 10—15%. На 25% снизилась отчисляемость курсантов из военноучебных заведений ВВСи ВМФ [8, 13, 24].

---

[1] К разработкам, проведению войсковых испытаний и внедрению этих мероприятий в практику комплектования войск было причастно множество, без преувеличения — увлеченных и талантливых людей на всех уровнях: от Генерального штаба СССР до научно-исследовательских лабораторий всех видов вооруженных сил, военкоматов и учебных частей. Безусловно, невозможно назвать всех, и исследование вклада конкретных ученых в новейшую историю военно-профессиональной психодиагностики не входило в задачи нашей работы. Но — в дополнение к уже упомянутым во введении и тексте первой главы необходимо назвать еще ряд имен ученых и организаторов, чья деятельность по развитию данного направления военного строительства заслуживает самой высокой оценки, в частности: В. И. Булыко, А. Н. Глушко, И. Ф. Дьяконова, Г. М. Зараковского, В. М. Звоникова, И. В. Захарова, В. Ф. Карлова, В. И. Лазуткина, В. Н. Машкова, В. П. Петрова, В. Н. Путилина, А. А. Симакова, А. И. Хоришко, В. И. Шостака, Д. И. Шпаченко. Безусловно, это далеко не полный список, и прошу меня заранее извинить, если кого-то пропустил (все-таки, прошло уже 20 лет).

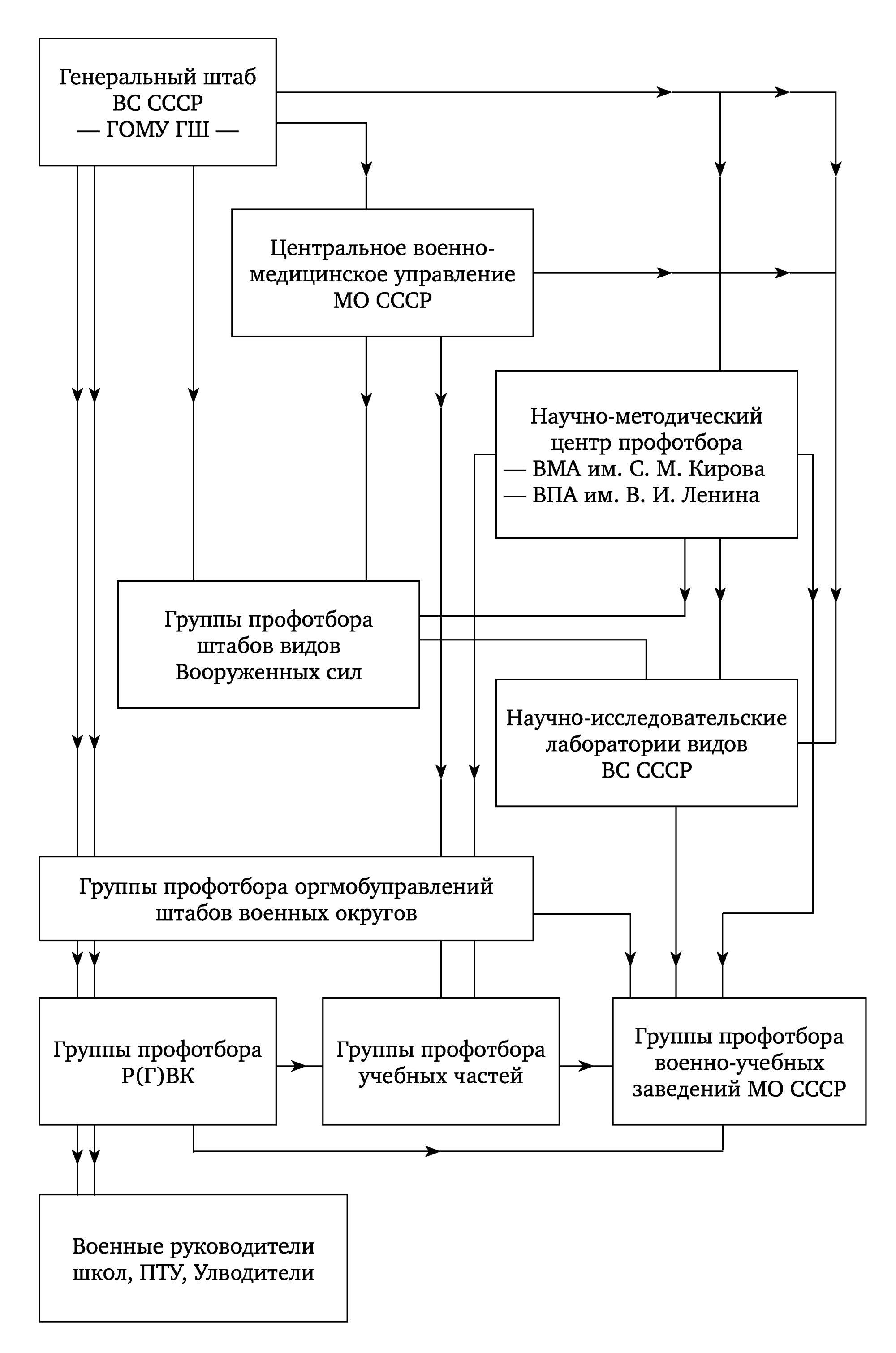

Рис. 3.1. **Организационно-штатная структура подразделений профессионального психологического отбора МО СССР**

Таблица 3.2

Основные группы сходных военных специальностей (психологическая классификация В. П. Петрова)

Наименование группы	Примеры специальностей	Перечень основных профессионально важных качеств
Командные специальности (КС)	Командир отделения Командир танка Командир орудия Командир расчета Начальник станции	Социальная зрелость, высокий уровень общих способностей, нервно-психической устойчивости и физической подготовленности, развитые коммуникативные качества и организаторские способности
Операторские специальности (НО)	Наводчик-оператор Наводчик орудия Наводчик танка Оператор ПТУР, РЛС Снайпер	Достаточный уровень развития общих способностей и сенсомотор- ных качеств, хорошая нервно-психическая устойчивость и физическая подготовленность, внимание и оперативная память
Водительские специальности (МВ)	Водитель и механик-водитель подвижных средств общего назначения и боевой техники	Достаточный уровень развития общих способностей, показатели устойчивости и распределения внимания, сенсомоторные качества, нервно-психическая устойчивость и физическая подготовленность
Специалисты связи (СВ)	Радист, телефонист, телеграфист, радиотелеграфист, специалист спецсвязи, наблюдатель	Достаточный уровень развития общих способностей и высокий уровень развития сенсомоторных качеств
Квалифицированный технический персонал (ТП)	Механик, моторист, дизелист, мастер-ремонтник, электромеханик, радиомастер, авиамеханик	Интерес к технике, склонность к ремесленным работам, достаточный уровень развития общих способностей, техническая грамотность
Специальные контингенты (СК)	Военнослужащие десантных и десантно-штурмовых частей, разведывательных и спецподразделений, а также санитары-инструкторы и санитары-носильщики	Высокая физическая выносливость и нервно-психическая устойчивость, достаточный уровень развития общих способностей, смелость, решительность, самообладание, выдержка и коллективизм
Основной состав и вспомогательный персонал (ОС)	Стрелок, заряжающий, подносчик боеприпасов, заправщик, военный строитель	Исполнительность, удовлетворяющие требованиям воинской службы общее психическое и физическое развитие

В последующем исследования по разработке методов и совершенствованию мероприятий профессионального психологического отбора в Вооруженных силах СССР продолжались в рамках НИР под шифрами «Лазурь» и «Отпрыск», в ходе которых в соответствии с разработанными принципами преемственности и этапности осуществления мероприятий профессионального психологического отбора (рис. 3.2) предполагалось выделить профориентационную и психодиагностическую работу в районных (городских) комиссариатах в качестве основного этапа определения военно-профессионального предназначения и рационального распределения призывных ресурсов. Реализация этих принципов (преемственности и последовательности) обеспечивалась:

1) единством методических подходов к изучению способностей, склонностей и личностных качеств призывников и военнослужащих на всех этапах прохождения воинской службы;

2) единством основных методов исследования и шкал оценки их результатов;

3) унификацией регистрационных и стимульных бланков, а также учетно-отчетной документации и методов оценки эффективности мероприятий профессионального отбора.

В соответствии с результатами войсковых испытаний в период, предшествующий приписке призывников к военному комиссариату, специалистами групп профотбора проводился сбор данных для первоначальной психологической оценки допризывника. К непосредственному осуществлению этой работы привлекались военные руководители школ, профессионально-технических училищ и техникумов, а также руководители учебных пунктов предприятий (учреждений и колхозов) по подготовке молодежи к службе в Вооруженных силах.

В период приписки группами профотбора военных комиссариатов проводилось социально-психологическое изучение и психофизиологическое обследование призывников, по результатам которых выносилось предварительное заключение о пригодности к обучению или деятельности по группам сходных военных специальностей. С учетом этого заключения осуществлялось распределение призывников для обучения в учреждениях и организациях вневойсковой подготовки (ДОСААФ, ПТУ). Социально-психологическое изучение призывников продолжалось на протяжении всего периода от приписки до призыва[1]

[1] При отборе некоторых специальных контингентов для деятельности в частях или на объектах особой секретности, например в подземных сооружениях системы спасения членов политбюро и правительства в ситуации ядерной угрозы, социально-психологическое изучения осуществлялось преимущественно сотрудниками КГБ СССР путем наблюдения потенциальных кандидатов в быту, в семье, в коллективе, включая опрос соседей, соучеников, сослуживцев и т.д., и лишь на последнем этапе, а также в процессе специальной подготовки таких контингентов привлекались психологи. Участие в этой работе (все еще относящейся к государственной тайне) и ее специфика, возможно, будут описаны когда-либо позднее.

(см. рис. 3.2). В период призыва с учетом поступивших дополнительных данных и полученной профессиональной подготовки выносилось итоговое заключение о пригодности к обучению (в учебных центрах МО) или деятельности по группам сходных военных специальностей, и решением призывной комиссии определялось военно-профессиональное предназначение призывника.

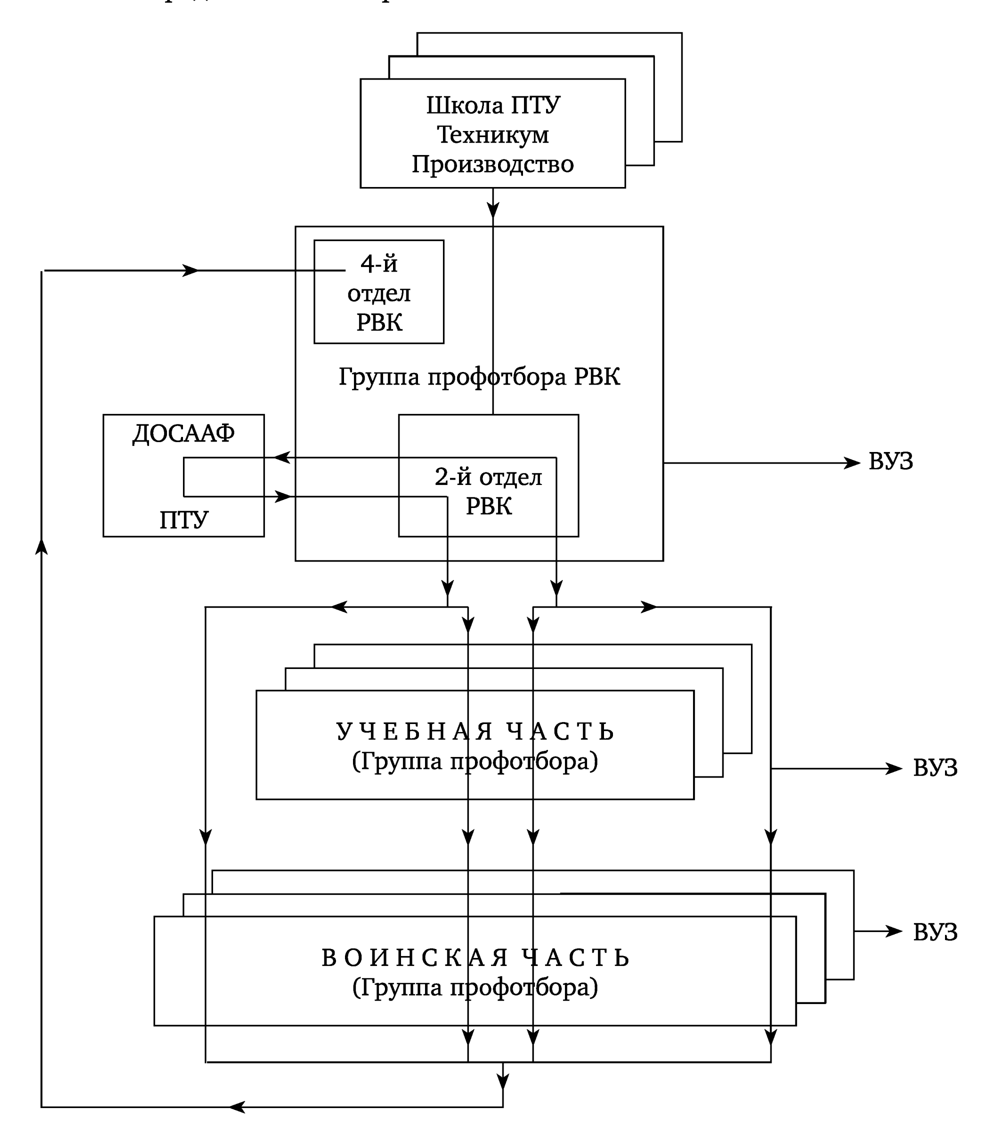

Рис. 3.2. **Общая схема этапности мероприятий профотбора**

По прибытии молодого пополнения в учебные центры и воинские части проводился анализ данных профессионального психологического отбора, осуществлялось социально-психологическое изучение в про-

цессе обучения и при необходимости (в окружных учебных центрах и военно-технических комиссиях флотов) — дополнительное психофизиологическое обследование. На основании совокупности этих данных осуществлялось рациональное распределение молодого пополнения по различным профилям подготовки, как правило, в рамках рекомендованной подразделением профотбора военного комиссариата группы сходных военных специальностей.

На всех этапах профессионального отбора и рационального распределения призывников и военнослужащих сведения о полученных психологических данных и профессиональной подготовке, итоговые заключения, показатели успешности обучения и деятельности, а также обобщенные характеристики выраженных индивидуальных особенностей вносились в соответствующие разделы карты профотбора, которая после завершения службы установленным порядком направлялась в районный (городской) военный комиссариат по месту жительства военнослужащего запаса и, таким образом, могла быть использована при объявлении мобилизационных мероприятий.

Завершая главу, следует отметить, что в связи со спецификой отечественной истории до середины 1980-х годов советская наука не располагала каким-либо опытом психологического изучения современной боевой деятельности и прогнозирования боевых качеств военнослужащих. Первые исследования в этой области были проведены в процессе двух научных экспедиций в Республику Афганистан автором этой книги совместно с Е. Б. Науменко [1, 2, 20, 22, 23].

Глава 4
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

4.1. Профессиональный отбор и рациональное распределение на заключительном этапе развития советского общества и военного строительства

В период Перестройки намечалось множество преобразований и новых подходов к модернизации советской экономики и общества, которым не суждено было реализоваться, при этом причина была исходно очевидна: ни одна система не может быть реформирована изнутри.

После XXVII съезда КПСС июньский (1987) пленум ЦК партии поставил в качестве одной из первоочередных задачу создания эффективной занятости населения и определил ее целевое предназначение: «кардинально улучшить организацию использования трудовых ресурсов, отбора, подготовки, переподготовки и трудоустройства кадров» [289]. Эти же проблемы были сформулированы и в совместном постановлении Госкомтруда СССР, президиума АН СССР и Секретариата ВЦСПС [91] «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства».

Специалисты в области подбора кадров оценили эти решения как чрезвычайно актуальные. Было подготовлено несколько проектов, положения которых реализовались в военном строительстве. В частности, в дополнение к уже существующим организационно-штатным структурам профессионального психологического отбора Вооруженных сил СССР в 1989 году была создана социологическая служба, общее руководство которой осуществляло Главное политическое управление СА и ВМФ. Безусловно, эта работа была чрезмерно идеологизирована, но, как свидетельствует китайский опыт, экономическое развитие не так уж сильно зависит от господствующей идеологии.

В целом задачи были сформулированы верно — с позиций комплексного подхода к оптимальному использованию природных, технических,

трудовых и призывных ресурсов страны, с выделением человеческого фактора в качестве одного из приоритетных[1].

Конкурентоспособность советской экономики становилась все сомнительнее, преимущественно — по причине низкой производительности труда и технической отсталости, отсутствия инновационных разработок, недостатка высококвалифицированных профессиональных кадров, в том числе — управленческого звена на всех уровнях. Это со всей очевидностью ставило проблему психологического обеспечения кадровой политики, в которой (по запросу АН СССР) нами было выделено три неразрывно связанных аспекта:

- перспективно обоснованная профессиональная ориентация и научно обоснованный профессиональный отбор, направленные на определение и обеспечение экономически целесообразного использования способностей людей;
- профессиональная подготовка, включающая психологические проблемы формирования личности профессионала (и не только применительно к высшей школе), а также подъем статуса профессионализма в обществе в целом;
- профессиональная адаптация, охватывающая многочисленные и весьма специфичные в своем многообразии вопросы психологического сопровождения учебного, трудового, управленческого и военно-профессионального процессов.

Применение методов современной психологии в экономике, общественной жизни и воинской практике обусловливались, с одной стороны, необходимостью постоянной модернизации производства, технического оснащения и военно-специальной подготовки, широким внедрением автоматизированных и высокоэнергоемких систем в промышленности и армии, что предъявляло повышенные требования прежде всего к надежности человеческого фактора; а с другой — тем, что, как установлено психологической наукой и неоспоримо свидетельствует обыденный опыт:

- «официальный портрет личности» не всегда идентичен ее истинному, внутреннему содержанию;
- некоторые особенности личности, хотя и не относятся к отклонениям от нормы, в то же время могут отрицательно сказываться на эффективности и надежности профессиональной деятельности (что

---

[1] Эта проблема остается столь же актуальной. На заседании Правительства Российской Федерации (протокол № 42 от 30 декабря 2009 года) были одобрены Основные направления антикризисных действий Правительства РФ на 2010 год. В протоколе отмечено, что положительные тенденции в экономике носят неустойчивый характер. Продолжается стагнация основных локомотивов устойчивого роста — инвестиционной и кредитной активности. Поэтому в 2010 году будет проводиться корректировка политики в плане смещения акцента с мер, нацеленных на антикризисную поддержку отраслей, предприятий и населения, на меры, ориентированные на формирование нового промышленного потенциала, модернизацию, инновации и *повышение качества человеческого капитала* (курсив мой. — *М. Р.*).

особенно значимо применительно к объектам повышенной ответственности и опасности);

- субъективная оценка собственных способностей, мотивации и склонности к той или иной деятельности, часто формирующиеся ситуационно, могут не соответствовать или даже противоречить психологически, экономически или военно-профессионально обоснованному предназначению личности, или — в более широком смысле — ее призванию;
- только критерии образования и уровня квалификации, без учета личностных особенностей, не всегда позволяют достаточно надежно прогнозировать успешность деятельности, особенно в управленческих системах и системах типа «человек — человек»;
- научно-технический прогресс во всех экономически развитых странах сопровождается ростом различных форм социальной патологии, предотвращение которых только мерами административного и юридического воздействия не всегда обеспечивает достижение позитивного эффекта.

Применительно к задачам обороноспособности страны и с учетом высокой стоимости подготовки профессиональных кадров, а также принимая во внимание проявившуюся уже в конце XX века специфику демографической ситуации, одной из существенных стала проблема профессионального долголетия и повышенных требований к долговременности и надежности профессионального прогноза на основе комплексной оценки физических, физиологических, психологических и социальнопсихологических характеристик личности, рассматриваемых как ее профессионально важные качества.

Следует подчеркнуть, что в зависимости от иерархии наследственных признаков и индивидуальных отличий в структуре личности (морфолого-генетических, физиологических, психологических и социально-психологических) возможности их развития и коррекции в процессе онтогенеза существенно отличаются. В частности, в процессе индивидуального развития личности наименьшая изменчивость характеризует морфологические признаки, несколько большая — нейродинамические (темперамент, сенсомоторные качества и т.п.) и еще большая — психодинамические (интеллектуальное развитие, система ценностей, мотивация и т.д.), имеющие, как справедливо отмечал Н. П. Дубинин [167, 168], высокий уровень социальной обусловленности. К этому можно добавить, что психодинамические признаки, которые наиболее часто являются объектом исследования при профессиональной отборе, в силу все той же социальной обусловленности, обладают более широким диапазоном популяционной нормы, индивидуальной изменчивости и ситуационной динамики, что создает известные трудности и определяет специфику их изучения, измерения и прогнозирования, особенно в частных вариантах их проявлений в поведении и деятельности. Поэтому одна из основных задач профессионального психологического отбора состоит в установлении наиболее общих закономер-

ностей, лежащих в основе функционирования организма и личности, и наиболее общих типов реакций, возникающих при взаимодействии большого числа внешних (физических и социальных) и внутренних (физиологических, интериоризированных психологических и социально-психологических) факторов.

Обращаясь к проблеме многообразия детерминирующих факторов в частных вариантах поведения и деятельности, уместно вспомнить одно из основных положений теории вероятности — закон больших чисел, согласно которому совокупное действие большого числа случайных факторов при некоторых весьма общих (сходных) условиях может приводить к результату, почти не зависящему от каждого из этих факторов [92, 122, 150, 267]. Резюме этого математического отступления состоит в том, что, даже с учетом признания огромной роли генетических и социальных факторов (особенно на ранних этапах развития личности), ее потенции и тенденции не заданы изначально, поэтому определяемый при профессиональном отборе наличный уровень тех или иных способностей позволяет прогнозировать успешность обучения или деятельности лишь относительно какой-то их средней величины в конкретно-исторической популяции. То есть — профессиональный прогноз и разделение людей по вероятностной успешности обучения или деятельности в абсолютном большинстве случаев оказываются верными для больших выборок, но эта «средняя величина» может существенно варьировать в индивидуальных вариантах поведения и деятельности людей. Тем не менее, с учетом статистически обоснованных закономерностей и, что не менее значимо, с учетом установленных сроков и существующей (применяемой в массовых вариантах) методики обучения, надежность индивидуального профессионального прогноза по уровню наличных способностей в абсолютном большинстве случаев оказывается достаточно высокой. Это, вероятно, обусловливается тем, что виртуальные способности и их потенции к развитию имеют свои детерминированные (множеством внешних и внутренних факторов) пределы, при этом — чем выше наличный уровень, тем легче преодолевается «расстояние» до предела, тем быстрее осуществляется усвоение тех или иных навыков и опыта предшествующих поколений в самом широком смысле этого понятия. Существенным фактором (обусловливающим надежность профессионального прогноза по уровню наличных способностей) является ограниченность активной жизнедеятельности человека вообще и соотношение ее различных периодов (воспитание — обучение — деятельность и т.д.), определяемые биологическими законами и сложившимися социальными нормами. Очень образно экономическая и общественная значимость этой проблемы характеризовалась К. К. Платоновым, который в своих публичных выступлениях неоднократно отмечал, что каждый человек может стать академиком, но одному для этого нужно 30 лет, а другому — 300. Естественно, что второго (и общество) это не устраивает.

Говоря о расширении и углублении исследований, посвященных профессиональной экспертизе способностей к труду, необходимо отметить, что на протяжении всех предыдущих десятилетий они были связаны преимущественно с работами, проводимыми в целях подбора кандидатов для укомплектования квалифицированными кадрами лишь отдельных, наиболее сложных видов деятельности человека. В частности, решались проблемы отбора летчиков, космонавтов, отдельных категорий моряков- подводников, водителей и некоторых других специалистов [9, 27, 105, 106, 107, 112, 119, 143, 144—146, 305, 314, 407 и др.]. Примечательно, что отбор водителей применялся и применяется только в вооруженных силах, хотя число погибающих на дорогах, и в первую очередь — по причине «человеческого фактора», составляет в среднем 35 тыс. человек в год.

Обоснованные сотрудниками нашего исследовательского центра и одобренные руководством Вооруженных сил СССР принципы перехода от подбора кандидатов для укомплектования лишь отдельных профессиональных групп к задачам совершенно иного масштаба — диагностике профессиональных способностей и рациональному распределению трудовых и призывных ресурсов для обучения основным массовым профессиям поставили перед отечественным профессиональным отбором ряд новых специфических задач, практически не имевших аналогов в мировой практике. В силу социальных и политических установок (того времени) решающей особенностью этой проблемы при комплектовании Советской армии, в отличие от зарубежного опыта, являлся полный отказ от категории «непригодных», что предполагало определение перечня рекомендуемых и не рекомендуемых специальностей или сфер деятельности для каждой конкретной личности с учетом ее способностей и склонностей, состояния здоровья, личностныхкачеств, достигнутого ранее уровня образования и полученной профессиональной подготовки. Реализация этой задачи, в свою очередь, требовала проведения специального обследования всех призывных ресурсов, осуществление которого в конце 1980-х годов уже начало внедряться в практику (в соответствии с приказами МО СССР: № 162 от 1986 года, № 280 от 1988 года и № 90 от 1989 года).

С учетом этих задач профессиональный отбор военнослужащих в последние годы советского периода впервые приобретал характер системы мероприятий, основными этапами которой стали: профессионально ориентированное изучение личности в процессе обучения в средней школе (ПТУ, СПТУ), техникуме или на производстве; специальное социально-психологическое изучение и обследование в период приписки и призыва в районном (городском) военном комиссариате с последующим рациональным распределением по основным группам сходных военных специальностей и уточнением профессионального предназначения по прибытии военнослужащего в учебную часть.

В качестве методически важного условия надежности и простоты профессионального прогноза на этом этапе развития проблемы явля-

лось обоснование использования структурно- комплексных критериев, в качестве которых (с учетом специфики массовых обследований) были выделены: общее физическое развитие и подготовленность, состояние здоровья и физиологических резервов, сенсомоторные качества, уровень интеллектуального развития, состояние нервно-психической сферы, полученная подготовка (образование), мотивация, а также некоторые другие социально-психологические качества, основными методами исследования которых являлись анамнестическая беседа, анкетирование, психологическое тестирование, изучение характеристик и непосредственное наблюдение.

Как. известно, различные профессии и специальности предъявляют неоднозначные требования к субъекту труда. Для одних ведущим профессионально важным качеством является физическая сила, для других — сенсомоторика, для третьих — интеллектуальные качества и т.д. Это бесспорное положение на протяжении ряда лет служило основанием для отбора некоторых категорий специалистов только по одному или двум — наиболее специфичным (профессионально важным) для данной профессиональной группы показателям. При этом, как правило, по их максимуму, что могло обеспечить некоторую эффективность при решении задач подбора кадров (в условиях относительно «неограниченного» выбора), но такой подход, в силу его «моноцелевой» направленности, оказывался неприменимым при постановке задачи рационального распределения. Надо также отметить, что за исключением критериальных показателей профессионального отбора конкретных специалистов, которые обычно имеют точное количественное выражение, все другие качества кандидатов при традиционном подходе описываются чаще всего в превосходной степени. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять две любых профессиографии, например летчика и водителя, и сравнить перечень ПВК, приводимых после слов «а также...». Другим существенным недостатком являлось то, что (за редким исключением) в разрабатываемых методах не определялись психологические противопоказания к отбору на ту или иную специальность, а, как будет показано ниже, в отдельных случаях даже «максимум» профессионально важной функции может стать таким противопоказанием.

Исходя из вышеизложенного, уже при профессиографическом обследовании и разработке критериев профессионального отбора конкретных специалистов нами было предложено учитывать все аспекты структурно-комплексного подхода, выделяя профессионально валидные (положительные и отрицательные) и индифферентные критерии, что позволяло осуществить переход от принципов отбора «по максимуму» (применимых при решении узко поставленных задач комплектования) к рациональному распределению «по оптимуму». Это предполагало определение минимального уровня и того диапазона конкретных психологических показателей (критериев отбора и рационального распределения), которые с учетом установленных сроков и существующей

методики обучения обеспечат эффективное (т.е. — обычное или выше среднего уровня) освоение и последующее выполнение соответствующей профессиональной деятельности. Традиционная ориентация лишь на специалистов самого высокого класса с точки зрения проблемы рационального распределения призывников для подготовки на массовые профессии была признана неадекватной.

Необходимым условием решения проблемы рационального распределения являлось использование стандартных наборов (батарей) методов для всех уровней оценки профессиональной пригодности (физического, физиологического, психологического и социально-психологического). В этом случае определение профессионально дифференцированной валидности, т.е. прогностической ценности одних и тех же групп методов применительно к различным профессиям и специальностям, а также установление пороговых критериев используемых показателей, характеризующих вероятность оптимальной эффективности деятельности по конкретным группам сходных специальностей, позволило бы обоснованно проводить рациональное распределение. Разработка таких батарей, особенно для призывных контингентов, среди которых (в силу специфики федеративного устройства страны и определенных исторических реальностей) имелись значительные культуральные отличия, нуждалось в серьезном теоретическом обосновании и апробации на многонациональных и «полирегиональных» выборках, характеризующих исследуемые группы юношей как возрастную популяцию в целом.

К середине 1980-х годов, как уже отмечалось, были разработаны и прошли апробацию в войсках батарея интеллектуальных тестов, комплекс специальных упражнений для оценки физической подготовленности и выносливости [24], специальный психологический вопросник для исследования уровня нервно-психической устойчивости [3], позволяющий оценивать в совокупности доклинические особенности личности, которые снижают возможности адаптации человека к осложненным условиям существования и деятельности [216]. Были также разработаны и проходили апробацию методы оценки военно-профессиональной направленности и мотивации к деятельности по той или иной группе сходных специальностей [302], методы исследования коммуникативных качеств и организаторских способностей военнослужащих.

Наименее разработанным оставался физиологический аспект профессионального отбора, лишь частично реализуемый в рамках медицинского освидетельствования на основе клинического подхода, который, в соответствии с его задачами и методологией, констатировал только наличное состояние соматического и психического здоровья.

В то же время состояние основных физиологических функций и обменно-энергетических процессов в организме, вне сомнения, наиболее тесно коррелируют с проблемами психологической и физиологической адаптации к профессиональным и климатогеографическим

факторам, приобретающим особое значение при отборе боевых контингентов, деятельность которых в условиях современной войны, как правило, связана не только с высокими психическими и физическими нагрузками, но и быстрыми трансширотными и трансмеридиональными перемещениями.

В заключение этого раздела следует отметить, что, хотя профессиональный отбор (включая рациональное распределение) и профессиональная ориентация общепризнанно рассматривались как два аспекта одной проблемы, они были недостаточно взаимосвязаны. Профориентация нередко, как справедливо констатировали ряд специалистов, носила излишне рекламный характер, мало учитывая реальные и перспективные потребности промышленности, сельского хозяйства, высшей школы и армии. К этому можно добавить, что проводимая профориентационная работа, в принципе, вообще не учитывала способности людей, таким образом являясь преимущественно профагитацией. Профессиональный отбор фактически появлялся лишь на стадии приема в высшие военно-учебные заведения или при проведении рационального распределения по группам сходных специальностей в РВК и учебных частях. Это приводило к тому, что объективное решение экспертных вопросов профессиональной пригодности нередко вступало в противоречие с личностными особенностями обследуемого (призывника или кандидата в вуз), его уже сформировавшейся мотивацией и полученной ранее подготовкой. Поэтому одной из актуальных задач являлась последовательная интеграция профессионального отбора, рационального распределения и профориентационной работы и приближение психодиагностической практики к средней и даже восьмилетней школе. Отдельные исследования в этом направлении активно велись [116], были даже приняты важные организационные решения (в 1989), но они так и не были реализованы. В частности, в соответствии с совместной директивой Генерального штаба Вооруженных сил СССР и Государственного комитета по труду и социальным вопросам № 315/4/9297 от 30.09.1989 в рамках НИР «Лавина» были запланированы и частично осуществлены совместные исследования в трех базовых центрах профориентации в целях разработки единых методических подходов и создания единой классификации сходных военных и гражданских специальностей. Но на этом все и закончилось. Наступили «лихие девяностые».

Глава 5
ОБЩЕМЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ УСПЕШНОСТИ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПО ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ

Как известно, еще в 1925 году, будучи студентом Пражского университета, Ганс Селье заинтересовался неспецифическими реакциями организма, которые были «налицо» при многих заболеваниях, а следовательно, как отмечал автор, «бесполезными» для врачей (с точки зрения диагностики). Позднее Г. Селье писал, что его просто поразило, что так мало признаков действительно характерно для какой-то определенной болезни, в то время как большинство признаков являются общими для многих, никак не связанных между собой заболеваний или вообще для всех болезней [365, 366]. Этот синдром первоначально был назван автором «просто болезнь». Специализируясь в последующем как биохимик и эндокринолог, в 1935 году, проводя опыты на животных, Г. Селье обратил внимание, что на воздействие самых различных физических и химических раздражителей организм реагирует рядом неспецифических реакций, среди которых наиболее постоянными являлись:

- значительное увеличение коркового слоя надпочечников (с одновременным исчезновением секреторных гранул из коркового слоя);
- острая инволюция тимико-лимфатического аппарата;
- кровоточащие язвы желудка и двенадцатиперстной кишки. Эти изменения и составили теперь уже хрестоматийную первооснову «общего адаптационного синдрома». Тогда же впервые был употреблен ныне столь популярный термин «стресс» для обозначения состояния неспецифического напряжения в живом организме, проявляющегося в реальных морфологических изменениях в различных органах, особенно в эндокринных железах, контролируемых гипофизом.

Эти хорошо известные данные приводятся лишь для большей демонстративности следующего положения: прошедшие десятилетия показали, что феноменология стресса оказывается гораздо более сложной и далеко выходит за рамки триады Селье. Самой характерной особенностью развития учения об общем адаптационном синдроме является то,

что в целом само понятие «стресс», в отличие от его первоначального употребления, в значительной степени психологизировалось. Основанием для этого былирезуль- таты ряда экспериментальных работ и клинических наблюдений, указывающих на ведущую роль психологических факторов в развитии стрессовых реакций. Учитывая особую роль эмоциональной сферы и ее связь с метаболическими процессами в организме, значительное распространение получил термин «эмоциональный стресс» (в отечественной литературе как синоним часто употребляется термин «напряженность»). Накопление экспериментальных данных в конце 1970-х годов привело Г. Селье к осознанию необходимости уточнения понятия «стресс». В 1977 году он писал: «В противоположность широко распространенному ранее мнению, стресс представляет собой явление, не идентичное эмоциональному возбуждению или нервному напряжению. Он возникает у экспериментальных животных даже после хирургической деафферентации гипоталамуса, которая устраняет все нейрогенные входы. Он может развиваться у человека, находящегося в состоянии глубокого наркоза, а также у низших животных. Он наблюдается даже у растений, которые не имеют нервной системы. Исходя из этого, я предлагаю следующее определение: стрессом называется неспецифическая реакция организма на любое предъявляемое ему требование» [366, с. 36]. У нас, однако, нет оснований согласиться с таким широким толкованием понятия «стресс». По-видимому, это осознавал и сам Г. Селье. Далее он уточняет, что стресс — это не обязательно болезнь, и выделяет два его типа: зустресс («хороший», тренирующий, адекватный, оптимальный) и дистресс («плохой», повреждающий).

И все же, несмотря на различные терминологические вопросы, главным в современном состоянии учения об общем адаптационном синдроме является его качественная трансформация: направление исследований, первоначально ориентированное преимущественно в сторону физиологии и эндокринологии, было дополнено познавательно-психологическими и активационно-энергетическими концепциями; само понятие стало более дифференцированным и одновременно — более многозначным; были выделены нейроэндокринные связи и обоснована роль психических травм, кортикальных и субкортикальных структур в трансформации психогенных стимулов в физиологические по своей природе и механизмам реакции [97, 178, 198, 205, 369, 370, 381].

В уже упомянутых и других исследованиях [3, 16, 21] было показано, что характер и величина эмоциональной реакции всегда зависят от предшествующего (существующего в момент воздействия) эмоционального фона и преобладающего психоэмоционального состояния человека. Так, у лиц, склонных к депрессивным и психастеническим состояниям, формирование стрессовых реакций происходит легче, а их выраженность и течение отличаются большей демонстративностью и сопровождаются более значительными соматическими сдвигами.

Одним из важнейших звеньев адаптационных реакций на воздействие факторов профессиональной деятельности или среды оби-

тания является перестройка регуляторных механизмов и изменение естественной реактивности организма [186, 296, 297]. И хотя, как уже отмечалось, понятие адаптивных или стрессовых реакций сейчас существенно расширилось, до последнего времени эти изменения естественной реактивности связывались преимущественно с нейроэндокринными функциями. Однако, как все чаще, прямо или косвенно, отмечается в современных публикациях, нейроэндокринным изменениям всегда предшествует психическая дезадаптация, в связи с чем в вопросах диагностики состояния человека акцент в значительной степени сдвигается с чисто физиологических позиций на психологическую основу [159, 160]. Исходя из этого положения, в последние десятилетия, по аналогии с физиологическим гомеостазом, описанным У. Кенноном [192, 445, 446], и в отечественной науке получило распространение введенное З. Фрейдом понятие «психического гомеостаза» [250, 396, 397], который имеет огромное множество внешних (социально-психологических, биологических, физических) и внутренних (индивидуально обусловленных) детерминант.

С учетом задач исследования, основное внимание нами уделялось внутренним детерминантам, которые при некоторой степени обобщения и специфике поставленной задачи прогнозирования успешности военно-профессиональной адаптации призывников и военнослужащих в процессе массовых обследований (что неизбежно предполагает некоторые упрощения), могут быть сведены к уже упомянутым структурно-комплексным критериям, в частности к показателям физического развития и подготовленности, состояния психического и соматического здоровья (но с точки зрения психофизиологических резервов организма), нервно-психической устойчивости и интеллектуального развития.

Существенным и методически важным представляется то, что, в отличие от ставших уже трад иционными в психофизиологии методов анализа профессионально важных качеств, основанных, как правило, на сравнении «полярных групп» (сильных и слабых, «лучших» и «худших» и т.д.), в основу предлагаемых принципов нами был заложен популяционный подход, при котором в качестве основного объекта изучения выделялась группа «обычных средних (“популяционных”) специалистов», как наиболее массовая. А сравнение «полярных групп» было предложено проводить не между собой, а именно с показателями, характеризующими группу «обычных средних специалистов». Пренебрежение этим подходом и «заманчивость» сравнения «лучших» и «худших» (между которыми всегда выявляется множество статистически значимых различий), закономерно приводило к тому, что о лицах «полярных групп», количество которых в исследуемых выборках обычно не превышает 20—30%, мы знаем гораздо больше, чем об основном представителе той или иной профессии — обычном солдате или обычном специалисте. Нам представляется, что именно популяционные характеристики (обычного среднего человека или специалиста массовых профессиональных групп), как отражающие наиболее адекватные типы приспосо-

бительных и поведенческих, психологических и физиологических реакций, и составляют понятие нормы (в ее биологическом и социальном значении). А отклонения от нее, в зависимости от степени выраженности, направленности и социальной значимости, должны при таком подходе рассматриваться или как варианты нормы, или как предпатологические и патологические признаки (включая социальную патологию). Например, уровень интеллектуального развития существенно выше среднепопуляционного, бесспорно, является социально значимым вариантом нормы, а, скажем, артериальное давление или тревожность, превосходящие возрастную популяционную норму, естественно, относятся к предпатологическим или (в зависимости от степени выраженности) патологическим признакам.

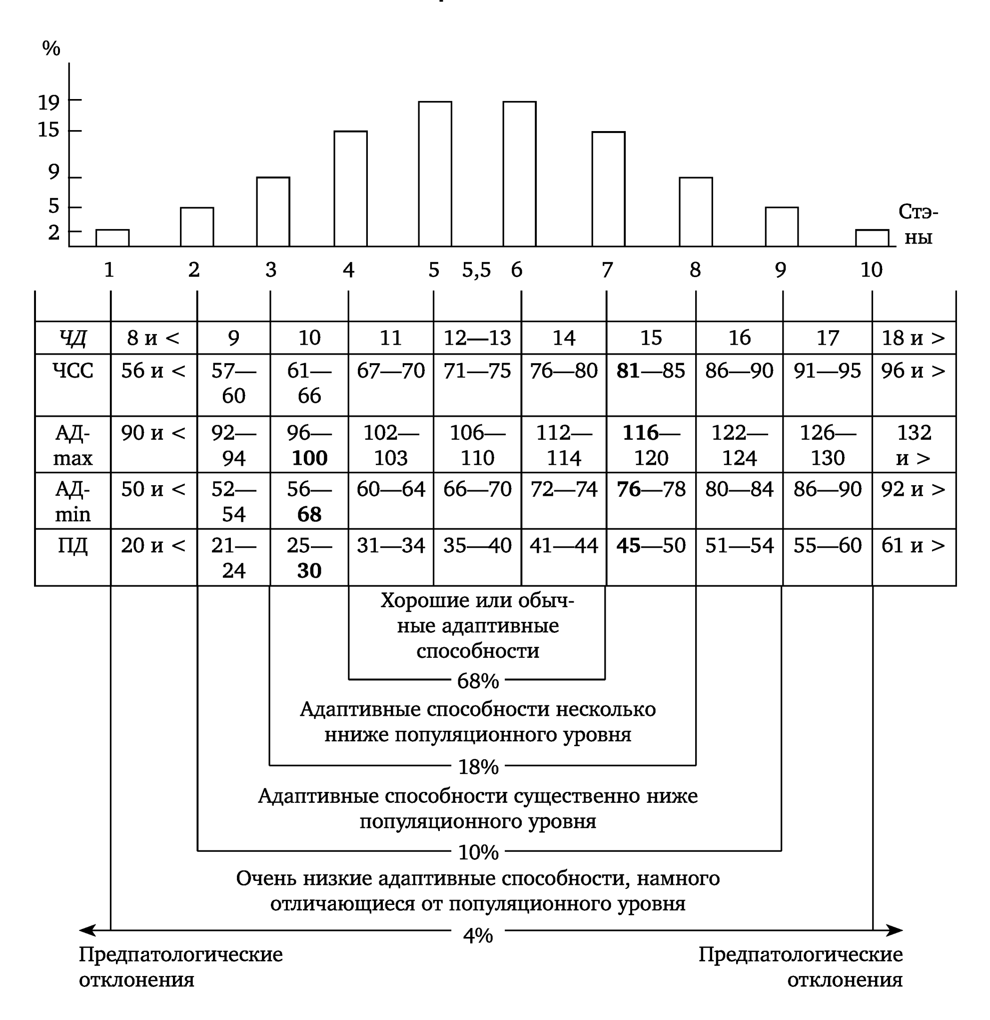
В процессе выполнения работы нами предпринята попытка экстраполяции некоторых статистических подходов, используемых в психологии, на физиологические показатели. В частности, в табл. 5.1 приведены показатели артериального давления, частоты сердечных сокращений и частоты дыхания в мужской популяции призывников 18—20 лет. Распределение этих показателей, как наглядно демонстрируется на графике, также подчиняется закону нормального распределения. Исходя из представлений о пределах колебаний физиологических функций (например, частота сердечных сокращений у здоровых юношей в покое в наших исследованиях при наиболее распространенных, и только потому «средних», значениях 71—75 в 1 минуту никогда не была менее 48 и более 102 ударов в минуту), а также учитывая то, что в процессе жизнедеятельности и адаптивных реакций, в зависимости от воздействующих внешних или внутренних факторов, приспособительные изменения могут идти в сторону повышения или понижения уровня функционирования (продолжая данный пример — в сторону тахи- или брадикардии), мы посчитали возможным высказать предположение, что чем ближе исходный и, при многократных замерах, стабильный показатель основных физиологических функций к популяционной норме (именно к популяционной, а не к средней, которая существенно отличается по величине дисперсии и, следовательно, «границам»), тем выше уровень физиологических резервов организма. И наоборот: чем больше отклонение (в ту или другую сторону), тем меньше физиологические резервы и общая способность к оптимальной адаптивной регуляции соматических функций.

В наших исследованиях [287] было, в частности, установлено, что показатели основных физиологических функций в покое дают достаточно тесные и статистически достоверные связи с рядом существенных личностных характеристик. Так, преобладание симпатотонических реакций коррелировало с отсутствием склонности к депрессии и тревожности (шкала D СМИЛ, $r = -0,45$, $P < 0,05$; шкала Pt СМИЛ, $r = -0,43$, $P < 0,01$), а также силой Я и моральной нормативностью (фактор G 16-ФЛО, $r = -0,29$, $P < 0,05$). Уровень основного обмена, показатели ударного и минутного объема сердца имели положительные корреля-

ции с выраженностью тревожных реакций (шкала Pt СМИЛ, фактор Q4 16-ФЛО — $0,30 < r < 0,58$, $P < 0,01$), а признаки детренированности сердечной мышцы обнаруживали статистически значимые связи с ригидностью мышления и склонностью «накапливать» аффективные эмоциональные переживания (шкалы Pd СМИЛ, $r = 0,29$, $P < 0,05$; фактор M 16-ФЛО, $r = 0,45$, $P < 0,01$).

Таблица 5.1

Графическое изображение и содержательная интерпретация гипотезы о физиологической норме и прогнозировании адаптивных способностей (по основным физиологическим показателям, в покое)

ЧД	8 и <	9	10	11	12—13	14	15	16	17	18 и >
ЧСС	56 и <	57—60	61—66	67—70	71—75	76—80	**81**—85	86—90	91—95	96 и >
АД-max	90 и <	92—94	96—**100**	102—103	106—110	112—114	**116**—120	122—124	126—130	132 и >
АД-min	50 и <	52—54	56—**68**	60—64	66—70	72—74	**76**—78	80—84	86—90	92 и >
ПД	20 и <	21—24	25—**30**	31—34	35—40	41—44	**45**—50	51—54	55—60	61 и >

Примечание:
АД-max — систолическое артериальное давление, мм рт. ст.;
АД-min — диастолическое давление, мм рт. ст.;
ПД — «пульсовое» давление (АД-max — АД-min), мм рт. ст.;
ЧСС — частота сердечных сокращений, в 1 мин;
ЧД — частота дыхания — кол-во полных циклов, в 1 мин.

Уровень артериального давления положительно коррелировал с общей эмоциональной устойчивостью (фактор С 16-ФЛО, $r = 0{,}35$, $P < 0{,}01$). Были установлены также некоторые другие корреляты физиологических и поведенческих показателей, интерпретация которых не всегда проста и однозначна. Механизмы этих связей, по-видимому, обусловливаются единством функционирования организма и личности, наиболее общие закономерности которого должны иметь аналоговые эквиваленты, проявляющиеся и на физиологическом, и на психологическом уровнях.

Глава 6
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИНТЕГРАЦИИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

Современное состояние психофизиологии, которая, как представляется (в отличие от ее традиционного узкого понимания), в последние годы все больше приобретает черты синтетического раздела психологии и физиологии человека, характеризуется ярко выраженным интересом к системному анализу принципов функционирования организма и личности или — соотношения биологического (физиологического) и социального. Основоположниками этого направления в отечественной науке являлись А. Р. Лурия [237—240] и П. К. Анохин [78—81]. Методологически наиболее полно, по нашему мнению, этот (системный по своей сути и содержанию) подход на определенном этапе развития науки был реализован в теории функциональной системы, разработанной П. К. Анохиным.

Теория П. К. Анохина, с одной стороны, развивает и одновременно критически пересматривает основные положения физиологического учения И. П. Павлова, а с другой — вводит некоторые качественно новые понятия и представления о специфических механизмах динамической организации активности в целостную систему поведенческого акта.

Первоначально в исследованиях школы И. П. Павлова психические и физиологические условнорефлекторные процессы сопоставлялись и даже отождествлялись. При этом сам И. П. Павлов вначале считал, что «здесь (в условном рефлексе. — *М. Р.*) имеется полное слитие, полное поглощение одного другим, отождествление» [295, с. 521]. Однако позднее, говоря о своем учении, И. П. Павлов отмечал, что оно «совершенно исключило из своего круга психологические понятия» [там же, с. 385]. К сожалению, об этом иногда забывается, и сейчас еще можно встретиться с излишней психологизацией павловской теории и терминологии. Отражение объективной реальности в рамках условнорефлекторной теории затрагивало лишь физиологические процессы и реализуемые на их основе примитивные поведенческие акты. Таким образом, учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности создало

только предпосылки для изучения системных механизмов поведения человека и животных.

На основании опыта павловской школы и собственных экспериментальных исследований П. К. Анохиным была разработана уже упомянутая теория функциональной системы. Его исследования, в частности, показали, что некоторые периферические эффекты в условиях целостного организма не могут быть объяснены на основании только причинно-следственных связей каждого из них со стимулом. Одновременно автором было обосновано, что совокупность отдельных эффекторных проявлений или их сочетаний не образует целостного поведенческого акта, а лишь их согласованность (на физиологическом и психологическом уровнях) определяет суммарное выражение и сам феномен поведения. Таким образом, в теории П. К. Анохина на смену представлениям о стимуле и реакции выдвигается положение о целостной (психофизиологической) организации любого поведенческого акта и о его интеграции из частных механизмов. Далее П. К. Анохиным было показано, что поведенческий акт определяется не предшествующим и запускающим его стимулом, а конкретным результатом, на достижение которого направлен этот акт. Тем самым в структуру поведенческого акта включалось целеполагание, без которого невозможно объяснение адаптивной деятельности организма и личности, и которое уже никак не соответствовало примитивным представлениям рефлекторной теории.

Изучение соматических и вегетативных функций позволило П. К. Анохину сделать заключение, что внутренние механизмы, участвующие в целостной интеграции поведенческого акта, организованы как функциональные системы, образующиеся из динамически мобилизуемых структур (морфологических, физиологических и — добавим — психических), при этом компоненты той или иной структурной принадлежности мобилизуются и вовлекаются в функциональную систему только в меру их содействия получению запрограммированного («ожидаемого») результата. П. К. Анохин не обращался к вопросу о том, откуда идет это программирование, а моя попытка ответить была предпринята значительно позднее[1].

Согласно теории П. К. Анохина (разработанной в рамках условнорефлекторной парадигмы), операциональная архитектоника функциональной системы поведенческого акта включает в себя ряд стадий или составляющих афферентного синтеза. К ним относятся: мотивационные влияния, прошлый опыт, пусковая и обстановочная (ситуационная) афферентация, принятие решения (рациональный компонент), формирование акцептора результата действия (поведенческого акта), его цели и программы действий, а затем — выполнение действия, полу-

---

[1] См. в кн.: *Решетников М. М.* Психическое расстройство. СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. С. 30—52.

чение результата и сличение его с акцептором действия (идеальной моделью).

В своей теории автор вводит понятие «опережающего отражения» параметров будущего стимул-результата, локализуя его в рецептивных полях, так как в континууме поведения каждый стимул-результат не только ожидается, но и активно «запрашивается» из внешней (или внутренней) среды. С точки зрения современной науки несомненный интерес представляет объединение в теории П. К. Анохина мотивационных установок и целеполагания в единый континуум с физиологическими приспособительными реакциями на основе интегративной деятельности организма и личности как единого и неделимого целого. Развивая эти положения, можно высказать еще одну гипотезу о том, что «глубокие» отличия в регуляции физиологических и психологических функций лежат более в области наших традиционных представлений, нежели в области их структурной и функциональной организации. На первый взгляд в сформулированном положении может быть усмотрен возврат к павловским представлениям, однако это не так, потому что речь в данном случае идет не об «отождествлении» психического и физиологического, а о признании единства и глубочайшей взаимосвязи этих процессов.

Весьма показателен пример взаимообусловливания физиологических и поведенческих реакций, который приводит сам П. К. Анохин для демонстрации «внешних» и «внутренних» циклов физиологической деятельности организма:

1) обеднение организма и крови водой в результате различных потерь (например, как следствие высокой температуры и потовыделения) повышает осмотическое давление крови;

2) гипертоническая кровь раздражает определенные центры гипоталамуса и приводит к генерализованному возбуждению подкорковых и корковых структур головного мозга — эта генерализация возбуждения формирует субъективное ощущение жажды;

6) ощущение жажды толкает человека на ряд поведенческих актов, направленных на разыскание воды;

4) прием воды и поступление ее в кровь восстанавливает константный уровень нормального осмотического давления (7,6 атм), и ощущение жажды исчезает [81, с. 121].

К этому, вероятно, можно добавить одну маленькую деталь, которой «не заметил» П. К. Анохин, — ощущение жажды исчезает сразу после приема воды, когда она еще не могла поступить в кровь и как-либо повлиять на осмотическое давление. Это может рассматриваться как свидетельство того, что реализация прогностических функций и взаимодействие (взаимообусловленность) психологических и физиологических реакций являются еще более сложными, чем это сейчас представляется.

Центральным звеном общей теории функциональной системы является признание системообразующей роли результата деятельности

и его приспособительное (адаптивное) значение. С этой точки зрения результат никогда не является случайным, а прогнозируется системой уже на самых ранних стадиях в виде осознаваемой или актуально неосознаваемой цели, в процессе достижения которой и осуществляется интеграция функциональных систем различных уровней — от высших мотивационных и социально-психологических до сугубо биохимического уровней, во всех случаях выступающих в своем системном единстве. Высшим уровнем такой интеграции являются поведенческие акты, из которых слагается любая деятельность. И в этом смысле общая теория функциональной системы объединяет категорию деятельности с категорией функционального состояния, которые, по сути, представляют две разновидности адаптивной деятельности — внутренней и внешней.

Изложение теории функциональной системы, во многом составлявшей методологический базис проведенных исследований, было бы неполным и непоследовательным без упоминания о концепции развития или «системогенеза в онтогенезе», в которой основной акцент смещается на исследование базисных (исходно присутствующих) и присущих человеку как представителю вида Homo sapiens физиологических функций, с одной стороны, и психических функций, реализуемых на основе первых — с другой, или, пользуясь терминологией П. К. Анохина, «созревающих».

П. К. Анохиным было сформулировано несколько основных принципов системного развития функций, из которых мы остановимся лишь на двух: принципе опережающего развития генетически обусловленных компонентов системы и принципе консолидации компонентов в функциональную систему деятельности. Если обратиться к онтогенезу, то уже со стадии нервной трубки выявляется доминирующая роль нервных структур как основного фактора интеграции развития (эмбриогенеза) всех системных процессов. Уместно подчеркнуть, что функциональные системы новорожденного являются относительно «инвариантными», так как любое сколько-нибудь существенное отклонение от эволюционно-генетических «нормативов» в структуре или функции обрекает организм на гибель. Но эта — исходно заданная и строго ограниченная в своем диапазоне — инвариантность в процессе онтогенеза обретает чрезвычайно широкий диапазон изменчивости, и в результате мы видим самое широкое разнообразие соматических, физиологических и психологических типов людей — от физически слабых до атлетов, от умственно отсталых до гениев и т.д. Это, вне сомнения, обусловливается тем, что, кроме витально-необходимых, каждый организм несет в себе громадный набор «дополнительных» генотипических признаков, вследствие чего один человек и отличается от другого. К этому можно добавить, что кроме врожденных функциональных систем, необходимых для выживания, все остальные (образующиеся в постнатальном периоде, в том числе — социальные функции) характеризуются не только неравномерностью развития, но и существенной гетерохрон-

ностью созревания. И чем выше уровень их организации, тем в большей мере они принадлежат к приобретенным (особенно это касается высших психических функций, являющихся однозначно приобретенными), тем они изменчивее и «ранимее» при воздействии любых факторов как «генетически незащищенные».

Исходя из сформулированных положений, вопрос о разделении сфер исследования между психологией и физиологией имеет лишь одно очевидное решение — комплексность. Однако на сегодняшний день эта проблема является наиболее трудной как в связи с определенными различиями в понятийном аппарате «двух» наук о человеке, так и в «нюансах» методологических подходов. Представитель каждой из исследовательских школ (психологической или физиологической) нередко оказывается психологически неспособным воспринять аргументы своего «оппонента», поскольку они не соединяются с его традиционными представлениями о предмете исследования. Философы предпринимают здесь «миссионерские» походы (пример тому — создание института Человека), но, как нам представляется, процесс интеграции двух наук лежит во «временной плоскости» и определяется мерой вызревания потребности конкретных специалистов в привлечении психологического или физиологического знания для завершения или дополнения своих представлений. Наибольшая трудность на этом пути состоит в узкой специализации конкретных специалистов, ограничении научных поисков и не только отдельных специалистов, но даже целых научных школ узкой феноменологией (ЭЭГ, биохимические процессы и т.п. — в физиологии, или, например, только память или только внимание в психологии). Общетеоретические вопросы и обобщения в масштабе личности или индивидуальности в таких исследованиях нередко появляются лишь в виде некоего побочного продукта.

Тем не менее в теоретической сфере мы имеем достаточно общее согласие в признании глубокой и органической взаимосвязи психологического и физиологического. Но при переходе к практике теоретическое согласие остается все в той же области теории, как представляется, в силу причин сугубо психологического характера, заложенных в психологии самых исследователей, а именно — обусловливаемых тем, что перенос теоретических принципов в практику может разрушить традиционные убеждения не только тех или иных специалистов, но и некоторые укоренившиеся в общественном сознании догмы.

Еще в 1907 году У. Ослер [615] отмечал, что «типичный коронарный пациент является не чувствительным невротиком, а крепким, энергичным умственно и физически, резким и честолюбивым человеком, показателем энергии которого является стремление всегда на полной скорости вперед». Но врачи признали существование этих психологических коррелятов коронарной болезни лишь через 70 лет. Справедливо будет признать, что пока не так уж много психологов, которые способны увидеть в этом поведенческом паттерне предрасположенность

к гипертонии. Тысячекратно подтвержденные идеи З. Фрейда о психосоматической патологии, сформулированные еще в конце XIX века, для многих врачей все еще остаются некой теорией, существующей далеко за пределами их повседневной практики.

В проведенных исследованиях не ставилась глобальная задача рассмотреть психофизиологическую проблему — это могло бы служить предметом самостоятельного исследования. В этом кратком отступлении хотелось лишь подчеркнуть, что психологическое знание не существует «над физиологическим», оно непосредственно и имманентно присутствует в нем.

Уже более века назад Клод Бернар [94, 95] создал учение о постоянстве внутренней среды организма, которое, по выражению Джона Б. Холдейна [408], стало самым плодотворным из когда-либо созданных физиологами. Главная идея К. Бернара заключалась в том, что поддержание постоянства внутренней среды осуществляется в результате координированной деятельности всех витальных механизмов, обеспечивающих непрерывное восстановление генетически обусловленных параметров внутренней среды при любых «возмущениях» извне.

Эта концепция получила дальнейшее развитие в работах Уолтера Кеннона [192, 444, 445], который ввел в физиологию термин «гомеостаз» (от греч. «подобный» и «состояние»), подчеркнув в этом наименовании, что речь на самом деле идет о весьма вариативном (в известных пределах), динамическом образовании или функциональной системе гомеостаза. Однако в своих подходах У. Кеннон еще не выходит за рамки традиционной физиологии. Затем термин «гомеостаз» приобрел значение некоего обобщающего понятия, отражающего все разнообразие частных проявлений стабильности биологических систем, но психологическая составляющая, как бы по умолчанию, оставалась вне этих концепций. Перенос физиологических подходов на психические функции, как уже упоминалось, принадлежит Зигмунду Фрейду, а в отечественной науке этот принцип получил отражение также в уже упоминавшейся ранее работе В. И. Медведева [250, с. 104], сформулировавшего основные положения общей теории адаптации и предложившего рассматривать «поведенческую адаптацию... как один из компонентов регуляторных механизмов гомеостазиса» вообще. Исходя из этих теоретических положений, нами осуществлялись планирование экспериментальной работы и анализ ее результатов, естественно, с учетом тех «технических» ограничений, которые боевые условия налагали на возможности использования тех или иных методов.

Часть 2
ПСИХОЛОГИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

Глава 1
ПРЕДЫСТОРИЯ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Отношения между Россией и Афганистаном имеют давнюю историю и на протяжении большей части XX столетия были традиционно хорошими. В 1921 году между государствами был заключен мирный договор, в 1926 — пакт о ненападении (который продлевался вплоть до 1975), в 1946 году — соглашение о межгосударственной границе. Во время Первой и Второй мировых войн Афганистан соблюдал выгодный нашему государству нейтралитет.

Рассматривая новейшую историю Афганистана, необходимо помнить, что некоторые признаки современности там легко и даже органично уживаются с обычаями и традициями тысячелетней давности. Кроме того, это Азия, где Коран является законом и основой морали, нравов и обычаев повседневной жизни большинства населения, а борьба правящей элиты за власть реализуется в духе жестокого средневековья.

Формирование афганского государства началось только в 30-е годы XIX века путем объединения разобщенных афганских племен вокруг Кабульского княжества. После войны за независимость с англичанами (1838—1842) к единому государству присоединились Кандагар и Герат, а чуть позднее Бадахшан. Вторая агрессия англичан (1873—1880) завершилась соглашением о границах страны и сохранением английского контроля над политикой. В 1923 году была провозглашена первая конституция страны, которая не нашла поддержки среди вождей племен, духовенства и крестьян. Восстание закончилось антиправительственным переворотом (1929), в результате которого к власти пришел бывший военный министр Мухаммед Надир, провозглашенный королем и ставший основателем новой династии.

В 1965 году (период национально-освободительных движений в Азии и Африке) создается Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), во главе с Нур Мухаммедом Тараки; одним из членов ЦК партии становится Бабрак Кармаль (затем Кармаля исключили из партии, а его место занял Хафизулла Амин). В 1973 году был свергнут король Захир-Шах, и в стране установилась президентская республика под руководством Мухаммеда Дауда — бывшего премьер-министра королевского правительства (1953—1963). Эти самые поверхностные «демократические» перемены были встречены недовольством духовенства

и феодалов, а также вождями пуштунских племен, которые при короле существовали практически автономно в своеобразной свободной зоне между Пакистаном и Афганистаном (и никогда и никем не были покорены, включая предпринимавших такие попытки Александра Македонского и Великобританию)[1]. К 1975 году активизируются исламские фундаменталисты и начинается повстанческое движение против режима Дауда в Панджшере, которое постепенно охватывает ряд других провинций страны. В республике появляется несколько исламских партий, действующих на антиправительственной платформе и требующих отказа от каких бы то ни было демократических преобразований. В правительстве и в НДПА также не было единства. Против восставших провинций и племен применяется военная сила, что еще больше усиливает раскол между центральной властью и регионами. Внутрипартийная борьба в правительстве приводит к свержению Дауда, и в 1978 году в стране создается Революционный совет во главе с Тараки, который становится главой государства и премьер-министром, а Кармаль — его заместителем. Через год один из их сподвижников по партии Хафизулла Амин устраняет Тараки (он был задушен начальником охраны Амина), и занимает его место, но подтверждает курс на демократизацию общества. Никакой стабильности это не приносит, и при поддержке ряда мусульманских стран и США, заинтересованных в дестабилизации этого региона, по всей стране развертывается вооруженная борьба против НДПА и правительства. Весной 1979 года провозглашается «Свободный Нуристан», а в августе — исламский независимый Хазараджат со своей армией — вначале в количестве всего 3 тыс. человек (так называемый Союз исламских воинов). Правительственные органы власти в регионах постепенно вытесняются и заменяются исламскими комитетами. Идеи великого исламского государства и исламского фундаментализма находят все больше сторонников. Вооруженные силы Хазараджата растут, и уже в 1979 году они переходят в наступление на Герат, Кандагар, Джелалабад, Хост. В стране идет кровавая гражданская война на южных границах СССР.

Мы не будем анализировать адекватность действий советского руководства, а коснемся лишь фактологии и попытаемся дать психологическую оценку принятых в 1979 году решений. У каждого государства существуют национальные интересы[2], так же как и у любого политического руководства — свои, при этом последние — далеко не всегда

---

[1] У этих племен на протяжении многих столетий действует особый кодекс чести «Пуштунвали», которому они строго следуют до настоящего времени.

[2] Афганистан граничил с советским Таджикистаном, при этом таджики (в том числе — связанные родственными узами) жили по обе стороны межгосударственной границы, а на Памире уже были разведаны месторождения урановой руды и других полезных ископаемых, которые остаются «лакомым» куском для многих пограничных стран, а также США. Кроме того, в условиях (пусть и гипотетического) глобального потепления почти все среднегорья становятся стратегически важными территориями для будущего глобального переселения народов.

совпадают с первыми. Хотел бы сразу подчеркнуть, что этот анализ и некоторые сомнения относительно принимаемых на самом высоком уровне решений не имеют никакого отношения к безусловным подвигам советских солдат и офицеров, которые с доблестью выполнили свой долг, и достойны только уважения, почета и славы.

Считается, что решение о вводе советских войск в Афганистан было принято кулуарно на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС всего за каких-то 20 дней до начала операции «Штром-333», когда председатель КГБ СССР Ю. Андропов и начальник Генерального штаба МО СССР Н. Агарков поставили этот вопрос на обсуждение[1].

Приведем официальный документ.

«Совершенно секретно.
ЦК КПСС

Председатель Революционного совета Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРАХ. Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направления в Кабул советского мотострелкового батальона для охраны его резиденции.

С учетом сложившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 26.06.1979 за № 156.

В связи с тем, что вопросы направления отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой половине декабря с. г.

Тов. Д. Ф. Устинов согласен.

Ю. Андропов, Н. Агарков № 312/2/0073, 4 декабря 1979 года».

Решение принималось коллегиально. Эта «записка» была обсуждена на заседании Политбюро, о чем свидетельствует архив Особой папки Политбюро:

«Совершенно секретно.

Выписка из протокола № 176 заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года.

О направлении спец отряда в Афганистан.

Согласиться с предложением по вопросу, изложенному в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 года.

Секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев № 12/2/0073 прилагается».

Однако можно предполагать, что Политбюро в некотором смысле оказалось «втянутым» в давно зреющее в верхушке силовых ведомств решение о необходимости «небольшой победоносной войны». Об этом

---

[1] В этом разделе использованы материалы, опубликованные в книгах: *Баленко С. В.* Спецназ ГРУ в Афганистане. М. : Яуза ; Эксмо, 2010; *Козлов С. В.* и др. Спецназ ГРУ: очерки истории (Кн. 3). М. : Смысл ; Русская панорама, 2009; *Малеванный В. В.* Советский спецназ в Афганистане. М. : Кучково поле, 2009; *Рунов В. А.* Афганская война: боевые операции. М. : Яуза ; Эксмо, 2010; а также некоторые другие хорошо информированные источники.

свидетельствует то, что задача по формированию (в дальнейшем получившего наименование «мусульманского») спецбатальона численностью в 520 человек была поставлена начальником ГРУ П. Ивашутиным еще 2 мая 1979 года[1]. Однако другие информированные источники дают еще больше оснований для размышлений и сомнений[2]. Еще в феврале 1979 года в Чирчике, где базировалась 15-я отдельная бригада специального назначения Туркестанского военного округа, началось создание какого-то «странного» подразделения, практически полностью состоящего из представителей среднеазиатских национальностей (в батальоне был всего один русский). Необычным для спецназа было и оснащение — 4 роты батальона размещались на БТР и БМП (обычное вооружение спецназа — обмундирование, рюкзак, боеприпасы и автомат, плюс — высокая выучка, ничего лишнего). Все проходили специальный отбор, включая психологический, при этом по результатам последнего были отчислены 3 кандидата.

Мусульманскому батальону было суждено сыграть одну из главных ролей во взятии резиденции Амина (дворца Тадж-Бек) и его физическом устранении.

8 декабря 1979 года в кабинете Л. Брежнева состоялось особое совещание, в котором приняли участие всего несколько ключевых членов Политбюро: Председатель КГБ СССР Ю. Андропов, Министр иностранных дел А. Громыко, секретарь ЦК КПСС М. Суслов и Министр обороны СССР Д. Устинов. Высказывались определенные сомнения, в частности — со стороны А. Громыко, однако предшествующее постановление Политбюро вновь было поддержано. Кроме того, было принято решение о физическом устранении Х. Амина и замене его на более лояльного Бабрака Кармаля, который в это время находился в СССР. Было принято решение также о направлении в Афганистан «какого-то количества войск» для военной поддержки «внутреннего переворота».

С 9 по 12 декабря с аэродромов Чирчика и Ташкента на авиабазу в Баграме был осуществлен переброс «мусульманского батальона», переодетого в форму афганской армии, сшитой по образцам, полученным по линии военной разведки. Через несколько дней в Баграм был нелегально доставлен Б. Кармаль и часть будущих министров его правительства, которых охраняли сотрудники 9-го управления КГБ. «Убрать» Амина планировалось к середине декабря, поэтому новое руководство страны должны было находится где-то поблизости. На Амина уже было совершено 5 попыток покушения[3], но при очередном (16 декабря 1979)

---

[1] *Колесников В. В.* Название // *Козлов С.* и др. Спецназ ГРУ. М. : Русская панорама, 2009. С. 34.

[2] *Шарипов В. С., Легкий П. Н.* Операция «Шторм» // Армия. 1999. № 6. С. 48—53.

[3] Ю. Андропов дал личное указание начальнику 8-го отдела Управления «С» КГБ (нелегальная разведка и «мокрые дела») о подборе исполнителя для ликвидации Амина. Эта акция была поручена нашему агенту — азербайджанцу (подполковнику), который уже несколько лет был на нелегальной работе в Кабуле в качестве владельца чайханы.

он был только легко ранен. Его племянник и начальник его же контрразведки Абдулла Амин получил серьезное ранение и был направлен в Советский Союз, где в процессе лечения его пытались перевербовать, но, вроде бы, безуспешно, и вернули в Кабул, где Х. Амин, подозревая перевербовку («на всякий случай»), его казнил.

23 декабря советский посол в Афганистане информировал Амина, что Политбюро удовлетворило его просьбу о направлении войск в Афганистан и готово начать их ввод с 25 декабря 1979 года. Амин поблагодарил и отдал распоряжение своему Генеральному штабу об оказании содействия вводу войск, не подозревая, что тем самым подписал свой смертный приговор. Примечательно, что всего год назад, в 1978-м, Амин долго «торговался» с Л. Брежневым и Ю. Андроповым по поводу выдаче Москве свергнутого им Тараки живым и здоровым, который ко времени этого торга был задушен по приказу того же Амина. Такова была специфика «взаимного доверия и нерушимой дружбы» того времени...

Штурм дворца Амина несколько раз переносился, а Амин ничего не подозревал и явно находился в состоянии некоторой эйфории от обретаемого чувства защищенности. Как типичный представитель местной элиты, Амин не доверял никому. Он исходно окружил себя наемными советскими врачами и советниками, а сейчас получал еще и новые подразделения личной охраны из хорошо известных своей выучкой советских спецназовцев, а в перспективе были и дополнительные контингенты войск.

Днем 27 декабря Х. Амин устроил у себя во дворце званый обед, куда пригласил всех членов Политбюро НДПА и министров с семьями, таким образом отмечая будущее укрепление своей власти, хотя формальным поводом послужило возвращение из Москвы (после удачных переговоров о сотрудничестве) секретаря ЦК НДПА Пандшири. После обеда планировалось выступление Амина по национальному телевидению. Однако во время обеда многие гости внезапно почувствовали симптомы отравления, в том числе Амин, который потерял сознание. Продукты были отравлены с помощью завербованного советской разведкой и устроенного на дворцовую кухню повара-узбека. Прибывшие из советского посольства (по вызову жены Амина) терапевт В. Кузнеченков и хирург А. Алексеев, принялись за спасение главы дружеского государства, не подозревая, что тем самым сильно нарушают чьи-то планы (в итоге один из советских врачей погиб при устранении Амина вооруженным путем[1]). Спасение Амина, которого быстро вывели из токсической комы, существенно осложнило обстановку для предстоящего штурма. Была усилена охрана дворца и приведена в повышенную боевую готовность афганская танковая бригада. Однако помощи

[1] Другой врач, полковник медицинской службы Анатолий Владимирович Алексеев впоследствии стал заместителем начальника кафедры Военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии.

ждать было уже неоткуда — все воинские части столицы были практически полностью блокированы нашими десантниками.

Несмотря на мощное сопротивление охраны дворца, штурм длился всего около 45 минут. Вначале никто даже ничего не понял, и только когда расслышали русский мат, «догадались», что это не афганские боевики и не сторонники Тараки. Ничего не понимающего Амина последний раз видели идущим по коридору в трусах, с высоко поднятыми руками, но это не было попыткой сдаться в плен — в руках он держал флаконы с физраствором для дезинтоксикации после отравления, трубки обвивали его руки, а в венах по-прежнему торчали иглы.

Амин был найден убитым возле бара, где он пытался спрятаться. Убитых афганцев, в том числе двух малолетних сыновей Амина, закопали неподалеку от дворца Тадж-Бек, в котором позднее располагался штаб 40-й армии.

Через несколько дней по советскому телевидению показали суд над Амином (датированный 28 декабря 1979 года), в котором «покойный» участвовал лично. Те, кто знал реальную ситуацию, были просто поражены «искусству монтажа» советских телевизионщиков — ведь многократно простреленный труп Амина с оторванным плечом зарыли в тот же день. Но телевизионщики оказались ни причем. А вот спецслужбы были дальновидны. Еще при жизни не лишенного нарциссизма Амина уговорили сняться в художественном фильме о самом себе, где присутствовала и сцена суда над ним (такое событие действительно некогда было в жизни Амина). И то, что показали по телевидению, было вполне реальной съемкой сцены суда над Амином, которая ни у кого не вызвала подозрений. А те, кто участвовал в штурме и знал правду, дали подписку о неразглашении государственной тайны. Но теперь — это уже давно не тайна.

На следующий день в кабульском аэропорту высадился передовой отряд 103-й дивизии ВДВ, который еще не знал об успешном завершении операции и также был готов к штурму дворца. Но эта помощь уже не понадобилась. А дивизии предстоял еще долгий и тяжелый боевой путь, длинной почти в 10 лет.

* * *

По результатам исследований аналитиков Министерства обороны и Генерального штаба СССР, военные операции советских войск в Афганистане ретроспективно были разделены на 4 этапа [242].

1-й этап — с декабря 1979 по февраль 1980. В декабре 1979 советскую армию, во всяком случае — в столице, население встречало с радостью, надеясь хоть на какую-то стабилизацию ситуации в стране. Но уже 9 января 1980 произошла первая схватка наших пехотинцев с артиллеристами афганской армии, погибли 2 советских солдата, а с афганской стороны потери составили около 100 солдат и офицеров. Тем не менее прибытие афганского артполка в Кандагар было встречено ликованием и оружейными залпами афганских боевиков. В процессе первого этапа

советскими военнослужащими было создано 32 гарнизона и 179 военных городков. Общие изъятия на это «предприятие» из далеко не стабильной советской экономики составили в этот период почти 700 млн рублей и 150 млн долларов. Первоначально поставленная войскам задача состояла в охране стратегических объектов и дорог, а также в сопровождении грузов и поддержании стабильности в стране.

2-й этап — с марта 1980 по апрель 1985, когда советские войска постепенно все больше втягивались в боевые действия на стороне правительственных войск Афганистана против отрядов афганских боевиков, а ожесточенность вооруженной борьбы последовательно нарастала с обеих сторон.

3-й этап — с апреля 1985 по январь 1987. В документах Генерального штаба СССР этот период характеризуется как переход к активным и крупномасштабным боевым действиям по поддержке правительственных войск Афганистана и самостоятельным действиям по уничтожению базовых районов оппозиции и вооруженных формирований боевиков (наши психологические исследования, которые составляют основное содержание третьей части книги, проводились именно в это период). В качестве самостоятельной задачи командованием ограниченного контингента советских войск выделялось боевая подготовка солдат и офицеров афганской армии и формирование силовых структур, которые создавались по типу советских: милиция — Царандой и КГБ — афганский ХАД.

4-й этап — с января 1987 по 15 февраля 1989, когда новым политическим руководством СССР было принято решение о реализации мер на национальное примирение и подготовке к полному выводу советских войск из Афганистана.

Хотя советские войска не потерпели ни одного поражения, война становилась все более кровавой и бессмысленной. Стотысячному ограниченного контингенту советских войск к 1988 году противостояло более 250 тыс. мятежников, не считая мелких вооруженных групп, формировавшихся из местного населения, в том числе — на подконтрольных правительству и советским войскам территориях. Эти люди вели обычный образ жизни мирных крестьян, ремесленников или торговцев в дневное время, а с наступлением темноты брались за оружие, занимались минированием дорог и осуществлением диверсий.

В последующем командующий 40-й армией генерал Б. В. Громов в своей книге «Ограниченный контингент» отмечал, что в Афганистане наша армия столкнулась с ранее не известным советской военной науке театром военных действий [150]. Хочется надеяться, что из этого опыта были сделаны адекватные выводы.

Глава 2
ОРГАНИЗАЦИЯ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АППАРАТ

2.1. Организация исследований и условия работы

Основные исследования в условиях боевой деятельности проводились автором совместно с Е. Б. Науменко в процессе двух экспедиций в Республику Афганистан в период с 21 марта по 15 мая и с 15 октября по 15 декабря 1986 года. Цели этих исследований определялись техническим заданием по КНИР «Коррелятор» и планом работ, утвержденным Генеральным штабом МО СССР и начальником Центрального военно-медицинского управления МО СССР.

В соответствии с поставленными задачами к исследованию привлекался личный состав боевых частей сухопутных и воздушно-десантных войск 40-й армии, расположенных в Афганистане в зоне Ц-14. В частности, обследовались военнослужащие подразделений, несущих наиболее значительную боевую нагрузку, — частей 108-й мотострелковой дивизии (180-й и 181-й полки) и 103-й воздушно-десантной дивизии (350-й, 357-й и 317-й полки).

Общее количество обследованных составило 1391 человек (897 человек в первую экспедицию и 494 — во вторую). Из них: военнослужащие боевых частей сухопутных войск, преимущественно личный состав горно-стрелковых рот, саперных, разведывательных и гранатометных подразделений с опытом боевой деятельности от 3 до 20 месяцев, — 267 человек; военнослужащие боевых частей воздушно-десантных войск (разведроты, горно-стрелковые и парашютно-десантные роты) с опытом службы в ДРА от 6 до 17 месяцев — 584 человека; молодое пополнение, прибывшее в части 40-й армии из Ферганского и Гайжунайского учебных центров в апреле 1986 года — 540 человек (в это число вошли также 108 человек, обследованных через 6 месяцев боевой деятельности повторно — во время второй экспедиции).

При подготовке отчета о проделанной работе была использована также часть материала, предоставленная Б. В. Овчинниковым

по результатам его экспедиции в 40-ю Армию (1984), в обработке и анализе которого автор принимал непосредственное участие [22], а также часть данных, полученных при обследовании на территории СССР военнослужащих учебных соединений (273 человека), личного состава десантно-штурмовой бригады (73 военнослужащих), автомобильного батальона (52 человека) и 62 военнослужащих парашютно-десантного полка (в последних двух случаях — сразу после их вывода из Республики Афганистан в 1984 и 1989 годах).

Самостоятельную часть исследований составили материалы по изучению особенностей состояния, поведения и деятельности людей в очагах стихийных бедствий и катастроф, моделирующих факторы и условия применения атомного оружия массового поражения. В частности, имеются в виду материалы, полученные в процессе двух научных экспедиций в Армению (1988) и в Уфу (1989). В процессе этих экспедиций были собраны и затем проанализированы результаты социально-психологического изучения больших групп местного населения (более 1000 человек) и данные обследования 70 военнослужащих, подвергшихся воздействию стихийного бедствия большой разрушительной силы (Спитакское землетрясение в Армянской ССР силой до 10 баллов по шкале Рихтера), 100 военнослужащих, осуществлявших спасательные работы в очаге массовых потерь (город Ленинакан, 12—22 декабря 1988 года), а также материалы обследования 71 пострадавшего в результате объемного взрыва газа силой до 300 килотонн и железнодорожной катастрофы на перегоне Улу-Теляк-Аша 3 июня 1989 года (город Уфа, 5—13 июня 1989 года). Часть материалов была получена в процессе изучения психологического состояния населения (744 человек), постоянно проживающего на территории радиоактивного загрязнения после аварии на Чернобыльской АЭС (1986).

Обследование военнослужащих боевых частей в Республике Афганистан выполнялось до, в процессе (в межбоевой период) и в различные сроки после завершения боевых операций и выходов на реализацию разведданных в пунктах постоянной дислокации частей, а также на горных заставах — на высотах от 2000 до 2800 метров над уровнем моря. Основные исследования осуществлялись в период подготовки и проведения трех крупных армейских операций («Кольцо», «Гранит» и «Осень»), в которых участвовали все обследованные части и подразделения 40-й армии.

Большая часть социально-психологических, психологических и физиологических исследований проводилась групповым методом в составе подразделений (от 20 до 50 человек в группе) в классах, клубах, казармах и других приспособленных помещениях. На горных заставах исследования выполнялись по сокращенной схеме. Дополнительно осуществлялся сбор персональных данных и индивидуальные беседы с рядовым и сержантским, а также офицерским составом частей — от командиров рот до командующих дивизиями.

Ряд исследований по военно-профессиональной подготовке и оценке физических качеств военнослужащих проводился на полигонах, стрельбищах и спортплощадках. Для оказания помощи в проведении индивидуальных обследований и измерения основных физиологических показателей решением командования частей и соединений выделялись необходимые силы и средства.

2.2. Методы исследования и объем материала

Основные группы методов исследования включали:

1) социально-психологическое изучение личного состава (автобиографическая анкета, оценка мотивации к службе в составе боевых подразделений и к деятельности по своей воинской специальности, стандартизированное интервью, параметрическая социометрия и некоторые др.);

2) батарею из семи умственных тестов для оценки уровня общего интеллектуального развития («Аналогии», «Числовые ряды», «Зрительная память», «Арифметический счет», «Образное мышление», «Вербальная память» и «Установление закономерностей»);

3) методы для определения состояния эмоциональной сферы и индивидуально-психологических особенностей личности (психологический опросник «Прогноз», 16-факторный личностный опросник, стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ), методика Розенцвейга, опросники Айзенка, Шуберта, Спилбергера — Ханина и некоторые другие);

4) методы исследования сенсомоторных качеств (теппинг-тест, кинестезиометрия, простая и сложная сенсомоторная реакция);

5) методы исследования основных физиологических функций (преимущественно сердечнососудистой системы по показателям артериального давления и частоты сердечных сокращений) и физиологических резервов организма по косвенным показателям (вторичным физиологическим индексам);

6) методы самооценки самочувствия, активности и настроения (САН) и анкета самооценки успешности военно-профессиональной (боевой) адаптации;

7) методы оценки физической подготовленности и физической выносливости (5 стандартных упражнений и кросс на 3 км);

8) методы профессиографического изучения боевой деятельности и индивидуальной оценки ее качества у конкретных военнослужащих по прямым и косвенным показателям. Кроме основных групп методов исследования применялся ряд дополнительных, в частности проводились антропометрические замеры, осуществлялся сбор данных медицинского и боевого анамнеза (ранения, заболевания), апробировались проективные методы исследования личности (методы свободных и связанных ассоциаций и др.).

Учитывая, что подробное описание указанных методов неоднократно излагалось в монографиях, справочниках, методических пособиях и рекомендациях, а также в официальных документах [29, 30, 34—38, 51, 55, 67, 101, 102, 105, 112, 116, 158, 174, 178, 179, 191, 217, 242—246, 254, 284, 287, 315, 327 и др.], здесь дается лишь ссылка на источники и приводятся некоторые образцы бланков, анкет и шкал, которые использовались в процессе исследований.

Общий объем материала составил около 100 тыс. исследований, которые в связи с известными ограничениями конечно же далеко не полностью отражены в этой книге.

2.3. Математико-статистический аппарат

Совершенствование методики профессионального отбора и повышение надежности используемых прогностических критериев в существенной степени зависит от адекватности и логической обоснованности методов математической обработки и статистического анализа данных.

Как уже отмечалось, до настоящего времени одним из основных методических подходов при разработке критериев профессионального отбора является валидизация, т.е. определение корреляций показателей психологического обследования (прогностических оценок) и качества деятельности (внешних критериев), а также уже упомянутый метод сравнения полярных групп. В последнем случае внешние критерии выступают в качестве системообразующего основания при разделении обследуемых, как правило, на две группы — «лучших» и «худших» [67, 77, 105, 107, 217 и др.]. В отдельных случаях, в зависимости от личных установок того или иного исследователя, используется какой-то один из этих двух методов. Показатели, имеющие статистически значимые корреляции с внешними критериями или обнаруживающие статистически достоверные отличия в сравниваемых группах, рассматриваются в качестве критериев профессионального отбора и в целом обеспечивают его определенную обоснованность и эффективность.

Иногда отобранные при корреляционном и сравнительном анализе показатели используются для построения регрессионных или других математических моделей, в которых характеристики реальных психических или психофизиологических процессов подменяются совокупностью, а вернее — относительно случайным механическим «скрещиванием» набора различных и — нередко — мало сопоставимыхили, наоборот, дублирующих друг друга показателей, высоко коррелирующих между собой. Последнее обстоятельство может быть как случайным (как и вообще любые изолированно взятые корреляции), так и свидетельствовать о том, что информативность этих (коррелирующих между собой показателей) примерно одинакова, а значит, хотя бы один из них — бесполезен. При содержательной интерпретации

результатов сравнительного анализа, в рамках традиционных подходов, как правило, не учитывается — как «ведут» себя те или иные признаки на изучаемой выборке, являются ли они количественными или качественными, и т.д.

Этот традиционный подход можно было бы считать приемлемым, если априорно исходить из ничем не подтверждаемого предположения:

- что вся исследуемая совокупность людей во всех случаях принадлежит к одному (в данном случае — психологическому) типу;
- что все используемые методики обладают равной информативностью и никак не взаимосвязаны (не дублируют друг друга даже частично);
- что получаемые с помощью этих методик показатели характеризуют различные иерархические уровни организации личности или состояние различных функциональных систем;
- что в человеческой популяции всегда существует только две категории специалистов — хороших и плохих, и т.д. и т.п.

Естественно, что эти посылки противоречат как логике и здравому смыслу, так и обыденному и экспериментальному опыту, и задачам психодиагностической практики. Ранее уже отмечалось, что ориентация исследователей на «лучших» и «худших» специалистов, количество которых в совокупной выборке, как правило, не превышает 20%, приводит к тому, что об обычном среднем специалисте (или наиболее массовой группе — около 60% популяции) мы сегодня знаем меньше, чем о лицах немногочисленных «полярных групп». Второй существенный недостаток состоит в том, что изложенный подход всегда предопределяет разработку критериев профессионального отбора «по максимуму» или, другими словами — ориентирован на укомплектование всех профессиональных категорий лицами лишь с высочайшим прогнозом успешности обучения или деятельности. Такая методика, естественно, может быть признана обоснованной, но применительно лишь к некоторым группам специальностей (например, летчиков или космонавтов). Но она не выдерживает критики и проверки практикой при постановке проблемы рационального распределения на массовые профессии.

Одной из наиболее частых ошибок в современной психодиагностике, по нашему мнению, является ориентация не столько на содержательный, сколько на математико-статистический анализ данных. Преобладание «магии» статистических процедур над рациональным анализом и элементарной логикой особенно ярко проявляется при разработке регрессионных и дискриминантных моделей «идеального специалиста», получивших в психодиагностической практике в последние годы многообещающее название «решающих правил» отбора и рационального распределения. При обосновании этого нового «методического» подхода почему-то забывается о том, что математические модели как исследовательский прием или инструмент (и только) используются обычно в тех случаях, когда прямое наблюдение объекта изучения недоступно или когда его анализ во всем

многообразии свойств, состояний и динамике развития не представляется возможным. Поэтому построение математических моделей всегда с неизбежностью предполагает необходимость существенных упрощений и ограничений в наборе анализируемых признаков, чаще всего взятых в статическом состоянии и соотнесенных с конкретными условиями проведенных замеров. Таким образом, право на существование математические модели имеют только в качестве инструмента научного поиска, доказательства или обоснования непротиворечивости исходных посылок или гипотез. Но они не могут применяться как «формулы расчета личности» (или же должны включать все возможные параметры экологической и социальной среды, условия проведения обследования, сведения об отношении испытуемого к самой процедуре тестовых испытаний, о его мотивации, данные о динамике всех включенных в модель показателей на протяжении всей истории развития индивида и личности и т.д.).

Учитывая изложенные критические замечания, нами было предложено [2, 46, 48] при изучении детерминант успешности обучения или деятельности исходить из популяционного подхода, при котором в качестве основного объекта изучения выделялась «группа средних (оптимальных) специалистов» как наиболее массовая, а сравнение «полярных групп» проводилось не между собой, а со средним (обычным) по показателям успешности деятельности (обучения) человеком, принадлежащим к той или иной профессиональной группе. При этом в качестве валидных рассматривались лишь те показатели, которые обнаруживали устойчивую векторность или «сквозную» динамику (однонаправленные рост или снижение) при переходе от группы «слабых» к «средним», и от последних к наиболее эффективным специалистам.

Одновременно, в целях повышения надежности прогностических критериев, было предложено при их обосновании использовать метод «прямой и обратной валидизации» на основе популяционного подхода. Сущность предложенного подхода состоит в том, что вначале по установленным в процессе профессиографии показателям сравниваются группы обследуемых, имеющие различные оценки успешности деятельности, т.е. — системообразующим основанием является внешний критерий, позволяющий установить перечень наиболее значимых прогностических оценок. Затем сравниваются три (или более) группы, в которых эти прогностические оценки: соответствуют популяционной норме, существенно превосходят ее или оказываются существенно ниже. Таким образом, при повторном сравнительном анализе системообразующим основанием становятся прогностические показатели, а объектом исследования — перечень используемых (прогнозируемых) внешних критериев.

Исходя из приведенных подходов, общая структура обоснования тех или иных методов и критериев психодиагностики может быть пред-

ставлена в виде следующих этапов (общая характеристика и последовательность которых показана в табл. 2.1):

1) профессиографическое изучение и выделение перечня показателей (согласующихся с профессионально важными качествами), определение которых (предположительно) могло бы использоваться в целях профессионального отбора конкретных специалистов или рационального распределения на массовые профессии;

Таблица 2.1

Основные этапы логического и математико-статистического анализа данных в целях обоснования критериев профессионального психологического отбора

I	Профессиографическое изучение, выделение перечня ПВК и внешних критериев
II	Формирование «банка» методов под ПВК
III	Психологическое и физиологическое обследование репрезентативной выборки специалистов
IV	Сбор внешних критериев успешности деятельности (обучения)
V	Вычисление одномерных статистик, проверка данных на надежность
VI	Частотный анализ данных и определение вида статистического распределения полученных показателей (который должен приближаться к нормальному распределению)
VII	Квантификация исследуемых показателей (приведение их к той или иной единой шкале изменения)
VIII	Повторное вычисление одномерных статистик по квантифицированным данным, проверка нормальности распределения
IX	Корреляционный анализ
X	Сравнительный анализ (валидизация методом «контрастных групп»)
XI	Отбор показателей, обнаруживающих достоверные связи с внешним критерием и демонстрирующих «сквозную векторность» при сравнительном анализе трех групп специалистов: наименее эффективных, средних (обычных) и лучших (наиболее эффективных)
XII	Блок-кластерный анализ (выявление взаимосвязанных, дублирующих и относительно дискретных признаков)
XIII	Факторный анализ — с включением и без включения внешнего критерия
XIV	Исследование выделившихся факторных структур на логическую непротиворечивость и их интерпретация
XV	Построение математических моделей
XVI	Выделение и обоснование оптимума критериев профессионального отбора с учетом статистической и содержательной валидности (метод «обратной» валидизации)

2) формирование «банка» методов, направленных на исследование выделенного перечня профессионально важных качеств (как правило, первоначально формируется несколько избыточный блок методов, который отражает одновременно как результаты профессиографии, так и рабочую концепцию автора, даже если последняя прямо не формулируется);

3) психофизиологическое обследование достаточно представительной выборки изучаемой категории специалистов с помощью сформированного «банка» методов в типичных условиях профессиональной деятельности (или обучения);

4) сбор промежуточных (при обучении) или конечных внешних критериев успешности профессиональной деятельности;

5) нахождение и вычисление одномерных статистик ($\overline{x}$, $\sigma_{\overline{x}}$, $M_{\overline{x}}$, $A_{\overline{x}}$, Max-x и Min-x) и проверка данных на надежность, в частности — максимум и минимум должны соответствовать диапазонам измеряемых показателей, а средняя величина должна превосходить ошибку средней как минимум втрое;

6) проведение частотного анализа и определение статистического распределения показателей, которое должно позволять переводить их в одну из шкал нормального распределения (в нашем случае использовалась шкала стэнов). Это требование обосновывается тем, что в случаях, когда исследуемые показатели распределяются абнормально, корреляционный анализ применяться не может или его результаты имеют ограниченную ценность;

7) квантификация исследуемых показателей, т.е. приведение их к единой шкале стэнов. Необходимым условием при этом является совпадение содержательной интерпретации оценок всех континуумов, т.е. — любому исследуемому показателю в его максимальном (содержательно — позитивном) выражении должна соответствовать максимальная оценка (10 стэнов) и наоборот. Показатели, не удовлетворяющие условию перевода в единую шкалу нормального распределения, «выбраковываются», как непригодные для решения задач психодиагностики или анализируются как качественные характеристики;

8) повторное вычисление одномерных статистик и проверка данных на надежность, исходя из того, что при использовании шкалы стэнов средние значения всех переменных на совокупной выборке обычно составляют 5,5 ± 0,5, а среднеквадратическое отклонение — 2,0 ± 0,2;

9) корреляционный анализ и выявление показателей, обнаруживающих статистически значимые связи с внешним критерием (или критериями, если их несколько);

10) прямая и обратная валидизация методом контрастных групп (сравнительный анализ);

11) отбор из всей совокупности исследуемых признаков только тех показателей, которые удовлетворяют следующим условиям:

- имеют достоверные корреляционные связи с внешним критерием,

• не имеют достаточно сильных корреляционных связей между собой («отсев» одного из двух показателей, высоко коррелирующих между собой и столь же тесно связанных с внешним критерием, может осуществляться как с помощью специальных программ, например кластерного анализа переменных, так и логически);

12) обнаруживают устойчивую векторность при прямой и обратной валидизации методом контрастных групп;

13) проведение блок-кластерного анализа переменных для выявления взаимосвязанных и относительно дискретных признаков (учитывая, что этот метод пока не получил достаточно широкого распространения, ниже он будет изложен более подробно);

14) проведение факторного анализа, который позволяет еще раз исследовать надежность («неслучайность») корреляционных связей изучаемых показателей с внешним критерием и выявить относительно независимые группы показателей, являющихся наиболее значимыми с точки зрения профессиональной успешности, т.е. входящих в факторы, включающие внешний критерий с достаточно высокими весовыми вкладами (по К. Иберла [184] минимальное значение весового вклада, позволяющее проводить содержательный анализ, составляет 0,1); для проверки устойчивости выделяющихся структур (взаимосвязанных признаков) факторный анализ может проводиться дважды — с включением и без включения в исходную матрицу внешнего критерия, который в силу своих многочисленных связей может «искажать» данные, а конечной целью факторного анализа является поиск устойчивых структур;

15) интерпретация факторов, которые логически непротиворечивы и структура которых соответствует объективной реальности или может быть интерпретирована в рамках этой реальности (для пояснения последнего положения необходимо сказать, что даже при минимизации исходного пространства признаков в силу всегда присутствующего в статистических расчетах элемента случайности могут «появляться» факторы, не имеющие сколько-нибудь логически обоснованного, понятийно объединенного и совокупно интерпретируемого содержания).

В последующем, по мере уточнения исследовательской задачи, на основании выделенных показателей и факторов могут строиться регрессионные, дискриминантные или другие математические модели. А при решении практических задач определяются (или обосновываются с учетом результатов математикостатистического анализа) пороговые критерии *предварительного* отбора и рационального распределения соответствующих контингентов на основе установленных прогностических показателей и реальных возможностей («конкурса» кандидатов, особенностей проведения отбора — массового или индивидуального, приоритета комплектуемых специальностей и т.д.). Подчеркиванием определения «предварительного» хотелось еще раз напомнить, что вынесение итогового заключения не передается «машине», а всегда остается функцией специалиста-психолога.

Такая, на первый взгляд «громоздкая», система обоснования прогностических критериев, естественно, требует еще некоторых дополнительных пояснений и, как представляется, краткого обращения к истории разработки статистических подходов.

Наиболее существенный вклад в современные статистические подходы внес в свое время Стьюдент, без методов и коэффициентов которого не обходится ни одно сколько-нибудь серьезное исследование. В то же время отношение различных авторов к статистическим процедурам может быть охарактеризовано двумя крайностями: одними они воспринимаются и интерпретируются чрезмерно упрощенно, другими — возводятся в ранг истины в высшей инстанции, даже если выводы, полученные с помощью статистических исследований, противоречат логике. Причины этого, безусловно, имеют психологическую природу и связаны как с индивидуальными особенностями конкретных исследователей, так и с общими закономерностями процесса познания, который все больше смещается в сферу технологий, а осмыслению нередко подвергаются не сами события, а результаты применения тех или иных технических средств, используемых для (в этих случаях, обычно характеризуемых как объективные) измерений.

До несправедливо забытых исследований Стьюдента, приступая к анализу данных, каждый экспериментатор, стараясь проникнуть как можно глубже в существо вопроса, применял все более и более сложные статистические процедуры. Как правило, статистический анализ начинался с вычисления средней величины (первичной статистики), которая отражала основные характеристики объекта (субъекта) исследования. Затем обычно ставился вопрос о том, насколько сильно исследуемое явление (или показатель) может отличаться от среднего в реальной действительности. Появлялись вторичные статистики, например стандартное отклонение среднего, которое гораздо больше характеризовало выборку в целом, нежели сам исследуемый объект. Тем не менее и этой «степени углубления» в изучаемые данные казалось недостаточно, так как вновь возникал вопрос — насколько сильно исследуемые характеристики выборки могут отличаться от имеющих место в реальной действительности, т.е., насколько стабильной является вторичная статистика по отношению к первичной, которую она характеризует? Следствием явилось появление «третичных» статистик, например дисперсии, которая, как правило, оказывалась еще менее стабильной и еще менее специфичной для исследуемых объектов, чем вторичная, уводя экспериментатора, по образному выражению Ф. Мостеллера и Дж. У. Тьюки [276], в «туманну даль». Поэтому большинство исследователей обычно удовлетворяются двумя первыми статистиками (средней, стандартным отклонением и/или ошибкой средней).

Заслуга Стьюдента состоит в том, что в процессе 3000 антропометрических замеров роста и длины пальцев (как вспомогательных признаков для опознания преступников), им была уже на более современном уровне (нежели у А. Кетле) обоснована практическая ценность исполь-

зования так называемых доверительных интервалов, что позволило вновь вернуться к тому времени уже забытым статистическим подходам, базирующимся на «гауссовом» (нормальном) распределении. При этом было установлено, что на практике нормальное распределение всегда имеет некоторую «ненормальность», которая тем больше, чем дальше варианты располагаются (на графике, например) от значения статистической средней, или, как еще говорят, «на хвостах». Эти несколько «выскакивающих» значений, достаточно далеко отстоящие от основной массы наблюдений (или замеров) имеют весьма существенное значение, так как могут изменить выборочное среднее весьма значительно, а выборочную дисперсию, которая является основой многих видов математического анализа — опять же по образному выражению уже упомянутых авторов [276] — «катастрофически».

Поэтому выявление «однообразно» («нормально») ведущих себя переменных и отклоняющихся от такой нормальности измерений должно составлять один из самостоятельных этапов исследования. Этой цели, как правило, служит блок-кластерный анализ переменных, для которого используются только признаки (показатели, переменные), дающие дискриминацию по внешнему критерию при сравнительном и корреляционном анализах. В чем сущность и отличие блок-кластерного анализа от традиционных статистических процедур?

Обычно конкретный объект (в нашем случае — индивид или личность) описывается рядом конкретных переменных, интерпретация или оценка которых проводится относительно какой-то конкретной выборки или конвенциальной нормы без учета того, связаны ли эти переменные и «ведут» ли они себя нормально или абнормально на совокупной выборке. Блок-кластерный анализ позволяет сопоставить каждый конкретный случай (объект) со всеми другими конкретными случаями в исследуемой выборке и выявить сходные объекты по совокупности описания всеми используемыми переменными одновременно; он также позволяет, сопоставляя каждую отдельную переменную по каждому отдельному случаю со всеми другими переменными, описывающими выборку, установить наиболее близкие по «поведению» переменные, характеризующие сходство и отличия между используемыми для описания объектов признаками. Как правило, именно *наиболее типичные* для описания данной выборки переменные в последующем (независимо от этого вида анализа или «активного вмешательства» исследователя) *оказываются членами решающих правил при регрессионном анализе, а наименее типичные — входят в дискриминантные математические модели.* Таким образом, указанные виды анализа (построение решающих правил) отличаются не степенью точности, как это иногда ошибочно интерпретируется, а самой сутью подходов к описанию объектов — на основании признаков их сходства или показателей их отличий, но и в том и в другом случае — обусловливающих прогнозирование того или иного внешнего критерия. Пытаясь точнее сформулировать этот тезис, можно сказать, что существуют признаки,

которые на данной конкретной выборке ведут себя однонаправленно, характеризуют нечто наиболее общее (на данной выборке), и чем выше (или ниже в количественном выражении) вся совокупность этих согласованных признаков, тем, соответственно, выше (или ниже) уровень внешнего (прогнозируемого) критерия. Одновременно с этим существуют «несогласованные» признаки, обусловливающие нечто наиболее отличающее объекты исследования и не столько своей величиной, а скорее — самим присутствием в каком-то определенном, значимом для влияния на внешний критерий, диапазоне. Таким образом, блок-кластерный анализ позволяет более дифференцированно подходить к изучению структуры данных, отбору, обоснованию и интерпретации показателей, используемых в целях прогнозирования внешних критериев и профессионального отбора в целом.

В заключение раздела нужно отметить, что проблема валидизации как один из основных методических инструментов или приемов психодиагностики пока относительно мало разработана. Оставаясь же в рамках традиционных подходов, нельзя выйти за рамки традиционной концепции. Поэтому любые новые исследования в этой области, бесспорно, вызовут самый высокий интерес у специалистов по профессиональному отбору.

2.4. Автоматизированные системы сбора, обработки и предварительного анализа данных психологического обследования в целях профессионального отбора и рационального распределения призывников и военнослужащих

Внедрение профессионального психологического отбора в практику комплектования вооруженных сил СССР с особой остротой поставило проблему автоматизированных систем для его проведения, значимость которой усиливалась отсутствием достаточного количества подготовленных специалистов, а возможность осуществления осложнялась дефицитом вычислительной техники. В связи с этимв 1986 году нами была предложена, азатем совместно с Е. В. Глазуновой разработана и внедрена в практику военно-учебных заведений предельно простая автоматизированная система психодиагностики, позволяющая осуществлять сбор психологических данных на бумажных носителях, а их систематизацию и предварительное обобщение на ЭВМ [338, 339].

Разработанная автоматизированная система позволяла проводить исследование уровня развития общих интеллектуальных способностей и отдельных познавательных психических процессов (памяти, внимания и мышления), определять некоторые стилевые особенности интеллектуальной деятельности и динамические характеристики

умственной работоспособности, выявлять выраженные акцентуации личности и предрасположенность к тем или иным формам психопатологии.

Автоматизированная система была реализована на ЭВМ ЕС-1022 с применением оптического считывающего устройства ЕС-6015 для ввода тестовой информации с меточных карт, заполняемых графитовым карандашом (общая схема — рис. 2.1). Инструкции и стимульная информация предъявлялись каждому испытуемому индивидуально в буклетном варианте. Весь справочный материал по заполнению меточных карт и предварительные указания к конкретным методикам приводились в инструкции и при необходимости пояснялись ассистентами дополнительно. Индивидуализация предъявления информации позволяла одному руководителю и трем ассистентам обследовать одновременно до 120 человек, в том числе в полевых условиях или любых приспособленных помещениях, что не могли гарантировать дорогостоящие дисплейные классы на основе базовых или персональных ЭВМ.

С учетом задач военно-профессионального отбора важнейшим преимуществом предложенной автоматизированной системы являлась полная «свобода» накопителя тестовой информации (меточных карт) от ЭВМ в период обследования. При этом объем и качество получаемой информации, по сравнению с дисплейным вариантом, существенно не изменялось, а ее надежность (по сравнению с традиционным бланковым вариантом) значительно возрастала, при многократном снижении временных затрат на обработку первичных данных. Методика обследования не предполагала использования каких-либо новых технических средств или устройств, кроме серийно выпускаемых отечественной промышленностью. Это позволило уже через год после разработки внедрить предложенные методы в практику проведения профессионального психологического отбора в шести военно-учебных заведениях МО СССР.

Одним из ключевых звеньев автоматизированной системы являются методические принципы, положенные в основу разработанной нами (совместно с Б. В. Кулагиным) батареи интеллектуальных тестов. Сущность этих принципов заключается во введении в стимульное информационное поле всех бланковых тестов параметрического ответа в пяти близких по значению вариантах, из которых только один является правильным, *включая вариант «верного ответа нет»*. Последнее положение, по нашему мнению, относится к методически особенно важным, так как позволяет создавать у обследуемых адекватную установку на проблемную ситуацию тестового задания: вначале решение той или иной задачи, а затем сопоставление полученного ответа с приведенными на бланке вариантами (включая вариант «верного ответа нет»).

Рис. 2.1. **Общая схема структурных компонентов и блоков автоматизированной системы для группового психологического обследования**

Сравнимость результатов обследования обеспечивалась стандартностью содержания отдельных заданий, методики их предъявления и времени выполнения отдельных тестов. При составлении тестов и определении времени их предъявления учитывалось обязательное правило, согласно которому их количественный и качественный состав в абсолютном большинстве случаев должен превосходить возможности обследуемых как возрастной популяционной группы в целом. То есть с учетом фактора лимита времени 95% обследуемых не могли выполнить все задания за отведенный отрезок времени, что избавляло от необходимости введения дополнительных коэффициентов или каких-либо расчетов.

Методика психофизиологического обследования включала батарею из 7 интеллектуальных тестов различной направленности (по 30 субтестов в каждом), в частности, использовались методики: «Аналогии», «Числовые ряды», «Арифметический счет», «Образное мышление», «Установление закономерностей», «Вербальная память» и «Зрительная память». Четыре из семи методик были составлены по принципу возрастающей трудности. Психологическое обследование предусма-

тривало также использование 16-факторного личностного опросника, стандартизированного метода исследования личности (СМИЛ) и методики «Прогноз» — для выявления синдромокомплекса психической неустойчивости. Кроме показателей основных шкал определялись 25 дополнительных, позволяющих косвенно оценивать такие характеристики, как предрасположенность к «алкогольному развитию личности», склонность к отклоняющемуся поведению и правонарушениям, лидерские качества, индивидуальные трудности социальной адаптации и социальная желательность (приемлемость в группе), общий уровень общительности, установку на службу, успехи в обучении и ряд других показателей.

В целом в процессе обследования каждому испытуемому предлагалось 210 интеллектуальных задач и 740 диагностических вопросов. Общее время обследования по полной схеме, включая инструктаж испытуемых и перерывы (через каждый час работы), составляло около четырех часов. Программное обеспечение предполагало возможность сокращения и дополнения перечня используемых методик, а также их фрагментарного и повторного предъявления одним и тем же испытуемым с накоплением информации как на меточных картах (с неограниченным сроком хранения), так и в базе данных ЭВМ.

В соответствии с алгоритмом автоматизированной обработки данных, на основании показателей уровня развития познавательных психических процессов и психической устойчивости ЭВМ рассчитывалось предварительное заключение о группе пригодности к обучению, которое затем, в процессе сопоставления с другими показателями, результатами наблюдения, изучения и индивидуального собеседования с кандидатом, могло существенно корректироваться. Еще раз особо подчеркнем, что ЭВМ передавались функции лишь обработки и систематизации информации. Анализ результатов психологического обследования и принятие решения о группе пригодности к обучению оставались прерогативой специалистов по профессиональному отбору.

Аналитическая информация по запросу пользователя могла предъявляться в виде изображения (текста) на дисплее или в виде распечатки данных по каждому отдельному кандидату. Результаты обследования на распечатках приводились в абсолютных цифрах и в стэнах, при необходимости — с одновременным графическим изображением исследуемых показателей в виде психологических профилей и графиков динамики умственной работоспособности в процессе тестирования, т.е. в течение одного часа напряженной умственной работы в условиях лимита времени.

Стандартность процедуры обследования и включение в программу ЭВМ нормативных шкал, разработанных именно для данной возрастной и образовательной группы, позволяло достаточно обоснованно и дифференцированно оценивать такие характеристики кандидатов, как темп мыслительных операций и его изменение в процессе

относительно длительного интеллектуального напряжения, развитие логического мышления и памяти, надежность и стилевые особенности работы испытуемых при выполнении заданий различной степени сложности.

Автоматизированная система психологического исследования личности Polytest
© 1990, Е. В. Глазунова, М. М. Решетников, А. Ю. Ушаков
(Ленинград)

Фамилия	Иванов
Имя	Иван
Отчество	Иванович
Дата рождения	15-04-65
Дата тестирования	14-07-98
Время тестирования	16.48

Батарея интеллектуальных тестов

Методика	Решено	За время	Продуктивность	Эффективность	Надежность
Аналогии	22 из 22	176.55	8	9	10
Числ. ряды	16 из 22	242.68	8	7	4
Зр. память	10 из 15	118.64	5	4	5
Обр. мышление	11 из 15	286.58	5	5	5
Арифм. счет	9 из 14	286.66	6	5	4
Верб. память	15 из 21	116.55	5	5	4
Закономерности	25 из 24	254.76	8	9	8
Итоговая оценка			7	7	6

Исследованные интеллектуальные функции

Вербально-логическое мышление	высокий уровень
Математическая логика	несколько выше среднепопуляционного уровня
Зрительная память	соответствует среднепопуляционной норме
Образное мышление	соответствует среднепопуляционной норме
Оперативное мышление	соответствует среднепопуляционной норме
Вербальная (словесная) память	соответствует среднепопуляционной норме
Внимание	высокий уровень
Помехоустойчивость	соответствует среднепопуляционной норме

Интегральные характеристики интеллектуальной деятельности

Темп мышления	несколько выше среднепопуляционного уровня
Рациональный компонент	несколько выше среднепопуляционного уровня
Надежность мышления	соответствует среднепопуляционной норме
Общее интеллектуальное развитие по процессуальным характеристикам	существенно выше среднепопуляционного уровня

Стиль интеллектуальной деятельности

Тип В (Оптимальный) — позволяет достаточно эффективно осваивать и достигать хороших результатов практически во всех массовых профессиях и специальностях; особенно успешны те виды деятельности, к которым имеется склонность.

Результаты тестирования по методике СМИЛ

L	искренность	(41—76) 46	
F	надежность	(42—68) 88	выше нормы
К	коррекция	(48—74) 59	
Hs	ипохондрия	(41—65) 75	выше нормы
D	депрессия	(41—70) 68	
ну	истерия	(45—69) 65	
Pd	психопатия	(48—71) 95	выше нормы
Mf	мужественность/женственность	(47—69) 76	выше нормы
Pa	паранойя	(41—75) 79	выше нормы
Pt	психастения	(48—71) 64	
Sc	шизоидность	(50—71) 90	выше нормы
Ma	мания	(40—68) 78	выше нормы
Si	интроверсия/экстраверсия	(39—58) 52	
A1	алкогольная дифференциация	(31—45) 44	
De	делинквентность	(4—15) 16	выше нормы
Do	доминантность	(15—21) 25	выше нормы
Ep	эпилептоидность	(11—20) 25	выше нормы
Em	эмоциональная незрелость	(4—14) 15	выше нормы
	плохая общая адаптация	(1—7) 15	выше нормы
Gr	успехи в обучении	(7—12) 9	
Ho	установка на конфронтацию	(5—28) 27	

Hy2	потребность в аффектах	(5—9) 5	
Te	умственная работоспособность	(28—56) 28	
In	нарушения регуляции поведения	(2—56) 49	
Iq	социальный интеллект	(5—52) 58	ниже нормы
Lp	лидерство	(25—42) 54	
Pd4a	социальное отчуждение	(2—10) 10	
So	социальная желательность	(60—80) 60	
Sr	коммуникабельность	(15—18) 16	
U1	язвительный характер	(45—61) 41	ниже нормы
Kr	творческий склад	(20—41) 45	выше нормы
Er	эрудиционный склад	(55—50) 56	
Sp	научный потенциал	(59—51) 48	
Ta	преподавательские способности	(68—91) 65	ниже нормы
Re	установка на службу	(26—40) 51	
Sfc	самоконтроль	(16—28) 27	
??	поведенческая самооценка	(19—29) 25	
??	установка на группу	(25—54) 24	ниже нормы

Характерные индивидуальные особенности с высокой вероятностью проявления в поведении

склонность к замкнутости	**[норма]**	доброжелательная общительность
трудности в обучении	**[норма]**	успешность обучения
эмоциональная лабильность	норма	**[эмоциональная устойчивость]**
покорность	норма	**[доминантность]**
рассудительность	**[норма]**	беспечность
моральная динамичность	**[норма]**	моральная нормативность
застенчивость	**[норма]**	уверенность, смелость в общении
реалистическая жесткость	**[норма]**	душевная мягкость
доверчивость	**[норма]**	подозрительность
реалистичность	норма	**[самоуглубленность]**

естественность	норма	социальная опосредованность
безмятежная самоуверенность	норма	тревожность
консерватизм	норма	радикализм
привязанность к группе	норма	самостоятельность
сниженный самоконтроль	норма	высокий самоконтроль
расслабленность	норма	напряженность

Реакция на стрессовые ситуации:
умеренная выраженность реагирования
на стресс-факторы повседневной деятельности

Опросник ПРС
При возникновении стрессовых ситуаций в возглавляемом коллективе:
обычно избирает оптимальные пути
и способы нормализации отношений

Примечание
Полученные данные являются результатом психологического обследования, проведенного с согласия респондента. Выделенные количественные показатели и характеристики индивидуальных особенностей носят вероятностный характер и во всех случаях требуют верификации по объективным показателям состояния, поведения и деятельности конкретной личности. Интерпретация результатов всегда дается в рамках психиатрической нормы. Информация о результатах обследования, если это не определено положением об оказании консультативной помощи, статусом соответствующей кадровой службы или условиями конкурса, может предъявляться третьим лицам лишь с согласия респондента.

Сохранение и накопление информации в базе данных ЭВМ (или на других магнитных носителях) позволяло без каких-либо дополнительных операций, используя имеющиеся пакеты прикладных программ, анализировать структуру данных, корректировать и разрабатывать новые оценочные шкалы, выполнять сложные математико-статистические процедуры, проверять различные теоретические (прогностические) модели, определять валидность применяемых методов; при необходимости получать и сравнивать данные любого из обследованных или групп лиц, например давно или недавно назначенных на должности, с высоким и низким статусом в коллективе, хорошо или плохо успевающих, дисциплинированных и недисциплинированных, отчисленных, прибывших из тех или иных регионов страны, имеющих различное социальное происхождение и т.д.

Программа также предусматривала дополнение базовых данных сведениями об успешности деятельности, дисциплинированности и особенностях поведения обследуемых в течение того или иного периода времени, проявленных склонностях и т.п.

Обработка результатов обследования 120 человек на доступной в тот период ЭВМ ЕС-1022, включая ввод меточных карт и получение итоговой распечатки данных, занимала около двух часов, сокращая непроизводительные затраты на предварительную (ручную) обработку и систематизацию данных более чем в 80 раз, а количество привлекаемого лаборантского состава — в 10 раз, создавая существенный экономический эффект. Апробация автоматизированной системы при проведении профессионального психологического отбора в Военно-медицинской академии и пяти других военно-учебных заведениях МО СССР на выборках около 10 000 человек показала высокую надежность ее функционирования.

В сентябре 1987 года автоматизированная система психодиагностики демонстрировалась на выездной сессии АМН СССР по проблеме «Применение ЭВМ в клинической практике» (Ленинград), где получила весьма позитивную оценку.

В последующие годы продолжалась работа по совершенствованию автоматизированной системы, расширению перечня групп методов и подготовке технической документации по ее использованию. В частности, следующий этап предполагал использование в качестве оптического считывающего устройства блока аппаратных средств «Бланк-6», выпущенных малой серией для осуществления переписи населения (в соответствии с достигнутой договоренностью с Госкомстатом СССР, часть этой аппаратуры была передана для апробации на опытные участки профессионального психологического отбора, создаваемые в Ленинградском и Московском военных округах). Как уже отмечалось, эта работа выполнялась в рамках НИР «Отпрыск». В рамках этой же НИР нами (совместно с Е. В. Глазуновой и А. В. Ушаковым) была разработана автоматизированная система для индивидуального психологического обследования, реализованная на базе доступных (в 1989 году) отечественных персональных ЭВМ ЕС-1840 (1841, 1845) и позволяющая осуществлять предварительное рациональное распределение призывников по группам сходных военных специальностей в зависимости от уровня интеллектуального развития и физической подготовленности, нервно-психической устойчивости, склонности к той или иной деятельности, коммуникативных и организаторских качеств, а также профиля профессиональной подготовки, полученной до призыва. Разработанная система прошла опытную эксплуатацию в Ленинградском городском военном комиссариате и в мае 1989 года была принята экспертной комиссией Генерального штаба Вооруженных сил СССР [47].

С тех пор прошло более 20 лет, но, как мне недавно стало известно, разработанные методы и системы обработки данных до настоящего

времени (2010) используются в практике отбора кандидатов для подготовки в военно-учебных заведениях МО РФ и при комплектовании спецподразделений.

Глава 3
ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЕВЫХ КОНТИНГЕНТОВ 40-Й АРМИИ

Особенности деятельности обследованных контингентов в существенной степени обусловливалась спецификой неблагоприятных экологических и психологических факторов, а также значительными физическими нагрузками, непосредственно связанными с ведением боевых действий («рейдовой войны») в условиях горно-пустынной местности.

3.1. Проблема экологических факторов

Основными экологическими факторами данной климатогеографической зоны являлись: положительный тепловой баланс, высокий уровень солнечной радиации, умеренные степени гипоксии и постоянные перепады атмосферного давления, изменения сезонной периодики и «сдвиг» циркадных ритмов, значительные колебания суточной температуры, выраженные антигенные воздействия (флора, пылевые бури и т.д.) и высокая степень минерализации питьевой воды.

К факторам среды, вероятно, следует также отнести специфические особенности биогенного происхождения — природные очаги бактериальных и вирусных инфекций, а также паразитарных заболеваний (амебиаз, гепатит, малярия, тиф и др.), а также вынужденное употребление большого количества консервированных продуктов с низкой энергоемкостью и содержанием естественных витаминов.

Бесспорно, что каждый из названных факторов требовал самостоятельного исследования с привлечением соответствующих специалистов-клиницистов и ученых. И такие исследования, естественно, проводились. Но с учетом поставленной перед нашей исследовательской группой задачей конкретные данные об экологии или механизмах передачи инфекций и т.д. не имели существенного значения. Мы шли несколько иным путем. Суть проблемы экологических факторов применительно к боевым контингентам, по нашему мнению, состояла в том, что от большинства из этих факторов не существует сколько-нибудь эффективных средств защиты или применение последних имеет много-

численные ограничения. Существенным было также то, что в условиях современных боевых действий, характеризующихся высокой мобильностью, чрезвычайно трудно прогнозировать, с какими конкретными факторами обитаемости столкнутся военнослужащие в процессе вооруженных конфликтов (в Афганистане эти факторы в целом характеризовались как «боевые действия в горно-пустынной местности»). Исходя из этого нами был предпринят иной подход, а именно: ориентированный не на изучение влияния тех или иных факторов среды на функциональное состояние и деятельность человека, а на определение тех внутренних детерминант успешности адаптации военнослужащих к комплексу неблагоприятных экологических и психологических факторов, осуществляемое с позиций и представлений об общих адаптивных способностях человека. При этом успешность профессиональной деятельности рассматривалась как частный случай адаптации к условиям и характеру специфического вида воинского труда.

Не останавливаясь на гипотетических и установленных механизмах воздействия приведенных выше экологических (по природе и экстремальных психологических и физиологических — по сути) факторов, следует отметить, что их взаимопотенцирующее действие сказывалось на функциональном состоянии организма и личности на всех уровнях — от высших психических и поведенческих актов до мембранных образований, вызывая перестройку функций внешнего дыхания и кровообращения, изменение энергообеспечения адаптационных процессов и естественной реактивности, явления десинхроноза и определенные нейроэндокринные нарушения. Обобщенным физиологическим эквивалентом отмеченных соматических реакций являлось изменение состояния и уровня физиологических резервов организма. Психологические эквиваленты были более многообразны и полиморфны. Они проявлялись в симптомах недомогания, вялости, апатии, повышенной истощаемости и утомляемости, снижении мотивации к деятельности, в отдельных случаях — вплоть до полного отказа от нее, а также в других формах, о которых еще будет сказано ниже, но сразу отмечу, что различные формы психических расстройств и ситуационных реакций в наших исследованиях были выявлены у 87% военнослужащих.

Уместно еще раз подчеркнуть, что медицинское заключение о пригодности к службе в том или ином регионе или том или другом роде войск (включая боевые контингенты) до настоящего времени относительно мало обосновывается информацией о физиологических резервах организма и общих адаптивных способностях личности, которые не всегда являются синонимом соматического здоровья. Психологические данные и индивидуальные особенности реагирования на комплекс неблагоприятных факторов среды и деятельности в медицинском заключении и в психологическом прогнозе — вообще не учитывались и не учитываются. В то же время достаточно хорошо известно, что лица с выраженными отклонениями в личностной регуляции (с ипохондри-

ческой фиксацией, склонные к тревожным и депрессивным состояниям, истероидным и психопатическим реакциям), как правило, испытывают существенные затруднения при адаптации к любым неблагоприятным факторам, относительно независимо от специфики последних [198, 374, 475, 507 и др.].

3.2. Психологические факторы

Психологические факторы условно были разделены на две большие группы: непосредственно связанные с вооруженной борьбой и относительно независимые от нее.

В первую группу входили: реальная угроза жизни, высокое физическое и психическое напряжение, постоянное присутствие психотравмирующих ситуаций (наиболее сильные из них были связаны с гибелью товарищей), прямое психологическое воздействие неблагоприятных экологических факторов, нередко — длительное отсутствие достаточного количества пищи и воды для удовлетворения витальных потребностей, негативизм и враждебность населения не только в районах рейдовых походов (как правило, контролируемых боевиками), но и на контролируемой советскими войсками территории[1]; осознание того, что противник является более опытным, принадлежит к старшей возрастной группе и лучше адаптирован (физиологически и психологически) к ведению боевых действий в условиях горнопустынной местности; высокая угроза минных поражений, рейдовый характер боевых действий, обусловливающий нарушение чередования естественных режимов «сна — бодрствования» и сопровождающийся часто мало предсказуемой сменой периодов максимального напряжения физических резервов, физиологических и психических функций с периодами относительного покоя — при нахождении в пунктах постоянной дислокации, на заставах и в засадах. В последних двух случаях «относительный покой» было бы вернее характеризовать как «стресс ожидания».

Психологические факторы второй группы включали: длительный отрыв от семьи, ограниченность эмоциональных и интеллектуальных контактов только своей половозрастной группой, культурный голод, чрезвычайно низкое количество событий, вызывающих позитивные эмоциональные переживания, отсутствие контактов с населением и возможностей для реализации адекватного для этого возраста полоролевого поведения, высокая степень риска инфекционных заболева-

[1] Афганские боевики фактически ничем не отличались от гражданского населения — они не носили форму и внешне выглядели как обычные местные жители: широкие короткие брюки, рубаха навыпуск, черная жилетка, чалма или паколь (традиционный головной убор в виде коричневого шерстяного берета — «две лепешки»). Принадлежность к боевикам можно было определить только под рубахой — по потертости кожи на плече от ремня автомата.

ний, непривычный ландшафт. К этой же группе факторов, вероятно, можно отнести и различные переживания, связанные с питанием и обмундированием, о которых еще будет сказано отдельно.

При далеко не полном перечне негативных психологических факторов, частные варианты которых более многочисленны, в качестве ведущего и в определенной степени обобщающего нами были выделены постоянная угроза смерти и дефицит позитивных эмоциональных переживаний, которые являлись главными причинами хронической апатии (точнее — апато-агрессивного синдрома) и различных проявлений «феномена поиска ощущений», приобретающих в ряде случаев, в силу специфики условий и ситуации, уродливые формы и реализуемых в виде неуставных взаимоотношений, употребления спиртных напитков и наркотиков. Сюда же следует отнести и случаи, казалось бы, немотивированной жестокости по отношению к населению и пленным. Хотя прямыми стимулами в последних случаях, как правило, являлась особая жестокость боевиков к нашим военнослужащим, проявляющаяся даже в отношении погибших (отрезание носов, ушей, половых органов, расчленение и т.д.). А пулю в спину можно было получить даже от ребенка 8—10 лет на любой улице или на рынке в центре города, контролируемого советскими войсками. Мины закладывались даже на главной улице, ведущей к штабу советских войск.

В беседах с солдатами и командирами боевых подразделений отмечалось, что после встречи с подобными враждебными актами со стороны населения и боевиков и особенно — после больших боевых потерь, они не всегда могли, а иногда и не хотели сдерживать проявления противоправных действий со стороны личного состава. Для демонстративности излагаемого материала ниже приводится письмо офицера 40-й армии К. В. Г.[1], адресованное XXVII съезду КПСС.

«XXVII съезду КПСС от осужденного к исключительной мере наказания — смертной казни старшего лейтенанта в/ч 71176 К. В. Г. Товарищи делегаты XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза!

Товарищи коммунисты!

С этим письмом я обращаюсь к Вам и в Вашем лице ко всему советскому народу.

Я, старший лейтенант К. В. Г., приговором военного трибунала Туркестанского военного округа за совершенные воинские преступления приговорен к исключительной мере наказания — смертной казни.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 августа 1985 года приговор оставлен в силе.

Приговором Военного трибунала я признан виновным в превышении власти при выполнении боевых заданий командования, что привело к убийству граждан Демократической Республики Афганистан, грабежу. От преступных действий, совершенных с моим участием, погибло 8 (восемь) афганских граждан.

На предварительном следствии и на судебном заседании я полностью признал себя виновным и чистосердечно раскаялся в содеянном, раскаиваюсь в этом все время.

[1] Его фамилия, по этическим соображениям, мной опущена, но в 40-й армии она была широко известна, а письмо бывшего офицера с воспитательными целями широко распространялось во всех частях.

С момента совершения преступления прошло очень много времени, и каждую минуту передо мной стоят лица этих людей. Глаза этих людей не дают мне жить спокойно ни днем, ни ночью, преследуют меня на каждом шагу. Я постоянно думаю, что же со мной произошло, почему я так бездумно, бесчеловечно распорядился их жизнью? Много пережито, сердце почернело от всего этого горя, от всего позора, виноват я перед всеми, виноват несказанно. Часто думаю над своими действиями, как я мог совершить подобное, как мог, слыша вокруг себя свист пуль, влезть в эту грязь, тысячу раз я проклял себя за все эти дела, но дела уже не поправишь ничем. Ведь жить среди людей, ходить по земле, видеть цветы, солнце — это уже огромное счастье, счастье просто нормально жить. Как жаль, что я понял это так поздно.

Своими действиями я лишил этого счастья себя, своих родных и близких. Как жестоко я распорядился своей судьбой, судьбой родителей, и от этого вина моя становится во много раз тяжелее.

Какое горе я принес своей матери, этого вообще не передать словами. Никогда не забуду, как радовалась мама, когда я поступил в Суворовское училище, не забуду ее счастливых слез, когда с успехом закончил его. Как она была счастлива, когда мои товарищи принимали меня в члены КПСС, как она гордилась мной. Всю свою нелегкую жизнь она добросовестно трудилась, в жизни не видела ничего хорошего, жила надеждой на своего сына, моими успехами, а я отплатил ей за все эти бессонные ночи такой черной неблагодарностью. Сейчас этот страшный, кошмарный сон, за что ей такое наказание, такие невыносимые мучения, такие нечеловеческие муки. Никогда не прощу себе всего этого, как все это пережить, не знаю. Я никогда не стремился нанести вред нашей Родине, никогда не предполагал, что своими действиями нанесу такой непоправимый вред нашему общему делу мира, интернациональной помощи. ЦК КПСС, Советское правительство и весь наш народ прилагают титанические усилия по поддержанию мира на земле, а я только принес столько вреда. Человечество с надеждой смотрит на Советский Союз, на наши мирные инициативы, верит в нас. Мир — это мечта всех времен, она постоянно воплощается в нашей стране. Мир всегда был и будет для нас путеводной звездой. Как тяжело мне сейчас сознавать, что своими действиями я поставил себя в один ряд с предателями нашей Родины, даже хуже.

Если бы кто знал.

Я родился 26 августа 1960 года в г. Петропавловске-Камчатском. С раннего возраста меня воспитывала одна мать. В школе я учился очень хорошо, за отличную учебу и образцовое поведение меня премировали путевкой в пионерский лагерь “Артек”, а ведь многие дети не могли об этом даже мечтать. В 1975 году я поступил в Уссурийское Суворовское училище, а в 1977 году в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Везде я хорошо учился, не имел ни одного дисциплинарного взыскания, постоянно был примером для товарищей в учебе и дисциплине. В 1981 году по окончании учебы мне было присвоено первое офицерское звание “лейтенант”. Службу проходил на Дальнем Востоке, а затем, как один из передовых офицеров части, был направлен в ограниченный контингент Советских войск в Афганистане для оказания интернациональной помощи. Служа в Советском Союзе, честно и добросовестно выполнял свой воинский долг.

Командиры и политработники постоянно ставили меня в пример всем офицерам части.

В феврале 1983 года у меня случилось огромное несчастье, моя жена родила мертвого ребенка, родные и близкие просили меня отложить эту поездку. Я посчитал, что мой долг — находиться там, где я больше всего нужен нашей Родине, и уехал.

В ДРАя служил с марта 1983 года, за всю свою службу в Советском Союзе и Афганистане я не имел ни одного взыскания, только одни поощрения. За мужество и отвагу, образцовое выполнение интернационального долга Родина наградила меня медалью “За боевые заслуги”, командование представило меня к награждению орденом “Крас-

ная Звезда". Здесь я был ранен и два раза контужен, перенес тяжелую болезнь — малярию, здесь я много перенес и пережил и, несмотря на ранение, до конца командовал своими солдатами, до тех пор, пока не был эвакуирован с сильно загноившейся раной. За время службы в ДРАя участвовал во всех боевых действиях, которые вела наша бригада по ликвидации бандформирований мятежников, участвовал более чем в 10 боевых операциях продолжительностью по 15—20 суток. Каждый месяц — в реализации разведывательных данных, почти каждую неделю — в 1—2 засадах. Иногда не хватало времени даже помыться по-человечески, успевал лишь пополнить запасы боеприпасов, продовольствия, топлива и снова в бой. Постоянно моя рота захватывала большие трофеи.

Мое подразделение отмечали всегда только в лучшую сторону. А по итогам проверки за 1984 год обучения рота признана отличной, по итогам социалистического соревнования рота заняла 3-е место в части. Все солдаты и офицеры говорят обо мне только положительно. Солдаты меня любили и уважали. Уважали за то, что никогда не боялся смерти, постоянно был во главе своего подразделения, постоянно заботился о людях, был непримиримым ко всем нарушениям воинской дисциплины, учил их тому, что знал и умел сам, как мог, заменял своим подчиненным родных и близких. Своими действиями свел потери в подразделении к минимуму, гибель каждого человека считал своей личной виной.

Везде: дома, в училище, в армии меня учили только самому лучшему, учили любить жизнь, любить мир, учили быть честным советским человеком. Я жил в честной советской семье, чаще всего меня наказывали в детстве не за проступки, а за то, что пытался их скрыть, кого-то обмануть. Мама всегда и во всем помогала мне, учила жить и трудиться честно, правильно, по-ленински, так, как должен каждый советский человек. Учила быть настоящим гражданином нашей Родины. Всегда честно смотрела людям в глаза. Я получил такое воспитание, что не имел права забыть о своей чести, о чести нашей семьи.

Я никогда не был жестоким человеком, никогда не страдал вещизмом, никогда не имел корысти, не стремился к наживе, отдавал людям последнее, что у меня было.

Я глубоко и чистосердечно раскаиваюсь в содеянном, во всех своих преступлениях, проклинаю тот день, когда впервые взял спиртное в рот. Дома, в Советском Союзе, я никогда к спиртному не притрагивался, видя и зная, сколько горя оно принесло нашей семье. Уверен, будь я трезвым в тот страшный день, то ничего подобного бы не совершил, не совершил чудовищного преступления. С огромной радостью я воспринял закон о борьбе с пьянством, ведь это удержит очень многих людей от совершения преступлений, очень многих людей удержит на правильном пути.

Было бы очень здорово, если бы у нас в стране не было и капли этой отравы.

Находясь сейчас перед смертным приговором, анализируя свои проступки, я очень прошу Вас понять и учесть, что мои преступления совершились на фоне той обстановки, какая была в то время в Афганистане.

Две контузии, ранение, гибель моих товарищей, моих подчиненных на поле боя приводили меня и многих моих друзей, многих наших бойцов и командиров в неописуемое состояние — жалость к своим близким погибшим товарищам, какой-то мести за них. Живя и трудясь в Советском Союзе, я даже представить себе не мог, как можно поднять руку на человека, пусть даже врага, для меня это было просто немыслимо, даже сейчас, после всего совершенного, страшно представить, что я мог допустить это.

Наряду с этим я был патриотом своей Родины, добросовестно, не щадя жизни, выполнял все боевые задачи командования.

В связи с изложенным я очень прошу весь советский народ сохранить мне жизнь. Я никогда не представлял и не представляю для нашего общества никакой общественной опасности. Всю свою дальнейшую жизнь я буду честно, добросовестно трудиться, кровью и потом смою свой позор, искуплю свою вину перед Родиной до последней капли.

Добросовестно, до последнего дня отбуду весь срок наказания, честным, добросовестным трудом искуплю свою вину, заслужу прощение советских людей. Честным трудом, образцовым поведением поставлю себя на одну ступень с честными советскими людьми, сделаю все, чтобы можно было прямо смотреть людям в глаза. Никогда в своей дальнейшей жизни я не нарушу советских законов, этот тяжелый урок останется в памяти до конца моих дней. Всеми силами буду удерживать людей от совершения преступлений, чтобы никто и никогда не испытал то, что сейчас переживаю я. У меня светлая голова, хорошие знания, умелые руки, своим честным трудом я принесу еще немало пользы людям и нашему государству, нашему обществу.

С момента заключения под стражу ко мне нет ни одного замечания со стороны администрации учреждения.

Еще раз убедительно прошу Вас, товарищи коммунисты, весь советский народ, сохранить мне жизнь, поверить в меня, увидеть во мне хорошее человеческое начало.

Пусть я уже никогда не буду в рядах нашей славной Коммунистической партии Советского Союза, я никогда не изменю делу нашей партии, нашего народа, всегда буду в первых рядах строителей светлого коммунистического общества. Ни один человек никогда не пожалеет о том, что мне сохранили жизнь.

Ноябрь 1985 г.

К...»

Это письмо, где сомнительные идеалы и еще более сомнительная вера в них переплелись с жестокостью войны и прозрения, можно было бы подвергнуть самостоятельному анализу, но как-то не поднимается рука.

Этот случай, как уже отмечалось, широко использовался в «воспитательной работе», но был далеко не единичным. Приведу еще несколько примеров из опубликованных в сборнике «Память — одна на всех» [297].

«Один наш командир... взял как-то в плен троих “духов”. Одному голову отрезал, сварил из нее суп и оставшихся двух этим супом накормил, за что понес заслуженное наказание: выговор по партийной линии. Без занесения».

«Добралась до нас комиссия из политуправления ТуркВО. Подполковник проводил показательные политзанятия. Объяснял политику. Рассказывал, как нам нужно дружить с афганцами, как понимать свой интернациональный долг. Все сидят, конспектируют... Накануне вернулись с боевых. Нашему подразделению предъявлены претензии на семьдесят четырех убитых мирных жителей».

«Охраняем командный пункт. Приводят трех пленных. Явно мирные. Начальник разведки берет пистолет, стреляет крайнему в лоб. Двое живых показывают на мертвого: он — душман, он нас заставлял. Начальник разведки стреляет в следующего. Последний кричит: они меня замордовали, я — свой. Но где душманы находятся, не говорит. В расход».

«Стоим в городе. Прямо перед нами — мечеть. Хоть и комендантский час, бегают, молятся в 23.00. А с девяти вечера лупят по нам с крыш, с деревьев. Попросили в мечеть по вечерам не ходить. Не поняли. В 4.00, как рассвело, пристрелял АГС по входу в мечеть. Стемнело: опять забегали. Запустили туда коробку — двадцать девять штук. Не вняли. На следующий день повторил: одиннадцать убитых, около двадцати раненых. Молиться стали дома».

Чтобы у читателя не создалось одностороннего представления о подобных событиях, отмечу, что таким ситуациям соответствовали, а если быть точным — в абсолютном большинстве случаев предше-

ствовали аналогичные действия противоположной стороны. Ночные обстрелы блокпостов, выстрелы в спину, изуродованные тела пленных, у которых отрезалось все, что можно было отрезать — уши, нос, половые органы, и выкалывались глаза, минирование рынков и дорог, мины-ловушки в виде случайно оброненной банки пепси-колы или детской игрушки, отравленная водка — в Афганистане были обычными и всем хорошо известными явлениями[1]. Мне доводилось видеть фотографии десятка наших ребят из невооруженного конвоя с продуктами (для афганцев), которые были не просто расстреляны — все были раздеты догола, у всех были выколоты глаза, вырезаны звезды на груди, отрезаны половые органы и вставлены в рот.

Это был конечно же не европейский театр военных действий, хотя последующие события на территории бывшей Югославии и в других горячих точках показали, что и в гуманной Европе может происходить то же самое.

А по исламскому календарю, по которому жил Афганистан, в этой стране шел только XIV век и, несмотря на современные прицелы, японские магнитофоны и часы с семью мелодиями, мировоззренчески — это было близко к средневековью.

В качестве особой «достопримечательности» Афганской войны нужно упомянуть киризы. Киризы — это уникальная оросительная система, которая создавалась в течение многих столетий для подачи воды с гор в долины. Она состоит из вырубленных в скалах колодцев глубиной до 30—40 метров и диаметром от 0,5 до нескольких метров. Эти колодцы соединяются между собой системой горизонтальных ходов на различных уровнях длиной до километра и более, по которым можно было передвигаться без особых затруднений даже с оружием. По этим (хорошо известным местным жителям) киризам боевики могли вплотную подбираться к позициям наших войск и легко уходили от преследования. В 1983 году по инициативе командира 860-го мотострелкового полка Л. Я. Рохлина была начата своеобразная «киризная война», с нанесением киризов на карты, минированием проходов и взрывами колодцев.

Любая война — это эпидемия аморальности и преступление против культуры, не чьей-то конкретно, а против культуры в целом. В Афганистане мне довелось впервые услышать о девизе, начертанном на бое-

---

[1] В то время специально подготовленные взрывы в людных местах на территории СССР были еще крайне редкими. Волей-неволей хочется вспомнить появившиеся чуть позднее описываемых событий пророческие строчки Юрия Шевчука:

Умирали пацаны страшно,
Умирали пацаны просто,
И не каждый был снаружи прекрасным,
И не все были высокого роста.

Чем ближе к смерти, тем чище люди,
Чем дальше в тыл, тем жирней генералы.
Здесь я видел, что, может быть, будет
С Москвой, Украиной, Уралом.

вом штандарте наемников французского легиона: «Кровь на стране», что фактически означало — мы сражаемся не потому, что хотим убивать, а потому, что таков приказ. Просветивший меня командир разведбатальона добавил: «И мы получаем деньги не за то, что служим, а за то, что выполняем приказы, любые. Ответственность — не наша. Кровь на стране». А страна в это время еще жила своей обычной жизнью, завершая строительство развитого социализма.

3.3. Особенности личностной динамики в процессе боевой деятельности

Излагаемые в этом разделе вопросы можно было бы включить в главу, где анализируются данные психологических исследований. Однако, учитывая, что метод непосредственного наблюдения в последние годы все реже упоминается среди объективных (что, по нашему мнению, совершенно необоснованно), здесь будут отдельно приведены лишь обобщенные впечатления, полученные в процессе непосредственного наблюдения и личного общения с солдатами и офицерами боевых частей.

При психологическом изучении и непосредственном наблюдении обращало внимание снижение моральной нормативности и повышение групповой сплоченности военнослужащих, что выражалось в особенностях поведения, межличностного общения, характере невербальных реакций и маргинальных высказываниях относительно моральных норм и правил. О специфичности в динамике моральной нормативности может, в частности, свидетельствовать своеобразие продуцируемых свободных ассоциаций, особенно при их сравнении с данными, полученными при обследовании военнослужащих учебно-боевых частей на территории СССР (табл. 3.1). Основной формой межличностного общения боевых контингентов в основном являлся особый «сленг», часть которого приведена в табл. 3.2. Эта форма общения преобладала среди рядового состава, но практически в равной степени встречалась и в офицерской среде.

Таблица 3.1

Примеры качественных различий содержания свободных и связанных ассоциаций у военнослужащих 40-й армии и личного состава учебно-боевых частей

Сержант Г., военнослужащий боевой части 40-й армии		Сержант Н., военнослужащий учебно-боевой части (в СССР)	
Ассоциации (в течение 3 мин)		Ассоциации (в течение 3 мин)	
Свободные	Связанные (со словом «Афганистан»)	Свободные	Связанные (со словом «Афганистан»)
козел	душман	мама	подвиг
пидарас	афошки	сестра	интернационализм

Окончание табл. 3.1

Сержант Г., военнослужащий боевой части 40-й армии		**Сержант Н., военнослужащий учебно-боевой части (в СССР)**	
Ассоциации (в течение 3 мин)		**Ассоциации (в течение 3 мин)**	
Свободные	**Связанные (со словом «Афганистан»)**	**Свободные**	**Связанные (со словом «Афганистан»)**
гандон	чеки	машина	геройство
чадо	духтарки	угол	орден
аборт	публичный дом	скатерть	война
вафел	советники	хочу	друзья
уродина	дуканы	надоело	награда
проститутка	аэродром	ум	далеко
извини	друзья	если бы	
любимая	земляки	карман	
хорошая	автомат	комната	
дорогая	балдырь	дом	
любимая	кекс	сахар	
хочу домой	фанта	уехать	
караул	бардак	роща	
2-й пост	прочески	бабы	
фильм комсомольцы подарки книга	горы	бак буза белый бег бирка село серый спать парта партизан*	

* Одним из показателей состояния психических функций является так называемая флуентность — способность продуцировать максимальное количество ассоциаций: слов и понятий за конкретный отрезок времени. У военнослужащих боевых частей этот показатель был в среднем на 20—30% ниже. При постановке задачи дать ассоциации на конкретное понятие или слово, флуентность также характеризует уровень осведомленности. В данном случае косвенные показатели уровня осведомленности о том, что происходит на войне, у военнослужащих учебно-боевых частей на территории СССР был в среднем в 2,5 раза ниже.

Наблюдения за поведением военнослужащих в период выхода на боевые задания позволили сделать вывод, что эмоциональная устойчивость у боевых контингентов существенно возрастает, приобретая

в большинстве случаев характер повышенной стеничности и эмоциональной холодности в сочетании с импульсивными действиями преимущественно в форме гетероагрессии и гораздо реже — аутоагрессии (различные формы суицидов[1]). Наиболее ярко отмеченные изменения в коммуникативной и эмоциональной сфере проявлялись в пунктах постоянной дислокации и на заставах в межбоевой период. Отличительной особенностью являлись также примитивизация общения, односложность обращений и фраз, сужение и снижение интеллектуальной направленности интересов, а точнее — сведение их почти исключительно до жизненно-важных. Несмотря на обилие агитационной и даже хорошей художественной литературы, анализ читательских билетов в трех крупных гарнизонах показал, что посещения библиотеки рядовым составом в абсолютном большинстве случаев (94%) прекращались уже на второй месяц после прибытия в боевые части.

Таблица 3.2

Примеры наиболее часто употребляемых образцов сленга и заимствованных слов в лексиконе боевых контингентов

Сленговое выражение	Русский эквивалент	Сленговое выражение	Русский эквивалент
Афони	от «афгани»	Зеленка	небольшие участки растительности в горах или долине
Балдырь	солдатский магазин, кафе		
Бакшишь	подарок или что- то дающееся сверх	Зеленые	военнослужащие армии РА (чаще полупрезрительно)
Бача (баченок)	мальчик, ребенок, молодой солдат	Кам-кам	чуть-чуть
Броня	бронемашина (БТР, БМП, БМД)	Кириз	глубокий колодец, система подземных ходов, может иметь др. значения, как эпитет «глубокий»
Бур	винтовка	Маймун	обезьяна, может быть формой обращения к молодому солдату
Буру	соответствует: «пошел ты...», «нельзя»		
Бурбухайка	автомобиль, чаще легковой	Прочески	боевые выходы в «зеленку»

[1] Учитывая характер войны, который очень быстро осознавался в период непосредственного нахождения в действующей армии, суициды в ряде случаев «покрывались» командирами и выдавались за боевые потери. Как сказал мне один из командиров высокого ранга, «покрывались практически все суициды, если прокуроры еще не дознались, а замполит — нормальный мужик». Когда я попросил пояснить вопрос подробнее, мой собеседник добавил: «Так хоть мать пенсию какую-то получит. А по-другому один позор. И за что?»

Сленговое выражение	Русский эквивалент	Сленговое выражение	Русский эквивалент
Ветрушка	вертолет	Рафик	товарищ, друг
Вшивник	спальный мешок, может употребляться в значении «нижнее белье»	Сарбоз	солдат
		Ханум	женщина
		Ханумки	соответствует молодежному «тетки», «бабы»
Дувал	дом	Хуб	хорошо, «идет», «сойдет»
Дукан	лавка, магазин (афганский)	Чукча	любой солдат, плохо владеющий русским языком
Дуканщик	торговец	Царандой	милиция (полиция)
Дух (душок)	душман, бандит	Хадовцы	армейская контрразведка РА, аналогична нашим структурам типа СМЕРШ, КГБ (чаще полупрезрительно)
Дуст	друг		
Духтар	девушка		
Духтарки	соответствует: «девки», «девахи»	Шурави	русский, советский, в том числе — район, товар, военнослужащий и т.д.

При психолого-психиатрическом (клинически ориентированном) собеседовании с военнослужащими было установлено, что под влиянием интенсивной боевой деятельности в их состоянии развивались специфические изменения, среди которых ведущими являлись: астенодепрессивные тенденции и психопатизация со склонностью к эксплозивным реакциям, особенно при воздействии любых факторов, непосредственно затрагивающих личность конкретного военнослужащего. Истероидные и ипохондрические реакции также наблюдались, однако они были единичными и, что характерно, в отличие от упомянутых выше («фоновых» или общих для всех боевых контингентов), обладали более значительной выраженностью, достигая уровня, предполагающего необходимость стационарного лечения или применения средств фармакологической коррекции.

Эти психофармакологические средства («боевая психофармакология», преимущественно — стимуляторы и седативные препараты) были разработаны отечественными учеными еще в конце 70-х годов XX века и прошли испытания в нашей лаборатории и в войсках. Они имелись на складах 40-й армии, однако, учитывая, что «войны как бы не было», эти средства оставались недоступными для применения в целях психокоррекции.

При индивидуальном обследовании военнослужащих также было установлено значительное повышение внушаемости, что рассматривалось как показатель снижения уровня психологических защит. Если

в обычных условиях воинской деятельности на территории СССР стандартная проба на внушаемость типа: «Не можете разжать рук!» — реализовалась у 35% рядового состава, то у военнослужащих боевых подразделений этот показатель составлял как минимум 17%.

Сочетание негативной «групповой динамики» (снижение моральной нормативности и повышение групповой сплоченности) и отмеченных личностных изменений, нередко приводили к различным противоправным, противозаконным и преступным (по эталонам мирного времени) действиям, совершение которых характеризовалось полной или конвенциальной анонимностью. По результатам проведенного анкетирования, 39% военнослужащих признавали, что совершали такие действия на территории ДРА (хотя, по мнению командиров обследованных частей, эти данные нужно рассматривать как существенно заниженные). Заслуживает внимания и то, что лишь 21% обследованных из этой группы считали, что заслуживают сурового наказания за свои поступки. Самым типичным вариантом «самореабилитации» был: «Виноваты не мы, а те, кто нас сюда послал». И в этом была значительная доля правды. 28% военнослужащих признавали, что совершали противозаконные и противоправные действия до службы в армии. Некоторые «самостоятельно» писали в военных комиссариатах заявления с просьбой о направлении в действующую армию «под давлением обстоятельств» — чтобы избежать суда за совершенные преступления. В качестве дополнительного фактора следует упомянуть социально-демографическую характеристику военнослужащих, направляемых в состав боевых контингентов (параграф 3.6 настоящей главы).

Естественно, что коррекция указанных изменений и личностных нарушений требовала систематического применения специальных мер воспитательного, психологического, психофармакологического и психотерапевтического воздействия, координируемых квалифицированными специалистами. Такие предложения, в том числе о целесообразности создания психологической лаборатории и психологической службы боевого района, выдвигались нами еще в мае 1986 года, однако они так и не были реализованы до вывода советских войск из Республики Афганистан (1989).

3.4. Военно-профессиональная характеристика и особенности деятельности боевых контингентов

Главные задачи обследованных частей и подразделений состояли в уничтожении формирований боевиков, оппозиционно настроенных к правительству ДРА, блокировании перевалов на горных заставах, сопровождении колонн, охране дорог, промышленных и военных объектов.

Среди обследованных контингентов военнослужащие со стажем боевой деятельности до 6 месяцев составляли 31%, от 7 до 12 меся-

цев — 21% и от 13 до 21 месяца — 48%. Проведенный анализ также показал, что замена личного состава частей 40-й армии осуществлялась неравномерно, что способствовало созданию «критических» периодов, когда более 25% боевых контингентов, точно так же, как и в учебно-боевых подразделениях на территории СССР (по графику планового призыва), одновременно сменялись молодым пополнением. Безусловно, это самым негативным образом сказывалось на боеготовности и боеспособности частей и подразделений.

В зависимости от срока службы в 40-й армии количество боевых операций, в которых участвовали обследуемые, в среднем составляло: у прослуживших до 6 месяцев — 7, у прослуживших 12 месяцев — 17, у прослуживших 18 месяцев и более — 27. Обращает внимание широкий диапазон колебаний количества боевых операций в обследованных группах военнослужащих. Например, в группе прослуживших в ДРА от 7 до 9 месяцев количество боевых операций у одних военнослужащих составило 20, а у других — 2 (табл. 3.3). Это обусловливалось тем, что часть военнослужащих (от 9 до 15%, а в отдельных подразделениях — до 30%) в связи с недостаточным уровнем развития военно-профессиональных качеств мало или вообще не привлекалась командирами к участию в боевых действиях, особенно в первые 6 месяцев службы, и весьма ограниченно использовалась в качестве боевых контингентов в последующем. Следует подчеркнуть, что такой подход диктовался не столько гуманными побуждениями конкретных командиров, сколько тем, что указанные лица в условиях боевых операций становились обузой для личного состава, а в отдельных случаях, не выдерживая физических и нервно-психических нагрузок, предпринимали суицидные попытки даже во время обычных горных походов.

Таблица 3.3

Данные об интенсивности боевой деятельности и зависимости количества боевых операций от срока службы в составе частей 40-й армии

Срок службы в подразделениях действующей армии, мес.	Распределение всех обследованных военнослужащих, %	Количество боевых операций (абсолютные числа)
до 3	22	от 0 до 7
от 4 до 6	9	от 0 до 15
от 7 до 9	13	от 2 до 20
от 10 до 12	8	от 8 до 20
от 13 до 15	26	от 3 до 33
от 16 до 17	10	от 20 до 35
от 19 до 21	12	от 10 до 35

Среди обследованных были награждены медалями («За отвагу» и «За боевые заслуги») 12%, орденами «Красой Звезды» — 2% (всего 14%). Представлялись к правительственным наградам неоднократно (отдельные лица до 5 раз), но так и не были награждены, а также оставались в положении «давно представленных к награде» 15% военнослужащих. Фактически из двух представленных к наградам, награждался только один. Чем это можно было бы объяснить, так и осталось для меня загадкой. Но это было чрезвычайно негативным психологическим фактором. Причем негативным — даже для награжденных, которые испытывали обоснованное чувство вины перед своими сослуживцами, когда из числа военнослужащих (одного и того же подразделения), представленных к правительственным наградам за одни и те же виды воинской доблести, часть получала награды по первому представлению, а другой части без какой-либо официальной мотивировки отказывалось и после ряда повторных представлений, даже по совокупности превосходных личных заслуг. Проведенный анализ показал, что фактически каждое третье письмо военнослужащих и уволенных в запас из Афганистана в адрес штабов и их командиров и политработников было связано с вопросами о несостоявшихся представлениях. В качестве примера приведем выдержки лишь из двух писем бывших военнослужащих заместителю командира войсковой части 35919.

От бывшего военнослужащего рядового А. Тищенко (от 25.05.86 года): «...Никогда не уклонялся от службы, выполнял все приказы командиров, имею боевую травму. Четырежды представлялся к наградам, и Вы знаете за что, но ничего не получил...»

От бывшего военнослужащего ефрейтора П. Тюрина (от 19.05.86 года): «...Как же так? Был же представлен к наградам наш экипаж (я и механик Моисеев). Но о результатах этого до сих пор мне и моему механику ничего не известно...»

Военнослужащий А. Горшечников был в 1984 году представлен к медали «За боевые заслуги», но так и не получил ее. Когда, продолжая службу в Афганистане, он лишился руки, был награжден орденом «Красной Звезды», который не носит. На мой вопрос: «Почему?» ответил: «Это мне за руку. А за то, что воевал, — не дали». Уже после окончания Афганской войны А. Горшечников несколько раз писал и депутатам, и в штабы — никакого ответа.

Здесь уместно привести данные, опубликованные В. А. Руновым[1] в 2010 году (табл. 3.4).

---

[1] В данных, которые приводит В. А. Рунов, есть некоторые несоответствия. Автор указывает, что Указами Президиума Верховного Совета и Президента СССР с 1980 по май 1991 года было награждено 202 356 человек, из них посмертно — 11 704 человека. Орденами СССР было награждено 75 372 человека, медалями СССР — 126 912 человек. Однако опубликованные тем же автором данные о распределении награжденных по категориям существенно отличаются (всего 112 451 человек). Возможно, это объясняется тем, что значительное количество награждений последовало уже после вывода войск 15 февраля 1989 года и продолжалось по май 1991-го.

Таблица 3.4

Сведения о количестве награжденных военнослужащих из числа Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане в период с 26 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года (по В. А. Рунову, 2010. С. 410)*

Наименование категорий военнослужащих	Награждены	Награждены посмертно
Генералы	337	1
Офицеры	66 604	672
Прапорщики	19 394	443
Солдаты и сержанты	11 331	9572
Служащие Советской Армии	2690	25
Женщины	1382	—
Итого:	101 738	10 713
Всего:	**112 451**	

* Если данные, которые публикует В. А. Рунов, верны, то получается, что солдаты и сержанты, которые составляли большинство личного состава, награждались существенно реже, чем командный состав, и преимущественно посмертно (в 84,5% случаев от всех награждений рядового состава).

Имели благодарности от командования 46%, были награждены грамотами — 9%. Грамоты солдаты старались отослать домой, чтобы хоть чем-то порадовать родителей и близких. Но если мы сравним количество награжденных орденами и медалями (16%) и грамотами (9%), то должны сделать вывод, что даже минимальные и доступные непосредственным командирам и начальникам формы поощрения личного состава применялись явно недостаточно. Выданные позднее всем участникам войны медали «от благодарного афганского народа», отчеканенные на Ленинградском монетном дворе и получившие емкое наименование «спасибо, что ушли...», большинство комбатантов не носит[1].

Имели взыскания 12% обследованных, подвергались аресту с содержанием на гауптвахте 3%. Основные причины взысканий не были связаны с боевой деятельностью и в порядке значимости распределялись: невыполнение или несвоевременное выполнение указаний и распоряжений отмечались только в пунктах постоянной дислокации) — 60%;

---

[1] Для более точного описания специфики ситуации приведу еще одну цитату из книги «Память — одна на всех»: «Появилась возможность ознакомиться со штабными документами. Получается, самые боевые люди — политотдел: от писаря до начальника. И расценки узнал у людей. Грамота ЦК ВЛКСМ — тысяча афоней, отпуск — две тысячи, телеграмма о смерти родных и близких — у связистов от тысячи до полутора... Наградные на офицеров — туфта» [297, с. 93—94].

различные формы неуставных отношений, включая драки и употребление спиртных напитков или других химических веществ с целью опьянения, а также случаи мелкого воровства — 21%; самовольные отлучки из расположения части — 5%; прочие — 14%. Особо следует подчеркнуть, что случаев невыполнения приказов или распоряжений командиров в период боевых выходов не было, впрочем, как и жалоб на рукоприкладство командиров в случае допущенных ошибок или даже неточностей в исполнении боевых приказов, которое в подобных ситуациях признавалось совершенно правомерным. Этот метод воспитания и «боевой закалки» использовался как сержантским, так и «дембельским», и офицерским составом.

В течение 1985—1986 годов потери убитыми в боевых подразделениях, где проводились исследования, т.е. в ротах и батальонах, которые регулярно входили в непосредственный контакт с противником, составляли 7%. Имели ранения и контузии различной степени тяжести 28% (табл. 3.5). В структуре боевых травм преобладали легкие ранения и контузии (65 + 10%), ранения средней тяжести (10%), а также минно-взрывные поражения (6%)[1]. Следует отметить, что боевые потери в горнострелковых, разведывательных и саперных подразделениях существенно превышали средние показатели по обследованным частям, которые за тот же период составляли: убитыми — 1,5%, ранеными — 5%. Эти различия, безусловно, связаны со спецификой деятельности (например, в одних случаях — систематические боевые выходы, а в других — служба в местах постоянной дислокации части) и определяют необходимость различных подходов к отбору и комплектованию личным составом боевых подразделений и подразделений обеспечения боевых действий.

Необходимо подчеркнуть, что боевые потери среднего и младшего медицинского состава в количественном отношении не уступали потерям среди боевых контингентов. В абсолютном большинстве случаев эти потери были связаны с оказанием помощи раненым и пострадавшим непосредственно на поле боя или на минно-заградительных участках[2].

Основная часть (более 80%) рейдовых походов, напряженность которых определялась боевой обстановкой, приходилась на «летний» (по местным климатическим условиям) период времени — с апреля по ноябрь, но и в зимний период интенсивность боевых операций

[1] Эти 6% в последующем составили основную причину инвалидизации бывших военнослужащих.

[2] Хотелось бы сразу отметить, что несмотря на всеобщую неинформированность обеих сторон о законах войны (см. раздел «Комбатанты: психолого-правовые аспекты») и даже на то, что на территорию Кабульского госпиталя «боевиками» (в кавычках, так как в основном детьми) также подбрасывались мины-ловушки, если ночью к воротам госпиталя приносили раненых афганцев, им нашими врачами и сестрами оказывалась необходимая помощь, и затем они вновь оставлялись у ворот, и кто-то их забирал...

оставалась достаточно высокой. Перерывы между рейдами, с возвращением в пункты постоянной дислокации, составляли от нескольких часов до 12 суток, длительность боевых операций — от 1 до 30 суток.

Таблица 3.5

Структура боевых потерь в обследованных подразделениях 40-й армии

Вид боевых (санитарных) потерь	Степень тяжести боевой травмы	Распределение (в процентах)
Ранения (пулевые и осколочные)	— легкие	65
	— средней тяжести	10
	— тяжелые	3
Контузии	— легкие	10
	— средней тяжести	6
	— тяжелые	—
Минновзрывные травмы	— только очень легкие, не вошедшие в две первые группы	6
Итого:		100

Передвижение личного состава в районы боевых действий, удаленные от пунктов постоянной дислокации на несколько десятков, а иногда и сотен километров, осуществлялось, как правило, «на броне» (БМП, БМД или БТР) и сопровождалось значительными вибровоздействиями и высокой инсоляцией в течение 3—10 и более часов, часто при температуре наружного воздуха до 40—45 градусов, в отдельных случаях в условиях мощных пылевых бурь и осадков в виде проливных дождей и (высоко в горах) снега. Такой способ передвижения («на броне»), с учетом высокой вероятности минновзрывных поражений, являлся наиболее безопасным: при подрыве боевой техники находившиеся «на броне» обычно «отделывались» контузиями, в то время как экипаж бронемашины в абсолютном большинстве таких случаев погибал. Следует отметить, что 32% военнослужащих отмечали, что такой способ доставки в районы боевых действий иногда «изматывал» больше, чем сама вооруженная борьба. Воздушный транспорт (вертолеты) для доставки военнослужащих в районы боевых действий (даже в десантных войсках) в тот период времени (в отличие от предшествующего) применялся не более чем в 15% случаев, что было обусловлено поставкой афганским боевикам американских ракет «Стингер», впервые использованных в районе Джелалабадского аэродрома. За 1986—1987 годы «Стингеры» применялись для атак нашей авиации более 180 раз. Летать было опасно, даже несмотря на постоянный отстрел «противоракетных ловушек», когда взлет и посадка сопровождались своеобразным «фей-

ерверком», но страх полета проходил только в одном случае — после пересечения Амударьи на пути в Ташкент.

Деятельность в периоды рейдов почти всегда была связана с изменением суточных режимов сна/бодрствования: движение ночью и привалы днем. Непосредственно в районах боевых действий передвижение осуществлялось в пешем порядке, в среднем от 3 до 15 километров в день по пересеченной местности со значительными перепадами высот (до 1000 метров) и, соответственно, атмосферного давления, вызывая тем самым чрезвычайно высокие энерготраты, нередко — при недостатке запасов воды[1] и продовольствия в течение 2—3 и более суток.

Вес переносимого на себе каждым военнослужащим снаряжения (включая обмундирование и обувь, бронежилет, спальный мешок, запас воды и продовольствия, топливо для примуса, пирофакелы и ракетницы, оружие — автомат, десантный нож, саперная лопата[2], боеприпасы — патроны, гранаты, мины) составлял, в среднем, от 50 до 75 килограммов. Такой же была и средняя масса тела самих военнослужащих (69,4 ± 7,2 килограмма). Уместно отметить, что эта данные, полученные при многократном взвешивании военнослужащих перед боевыми выходами сначала только в нижнем белье, а затем с «полной боевой выкладкой», были первоначально встречены с недоверием и командирами, и самими военнослужащими, которые субъективно оценивали вес переносимого снаряжения и имущества как «не более 40 килограммов». Примерно столько (до 40 килограммов) весило полное боевое снаряжение афганских боевиков[3], преимущественно израильского и американского производства (но автоматы они предпочитали наши)[4]. Эта «весовая» разница, если учесть еще и то, что

---

[1] Минирование и подрывы источников и колодцев с водой осуществлялись обеими сторонами.

[2] Правда, лопаты с собой на боевые выходы не брали — в горах окапываться бесполезно.

[3] Хотя в современной литературе об Афганской войне обычно используются термины «моджахед» и «душман», как вероятно уже заметил читатель, мной используется более нейтральное определение. Понятие «душман» (персидский — враг, противник) постепенно приобрело иное содержание и стало синонимом слова «бандит», тем самым принижая заслуги наших солдат, которые воевали не с каким-то «сбродом», а с хорошо обученными боевиками. Моджахед — это качественно иное понятие, характеризующее участника джихада — священнойвойны, при этом подразумевается, что речь идет не только о боевых действиях, а о борьбе со всеми духовными и социальными пороками (в том числе — в самом себе). Вряд ли нуждается в обосновании, что представления о священной войне несовместимы с производством и продажей наркотиков, торговле оружием и людьми, глумлением над погибшими.

[4] В начале XXI века Россия впервые — в отличие от вековой традиции страны — производителя и продавца вооружения и военной техники — начала закупать ее у стран НАТО, в частности: английские снайперские винтовки, французские сторожевые корабли, итальянские бронемашины (в последнем случае — с менее надежной броней и вдвое дороже отечественных), что вызвало обеспокоенность ряда военных экспертов, считающих, что таким образом Россия постепенно утрачивает свой «военный суверенитет». Нужно отметить, что многие образцы советской военной техники, включая танки ➲

большинство афганских боевиков принадлежали к старшей возрастной группе, были хорошо физически подготовлены и адаптированы к местным климатическим и экологическим условиям, создавала существенное преимущество противнику, как с точки зрения передвижения, так и в процессе непосредственного осуществления боевых действий, в том числе — не таких уж редких на горных тропах — рукопашных столкновениях.

Вынос раненых с поля боя осуществлялся, как правило, на плащ-палатках. Использование в этих целях вертолетной авиации, в связи с неустойчивостью режимов полета на малых высотах вообще, и над гористой местностью в частности, а также в связи с отсутствием в большинстве случаев надежных площадок для приземления и уже упомянутыми «стингерами», было весьма ограниченным. Экспериментальные образцы горных носилок, оцениваемых весьма позитивно, на период конца 1986 года, через 7 лет после начала войны, имелись в единичных экземплярах (то же самое можно сказать и в отношении экспериментальных бронежилетов, которые были почти в 2 раза легче состоявших в то время на вооружении — вес 8—12 килограммов[1]).

Стыдно об этом писать, но нельзя и замалчивать: на боевые операции солдаты старались выходить или в купленных на афганских рынках кроссовках (отечественных кроссовок тогда не было), или в добытых в бою израильских или иных западных десантных ботинках. Воевать в наших было тяжело. За это никого не наказывали, в отличие, например, от использования более удобного и более теплого обмундирования, снятого с противника. Не поощрялось также ношение трофейных ботинок в местах постоянной дислокации частей.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на то, что армия, точнее, обеспечение армии и система подготовки военнослужащих (безусловно, в силу просчетов в верхах), не слишком соответствовала задачам локальной войны, ни одна операция советских войск не была проиграна.

Некоторые коллеги не понимали: почему мне понадобилось писать в своем отчете (1986) о таких «малозначимых» вещах, как обмундирование и снаряжение солдат, вроде бы, достаточно далеких от психологии? Но эти «мелочи» во многом определяли психологический климат и состояние военнослужащих, а также их отношение к тем, кто декларировал в качестве своей первоочередной задачи «заботу о нашей любимой армии». Об отечественном обмундировании шутили зло и горько: «Народ дал, пусть народ и смеется!» Но эта веселость была уместна в Союзе и в мирное время, а в боевой обстановке было уже не до веселья.

➲ и двигатели для самолетов, еще в период Отечественной войны выпускались по западным лицензиям, но производились в СССР.

[1] К концу войны стали поставляться чехословацкие бронежилеты весом до 4 килограммов.

Комплектация форменного обмундирования явно создавалась людьми с весьма скудными представлениями о том, что требуется в боевых условиях. Штатные «лифчики», уставное размещение саперной лопаты, фляги, горные комбинезоны даже для подразделений спецназа создавали множество неудобств, и солдатам и офицерам приходилось «корректировать» промышленные образцы советской оборонки непосредственно на месте. Чтобы каждый раз, когда «приспичило», не расстегивать лямки горного комбинезона (а они обычно были еще и под «лифчиком»), солдаты делали специальные «ширинки — от и до» на пуговицах или на молниях. Почему это нельзя было предусмотреть сразу — непонятно. «Лифчики», или, как их еще называли, «разгрузочные жилеты» (или просто «разгрузка»), шили сами из подручных материалов или переделывали из спасательных жилетов, которые входили в комплект бронетехники, добавляя специальные карманы для сигнальных ракет, гранат, запалов, для дополнительных магазинов («рожков») к автомату или обойм к пистолету. Нагрудные подсумки доставали в качестве трофеев или шили — по образцу китайской армии. Китайские автоматы Калашникова поставлялись афганским боевикам в комплекте с этими подсумками, которые не только создавали определенные удобства в передвижении и переноске боеприпасов, но и защищали от осколков. Самостоятельно перешивались и подсумки для гранат к подствольному гранатомету, чтобы они не болтались на боку, а крепились на поясе сзади и не мешали передвижению. Надо отметить, что, несмотря на неповоротливость советского военпрома, на седьмой год войны (в 1986-м) в 40-ю армию наконец стали поступать отечественные нагрудники[1].

Многим по фильмам хорошо знакома появившаяся после Афганистана «мода» связывать два магазина для автомата «валетом» с помощью изоленты. Некоторые связывали и по три магазина. Теоретически это сокращает время перезарядки, когда кончаются патроны, но только в стандартных условиях на хорошо оборудованной и расчищенной позиции. В условиях неожиданного боя на местности, когда солдаты вынуждены залечь и обычно ведут огонь, опираясь «рожком» на грунт, грязь или мелкие комки забиваются в открытый патронник, и тогда приходится тратить драгоценное время на то, чтобы извлекать застрявший патрон.

Пистолеты Макарова носили преимущественно штабные и офицеры, заступающие в наряд в пунктах постоянной дислокации частей. В бою пистолеты практически не использовались — слабая огневая мощь.

На боевых выходах почти всегда были проблемы с водой, поэтому штатные алюминиевые фляги растягивали (наполняли водой и «раздували» на печке) почти в полтора раза.

---

[1] Странно, что новые образцы военной формы Российской армии, разрабатывавшиеся при участии модельера В. Юдашкина, испытывались преимущественно с привлечением молодых солдат и офицеров (в 2008—2010), а не тех, кто воевал.

3.5. Исследование профессионально важных качеств боевых контингентов

В этом разделе книги отражены результаты профессио- графического изучения военнослужащих учебных подразделений воздушно-десантных войск и специалистов десантно-штурмовых бригад сухопутных войск, расположенных на территории СССР, а также военнослужащих парашютно-десантных батальонов и подразделений специального назначения 40-й армии.

Основная задача проведенного исследования состояла в определении сходства и отличий требований, предъявляемых к профессионально важным качествам военнослужащих в зависимости от характера их деятельности: учебно-боевой или боевой. Для решения этой задачи использовался метод экспертной оценки специальности [302], модифицированный нами совместно с В. П. Петровым. Во всех случаях в состав экспертной группы входило не менее пяти офицеров, имеющих опыт службы по специальности в конкретных условиях (учебной или боевой деятельности) более двух лет. Проведение экспертизы осуществлялось квалифицированными специалистами — психологами и физиологами, что способствовало адекватной интерпретации опрашиваемыми лицами специальных терминов и повышало надежность полученных данных. Стандартность процедуры обследования с использованием специального опросника, включавшего характеристики 116 индивидуально-психологических качеств и физиологических свойств, позволила получить достаточно обоснованные и сравнимые результаты. При определении значимости отдельных функций для успешности деятельности военнослужащих экспертам рекомендовалось исходить из двух основных положений: степени включенности функции в деятельность и продолжительности ее максимальной загруженности, а также возможности ее тренировки и развития в процессе учебно-боевой подготовки или боевой деятельности.

Проведение профессиографической экспертизы предусматривало несколько этапов. Вначале определялась общая совокупность профессионально важных качеств (непараметрический выбор из всех 116 характеристик). Затем из «минимизированной» совокупности выделялись 15 наиболее значимых, и проводилось их ранжирование по степени профессиональной важности. На заключительном этапе каждое из выделенных (в результате двух предыдущих этапов) качеств оценивалось с точки зрения его военно-профессиональной значимости в 10-балльной шкале.

Проведенный сравнительный анализ позволил выявить ряд сходных требований, предъявляемых к военнослужащим, относительно независимо от характера их деятельности — учебно-боевой или боевой. Эти требования, обозначенные нами как общепрофессиональные, можно условно объединить в четыре основные группы (табл. 3.6):

Таблица 3.6

Общепрофессиональные воинские качества, совпадающие у военнослужащих учебно-боевых (контрольная группа) и боевых частей (основная группа)

Наименование профессионально важных качеств	Совпадающие ранговые оценки	
	Контрольная группа (военнослужащие учебно-боевых частей)	Основная группа (военнослужащие боевых частей)
Выносливость к длительным физическим нагрузкам	1	2
Высокая нервно-психическая устойчивость	2	4
Умение сохранять высокую работоспособность при воздействии экстремальных факторов	3	8
Дисциплинированность и исполнительность	4	1
Умение действовать нешаблонно, быстро принимать решение в изменяющейся обстановке	8	7
Коллективизм	9	10
Смелость	11	12
Самообладание и выдержка	12	13

- физические качества (выносливость, военно-профессиональная работоспособность);
- нервно-эмоциональные характеристики, в частности нервно-психическая устойчивость и сохранение способности к целесообразной деятельности при воздействии экстремальных факторов, включая непосредственную угрозу жизни; в эту же группу вошли самообладание и выдержка;
- интеллектуальные качества (умение действовать нешаблонно, быстро принимать решения в изменяющейся обстановке);
- социально-психологические качества, преимущественно волевые (дисциплинированность, исполнительность, коллективизм, решительность, смелость).

Однако следует отметить, что даже по «совпадающим» профессионально важным качествам обнаруживался ряд существенных отличий. Практически полное совпадение выявлено лишь в отношении требований к физическим качествам, занимающим 1-е (ранговое) место у военнослужащих учебно-боевых частей и 2-е — у боевых контингентов, а также — по социально-психологическим качествам (см. табл. 3.6). Дисциплинированность и исполнительность, указанные в качестве

основных требований к военнослужащим боевых подразделений 40-й армии, в учебнобоевых частях находились лишь на 4-м месте.

Существенный интерес представлял анализ тех профессионально важных качеств, по которым не было каких-либо совпадений и которые в первую очередь характеризовали отличия в требованиях к исследуемым группам военнослужащих. Во-первых, применительно к военнослужащим учебно-боевых частей эти (дополнительные) требования были немногочисленны и не вносили существенно нового в структуру профессионально важных качеств (табл. 3.7). И наоборот, список дополнительных требований к боевым контингентам по объему даже превосходил перечень общепрофессиональных качеств и вносил в них качественно новое содержание. В частности, особые требования предъявлялись к способности длительно переносить голод и жажду; умению сохранять работоспособность, преодолевая развивающееся утомление; способности быстро переходить от одной деятельности к другой; способности к быстрому и точному определению направления источника звука; готовности к взаимовыручке, долговременной и моторной памяти, а также к ряду социально-психологических характеристик, таких как трудолюбие, развитое чувство ответственности, инициатива и находчивость, доброжелательность и отзывчивость. Профессиональный запрос на эти качества в условиях мирного времени был, безусловно, менее значимым, и, следовательно, требовалось особое внимание к их формированию в процессе учебно-боевой подготовки войск.

Таблица 3.7

Отличия в требованиях к профессионально важным качествам военнослужащих учебно-боевых (контрольная группа) и боевых частей (основная группа)

Контрольная группа (военнослужащие учебно-боевых частей)		Основная группа (военнослужащие боевых частей)	
Наименование профессионально важных качеств	**Ранговая оценка**	**Наименование профессионально важных качеств**	**Ранговая оценка**
Умение сохранять работоспособность в аварийной ситуации	5	Способность длительно переносить голод и жажду	3
Устойчивость к укачиванию	6	Умение сохранять работоспособность, преодолевая утомление	5
Хорошее развитие функций внимания	7	Способность быстро переходить от одной деятельности к другой	6
Способность к точной глазомерной оценке размеров и расстояний	13	Способность к быстрому и точному определению направления источника звука	9

Окончание табл. 3.7

Контрольная группа (военнослужащие учебно-боевых частей)		Основная группа (военнослужащие боевых частей)	
Наименование профессионально важных качеств	**Ранговая оценка**	**Наименование профессионально важных качеств**	**Ранговая оценка**
Принципиальность	14	Готовность к взаимовыручке	10
		Трудолюбие	14
		Долговременная память	15
		Моторная память	16
		Умение сохранять высокий уровень готовности к деятельности в условиях длительного ожидания (монотонии) и ограничения потока информации	17
		Развитое чувство ответственности	18
		Инициатива и находчивость	19
		Доброжелательность и отзывчивость	20

Одновременно с этим при ранжировании (с использованием 10-балльной шкалы) профессионально важных качеств у боевых контингентов существенно (на 45%) возрос перечень характеристик, получивших очень высокие (8 и более баллов) и максимальные оценки, среди которых снова выделялись волевые, физические и социально-психологические качества (табл. 3.8).

Таким образом, независимо от условий деятельности и специфики решаемых задач (учебно-боевых или боевых) наиболее высокие требования предъявляются к волевым и физическим качествам военнослужащих. В то же время боевая деятельность существенно повышала требования к выраженности общих военно-профессиональных качеств и дополняла их перечень, в частности, требованиями к интеллектуальному развитию, некоторым физиологически обусловленным функциям (устойчивость к голоду и жажде, высокая работоспособность) и многочисленным социально-психологическим характеристикам.

Большинство из выделенных профессионально важных качеств и личностных свойств относятся к тренируемым и воспитуемым. Однако с учетом ограниченности сроков обучения военных специалистов и непосредственной службы на соответствующих должностях, возможности их коррекции в процессе учебно-боевой подготовки весьма невелики. Последнее положение определяло целесообразность прове-

дения профессионального отбора уже на этапе комплектования частей по подготовке боевых и других специальных контингентов с учетом критериев физической подготовленности и выносливости, нервно-психической устойчивости, интеллектуальных и социально-психологических качеств, а также состояния физиологических резервов организма.

Таблица 3.8

Результаты оценки основных групп профессионально важных качеств боевых контингентов в 10-балльной шкале и их ранговые оценки

Основные группы профессионально важных качеств	Усредненная оценка в 10-балльной шкале	Ранговая оценка
Волевые качества	9,1	I
Физическая подготовленность (сила и выносливость)	8,6	II
Личностные особенности (указанные в табл. 3.6)	8,5	III
Качества внимания	8,0	IV
Функция зрительного восприятия	7,8	V
Психомоторные качества	7,1	VI
Функция слухового восприятия	6,1	VII
Организаторские способности	5,6	VIII
Память	5,3	IX
Интеллектуальное развитие	4,3	X
Коммуникативные качества и функция речи	3,8	XI
Развитие функции воображения	2,1	XII

3.6. Социально-политическое, социально-психологическое и демографическое изучение боевых контингентов

Как известно, Советская армия была одной из самых идеологизированных структур, и вряд ли это стоило бы оценивать только негативно. Во всяком случае, для меня совершенно очевидно, что независимо от тех или иных мотивов и личных устремлений, можно потратить всю жизнь на достижение славы или богатства, но умирать можно только за идею, которая этого стоит. Коммунистическая идея, стержнем которой являлись вполне демократические лозунги (свободы, равенства и братства), дополненные высоким, но до предела извращенным тезисом социальной справедливости, была именно такой идеей. Однако она

так и осталась идеей — только идеей, искренне воспринятой широкими массами, но — чем дальше, тем больше — беззастенчиво попираемой партийной и советской элитой. От надежд на светлое будущее у большинства населения уже давно оставались одни иллюзии. Афганская война очень быстро разрушила эти иллюзии.

Среди обследованных военнослужащих члены КПСС составляли 0,5%, кандидаты в члены КПСС — 1%, члены ВЛКСМ — 94%, беспартийные — 4,5%.

Изучение национального состава обследованных боевых контингентов показало, что 58% личного состава частей и подразделений комплектовалось преимущественно славянскими народами (русскими, украинцами, белорусами и молдаванами). Следующую самую большую группу (12%) составляли призванные на действительную военную службы узбеки (табл. 3.9).

Афганистан всегда был многонациональной страной. Основную часть его населения составляли пуштуны (более 40%), второй по величине этнической группой были таджики (также около 40%), а третьей — узбеки (9%). Среди обследованных нами контингентов не было ни одного таджика, что, по-видимому, объяснялось близостью языка и культуры, а также — близостью границы Таджикской ССР.

Таблица 3.9

Национальный состав обследованных воинских контингентов боевых подразделений 40-й армии

Национальность	Доля среди обследованных боевых контингентов, %	Национальность	Доля среди обследованных боевых контингентов, %
Русские	33	Башкиры	2
Украинцы	15	Туркмены	2
Узбеки	12	Марийцы	1
Белорусы	5	Татары	1
Молдаване	5	Грузины	1
Казахи	4	Киргизы	1
Азе рбайджанцы	3	Нагайцы	1
Армяне	3	Чуваши	1
Литовцы	3	Аварцы, латыши, осетины, уйгуры, черкесы, чеченцы, эстонцы	менее 1
Итого:			**100**

При исключении украинцев и белорусов, которые в 97% случаев свободно владели русским, по знанию языка межнационального общения в СССР представители других национальностей распределялись:

- владели свободно — 21%;
- знали хорошо — 44%;
- владели удовлетворительно — 32%;
- практически не владели — 3%.

Не нуждается в обосновании, что незнание языка межнационального общения, на котором отдавались все приказы и распоряжения, а также осуществлялось межличностное общение как в обычной обстановке (в местах постоянной дислокации), так и в боевых ситуациях, значительно затрудняло управление войсками и внутригрупповое взаимодействие военнослужащих и, в целом — негативно сказывалось на боеспособности подразделений.

Абсолютное большинство обследованных военнослужащих (88%) боевых частей имели среднее и средне-специальное образование, полученное в профессионально-технических училищах (табл. 3.10). Студенты большинства вузов призыву не подлежали, а выпускники вузов составляли 1%.

Таблица 3.10

Распределение военнослужащих боевых частей по уровню образования

Уровень образования	Доля среди обследованных боевых контингентов, %	Уровень образования	Доля среди обследованных боевых контингентов, %
8 классов	10	Вечерняя школа	5
10 классов	48	Техникум	1
ПТУ	35	Вуз	1
Итого:			**100**

Хотя студенты призыву не подлежали, и это положение нарушалось. Приведу воспоминания известного российского актера Евгения Сидихина.

«Я нормально относился к армии и считал, что все равно служить надо — никуда от этого не денешься. Все друзья уже были там, а я оставался в институте. Однажды в райвоенкомат нагрянула городская проверка, а так как Сидихин-студент числился в категории блатных, отнеслись ко мне категорически. И забрали, подчеркиваю, буквально ночью. Служить попал в общевойсковую танковую учебку в Теджене, откуда ушел в десантной форме в Афган. Сначала — шинданский разведбат, позднее — разведка гератского мотострелкового полка. Потом меня перевели во взвод командной охраны, после чего командир полка отправил в полигонную команду — добывать бакшиши… Но меня скосил тиф, и я попал в Союз в надежде на двухмесячный отпуск на родину.

Этого не случилось... Беспредел армейский... В результате едва не угодил в дисбат. А потом снова попал в Афган» [297].

Средний балл аттестата о среднем образовании составлял у обследованных 3,87. Более 37% боевых контингентов являлись выпускниками национальных школ и ПТУ, оставались в период обучения в школе на второй год 4%.

До службы в армии регулярно занимались спортом 24% обследованных, при этом военно-прикладными видами — лишь 8%. Проявляли лидерские качества и участвовали в общественной жизни школьных и трудовых коллективов 21%. Имели постоянные поручения в школьных или трудовых коллективах (был тогда такой, ныне забытый, способ социализации молодежи) — 80%.

Свободное время большинство обследованных посвящали спортивным играм и развлечениям (75%). Чтение книг, занятия техникой, а также рыбалкой и охотой предпочитали 22% (табл. 3.11).

Таблица 3.11

Ранжированный список предпочтительного времяпрепровождения до службы в армии

Предпочтительное время-препровождение	%	Предпочтительное время-препровождение	%
Спортивные игры	43	Посещение кино	6
Музыка, танцы	21	«Девушки»	5
Чтение книг	9	Рыбалка, охота	4
Занятие техникой	9	Прочие	3
Итого:			**100**

По возрастному составу (табл. 3.12) преобладала основная призывная категория — 18—20-летних (93%), фактически юношей, не имеющих ни жизненного, ни профессионального и уж тем более какого-либо боевого опыта.

Таблица 3.12

Распределение военнослужащих по возрастному составу на момент проведения обследования, %

Возраст	%	Возраст	%
23 года и старше	2	20 лет	36
22 года	1	19 лет	48
21 год	4	18 лет	9
Итого:			**100**

Основную массу обследованных (70%) составляли жители поселков, сел, хуторов и деревень (для справки: по данным переписи населения

СССР 1979 года, городское население составляло 62%, сельское — 38%). Остальные 30% распределялись:

- из Москвы — нет;
- из Ленинграда — 0,4%;
- из столиц союзных республик — 2,9%;
- из областных центров — 1,9%;
- из городов и районных центров — 24,8%.

С учетом приведенных данных можно высказать предположение, что в связи с «непопулярностью» войны в Афганистане решение об ограничениях направления в состав 40-й армии призывников из крупных промышленных и культурных центров было санкционированным. Еще раз отмечу, что речь идет только об обследованных боевых контингентах, и, возможно, призывники из столицы также где-то служили, но таких данных у нас не было[1].

Воспитывались в неполных семьях (т.е. не имели одного или обоих родителей) 22%. При этом в состав боевых контингентов направлялись преимущественно юноши из социально незащищенных семей, о чем свидетельствуют данные об образовательном уровне их родителей (табл. 3.13). Малограмотные родители (образование ниже неоконченного среднего — до 8 классов) составляли соответственно: 61% отцов и 67% матерей. Из семей, где родители имели высшее образование, среди обследованных было не более 5%.

Таблица 3.13

Данные об уровне образования родителей обследованных боевых контингентов, %

Уровень образования	Отец		Мать	
Малограмотные	1	61	—	67
Начальное	16		10	
5—7 классов	14		12	
8 классов	30		45	
10 классов	14		18	
ПТУ	12		7	
Техникум	8		7	
Вуз	5		1	
Итого:	**100**		**100**	

Большинство обследованных воспитывались в семьях, где имелось двое и более детей (табл. 3.14), тем не менее указание министра обороны СССР о нецелесообразности направления в Афганистан един-

[1] Рецензент книги, непосредственный участник Афганской войны А. Михайлов, отметил, что призванные из Москвы все-таки были, в частности в его артдивизионе 56-й десантно-штурмовой бригады в Гордезе, и назвал фамилии этих сослуживцев — Хоменко, Латышев, Лапин.

ственных детей не выполнялось (таких было 3%). Однако большинство (68%) призывалось из семей, которые уже в тот период рассматривались как многодетные, — с тремя детьми и более.

Таблица 3.14

Данные о количестве детей в семье,%

Количество детей в семье	%	Количество детей в семье	%
Единственный ребенок	3	Четверо детей	10
Двое детей	29	Пятеро детей	11
Трое детей	20	Шестеро и более	27
Итого:			**100**

Для сравнения: согласно переписи населения 1989 года (по данным Федеральной службы государственной статистики) в СССР проживало 23,5 млн семей с детьми до 18 лет (57,5%). Из них:

семьи с одним ребенком — 51%;
семьи с двумя детьми — 39%;
многодетные семьи (3 и более детей) — 9,8%.

Таким образом, преимущественно дети из многодетных семей: 9,8% всех семей СССР поставляли 68% отправленных служить в Афганистан.

Средний уровень заработной платы родителей в пересчете на одного члена семьи у обследованных составлял:

- до 50 руб. — 54%;
- до 75 руб. — 26%;
- до 100 руб. — 16,5%;
- 125 руб. и более — 3,5%.

Итого: 100%.

По данным исследований, проведенных в тот же период времени в Северо-Западном регионе страны, семьи с доходом менее 60 руб. на человека составляли 26%. А по стране средняя заработная плата рабочих и служащих в 1985 году в расчете на одну семью составляла 483[1] руб., т.е.: при трех членах семьи — около 160 руб., а при четырех — около 120 руб. на одного человека. Еще один не слишком оптимистический вывод: в Афганистане служили представители беднейших слоев населения: 96,5% из семей с доходом менее средней заработной платы.

По социальному происхождению обследованные распределялись:

- из семей рабочих — 61%;
- из семей колхозников — 31%;
- из семей служащих — 5%;
- из смешанных семей — 3%;
- из семей управленческого аппарата — нет;

[1] Вполне возможно, что эта цифра завышена советской статистикой, но вряд ли значительно.

- из семей партийных и советских работников — нет;
- из семей военнослужащих — нет;
- из семей научной и творческой интеллигенции — нет[1].

Итого: 100%.

Таким образом, более 92% военнослужащих, направленных для прохождения срочной службы в состав боевых подразделений, были представлены рабочими и колхозниками.

Справка: по данным переписи населения СССР 1979 года, семей рабочих было 42,4%, колхозников — 10,1%, служащих — 14,4%, смешанных семей — 33,1%.

Имели судимых родственников 20%, до службы в армии состояли на учете или имели приводы в милицию 17%.

Приведенные данные фактически не нуждаются в каких-либо комментариях. Сведения о составе семьи, социальном происхождении и материальном положении родителей свидетельствовали о существенных нарушениях принципов социальной справедливости при «отборе» призывников и укомплектовании частей по подготовке боевых контингентов. Эти данные были хорошо известны рядовому и офицерскому составу и, естественно, не способствовали формированию «высокого морально-политического состояния войск», к которому постоянно призывали партийные и советские функционеры.

Однако, по мнению командиров, не это являлось наиболее негативным фактором. В качестве ведущих недостатков, существенно сказывавшихся на боеспособности подразделений, в абсолютном большинстве случаев отмечались недостаточное знание русского языка (33%) и слабая физическая подготовленность военнослужащих (31%). Бесспорно, с точки зрения обороноспособности страны самое серьезное внимание должны обратить данные, свидетельствующие, что лишь 24% юношей до призыва в армию регулярно занимались физкультурой и спортом. Требует изучения, продуманных подходов и решений проблема свободного времяпрепровождения, 75% которого имело исключительно развлекательную направленность (игры, танцы, кино, девушки), хотя в целом это характерно для данной возрастной группы неучащейся молодежи.

Можно было бы предположить, что излагаемые данные обусловливались «спецификой» комплектования боевых контингентов. Однако это было бы верным лишь частично. Проведенное в середине 1980-х годов нашими сотрудниками (Булатовым С. М., Ткачевым В. В., Пастухо-

[1] Так же, как и в случае с направлением в Афганистан призывников из Москвы, допускаю, что по четырем последним позициям этого перечня имелись «исключения», но среди обследованных нами контингентов таковых не было. Все эти статистические данные были внимательно изучены и утверждены командиром 103-й ВДД генерал-майором П. С. Грачевым (в последующем министром обороны РФ), который подтвердил их объективность и представил в Генеральный штаб МО СССР.

вым В. В. и др. данные приводятся с согласия авторов) социально-демографическое и психологическое обследование юношей Северо-Западного региона (выборка 15 тыс. человек), в частности, показало, что выраженные признаки нервно-психической неустойчивости обнаруживались у 16% юношей; 23% учащихся техникумов и 30% учащихся ПТУ воспитывались в неполных семьях, а среди имеющих обоих родителей 45% отмечали, что отцы не занимались их воспитанием, при этом 60% отцов (от всей выборки) вообще никогда не интересовались успехами детей в школе. 53% обследованных указали, что родители не являются для них авторитетом. Дефекты зрения были установлены у 27% юношей, страдали частыми простудными заболеваниями 57%, имели недостаточный и низкий уровень физической подготовленности 37%. По результатам медицинского освидетельствования, были признаны ограниченно годными к службе в армии 57%. Столько же были отнесены преподавателями к недисциплинированным, а в 81% случаев моральные и нравственные качества юношей характеризовались как низкие. У 37% обследованных вообще отсутствовала направленность на учебу и какие-либо познавательные потребности. Показатели интеллектуальных способностей и умственной работоспособности у учащихся ПТУ были в среднем в 2 раза ниже, чем у учащихся школ, а нервно-психическая неустойчивость у первых встречалась в 1,9 раза чаще.

Эти данные свидетельствовали о необходимости коренных изменений в работе с молодежью и в системе образования с учетом психологических особенностей конкретных возрастных групп, происходящих социальных процессов, экономических и оборонных вопросов. В целом позитивно оценивая дифференциацию в образовании в зависимости от способностей учащихся, в то же время необходимо еще раз подчеркнуть высочайшую значимость обеспечения доступности и поддержания на адекватном уровне культуры и образованности широких слоев населения как непосредственной производительной силы общества.

С учетом современной ситуации в российском обществе (на 2010 год) следует также рассмотреть особую роль национальной элиты в формировании патриотических чувств и нравственных эталонов поведения. Применительно к вопросам обороноспособности страны и единства нации перед лицом потенциальных угроз, которых не стало меньше, уместно напомнить, что, когда началась Вторая мировая война, дети генерального секретаря Иосифа Сталина, членов ЦК Никиты Хрущева, Анастаса Микояна и всех других высокопоставленных партийных и советских лидеров уходили на фронт, сражались и погибали, разделяя судьбу своих соотечественников. Затем, после того как стало известно, что немецкой разведке была поставлена особая задача по пленению и уничтожению военнослужащих из числа семей высокопоставленных советских лидеров, для них были созданы специальные подразделения, но служили все.

Аналогичная практика и понимание значения социальных образцов и роли национальной элиты в формировании патриотических чувств существовали и существуют поныне во многих развитых странах.

Известно, что принц Уильям Уэльский и его брат Гарри получили образование в военной академии Сандхерст, после чего оба прошли через этап военной службы в Ираке, несмотря на то что там погибла их близкая подруга и соученица по академии лейтенант Джоанна Дайер, также принадлежавшая к одной из элитных семей британского общества, все члены которой (отец, мать и сестры Джоанны) служили в армии.

У меня нет особых симпатий к бывшему президенту США Джорджу Бушу-младшему. Но нельзя не уважать его семейную биографию. Его отец Джордж Буш-старший родился в семье банкира с Уолл-Стрит, затем был сенатором. Джордж Буш-младший, хотя и с весьма скромными успехами — получил степень бакалавра искусств в Йельском университете, и перед ним открывалась масса возможностей для продолжения образования и гражданской карьеры. Но шла Вьетнамская война, и в 1968 году 22-летний Буш вступил в Национальную гвардию, где прослужил 5 лет, в том числе — пилотом истребителя-перехватчика. И лишь после этого (в 1975) окончил Школу бизнеса Гарвардского университета со степенью магистра делового администрирования. Подразделение, в котором служил Буш-младший, предназначалось для молодых людей из семей высокопоставленных родителей и неофициально именовалось «Подразделением шампанского», тем не менее это была пятилетняя служба, а любой полет на истребителе — это реальная опасность, даже вне боевых действий.

Аналогичная традиция всегда существовала в российской армии, но примеров ее поддержания в современном обществе не так уж много. Один из них — генерал-полковник Георгий Иванович Шпак, под руководством которого знаменитый 350-й воздушно-десантный полк вошел в Афганистан (1979). Затем Г. И. Шпак был начальником штаба и командиром воздушно-десантной дивизии, участвовал в военных операциях в Чечне, Югославии, Абхазии и окончил службу в 2003 году командующим воздушно-десантными войсками России. Вполне мог бы оградить своих детей от всевозможных опасностей. Не позволила офицерская честь. Как известно, его сын гвардии лейтенант ВДВ Олег Шпак погиб в Чечне в 1995 году. Дочь Елена — подполковник медицинской службы. Другим примером служит вся семья легендарного десантника № 1 — генерала армии Василия Филипповича Маргелова, который поручил проведение испытаний системы десантирования вместе с боевой техникой (внутри БМД) своему сыну Александру, заслуженно получившему затем звание Героя Советского Союза. Об этом уже написано и, уверен, еще будет написано много книг. К сожалению, эти яркие примеры немногочисленны и не «на слуху». А вот примеров иного рода — хотелось бы поменьше.

3.7. Специальная подготовка и мотивация к деятельности в составе боевых контингентов

Относительное количество военных специалистов различных профессиональных групп среди обследованных контингентов составляло:

- водителей боевых машин — 30%;
- пулеметчиков — 10%;
- командиров отделений — 9%;

- снайперов — 9%;
- стрелков — 9%;
- саперов — 8%;
- гранатометчиков — 7%;
- механиков-водителей — 5%;
- разведчиков — 4%;
- прочих специалистов — 9%.

Итого: 100%.

Не имели мотивации к службе в составе боевых подразделений и оказались в них «поневоле» 34%. Не имели мотивации к деятельности по своей специальности — 33%.

Выражали сомнение в верности лозунга об «интернациональном долге» по отношению к народу ДРА (а следовательно — в справедливости войны) 8% военнослужащих. Эта цифра, безусловно, занижена — говорить об этом вслух не рекомендовалось. Уместно напомнить, что на определенном этапе (1985—1986) средствами массовой информации СССР предпринималась, безусловно, одобренная ЦК КПСС, но не слишком удачная попытка провес™ историческую параллель между Афганской войной и борьбой против режима генерала Франко в Испании[1], которая на протяжении всего советского периода подава-

---

[1] Имеется в виду гражданская война в Испании (1936—1939), которая призошла в результате конфликта между республиканцами (левыми, прокоммунистически настроенными) силами и мятежниками под руководством профашистского генерала Ф. Франко. Франко, которого поддерживали фашистская Италия, нацистская Германия и Португалия, в результате ликвидировал Испанскую республику и сверг правительство. Советский Союз, а также Мексика и — в начальный период войны — Франция поддерживали республиканские силы. При этом участие в боевых действиях было неофициальным. Вначале СССР присоединился к соглашению о «невмешательстве в испанские дела», предложенному Великобританией и Францией. Однако, поскольку это соглашение не выполнялось, позиция СССР (точнее, Сталина) изменилась. Он стал склоняться к мысли о необходимости удовлетворения просьб республиканского правительства Испании об оказании ему военно-технической помощи и направлении в Испанию военных специалистов и советников. В середине сентября 1936 года разведывательное управление наркомата обороны и иностранный отдел НКВД разработали план «Х», который предусматривал, наряду с созданием за границей специальных фирм для закупки и отправки в Испанию вооружений, организацию таких поставок из Советского Союза, а также была выдвинута идея направления в Испанию советских войск. Однако Тухачевский и другие военные специалисты выступили против этой идеи и предложили послать в Испанию только военных советников, которые на самом деле принимали самое активное участие в боевых действиях. В последующем советское руководство неоднократно действовало аналогичным образом в самых различных странах Азии, Африки, Европы и на Американском континенте. Но это не было исключением — такую же политику вели США и другие страны, противостоящие советскому блоку.

Война в Испании была проиграна, и в 1939 году в стране установилась диктатура Франко, которая действовала до ноября 1975 года. В 1947 году Франко провел закон о престолонаследии, согласно которому Испания, в соответствии с традицией, была провозглашена королевством, однако установление королевской власти было отложено до ухода Франко из политической жизни. Позднее (декретом от 22 июля 1969 года) будущим королем Испании был объявлен Хуан Карлос Бурбон. После смерти диктатора 20 ноября 1975 года в Испании была установлена монархия. Правящим королем страны ➲

лась в СМИ (и вполне заслуженно) как героический подвиг и высокий пример интернациональной солидарности советских людей в борьбе с фашизмом.

В отличие от реакции массового читателя в СССР, в среде боевых контингентов эти аналогии и публикации были восприняты однозначно негативно, что, вероятно, обусловливалось большей информированностью о реальной ситуации в «ставшем на путь социалистического развития Афганистане». Во всяком случае, именно в ДРА мне впервые были продемонстрированы источники, где отмечалось, что в составе интербригад в Испании сражалось 35 тыс. добровольцев из 53 стран. При этом из СССР в Испанию было направлено 2,5 тыс. военнослужащих (далеко не всегда — добровольцев), которые хотя и участвовали в боевых действиях, официально считались советниками. Официальная и полулегальная литература об испанских интербригадовцах была чрезвычайно популярна в Афганистане. И именно в Афганистане, чтобы подчеркнуть коренные отличия двух войн, мне дали прочитать отзыв испанцев об интербригадовцах: «Они пришли не обучать нас Евангелию, они пришли прожить его вместе с нами», — добавив затем, что о нас здесь (в Афганистане) так не скажут...

Тем не менее практически везде проявлялась амбивалентность отношения к Афганской войне. Например, несмотря на весьма неоднозначное отношение к боевым действиям и понятию «интернационального долга», 51% военнослужащих считали, что если уж служить, так в боевых частях. При этом 74% из этой категории указывали, что это мнение совершенно не зависит от их личного отношения к политическому или идеологическому обоснованию ведущихся боевых действий. Это, вероятно, обусловливалось как традиционно высоким статусом участников и ветеранов войны в СССР в целом, так и свойственной возрастной группе юношей 18—20 лет жаждой подвига и самоутверждения. Аналогичная точка зрения высказывалась и рядом лиц из числа офицерского состава (впрочем, в основной массе не существенно отличавшегося по возрасту от обследованного рядового и сержантского состава). В наиболее обобщенном виде объяснение именно такой позиции офицерским составом выражалось в следующем: «Чтобы уметь воевать и иметь сильную армию, нужно постоянно совершенствовать стратегию и тактику вооруженной борьбы — и не на картах, а в реальном бою, и не с условным, а с реальным противником. А где и с кем — пусть решает правительство». Большинство офицеров, включая высший командный состав, в частных беседах неоднократно высказывали мнение, что, независимо от того, чем закончится ввод Советских войск в ДРА, он в любом случае будет иметь позитивный итог, так как позволит выявить недостатки в военной доктрине, вооружении и технике,

➲ с тех пор является представитель испанской ветви династии Бурбонов — Хуан Карлос I. Аналогичный сценарий разыгрывался в Афганистане — с возвращением короля на родину, но королевская власть восстановлена не была.

организации и тактике боевых действий, снабжении, питании и обмундировании личного состава, а также создать в вооруженных силах прослойку офицеров, имеющих опыт ведения боевых действий в условиях современного локального конфликта. При этом руководящим составом отмечалось, что после вывода войск из ДРА (слухи о котором в войсках появились уже в 1985 году) эту группу офицеров целесообразно в первую очередь использовать на основных должностях в учебных частях и военных училищах. Однако для этого требуется поднять материальный и должностной статус офицера учебного соединения или части, чтобы сделать службу в них более престижной, возможно, приравняв ее к преподавательской работе в военно-учебном заведении. Это, безусловно, справедливое предложение, так и не было реализовано, а последующие экономические и армейские реформы привели к тому, что реальный афганский опыт уже через 20 лет остался почти исключительно «на бумаге».

Из числа обследованного личного состава прошли вневойсковую подготовку в ДОСААФ[1] 38% военнослужащих (преимущественно по специальности «водитель» — 92%). Окончили курс подготовки в учебных частях на территории СССР 85% обследованных, из них в соответствии с полученной в учебной части специальностью в Афганистане использовались лишь 57%. Только две группы специалистов в 100% случаев комплектовались в соответствии с полученной ранее военно-профессиональной подготовкой — специалисты по водоснабжению и вожатые минно-розыскных собак. В других группах количество специалистов, используемых в соответствии с профилем полученной военнопрофессиональной подготовки, составляло:

- саперы 86%;
- водители — 86%;
- снайперы — 58%;
- разведчики — 55%;
- пулеметчики — 33%;
- стрелки — 18%.

Достаточно демонстративные примеры нарушения принципа преемственности вневойсковой и военно-учебной подготовки личного состава приведены в табл. 3.15, где показаны конкретные случаи, когда

[1] ДОСААФ — добровольное общество содействия армии, авиации и флоту — общесоюзная общественная организация, целью которой было патриотическое воспитание молодежи и содействие укреплению обороноспособности страны, в том числе путем раннего обучения основным военным специальностям (членом общества можно было стать с 14 лет). Предшественником ДОСААФ было Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим), учрежденное в 1927 году. В 1948 году на его базе были образованы три самостоятельных общества, которые в 1951 году были вновь объединены в ДОСААФ СССР. После распада СССР в 1991 году на территории Российской Федерации была организована Российская оборонная спортивно-техническая организация (РОСТО). 7 декабря 2009 года постановлением премьер-министра РОСТО было возвращено историческое название организации — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ).

специальность, полученная в ДОСААФ, не имела никакого отношения к профилю подготовки в учебной части, а последний никак не учитывался при определении профессионального предназначения военнослужащего по прибытии в боевую часть. Общее количество таких случаев составляло 29%. Естественно, появлялся вопрос: кому нужна такая подготовка и зачем выделяются огромные средства на ее проведение?

Таблица 3.15

Реальные примеры нарушения принципа преемственности и последовательности в подготовке военных специалистов и их использовании в боевых частых (по данным исследований, проведенных в войсковой части 51932)

Фамилия военнослужащего	Специальность, полученная в системе вневойсковой подготовки и в учебной части		Специальность, по которой проходил службу в ДРА
	ДОСААФ	Учебная в/ч	
Алымов	Водитель	Разведчик	Телеграфист
Губицын	Водитель	Зенитчик	Снайпер
Иванов	Оператор РЛС	Связист	Стрелок
Леонидов	Водитель	Снайпер	Механик-водитель
Надиров	Водитель	Наводчик	Стрелок
Садыков	Парашютист	Связист	Стрелок
Романюкин	Парашютист	Оператор РЛС	Санинструктор
Суружив	Водитель	Стрелок	Гранатометчик
Щедрин	Парашютист	Наводчик	Планшетист

По результатам этих исследований нами было подготовлено представление в Генеральный штаб СССР о том, что (с учетом выявленных фактов) требуется не какое-то очередное «совершенствование» связей между учреждениями вневойсковой подготовки и армией, а качественное преобразование всей системы, так как существующее (и относительно независимое от армии «добровольное общество», как показал наш опыт работы, в том числе — непосредственно в системе ДОСААФ) в настоящее время решает автономные задачи, в абсолютном большинстве случаев более ориентированные на военно-прикладные виды большого спорта, нежели на подготовку к службе в вооруженных силах «массового призывника». А отсутствие обоснованной этапности и преемственности является основной причиной массовых случаев «перераспределения» военнослужащих и, как следствие, ведет к снижению уровня военно-профессиональной подготовки частей и соединений. Увы, и это обращение осталось без внимания. Изменится ли что-то с возвращением ДОСААФ его исторического имени — покажет будущее.

Другой причиной перераспределения молодого пополнения в боевых частях являлось то, что ко времени проведения исследований отбор кандидатов для подготовки по той или иной специальности

в учебных частях чаще всего осуществлялся «по воле случая», без учета склонностей и способностей призывников к овладению конкретными навыками и специальностями (к тому же — в весьма короткие сроки). В совокупности с другими факторами это в определенной степени обесценивало полученную подготовку и побуждало командиров к определению профессионального предназначения молодого пополнения на основе собственной интуиции, боевого или служебного опыта, которые, хотя и являются иногда достаточно надежными «инструментами», бесспорно, проигрывают в сравнении с научно обоснованными психологическими методами. Внедрение этих методов в практику комплектования Вооруженных сил СССР начало становиться реальностью лишь с 1987 года, но так и осталось нереализованным в полном объеме.

Для характеристики того, как велась подготовка в учебных центрах даже подразделений спецназа, приведем выдержку из интервью с бывшим рядовым 16-й бригады спецназа С. Дубко:

«Изучали всего понемногу. Радиодело. Мины. Карты и ориентирование на местности. Выживание. Рукопашный бой, но не очень. А штыковой бой вообще почти не отрабатывали, и это, конечно, большой минус. Если честно говорить, я вот тут рассказываю: десантные войска, спецназ, а на самом деле плохо все это отрабатывали».

Один из командиров подразделения вспоминает:

«Пришло пополнение. Вышли с ними на полигон. Штатный снайпер не может попасть в мишень с пятидесяти метров. Подхожу: он при каждом выстреле глаза закрывает. Смотрит на меня испуганно, и вдруг нажимает на курок. Винтовка автоматическая — прыгаю, чтобы ноги не перебило. Откуда пришел? — Ашхабадская учебка: бордюры красили, травку подстригали» [297].

Еще больше негативных чувств командиры испытывали, когда у взятых в плен или убитых афганских боевиков обнаруживались «карточки огня», где были точно указаны пристрелка, точки, ориентиры, дистанция. В начале никто из наших стрелков даже не знал, что это такое. Безусловно, наши ребята сражались не с какими-то бандитами, а с хорошо обученными и опытными боевиками.

3.8. Психофизиологическая характеристика боевых контингентов

Уже после первой экспедиции в действующие части 40-й армии, учитывая продолжающиеся боевые действия и исходя из необходимости неотложного практического решения проблемы комплектования боевых частей, нами было предложено осуществлять отбор боевых контингентов на основе базисных свойств личности, к которым относились: общее интеллектуальное развитие (ОИР), нервно-психическая устойчивость (НПУ) и общая физическая подготовленность (ОФП). При этом

первоначально предполагалось, что чем выше каждый из указанных показателей, тем лучше прогноз успешности боевой деятельности. Сразу отмечу, что в результате последующих исследований эта гипотеза подтвердилась не полностью, о чем еще будет сказано ниже.

Исходя из рабочей гипотезы и экстраполируя подходы «мирного времени», было предложено осуществлять разделение военнослужащих на четыре группы пригодности к боевой деятельности (пороговые критерии и содержательная интерпретация заключений приведены в табл. 3.16).

Предложенный методический подход обосновывался результатами предварительных профессиографических исследований и тем, что упомянутые выше базисные свойства личности, как было установлено в многочисленных исследованиях, являются достаточно стабильными характеристиками конкретного человека, мало изменяющимися на протяжении относительно длительных (во всяком случае, соизмеримых со сроками службы в армии) отрезков времени. Другим определяющим фактором было то, что ко времени проведения исследований методы для диагностики общего интеллектуального развития (ОИР), нервно-психической устойчивости (НПУ) и общей физической подготовленности (ОФП) прошли уже достаточно большую апробацию на многотысячных выборках военнослужащих учебно-боевых частей, в процессе которой были разработаны организация и методика проведения массовых обследований, определены шкалы оценки результатов (в стэнах — 10-балльная шкала) и обоснована их прогностическая валидность.

Таблица 3.16

Критерии распределения военнослужащих по группам военно-профессиональной пригодности к деятельности в составе боевых подразделений, установленные экспертным путем на основе рабочей гипотезы

Группа военно-профессиональной пригодности	Пороговые критерии оценки ОИР, НПУиОФП	Содержательная интерпретация заключения о группе военно-профессиональной пригодности
I	8 и более стэнов	Рекомендуются на должности сержантов и старшин, а также для укомплектования должностей основного состава
II	6—7 стэнов	Рекомендуются для укомплектования должностей основного состава
III	4—5 стэнов	Рекомендуются для укомплектования подразделений обеспечения деятельности основного состава
IV	1—3 стэна	Для использования в качестве спецконтингентов не рекомендуются

Примечание:
ОИР — общее интеллектуальное развитие;
НПУ — нервно-психическая устойчивость;
ОФП — общая физическая подготовленность.

Данные, полученные непосредственно в боевой обстановке (с помощью тех же методов и разработанных ранее шкал), позволили сделать заключение, что в целом базисные характеристики обследованных боевых контингентов оказались существенно ниже популяционной нормы для этой возрастной группы (19—20 лет), что, по-видимому, обусловливалось уже изложенными «особенностями» социального отбора. Количество лиц с низкими и недостаточными (1—2 стэна) уровнями интеллектуального развития, нервно-психической устойчивости и физической подготовленности составило соответственно 18%, 8% и 21% (табл. 3.17), а сочетанная оценка этих критериев при определении группы военно-профессиональной пригодности (методика — см. табл. 3.16) позволила лишь 41% обследованных военнослужащих отнести к категории «рекомендуемых для укомплектования боевых подразделений» при 21% «условно годных» и 38% «нерекомендуемых» или «непригодных». Относительно последней категории рабочая гипотеза в последующем полностью подтвердилась.

Таблица 3.17

Общая характеристика развития общепрофессиональных базисных качеств личности у обследованных военнослужащих боевых частей

Величина исследуемых показателей в стонах	Содержательная интерпретация уровня развития исследуемых качеств в соответствии со шкалой стэнов	Частота наблюдений (распределение уровней) развития исследуемых качеств, %		
		ОИР	НПУ	ОФП
1	Недостаточный	12	6	9
2	Низкий	6	2	12
3	Ниже среднего	11	6	10
4—5—6	Среднепопуляционный	54	57	43
7—8	Выше среднего	11	20	19
9—10	Высокий	6	9	9

Примечание:
ОИР — общее интеллектуальное развитие;
НПУ — нервно-психическая устойчивость;
ОФП — общая физическая подготовленность.

Уместно отметить, что показатели общего интеллектуального развития, нервно-психической устойчивости и физической подготовленности у военнослужащих сухопутных войск в среднем были на 1—2 стэна ниже, чем у выполнявших сходные задачи военнослужащих ВДВ, что объясняется традиционным и закрепленным соответствующими приказами различием в подходах к отбору призывников и формированию различных команд в районных (городских) военных комиссариатах.

Эти подходы были вообще несравнимы с характеристиками отбираемых в спецназ. Так, например, нормативы отбора по физическим данным там были значительно выше: проползти 36 метров на спине за 25 секунд, присесть как минимум 37 раз за 1 минуту, отжаться от пола в упоре 33 раза за 1 минуту, преодоление специальной полосы препятствий за 24 секунды, кросс на 3 км — не более чем за 17 минут (при отборе, а после подготовки в учебной части норматив составлял не более 13 минут), умение держаться на воде в полной экипировке, почти 30-километровый марш-бросок по пересеченной местности с картой. И только те, кто выдержал эти испытания, затем проходили психологический отбор [242].

Проверка рабочей гипотезы о разделении военнослужащих на группы пригодности к деятельности в составе боевых подразделений с помощью установленных экспертным путем критериев (см. табл. 3.16) позволила установить, что только в отношении второй группы прогноз оказался достаточно высоким (65% полных совпадений). В остальных случаях он не достигал требуемой величины (табл. 3.18), общепринятый минимальный уровень которой, как уже отмечалось, составляет 60%.

Таблица 3.18

Результаты проверки установленных экспертным путем критериев отбора боевых контингентов на исследуемой выборке военнослужащих

Прогностический показатель (группа психологической пригодности к военно-профессиональной деятельности)	Распределение прогностических оценок, %	Полное совпадение прогностической оценки и реальных показателей качества деятельности, %	Совпадения прогноза по принадлежности к группе лучших (1—2 группы) или «худших» (3—4 группы), %	Ошибки прогноза принадлежности к группе «лучших» или «худших», %
1	11	52	71	29
2	49	65		
3	25	33	49	51
4	15	33		
Итого:	100% (вся выборка)	46% (от всей выборки)	59% (от всей выборки)	41% (от всей выборки)

Сопоставление ошибок прогноза для 1-й, 3-й и 4-й групп пригодности позволило на предварительном этапе исследований сделать вывод, что установленные нами экспертным путем критерии прогностических оценок («по максимуму») в ряде случаев являлись завышенными, и тогда была поставлена задача обоснования их оптимума.

3.9. Режимы труда и отдыха и медицинское обеспечение боевой деятельности

Представляемый после рейдов и боевых операций 2-дневный отдых, как правило, включающий день возвращения в часть и совмещаемый с санитарно-гигиеническими мероприятиями, по оценке личного состава и полученным данным непосредственного наблюдения и изучения, являлся недостаточным. Результаты исследования состояния и самочувствия военнослужащих свидетельствовали, что восстановление достаточного уровня военно-профессиональной работоспособности после рейдовых походов по горно-пустынной местности наступает в среднем только через 3 суток. При этом после кратковременных боевых операций (от 3 до 5 суток) изменения в психофизиологическом состоянии военнослужащих оказывались даже более выраженными, чем после более длительных, что, вероятно, обусловливалось факторами острого десинхроноза и резкими адаптивными перестройками.

Установленный в пунктах постоянной дислокации частей сухопутных войск 40-й армии распорядок дня с подъемом в 5 часов утра (3:30 по московскому времени) существенно сказывался на сформировавшемся у жителей европейской части СССР стереотипе чередования периодов сна/бодрствования, особенно у молодого пополнения, существенно осложняя и без того значительные адаптационные нагрузки. Тяжелое течение адаптационного периода (в первые три месяца службы в ДРА) отмечали 26% личного состава. Аналогичные данные были получены ранее С. В. Чермяниным [28] при исследовании процессов военно-профессиональной адаптации к деятельности в условиях горно-пустынной местности офицерского состава вертолетной авиации.

Самостоятельной проблемой являлась организация отдыха и психогигиенического режима в межбоевой период. Несмотря на периодические встречи с популярными артистами, основным видом социально-психологической поддержки личного состава являлась демонстрация кинофильмов, подбор которых проводился не всегда психологически обоснованно. Демонстрация кинофильмов о войне и семейных драмах существенно усиливала негативный эмоциональный фон, в котором и без того преобладали астено-депрессивные и импульсивно-эксплозивные («психопатические») тенденции. Необходимо отметить, что наши рекомендации о целесообразности широкого привлечения для социально-психологической коррекции состояния военнослужащих фильмов развлекательного и комедийного содержания были с большим пониманием встречены командованием 40-й армии и ТуркВО и быстро реализованы. Опыт работы второй экспедиции показал, что даже после боевых операций, сопровождавшихся значительными потерями личного состава, военнослужащие получали мощную эмоциональную разрядку при просмотре таких фильмов, а командиры отмечали их благоприятное воздействие на состояние и качество сна военнослужащих.

Среди обследованных военнослужащих переболевшие острыми инфекционными и паразитарными заболеваниями составляли 20,5%, в том числе (по основным нозологическим формам):

- тиф — 5%;
- гепатит — 5%;
- дизентерия — 4%;
- малярия — 4%;
- энтероколит — 2%;
- паратиф — 0,5%.

В таблице 3.19 приводятся данные об инфекционной патологии за весь период боевых действий в Афганистане.

Нужно отметить, что в условиях боевой деятельности неизмеримо возрастал авторитет медицинской службы — от санинструкторов до госпитальных специалистов. Если в условиях мирного времени мы неоднократно сталкивались с тем, что должности санинструкторов рот комплектовались «по остаточному принципу» — наименее подготовленными и физически слабыми военнослужащими, то в боевых частях эта категория личного состава отличалась почти исключительно противоположными качествами. 95% медицинского состава из числа прослуживших в 40-й армии более шести месяцев были награждены или представлены к правительственным наградам.

В то же время от 19 до 24% военнослужащих (в различных частях) оценивали медицинское обеспечение как неудовлетворительное. При анализе причин такой оценки был установлен ряд недостатков, которые, бесспорно, заслуживают внимания. В частности, в некоторых частях не была изжита психология мирного времени, что выражалось в сокрытии случаев инфекционной заболеваемости, легких ранений и контузий. Так, например, в парашютно-десантной роте 350-го полка 103-й ВДД не были зафиксированы в медицинских книжках ранения у рядовых Семенова, Рямова, Степанова, контузии — у рядовых Федосеева, Саидова и Парфенова (у последних двух — дважды). Аналогичные данные были получены при изучении личного состава 181-го МСП 108-й МСД (рядовые Карячкин, Гришин и др.). Учитывая, что боевая травма практически во всех случаях предопределяла последующее награждение, указанные нарушения чрезвычайно негативно сказывались на морально-психологическом состоянии личного состава. В качестве одной из причин таких нарушений указывалось, что, в отличие от рядового состава, командиры подразделений, чтобы претендовать на правительственную награду, должны были иметь не только высокие показатели успешности боевых действий, но и минимальные потери. В отдельных случаях, желая «помочь» своим любимым командирам, солдаты (особенно уже имеющие награды) сами просили не фиксировать легкие ранения и контузии в медицинских книжках.

Таблица 3.19

Данные по санитарным потерям по инфекционной патологии (военнослужащие, выбывшие с определившимся исходом из военных госпиталей по нозологическим формам)[1]

№ п/п	Нозологическая форма	Годы																	
		1980		1981		1982		1983		1984		1985		1986		1987		1988	
		Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%
1	Ангина	*	*	95	1,7	151	1,1	215	1,4	359	1,4	721	2,5	955	2,9	780	2,5	570	2,6
2	Острые респираторные заболевания ОРЗ	357	16,7	808	14,6	6188	46,9	1653	10,7	1758	6,7	1528	5,4	2817	8,6	1746	5,8	1099	5,0
3	Тифо-паратифозные заболевания ТПЗ	133	6,2	1178	21,3	792	6,0	2887	18,6	7075	26,9	6047	21,2	3224	9,8	1780	5,9	2105	9,6
4	Острая дизентерия ОД	434	20,3	546	9,9	738	5,6	1145	7,4	2888	11,0	2895	10,2	2569	7,8	1354	4,5	789	3,6
5	Острый энтероколит ОЭК	*	*	1103	19,9	2535	19,3	3859	24,9	4873	18,6	4659	16,4	4059	12,4	3062	10,1	2445	11,1
6	Амебиоз	*	*	8	0,1	17	0,1	35	0,2	5701	2,2	935	3,3	2227	6,8	3370	11,1	9366	6,2
7	Вирусный гепатит ВГ	2	0,1	30	0,5	1220	9,2	3854	24	6838	26,0	7638	26,7	13 344	40,6	14 137	46,7	11 204	51,2
8	Малярия	104	4,9	250	4,5	602	4,6	702	4,5	1029	3,9	1920	6,7	1967	6,0	1520	5,0	602	2,7
9	Дифтерия	*	*	*	*	*	*	*	*	19	0,1	79	0,3	181	0,55	116	0,4	27	0,1

[1] Данные предоставлены бывшим главным инфекционистом 40-й армии профессором В. М. Волжаниным по просьбе автора книги.

Окончание табл. 3.19

№ п/п	Нозологическая форма	Годы																	
		1980		1981		1982		1983		1984		1985		1986		1987		1988	
		Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%
10	Менингококковая инфекция МИ	*	*	*	*	*	*	22	0,1	*	*	—	—	15	0,05	29	0,1	7	0,03
11	Лихорадка паппатачи	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	199	0,6	201	0,7	18	0,07
12	ТПЗ + малярия	*	*	*	*	*	*	*	*	72	0,3	208	0,7	145	0,4	111	0,4	98	0,4
13	ТПЗ + ВГ	*	*	*	*	*	*	*	*	130	0,5	128	0,5	287	0,9	356	1,2	207	0,9
14	ТПЗ + амебиоз	*	*	*	*	*	*	*	*	105	0,4	183	0,6	119	0,4	199	0,7	211	1,0
15	ВГ + амебиоз	*	*	*	*	*	*	*	*	19	0,1	103	0,4	93	0,3	284	0,9	320	1,6
16	ВГ + малярия	*	*	*	*	*	*	*	*	30	0,2	91	0,4	84	0,3	80	0,3	56	0,2
17	Прочие инфекционные заболевания	1103	51,8	1517	27,5	946	7,2	1106	7,3	450	1,7	1342	4,7	544	1,6	1118	3,7	807	3,7
18	Всего	2133	100	5535	100	13 189	100	15 478	100	26 215	100	28 477	100	32 839	100	30 243	100	2193	100

* Информация отсутствует.

В таблице 3.20 приводится общая характеристика потерь личного состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане в период с 26 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года [363].

Таблица 3.20

Общая характеристика потерь личного состава ограниченного контингента Советских войск в Афганистане в период с 26 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года (по В. А. Рунову, 2010)

Всего	Убитыми, умершими от ран и болезней							Ранеными	Пропавшими без вести	Итого
	Боевые потери		Небоевые потери		Всего	В том числе офицерский состав				
			всего	% от общ. кол-ва		всего	% от общ. кол-ва			
1979	70	82,4	16	18,6	86	10	11,6	328		414
1980	1229	82,8	255	17,2	1484	199	13,5	6485		7969
1981	1033	79,3	265	20,7	1298	189	14,6	5479		6777
1982	1623	83,3	325	16,7	1948	238	12,2	7347		9295
1983	1057	73,1	389	26,9	1446	210	14,5	6254		7700
1984	2060	87,9	283	12,2	2343	305	13,0	7143		9486
1985	1552	83,1	316	16,9	1868	273	14,6	6338		8206
1986	1068	80,1	265	19,9	1333	216	16,2	4286		5619
1987	1044	82,6	211	17,4	1215	212	17,4	3667		4882
1988	639	84,2	120	15,8	759	117	15,4	2475		3234
1989	46	86,2	7	13,2	53	10	18,8	183		236
Итого	**11 381**	**82,3**	**2452**	**17,7**	**13 883**	**1979**	**14,3**	**49 985**	**311**	**64 129**

Имели место и другие (связанные с боевыми потерями) случаи, казалось бы, позитивного содержания. Но так они оценивались лишь командирами, солдаты же чаще всего выражали к подобным ситуациям резко негативное отношение. Чтобы точнее пояснить, о каких ситуацияхидет речь, приведем выдержку из письма гвардии капитана Н. И. Новожилова от 24.04.1986 — бывшего командира роты войсковой части 35916: «...Выходить на огневой рубеж личному составу пришлось при 40-градусной жаре... Во время движения гв. мл. с-нт Ю. И. Л-в получил тепловой удар и скончался. Посмертно был представлен к медали “За отвагу”». В другом случае к такой же правительственной награде был представлен военнослужащий Х., не выдержавший трудностей высокогорного перехода и покончивший с собой во время привала.

В качестве существенного недостатка необходимо отметить практически полное отсутствие внимания медицинской службы к неврозам

и психосоматическим расстройствам в период боевых действий, которые, по данным зарубежных авторов, в условиях современной войны могут достигать до 40% от всех санитарных потерь, а в случаях применения оружия массового поражения — 90 и более процентов. Боевые логоневрозы, например, вообще не учитывались и не рассматривались как патология, а тяжелыми депрессиями занимались преимущественно командиры и политработники.

Имевшиеся в штатах отдельных медицинских батальонов психоневрологи к деятельности по этой специальности, даже в качестве диагностов, как показали профессиональные контакты с ними, вообще не были подготовлены, не имели никаких представлений о формах и симптомах проявления неврозов, методами психотерапии и фармакоррекции ни один из опрошенных нами специалистов не владел. В то же время, по полученным данным, от 49 до 80% военнослужащих (в различных подразделениях) предъявляли жалобы на стойкие нарушения сна (от нескольких недель до нескольких месяцев), 30% испытывали выраженные трудности психологической адаптации к деятельности в боевых условиях, 12% обследованных имели отягощенный психиатрический анамнез. У 17% офицеров отмечались различные формы нарушения сексуальной функции.

Это было достаточно удивительно, так как еще в период, последовавший за Второй мировой войной, отечественными учеными отмечалось, что во время боевых действий «резко возрастала заболеваемость неврозами», правда, с апелляцией лишь к опыту западных армий. В частности, например, указывалось, что за время с января 1942 по июнь 1945 года «в армии США был 1 млн поступлений по поводу нервно-психических заболеваний, из них 65% приходится на страдающих неврозами. При этом в стрелковой дивизии США, принимавшей участие в боях, нервно-психическая заболеваемость составила 250 на 1000, а в не принимавших участие — 50 на 1000» [367, с. 468]. Анализировались также данные по армиям других государств, а далее авторы обычно отмечали, что «Советская армия вступила в Великую Отечественную войну с заранее разработанной системой психиатрической помощи» и т.д., во что верится с трудом.

В. Н. Мясищев, анализируя пограничные состояния военного времени, в 1948 году писал, что, «по данным о движении больных в Ленинграде, процентное отношение реактивных форм к эндогенным (принятым за 100) по поступлению в больницы за соответствующие годы составляет: 1939 год — 157%, 1940 — 181%, 1942 — 235%, 1943 — 265%, 1945 год — 226%. Лишь с 1945 года обнаруживается тенденция к снижению количества реактивных форм психических расстройств» [272]. В процессе совместных исследований (с другими сотрудниками института им. В. М. Бехтерева) автором было также установлено распределение различных форм неврозов в блокадном Ленинграде: депрессивный синдром — 27,7%, истерический — 23,0%, неврастенический — 20,6%, астенический — 8,0%, аффективной лабильности — 5,0%, параноидно-галлюцинаторный — 3,5%, обсессивный — 3,5%, неустановленный — 8,7% [272, с. 328]. Однако каких-либо адекватных выводов из этого опыта так и не последовало. Психология, как самостоятельная вузовская специальность, появилась в Советском Союзе только в 1966 году, а психотерапия — в 1985[1].

[1] Достаточно демонстративными представляются данные, которые приводят В. К. Шамрей и В. П. Савенков в сборнике «Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии» о санитарных потерях, связанных с боевыми неврозами в российской ➲

Медицинская служба оказалась в целом мало подготовленной к диагностической и профилактической работе, связанной с проблемой наркомании. В то же время ряд личных наблюдений, подтвержденных командованием частей, свидетельствовал, что в целях распространения наркомании среди советских военнослужащих в ДРА в период 1986—1988 годов проводилась запланированная диверсионная работа. В частности, преимущественно через детей и подростков солдатам и офицерам на рынках, в местах дислокации частей и временных стоянок бесплатно предлагались наркотические препараты. С этой же целью на горных тропах, где пролегали постоянные маршруты наших боевых подразделений, оставлялись якобы замаскированные небольшие склады наркотиков.

В период службы в 40-й армии количество лиц, имеющих первичный наркотический опыт, среди военнослужащих срочной службы увеличилось в несколько раз и составляло до 52% от всего личного состава[1]. Обращала внимание гораздо большая распространенность наркоманий среди военнослужащих сухопутных войск, в составе которых (в отличие от ВДВ) количество призванных из республик Средней Азии достигало 70%. Сведения о частоте употребления наркотических препаратов военнослужащими сухопутных и воздушно-десантных войск приведены в табл. 3.21.

Таблица 3.21

Сведения о частоте употребления наркотических препаратов военнослужащими сухопутных и воздушно-десантных войск 40-й армии

Характеристика частоты употребления наркотиков	Частота, %	
	Части ВДВ	Части СВ
Впервые приобрели наркотический опыт в ДРА и употребляли наркотики изредка	1,9	7
Впервые приобрели наркотический опыт в ДРА и употребляли наркотики периодически	1,3	6
Впервые приобрели наркотический опыт в ДРА и употребляли наркотики часто	2,6	4
Имели наркотический опыт до службы в армии и продолжали употреблять наркотики	24,8	35
Итого:	**30,6**	**52**

➲ армии. Во время русско-японской войны они составляли 53%, в Первую мировую — 64,2%, а в Великую Отечественную уже 26,8% [3, с. 106—108]. В последнем случае вовсе не стоит подозревать сокрытия информации, так как здесь, скорее всего, имел место качественно иной феномен: при тоталитарных режимах в большинстве случаев проявления душевных расстройств блокируются и исходно проявляются на соматическом уровне.

[1] Рецензенты — непосредственные участники боевых действий в ДРА — считают эту цифру заниженной. По их мнению, в Афганистане «попробовали» наркотики не менее 90% военнослужащих, но в наших исследованиях 1986 года были получены именно такие данные. «Погрешность» исследования может объясняться тем, что в СССР действовала административная и уголовная ответственность за употребление наркотиков.

Среди основных мотивов употребления наркотиков (преимущественно — «чарз»[1], широко распространенный в республиках Средней Азии, и «героин») были указаны:

— «ради интереса» — 70%;
— «развеять тоску» — 21%;
— «забыть про все» — 4%;
— «испытать кайф» — 3%;
— «за компанию» — 2%.

Итого: 100%.

В качестве существенного недостатка проведения профилактической и контрпропагандистской работы необходимо указать на ее преимущественно «запугивающие» направленность и содержание. Врачи и политработники, не владея материалом, пытались внушить военнослужащим, что «даже однократный прием наркотиков может завершиться смертельным исходом или формированием пагубного пристрастия». Такая форма «профилактики» (практически единственная), естественно, не могла быть достаточно эффективной, особенно среди военнослужащих из среднеазиатских республик, имевших возможность многократно или даже постоянно наблюдать употребление «чарза» в семье, среди знакомых и родственников.

Систематически употребляли спиртные напитки и другие вещества с целью опьянения 38% рядового состава и 84% офицеров[2]. Остальные 62% военнослужащих срочной службы, по данным анонимного анкетирования, вообще не употребляли спиртные напитки в ДРА, что объяснялось их высокой стоимостью и небезопасностью (имели место случаи продажи отравленной водки), а также малой доступностью в связи с введенным в 40-й армии сухим законом. До службы в армии употребляли спиртные напитки 97% обследованных, при этом существенной разницы по показателю юношеской алкоголизации среди военнослужащих сухопутных войск и воздушно-десантных войск выявлено не было (табл. 3.22). То есть к 18 годам в молодежной среде уже выпивали часто около 10%, периодически — 25%, изредка — до 45% (суммарно — около 80% юношей[3]).

---

[1] «Чарз» — одно из наименований гашиша, также называемого «планом», «анашой», «банчем» и т.д., наркотический препарат, получаемый из конопли. По сравнению с марихуаной, также получаемой из конопли, имеет гораздо более сильное психоактивное действие. После алкоголизма курение гашиша занимает второе место в мире среди всех наркоманий. В ряде стран Азии до 60% мужчин постоянно используют этот наркотик.

[2] [1] По данным С. Л. Литвинцева, В. В. Нечипоренко и Е. В. Следкова, аддиктивное поведение в 72,7% случаев формировалось в первые полгода службы в Афганистане, причем в 60,5% — в первые три месяца [3, с. 64—68].

[3] Как известно, за последние 20 лет (на 2009 год) уровень смертности от алкоголизма в России увеличился в 2,5 раза, среди женщин — в 3 раза, а потребление пива среди детей и юношества увеличилось в 12 раз. В этой связи главный санитарный врач РФ Г. Онищенко неоднократно заявлял, что не СПИД и не туберкулез погубит Россию, а пивной алкоголизм среди юного населения.

Таблица 3.22

Данные об употреблении спиртных напитков до призыва на службу, %

Частота употребления спиртных напитков	ВДВ	СВ
Часто (несколько раз в неделю)	8	11
Периодически (не менее одного раза в неделю)	25	23
Изредка (2—3 раза в месяц)	43	45
Имеют первичный алкогольный опыт (выпивали по праздникам)	21	17
Итого:	**97**	**96**

Причинами употребления наркотиков и алкоголя, с одной стороны, были высокое нервно-психическое напряжение и наличие предшествующего алкогольного опыта, а с другой — то, что, несмотря на достаточно очевидные показания, психофармакологическая коррекция состояния военнослужащих в межбоевой период не проводилась, хотя на складах имелись запасы современных, эффективных и принятых на снабжение армии препаратов седативного и стимулирующего действия, таких как феназепам, тазепам, сиднокарб, пироксан и др. Ряд этих препаратов неоднократно испытывались сотрудниками нашей лаборатории в учебно-боевых частях и даже имели статус «боевых психофармакологических средств». Но, как уже отмечалось, поскольку боевых действий «как бы и не было», они так и остались на складах. Офицерский состав и служащие СА закупали их самостоятельно в период отпусков на территории СССР и в местных аптеках; таким образом — бесконтрольное применение седативных средств было широко распространено, в том числе как «потенцирующих препаратов» — в сочетании с алкоголем.

Нужно отметить, что испытания уже принятых на снабжение Советской армии психофармакологических средств[1] в условиях боевых действий дали неоднозначные результаты. Например, стресс-протекторное действие феназепама (субъективное улучшение самочувствия, снижение тревоги и улучшение качества сна) было установлено лишь у военнослужащих с боевым стажем более 10 месяцев и у лиц с тревожно-депрессивными состояниями[2].

Практически каждая из приведенных проблем нуждалась в самостоятельном изучении с привлечением заинтересованных специалистов и служб, о чем нами были информированы Генеральный штаб воору-

[1] См.: Руководство по фармакологической коррекции боеспособности и трудоспособности личного состава ВС СССР. М. : МО СССР, 1989).

[2] *Овчинников Б. В., Науменко Е. Б.* Психофармакологическая защита от стресса в боевых условиях // Военная медицина в локальных войнах и вооруженных конфликтах. СПб. : Айсинг, 2009. С. 65—70.

женных сил СССР, Главное военно-политическое управления и Центральное военно-медицинское управление. Тогда же, как уже отмечалось, было обосновано предложение о создании психологической службы вооруженных сил. Однако ни одно из этих предложений так и не было реализовано до окончания боевых действий в ДРА.

Глава 4
ОБОСНОВАНИЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УСПЕШНОСТИ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА

4.1. Исследование детерминант эффективности боевой деятельности

С учетом обоснованных методических подходов при анализе данных из совокупной выборки были выделены три основные группы военнослужащих с одинаковым сроком (1 год) службы в составе 40-й армии и отличающиеся по показателю эффективности боевой деятельности. В первую, основную, группу обычных средних специалистов вошли 54 военнослужащих, у которых интегральная оценка качества боевой деятельности составляла 6 баллов; во вторую группу, лучших, были включены 34 человека с оценками качества деятельности 8 и более баллов; третью составили наименее эффективные («худшие») военнослужащие с оценками 3 и менее баллов ($n = 31$).

Сравнение основной и двух «полярных» групп по критерию эффективности боевой деятельности показало, что «сквозная» динамика при переходе от группы наименее эффективных к группе лучших обнаруживается практически по всем структурно-комплексным показателям (табл. 4.1). В частности, было установлено, что «группа лучших» статистически значимо отличалась от «наименее эффективных» и «средних» по показателям нервно-психической устойчивости, физической подготовленности, состоянию физиологических резервов, мотивации к своей специальности и деятельности в составе боевых контингентов, а также социометрическому статусу в воинском коллективе и склонности к риску. Различия по показателю общего интеллектуального развития, между группой «обычных» (средних) специалистов и «лучших», хотя и были статистически достоверными, но не такими уж значимыми.

Таблица 4.1

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности по структурно-комплексным показателям профессионального отбора, а также валидность применяемых методов (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах военнослужащих ($x \pm т$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
	r	$P <$	Группа № 1 (худшие)	$P <$ Групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
			$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
Общее интеллектуальное развитие	0,22	**	4,6 ± 0,26	**	6,1 ± 0,22	—	6,5 ± 0,23	**
Нервно-психическая устойчивость	0,28	**	4,0 ± 0,35	**	5,6 ± 0,27	—	6,4 ± 0,32	**
Физическая подготовленность	0,30	**	3,9 ± 0,28	**	5,5 ± 0,24	—	6,1 ± 0,36	**
Сенсомоторные качества	—	—	5,0 ± 0,30	—	5,3 ± 0,24	—	5,6 ± 0,42	—
Физиологические резервы	0,15	**	5,2 ± 0,38	—	5,0 ± 0,21	*	6,0 ± 0,38	—
Мотивация к своей воинской специальности	0,18	**	6,7 ± 0,59	*	8,0 ± 0,28	—	8,0 ± 0,48	—
Мотивация к боевой деятельности	0,36	**	3,6 ± 0,37	**	6,1 ± 0,26	—	7,1 ± 0,45	**
Уровень притязаний	0,15	**	4,6 ± 0,49	—	5,3 ± 0,25	—	5,7 ± 0,39	—
Самооценка личности	0,22	**	5,5 ± 0,42	—	5,1 ± 0,27	**	6,5 ± 0,43	—
Склонность к риску (по Шуберту)	—	—	5,2 ± 0,30	—	5,4 ± 0,25	**	6,5 ± 0,41	**
Социометрический статус в воинском коллективе	0,55	**	3,4 ± 0,28	**	5,5 ± 0,17	**	7,2 ± 0,39	**

Наиболее существенные отличия определялись по показателям физической подготовленности (3,9 стэна у наименее эффективных, 5,5 стэна у средних и 6,1 стэна у лучших), мотивации к деятельности в составе боевых контингентов (соответственно 3,6, 6,1 и 7,1 стэна) и социометрическому статусу (3,4, 5,5 и 7,2 стэна). По показателям уровня притязаний, сенсомоторики и самооценки при переходе от группы наименее эффективных к группе лучших «сквозной динамики» или достоверных отличий выявлено не было.

При исследовании валидности используемых критериев установлено, что наиболее высокой прогностической ценностью обладают (приводятся в ранжированном порядке):

— социометрический статус ($r = 0{,}55$, $P < 0{,}01$);

— мотивация к службе в составе боевых контингентов ($r = 0{,}36$, $P < 0{,}01$);

— физическая подготовленность ($r = 0{,}30$, $P < 0{,}01$);

— нервно-психическая устойчивость ($r = 0{,}28$, $P < 0{,}01$);

— общее интеллектуальное развитие ($r = 0{,}22$, $P < 0{,}01$);

— состояние физиологических резервов ($r = 0{,}15$, $P < 0{,}01$).

При корреляционном анализе валидными оказались также показатели уровня притязаний и самооценки личности, однако, учитывая, что по этим критериям статистически значимой сквозной динамики при сравнении трех изучаемых групп военнослужащих получено не было, в последующем анализе (применительно к прогнозированию эффективности боевой деятельности) они не рассматривались в качестве основных.

Надо отметить, что такая высокая валидность мотивационных и статусных характеристик была относительно неожиданной. Ранее уже отмечалось, что мотивационным факторам в современной психологии уделяется все больше внимания. Мотивация к боевой деятельности, бесспорно, относится к сознательным и, следовательно, формирующимся (на основе предшествующего опыта) и формируемым (в процессе обучения и воспитания) феноменам. Тем не менее нельзя исключить и определенную роль базисных качеств, составляющих ту основу, на которой «надстраиваются» все социальные свойства личности. Осознанно или неосознанно личность, как правило, соизмеряет свои возможности и потенции с профессиональным запросом и чаще избирает ту деятельность, где вероятность успеха является более реальной. Хотя в части случаев предпочтение или «отвергание» той или иной деятельности может определяться установкой не на успех, а «на избегание неудачи». Сравнительный анализ групп с различными уровнями мотивации к боевой деятельности позволил установить, что военнослужащие с низкой мотивацией (3 и менее стэнов) достоверно отличались от основной группы (обычного среднего военнослужащего) по показателям физической подготовленности ($3{,}0 \pm 0{,}34$ стэна против $5{,}5 \pm 0{,}24$, $P < 0{,}05$), нервно- психической устойчивости ($4{,}3 \pm 0{,}35$ против $5{,}6 \pm 0{,}27$, $P < 0{,}05$) и успешности военно-профессиональной адаптации ($4{,}4 \pm 0{,}51$ стэна против $6{,}7 \pm 0{,}31$, $P < 0{,}05$). Лица же с высокой мотивацией к боевой деятельности статистически значимо отличались

от основной группы лишь по показателю мотивации к своей специальности (9,3 ± 0,36 стэна против 8,0 ± 0,28, $P < 0,05$), хотя (на уровне тенденций) они имели более высокие (в среднем на 1 стэн) показатели по всем структурно-комплексным критериям, за исключением общего интеллектуального развития.

Полученные данные позволили высказать предположение о возможности прогнозирования большей или меньшей вероятности и векторности некоторых социально-психологических феноменов, в частности мотивационных характеристик в зависимости от базисных свойств личности.

Другим важным социальным феноменом, значимость которого в те годы неоднократно подчеркивалась в ряде официальных документов и нашла отражение в законодательных актах (например, о выборности руководителей предприятий в СССР[1]), являлся статус личности в коллективе. Аккумулируя такие характеристики, как уважение товарищей, профессиональный и личный авторитет, дружеское расположение и поддержка (или, наоборот, неуважение, «отвергание» и т.д.), этот показатель в условиях боевой деятельности приобретал особое значение, прежде всего с точки зрения морально-психологического климата в подразделениях и эмоциональной компенсации (в межличностном общении) неблагоприятных психологических факторов вооруженной борьбы. В тех случаях, когда такой компенсации не было, астенизирующее действие негативных экологических и психофизиологических факторов потенцировалось (усиливалось) неблагоприятным эмоциональным фоном и отношением ближайшего социального окружения (референтной группы), что в некоторых случаях приводило к развитию у «отвергаемых» лиц самых различных психопатологических реакций, вплоть до аффективных и других форм отклоняющегося поведения, включая суицидные попытки.

Проведенный сравнительный анализ показал, что лица с низким социометрическим статусом статистически значимо отличались от основной группы (среднего военнослужащего) по качеству профессиональной деятельности (2,7 ± 0,51 балла против 6,0 ± 0,00, $P < 0,01$) и всем структурно-комплексным показателям, которые у них были значительно ниже: общее интеллектуальное развитие 4,2 ± 0,78 стэна против 6,1 ± 0,22 в основной группе ($P < 0,05$), нервно-психическая устойчивость 3,4 ± 0,66 стэна против 5,6 ± 0,27 ($P < 0,01$), физическая подготовленность 4,1 ± 0,59 стэна против 5,5 ± 0,24 ($P < 0,05$).

Полученные данные позволили высказать предположение, что статус личности в воинском коллективе (или объективизация личности через оценки окружающих) определялись, с одной стороны, профессиональным запросом (требованиями к ПВК), а с другой — соответствием личности этому запросу, которое в существенной степени обусловливалось все теми же базисными характеристиками (интеллект, нервно-психическая устойчивость и физическая подготовленность), имманентно присут-

[1] Имеется в виду — в период Перестройки. Уместно отметить, что хорошо известный в Афганистане командир полка Герой Советского Союза подполковник Руслан Аушев (в последующем — генерал и президент Ингушетии) в 1989 году ввел в своей части элементы выборности при назначении руководящего офицерского состава.

ствующими в любых проявлениях деятельности и общения, и определяющими ряд других социально-психологических качеств.

В то же время непосредственные наблюдения свидетельствовали, что сформулированное положение не может однозначно экстраполироваться на лиц с высоким социометрическим статусом, у которых при наличии средне-популяционного уровня развития общих способностей и психофизиологических качеств ведущими становятся преимущественно социально-психологические (морально-психологические) показатели, возможности измерения и прогнозирования которых пока весьма ограничены. Во всяком случае, в наших исследованиях между основной группой военнослужащих и лицами с высоким социометрическим статусом никаких достоверных отличий и даже заметных тенденций по тем или иным показателям выявлено не было.

Ранее уже отмечалось, что проведенные нами в 1975—1982 годах длительные наблюдения одних и тех же лиц в различных по иерархии группах в рамках одной и той же специальности (курсанты-летчики, офицеры-летчики, старшие летчики, командиры звеньев, заместители командиров эскадрилий), свидетельствовали, что статус личности как контрпроекция ее психофизиологических качеств, отношений и установок является относительно стабильным показателем и часто объективизирует (включает в себя) целый ряд психологических характеристик, которые не выявляются другими способами (например, ненадежность, неискренность, двуличность и т.п.). В частности, парные корреляции социометрического статуса одних и тех же лиц в курсантских подразделениях и в группе офицеров-летчиков (через 3—5 лет после выпуска из училища) составляли не менее 0,5 ($P < 0{,}01$).

Исходя из этого при комплектовании боевых и спецподразделений было бы целесообразно учитывать социометрический статус в прежнем, учебном или трудовом, коллективе или, во всяком случае, в учебном воинском подразделении. Это предложение нами было обосновано и включено в официальные документы [51], но, как и многие другие, — не реализовано.

При сравнительном анализе данных, полученных с помощью 16-факторного личностного опросника, статистически значимых различий между наименее успешными военнослужащими и основной группой не установлено. Однако между полярными группами — наиболее и наименее эффективными специалистами «сквозная динамика» (на уровне тенденций и статистически значимых отличий) определялась по факторам A, C, G, H, O (табл. 4.2), что позволяло характеризовать представителей группы лучших как более коммуникабельных и доброжелательных в общении (фактор A), более эмоционально устойчивых (фактор C), отличающихся более высоким уровнем моральной нормативности, силы «Я» и способности к психофизиологической мобилизации (факторы G и H), а также менее предрасположенных к формированию тревожных реакций (фактор O). Статистически значимые корреляции показателя эффективности боевой деятельности были установлены с факторами G ($r = 0{,}23$, $P < 0{,}1$) и O ($r = -0{,}15$, $P < 0{,}05$).

Таблица 4.2

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности по 16-факторному личностному опроснику, а также валидность исследуемых факторов (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
	R	*P* <	Группа № 1 (худшие)	**P < групп 1—2**	Группа № 2 (средние)	**P < групп 2—3**	Группа № 3 (лучшие)	**P < групп 3—1**
			n = **31**		n = **34**		n = **54**	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ±0,06	**
Факторы 16-ФЛО								
A	—	—	6,9 ± 0,33	—	7,7 ± 0,25	—	8,2 ± 0,49	*
C	—	—	6,9 ± 0,46	—	7,8 ± 0,29	—	8,5 ± 0,49	*
E	—	—	6,7 ± 0,49	—	6,6 ± 0,29	—	6,2 ± 0,42	—
F	—	—	3,7 ± 0,44	—	4,4 ± 0,28	—	3,9 ± 0,41	—
G	0,23	**	5,8 ± 0,44	—	6,2 ± 0,27	**	7,5 ± 0,47	**
H	—	—	6,1 ± 0,38	—	6,7 ± 0,28	—	7,7 ± 0,40	*
I	—	—	5,6 ± 0,66	—	5,8 ± 0,27	—	6,1 ± 0,38	—

Окончание табл. 4.2

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)**					
	R	$P <$	**Группа № 1 (худшие)**	**$P <$ групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	**$P <$ групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	**$P <$ групп 3—1**
			$n = 31$		**$n = 34$**		**$n = 54$**	
L	—	—	5,8 ± 0,49	—	5,0 ± 0,25	—	4,7 ± 0,38	—
M	—	—	4,8 ± 0,32	—	4,9 ± 0,24	—	4,5 ± 0,33	—
N	—	—	4,9 ± 0,40	—	5,0 ± 0,24	—	4,8 ± 0,35	—
O	–0,15	**	6,4 ± 0,35	—	5,6 ± 0,29	—	5,2 ± 0,465,2	*
Q1	—	—	6,1 ± 0,48	—	6,5 ± 0,25	—	5,9 ± 0,29	—
Q2	—	—	5,3 ± 0,39	—	5,1 ± 0,25	—	5,2 ± 0,45	—
Q3	—	—	6,5 ± 0,49o	—	7,2 ± 0,30N	—	7,6 ± 0,47	—
Q4	—	—	4,7 ± 0,47	—	4,5 ± 0,25	—	4,7 ±0,33	—

Изучение индивидуальных особенностей сравниваемых групп военнослужащих с помощью стандартизированного метода исследования личности показало (табл. 4.3), что «сквозная динамика» и статистически значимые отличия определяются по базисным шкалам D, Pa, Pt, Sc и Si ($0{,}01 < P < 0{,}03$), что позволяло сделать заключение о том, что группа лучших характеризуется отсутствием склонности к депрессивным и «шизоидным» реакциям (шкалы D и Sc), меньшей выраженностью ригидности мышления (шкала Pa) и предрасположенностьи к психастеническим реакциям (шкала Pt), а также более выраженной экстравертированностью (шкала Si). Валидность приведенных показателей относительно эффективности боевой деятельности составляла (приводятся в ранжированном порядке): по шкале «шизоидности» — $r = -0{,}28$, по шкале «паранойи» — $r = -0{,}26$, по шкале «психастении» — $r = -0{,}25$, по шкале социальной интроверсии — $r = -0{,}24$, по шкале «депрессии» — $r = -0{,}21$ (P во всех случаях менее 0,01).

Представляют интерес данные об отличиях в системе ценностей у лучших и обычных или средних (между которыми по большинству исследуемых показателей не было каких-либо существенных отличий) и у наименее эффективных военнослужащих. Если в группе лучших и средних (как уже было обосновано, более интеллектуально развитых и лучше социально адаптированных) в системе ценностей преобладали (имели более высокие ранги выбора) социальные феномены, определяемые понятиями: «знания» (I), «любимая работа» (II) и «материальная обеспеченность» (III), а уже затем шли «высокая должность» (IV), «известность — слава» (V) и «уважение окружающих» (VI), что в целом соответствовало формальной логике и было адекватно действовавшим (в тот период) социальным установкам, то в группе наименее эффективных на первом месте оказывались: «уважение окружающих» (I), «материальная обеспеченность» (II), «любимая работа» (III), затем — «известность» (IV), только на пятом месте — «знания», которые, по логике вещей, составляют основу всего остального.

Сравнительный анализ показателей физиологического обследования (табл. 4.4) позволил установить, что статистически значимые отличия между исследуемыми группами военнослужащих определялись по показателям систолического артериального давления, вторичным физиологическим индексам Робинсона, Старра-2, Цандера, Рида и Вейна, что в рамках традиционных представлений могло бы интерпретироваться как определенная обусловленность эффективности боевой деятельности такими особенностями физиологической регуляции, как уровень потребления кислорода миокардом, минутный объем кровотока, уровень редуцированного артериального давления и основной обмен. Однако, учитывая, что все исследуемые физиологические индексы обладали высочайшим уровнем интеркорреляций (от 0,20 до 0,99) и, таким образом, характеризовали нечто общее, а именно состояние физиологических резервов, этот показатель и использовался в качестве основного. Валидность интегрального показателя физиологических резервов составила 0,15 ($P < 0{,}01$).

Таблица 4.3

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности по шкалам СМИЛ (score), а также валидность исследуемых шкал (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0{,}05$ — *, $P < 0{,}01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	R	*P*<	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
Шкалы СМИЛ								
L	—	—	7,4 ± 0,56	—	7,7 ± 0,28	—	8,0 ± 0,55	—
F	–0,24	**	18,8 ± 1,51	**	14,0 ± 0,72	—	13,1 ± 1,55	**
K	—	—	11,0 ± 1,09	—	13,2 ± 0,59	—	13,7 ± 0,98	—
Hs	—	—	14,6 ± 0,66	—	13,7 ± 0,52	—	12,9 ± 0,75	—
D	–0,21	**	22,8 ± 1,02	—	21,1 ± 0,51	—	19,7 ± 0,86	*
Hy	—	—	16,6 ± 0,79	—	16,2 ± 0,61	—	15,7 ± 0,98	—
Pd	—	—	24,6 ± 0,75	—	24,0 ± 0,52	—	23,9 ± 0,76	—
Mf	—	—	22,8 ± 0,85	—	23,5 ± 0,55	—	22,3 ± 0,77	—
Pa	–0,26	**	15,0 ± 1,12	**	11,4 ± 0,59	—	9,6 ± 0,74	**
Pt	–0,25	**	34,4 ± 0,91	**	29,2 ± 0,66	—	28,2 ± 1,23	**

Окончание табл. 4.3

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	R	*P*<	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Sc	–0,28	**	40,5 ± 1,35	**	33,4 ± 0,93	—	31,5 ± 1,71	**
Ma	—	—	25,5 ± 0,90	—	23,6 ± 0,48	—	23,6 ± 0,78	—
Si	–0,24	**	32,1 ± 1,22	**	27,6 ± 0,84	—	26,1 ± 1,11	**

Таблица 4.4

Сравнительный анализ результатов исследования основных физиологических показателей и вторичных физиологических индексов (в покое) в группах военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности, а также валидность (*r*) применяемых методов (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	*P*<	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
ЧСС (уд. в 1 мин)	—	—	70,3 ± 2,70	—	67,2 ± 0,94	—	70,8 ± 1,71	—
АД-max, мм рт. ст.	0,18	**	116,4 ± 1,88	—	118,9 ± 1,04	—	122,4 ± 1,49	—

Окончание табл. 4.4

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0{,}05$ — *, $P < 0{,}01$ — **)**					
			Группа № 1 (худшие)	**$P <$ групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	**$P <$ групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	**$P <$ групп 3—1**
	r	*P*<	***n* = 31**		***n* = 34**		***n* = 54**	
АД-min, мм рт. ст.	—	—	75,8 ± 1,93	—	76,3 ± 0,97	—	76,5 ± 1,60	—
ПД, мм рт. ст.	—	—	41,8 ± 2,32	—	42,7 ± 1,19	—	45,4 ± 1,87	—
Вторичные физиологические индексы:								
• Робинсона	0,17	**	5,2 ± 0,42	—	5,2 ± 0,21	—	6,1 ± 0,23	—
• Старра-1	—	—	5,6 ± 0,45	—	5,6 ± 0,20	—	5,9 ± 0,36	—
• Старра-2	—	—	5,4 ± 0,34	—	5,1 ± 0,21	—	6,0 ± 0,38	—
• эффективности работы сердца	—	—	5,6 ± 0,20	—	5,6 ± 0,20	—	5,9 ± 0,36	—
• Кердо	—	—	5,8 ± 0,39	—	5,2 ± 0,19	—	5,8 ± 0,37	—
• Квааса	—	—	5,7 ± 0,49	*	5,4 ± 0,21	—	5,3 ± 0,40	—
• Цандера	0,16	**	5,0 ± 0,38	—	5,4 ± 0,21	—	6,1 ± 0,38	—
• Хикэма	—	—	5,2 ± 0,40	—	5,6 ± 0,23	—	6,1 ± 0,29	—
• Альговера	—	—	5,7 ± 0,51	*	5,2 ± 0,20	—	5,4 ± 0,39	—
• Рида	—	—	5,4 ± 0,38	—	5,1 ± 0,22	—	6,0 ± 0,36	—
• Вейна	0,17	**	5,2 ± 0,42	—	5,2 ± 0,21	—	6,1 ± 0,33	—
Интегральный показатель физиологических резерво	0,15	**	5,2 ± 0,38	—	5,0 ± 0,21	—	6,0 ± 0,38	—

При дозированной физической нагрузке в группе наименее эффективных военнослужащих определялись более выраженные вегетативные сдвиги по индексам Кваас и Альговера (табл. 4.5), что позволяло предполагать определенную ослабленность или «детренированность» сердечной мышцы у этой категории обследованных.

С учетом высочайшего уровня интеркорреляций (от 0,21 до 0,67) показателей всех интеллектуальных тестов и частных показателей физической подготовленности (от 0,17 до 0,54) при содержательном анализе также использовались лишь интегральные оценки, о которых уже говорилось в начале раздела. Средние величины по отдельным интеллектуальным и физическим тестам в изучаемых группах военнослужащих приведены в табл. 4.6—4.7.

Показатели самочувствия, активности и настроения в группе лучших (по сравнению с двумя другими) также были более позитивными (табл. 4.8). Однако, учитывая их высокую динамичность и ситуационную обусловленность и исходя из задач исследования (поиск и обоснование наиболее надежных и стабильных прогностических критериев профессионального отбора боевых контингентов), в дальнейший анализ они не включались.

По результатам применения методики Айзенка установлено, что группа наименее эффективных военнослужащих статистически достоверно отличалась более выраженной предрасположенностью к формированию нервно-эмоциональных реакций и склонностью к интроверсии (табл. 4.9). Но, учитывая, что эти же показатели определялись по СМИЛ (шкалы D, Pt, Si) и имели в первом случае более высокие уровни корреляций с внешним критерием, в дальнейший анализ результаты обследования по методике Айзенка также не включались.

По сенсомоторным показателям и индексу моторной асимметрии (см. табл. 4.7) статистически значимых различий и достоверных связей с внешним критерием не установлено, хотя можно отметить некоторое «смещение» в группе наименее эффективных в «сторону леворукости».

Таким образом, исходя из предложенного методического и математико-статистического подхода, с учетом содержательной и расчетной валидности, для углубленного изучения и анализа в целях определения и обоснования прогностических критериев эффективности боевой деятельности на первом этапе были отобраны показатели: общего интеллектуального развития, нервно- психической устойчивости, физической подготовленности, состояния физиологических резервов, социометрического статуса, мотивации в своей специальности и деятельности в составе боевых контингентов, а также факторы A, C, G, H, O 16-ФЛО и шкалы D, Pa, Pt, Sc и Si СМИЛ.

Таблица 4.5

Сравнительный анализ результатов исследования основных физиологических показателей и вторичных физиологических индексов после физической нагрузки (пробы Руфье) в группах военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности, а также валидность (*r*) применяемых методов (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	P < групп 1—2	Группа № 2 (средние)	P < групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	P < групп 3—1
	r	P<	n = 31		n = 34		n = 54	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
ЧСС в 1-ю мин (уд. в 1 мин)	—	—	116,3 ± 3,04	—	110,0 ± 1,82	—	111,8 ± 2,54	—
ЧСС в 3-ю мин (уд. в 1 мин)	—	—	71,6 ± 2,68	—	70,9 ± 1,29	—	73,9 ± 2,40	—
АД-max, мм рт. ст.	—	—	134,9 ± 1,86	—	138,2 ± 1,83	—	139,0 ± 2,65	—
АД-min, мм рт. ст.	—	—	74,9 ± 2,04	—	72,8 ± 1,24	—	75,6 ± 2,06	—
ПД, мм рт. ст.	—	—	60,3 ± 2,51	—	66,1 ± 2,72	—	64,2 ± 4,03	—
Индексы:								
• Робинсона	—	—	5,7 ± 0,31	—	5,2 ± 0,26	—	5,5 ± 0,27	—
• Старра-1	—	—	5,2 ± 0,33	—	5,8 ± 0,26	—	5,5 ± 0,46	—
• Старра-2	—	—	5,6 ± 0,29	—	5,5 ± 0,25	—	5,3 ± 0,38	—
• эффективности работы сердца	—	—	5,2 ± 0,33	—	5,9 ± 0,26	—	5,5 ± 0,46	—
• Кердо	—	—	5,8 ± 0,37	—	5,6 ± 0,24	—	5,3 ± 0,39	—
• Квааса	—	—	6,2 ± 0,33	*	5,2 ± 0,25	—	5,6 ± 0,42	—
• Цандера	—	—	5,5 ± 0,31	—	5,6 ± 0,24	—	5,3 ± 0,42	—

Окончание табл. 4.5

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
• Хикэма	—	—	5,4 ± 0,39	—	5,3 ± 0,25	—	5,9 ± 0,34	—
• Альговера	—	—	6,2 ± 0,38	*	5,2 ± 0,24	—	5,4 ± 0,39	—
• Рида	—	—	5,6 ± 0,36	—	5,4 ± 0,26	—	5,5 ± 0,32	—
• Вейна	—	—	5,7 ± 0,30	—	5,2 ± 0,27	—	5,6 ± 0,27	—
Интегральный показатель физиологических резервов	—	—	5,6 ± 0,33	—	5,3 ± 0,26	—	5,4 ± 0,33	—

Таблица 4.6

Сравнительный анализ результатов исследования интеллектуальных функций в группах военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности, а также валидность (*r*) применяемых методов (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x + m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
Методики:								

Окончание табл. 4.6

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x + m$) и достоверность различий между ними (P < 0,05 — *, P < 0,01 — **)**					
			Группа № 1 (худшие)	**P < групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	**P < групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	**P < групп 3—1**
	r	P<	n = **31**		n = **34**		n = **54**	
• «Аналогии»	—	—	4,5 ± 0,35	**	5,9 ± 0,24	—	6,2 ± 0,34	**
• «Числовые ряды»	—	—	4,5 ± 0,33	**	5,8 ± 0,25	—	6,0 ± 0,44	**
• «Зрительная память»	—	—	4,6 ± 0,47	**	5,6 ± 0,23	*	6,6 ± 0,43	**
• «Образное мышление»	0,18	**	4,9 ± 0,35		5,6 ± 0,26	—	5,9 ± 0,36	*
• «Арифметический счет»	—	—	4,6 ± 0,40	**	6,0 ± 0,27	—	5,7 ± 0,37	*
• «Вербальная память»	—	—	4,6 ± 0,39	**	5,9 ± 0,21	—	5,8 ± 0,37	*
• «Установление закономерностей»	—	—	4,6 ± 0,37	**	6,1 ± 0,26	—	6,4 ± 0,39	**
Интегральные показатели интеллектуальной деятельности:								
• продуктивность	0,15	**	4,9 ± 0,43	**	6,0 ± 0,21	—	6,3 ± 0,31	**
• эффективность	0,22	**	4,6 ± 0,27	**	6,1 ± 0,22	—	6,5 ± 0,32	**
• надежность	0,14	**	4,8 ± 0,28	**	6,1 ± 0,24	—	6,2 ± 0,39	**

Таблица 4.7

Сравнительный анализ результатов исследования физической подготовленности, выносливости и некоторых сенсомоторных качеств в группах военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности, а также валидность (*r*) применяемых методов (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
Частные показатели:								
• сила рук (отжимания)	0,29	**	4,3 ± 0,31	**	5,7 ± 0,27	—	6,3 ± 0,35	**
• сила мышц спины (наклоны)	0,17	**	4,7 ± 0,36	—	5,4 ± 0,23	—	6,2 ± 0,43	**
• сила ног (приседания)	0,22	**	4,5 ± 0,39	*	5,4 ± 0,22	—	6,1 ± 0,36	**
• координация движений (прыжки с оборотами на 180 градусов)	0,17	**	4,1 ± 0,42	**	5,9 ± 0,24	—	5,7 ± 0,39	**
• владение весом собственного тела (подтягивание на перекладине)	0,23	**	5,1 ± 0,42	—	5,3 ± 0,36	—	6,2 ± 0,65	—
• физическая выносливость (кросс 3 км)	0,22	**	5,3 ± 0,41	—	5,2 ± 0,35	*	6,7 ± 0,42	*
Интегральный показатель	0,30	**	3,9 ± 0,28	**	5,5 ± 0,24		6,1 ± 0,36	**

Окончание табл. 4.7

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Сенсомоторика:								
• теппинг-тест (правая рука)	—	—	5,0 ± 0,36	—	5,3 ± 0,24	—	5,6 ± 0,42	—
• теппинг-тест (левая рука)	—	—	4,9 ± 0,36	—	5,0 ± 0,27	—	5,1 ± 0,37	—
• коэффициент моторной асимметрии	—	—	5,9 ± 0,34	—	5,5 ± 0,24	—	5,6 ± 0,38	—

Таблица 4.8

Сравнительный анализ результатов исследования по методике САН в группах военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности, а также валидность (*r*) шкал методики САН (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,00	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
Шкалы САН:								
• шкала самочувствия	—	—	5,7 ± 0,30	—	6,1 ± 0,18	—	6,6 ± 0,25	*

Окончание табл. 4.8

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
• шкала активности	—	—	6,6 ± 0,38	—	6,7 ± 0,22	*	7,5 + 0,28	—
• шкала настроения	0,18	**	7,1 ± 0,26	—	7,5 ± 0,18	—	7,8 ± 0,27	—

Таблица 4.9

Сравнительный анализ результатов исследования по методике Айзенка в группах военнослужащих с различной эффективностью боевой деятельности, а также валидность (r) шкал методики Айзенка (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 31$		$n = 34$		$n = 54$	
Эффективность деятельности (критерий сравнения)	1,0	***	2,0 ± 0,13	**	6,0 ± 0,00	**	9,4 ± 0,06	**
Шкалы методики Айзенка:								
• шкала экстраверсии	0,19	**	13,7 ± 0,49	—	14,1 ± 0,40	*	15,6 ± 0,45	**
• шкала нейротизма	–0,21	**	12,06 ± 1,08	**	9,7 ± 0,53	—	8,6 ± 0,76	**
• шкала искренности			2,6 ± 0,26	—	2,3 ± 0,19	—	2,9 ± 0,30	—

4.2. Исследование детерминант успешности военно-профессиональной (боевой) адаптации

В соответствии с используемым методическим подходом, по результатам оценки успешности боевой адаптации все обследуемые были разделены на три группы: 1-я, где этот показатель составлял 4 и менее баллов (n = 30), 2-я, включавшая 34 человека, у которых успешность адаптации оценивалась в 6—7 баллов, и 3-я группа лиц с наиболее высокими показателями успешности адаптации 9—10 баллов (n = 52).

Сравнение выделенных групп показало, что при переходе от группы лиц, испытывавших существенные затруднения в процессе адаптации к условиям боевой деятельности, к группе «наиболее успешных» статистически значимая «сквозная динамика» обнаруживалась по показателям нервно-психической устойчивости (4,6 — 5,6 — 6,2 стэнов) и социометрического статуса (4,9 — 5,5 — 6,3 стэна). На уровне тенденций однонаправленная динамика определялась также по показателю уровня притязаний и самооценки личности (табл. 4.10).

Что касается показателей интеллектуального развития, физической подготовленности и физиологических резервов, то здесь динамика при переходе от группы с низкими адаптивными способностями к группе высокоадаптивных военнослужащих отличалась некоторым своеобразием. В частности, сравнение групп по показателю общего интеллектуального развития позволило сделать заключение, что чем больше уровень развития интеллекта отличается от популяционной нормы, тем меньше успешность адаптации к комплексу неблагоприятных факторов боевой деятельности (табл. 4.10, 4.15). В группе высокоадаптивных военнослужащих показатель общего интеллектуального развития был самым низким (по сравнению с двумя другими группами) и составлял 5,3 стэна против 5,7 в группе средних по критерию успешности адаптации и 5,9 стэна — в группе с низкими адаптивными способностями. Это подтверждало хорошо известные данные о большей «ранимости» интеллектуалов и их большей чувствительности к социальному и бытовому дискомфорту, и позволяло сделать заключение о нецелесообразности использования лиц с высокими интеллектуальными способностями в качестве рядового состава боевых контингентов. Вероятно, установленные отличия могли быть еще более демонстративными, если бы не «специфика» социального отбора (искусственно «отсекавшего» интеллектуалов высокого уровня). Интеллектуалы, как искусственный тип личности, для формирования которого требуются особые социальные условия, включая образовательную и культурную среду, и отличающиеся иным уровнем духовности, оказались мало пригодными для боевых действий. Командиры боевых подразделений формулировали эту идею достаточно откровенно: «Интеллигенты “ломаются” сразу».

Таблица 4.10

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации по структурно-комплексным показателям профессионального отбора, а также валидность (*r*) применяемых методов (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0{,}05$ — *, $P < 0{,}01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	P < групп 1—2	Группа № 2 (средние)	P < групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	P < групп 3—1
	r	$P<$	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,0	***	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Общее интеллектуальное развитие	—	—	5,9 ± 0,39	—	5,8 ± 0,36	—	5,2 ± 0,55	—
Нервно-психическая устойчивость	0,22	**	4,6 ± 0,35	**	5,6 ± 0,31	—	6,2 ± 0,29	**
Физическая подготовленность	—	—	4,8 ± 0,39	**	5,9 ± 0,23	—	5,7 ± 0,26	*
Сенсомоторика	—	—	4,9 ± 0,34	—	5,8 ± 0,42	—	5,6 ± 0,27	—
Физиологические резервы	0,14	*	4,5 ± 0,34	**	6,1 ± 0,40	—	5,5 ± 0,23	*
Мотивация к своей специальности	—	—	8,2 ± 0,46	—	7,8 ± 0,41	—	8,0 ± 0,37	—
Мотивация к боевой деятельности	—	—	5,5 ± 0,47	—	5,7 ± 0,38	—	6,3 ± 0,35	—
Уровень притязаний	0,17	*	5,1 ± 0,41	—	5,7 ± 0,31	—	6,0 ± 0,34	—
Самооценка личности	0,27	**	4,2 ± 0,34	**	5,6 ± 0,34	—	6,2 ± 0,28	**
Склонность к риску	—	—	5,3 ± 0,35	—	5,7 ± 0,33	—	5,6 ± 0,31	—
Социометрический статус	0,25	**	4,9 ± 0,39	—	5,5 ± 0,30	—	6,3 ± 0,30	**

Интегральные показатели физической подготовленности и физиологических резервов в группе высокоадаптивных во всех случаях находились в пределах популяционной нормы (5,5 ± 0,2 стэна), заметно отличаясь от аналогичных характеристик группы лиц с низкими адаптивными способностями и несколько менее демонстративно — от основной группы (средней по критерию успешности боевой адаптации). В целом, анализируя физиологические показатели, можно сделать заключение, что, в отличие от группы высокоадаптивных, лица с низкой успешностью боевой адаптации характеризовались склонностью к ваготоническому типу реагирования, а со средней успешностью адаптации — к симпатотоническому (4,6 — 6,1 — 5,5 стэна) (табл. 4.10, 4.13). Группа с низкими адаптивными способностями статистически значимо отличалась и более низкой физической подготовленностью как от группы высокоадаптивных, так и от группы средних (4,8 — 5,9 — 5,7). Особенно наглядно это отличие прослеживалось по показателю физической выносливости (4,8 — 5,8 — 5,9) (табл. 4.16).

Полученные данные в существенной степени подтверждали рабочую гипотезу о генетических детерминантах адаптивных реакций: чем меньше отличие по тому или иному (входящему в структуру адаптационного комплекса) показателю от популяционной нормы, тем выше уровень общих адаптивных способностей. Обоснованность полученных данных частично подтверждается хорошо известным в спортивной медицине фактом о высокой подверженности заболеваниям и другим дизадаптивным нарушениям спортсменов экстра-класса, особенно в период «пика» спортивной результативности.

При исследовании валидности используемых показателей с помощью корреляционного анализа установлено, что наиболее высокой прогностической ценностью в отношении критерия успешности боевой адаптации обладали (приводятся в ранжированном порядке): самооценка личности ($r = 0{,}27$, $P < 0{,}01$), социометрический статус ($r = 0{,}25$, $P < 0{,}01$), нервно-психическая устойчивость ($r = 0{,}22$, $P < 0{,}01$), уровень притязаний ($r = 0{,}17$, $P < 0{,}05$) (см. табл. 4.10). Здесь можно было бы провести некую гипотетическую параллель между адаптацией к неблагоприятным факторам внешней среды и адаптацией к воинскому коллективу (в данном случае — определяемой по критерию социометрического статуса).

Как и при анализе детерминант эффективности боевой деятельности, такая высокая валидность социально-психологических показателей относительно успешности боевой адаптации была достаточно неожиданной. Нам не удалось найти этому убедительного обоснования, поэтому ограничимся только предположением, что и психологическая (включая социальную) и физиологическая адаптация представляют собой явления одного порядка. К этому можно добавить, что нервно-психическая устойчивость и самооценка в существенной степени принадлежат к темпераментным характеристикам личности,

так же как и морфолого-генетически обусловленные физиологические резервы. Что касается роли и значимости уже упомянутого выше социометрического статуса личности, то он может быть интерпретирован как наиболее демонстративное и интегративное выражение реализации способности к социальной адаптации или как частный случай проявления социально значимых общих адаптивных способностей.

При анализе показателей, полученных с помощью 16-факторного личностного опросника (табл. 4.11), «сквозная динамика» и статистически значимые отличия между лицами с высокими, средними и низкими адаптивными способностями установлены по факторам L, O и Q3, а также — на уровне тенденций — по фактору H, который оказался единственно валидным при корреляционном анализе ($r = 0{,}14$, $P < 0{,}05$). Полученные данные позволяли связать успешность боевой адаптации с такими личностными характеристиками, как способность к психофизиологической мобилизации (фактор H), низкий уровень личностной тревоги, установка на комформизм, сдержанность в проявлении эмоций, терпимость к трудностям и недостаткам (факторы Q и L) при достаточно высоком уровне самоконтроля и способности к социализации, в том числе — в неблагоприятных условиях (фактор Q3).

Изучение индивидуальных особенностей выделенных групп с помощью стандартизированного метода исследования личности (табл. 4.12) показало, что «сквозная динамика» и статистически значимые отличия определялись по шкалам D, Pt, Sc и Si, что (с учетом абсолютных значений показателей) позволяло сделать заключение о том, что лица с высокими адаптивными способностями характеризуются отсутствием депрессивных тенденций и склонностью к самоуверенности (шкала D), менее предрасположены к формированию тревожных и психастенических реакций и одновременно отличаются большей моральной динамичностью (шкала Pt), являются более экстравертированными (шкала Si), а также более склонны к традиционному формированию суждений и умозаключений, являются более рациональными и практичными (шкала Sc). Эти же показатели оказались валидными относительно внешнего критерия успешности боевой адаптации по данным корреляционного анализа (приводятся в ранжированном порядке: по шкале социальной интроверсии — $r = -0{,}30$ ($P < 0{,}01$), по шкале депрессии — $r = -0{,}24$ ($P < 0{,}01$), по шкале психастении — $r = -0{,}21$ ($P < 0{,}02$), по шкале «шизоидности» — $r = -0{,}14$ ($P < 0{,}05$)[1].

---

[1] В. И. Курпатов и В. Г. Ишутин на основании исследований, проведенных в психиатрическом отделении окружного военного госпиталя Туркестанского военного округа, установили, что пациенты с аффективными и психотическими расстройствами составляли 18% от всех пораженных психоневрологического профиля. При этом наследственная ➲

Частные показатели уровня развития интеллектуальных функций, физиологических резервов и физической подготовленности, которые, как уже отмечалось, обладали высочайшим уровнем интеркорреляций, отдельно нами не анализировались, однако и в частных вариантах (табл. 4.13—4.16) обнаруживались все те же общие тенденции: совпадение показателей с популяционной нормой (5,5 стэна) в группе лиц с высокими адаптивными способностями и различная выраженность отклонений от этой нормы в группах со средней и низкой успешностью адаптации. Аналогичный вывод можно было бы сделать и при сравнении показателей сенсомоторных функций (см. табл. 4.16).

Целесообразно подчеркнуть, что если в группе лиц с высокими адаптивными способностями при дозированной физической нагрузке (применялась проба Руфье) относительная величина «вегетативного сдвига» была минимальной и составляла 1,8% (от исходной величины в стэнах), то в группах лиц со средней и низкой успешностью боевой адаптации этот «сдвиг» был гораздо более демонстративным и составлял соответственно 8 и 15% (см. табл. 4.13—4.14). Эти данные позволяли сделать заключение о более оптимальных и более экономичных механизмах физиологического реагирования на физическую нагрузку у лиц с высокой успешностью адаптации, и рекомендовать этот показатель, как достаточно информативный для системы отбора боевых контингентов.

В группе лиц с низкими адаптивными способностями определялся статистически значимо более низкий показатель по шкале активности методики САН (табл. 4.17), что в целом подтверждало непротиворечивость используемых методических подходов, так как активность органически входит в структуру любых адаптивных реакций.

По результатам применения методики Айзенка установлено, что группа лиц с высокими показателями успешности боевой адаптации (на уровне тенденций) отличалась от двух других групп (табл. 4.18) более позитивными характеристиками по шкалам экстраверсии и нейротизма, что еще раз подтверждало неслучайность результатов, полученных с помощью стандартизированного метода исследования личности (шкалы D, Pt и Si СМИЛ).

➲ отягощенность эндогенными психическими расстройствами не определялась. Авторы особо отмечали, что, когда психическое расстройство развивалось на фоне инфекционных заболеваний, сопровождавшихся симптомами интоксикации, «психопатологические проявления не соответствовали тяжести и динамике инфекционной патологии». Однако в 33% случаев в анамнезе пациентов выявлялись различные психотравмирующие ситуации, связанные с боевой деятельностью (гибель друзей и сослуживцев, конфликты с командованием, неуставные отношения и т.д.). 67% пациентов из обследованной группы в период боевой деятельности в Афганистане злоупотребляли препаратами конопли [3, 59—62].

Таблица 4.11

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации по 16-факторному личностному опроснику, а также валидность исследуемых факторов (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x + m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	**P < групп 1—2**	Группа № 2 (средние)	**P < групп 2—3**	Группа № 3 (лучшие)	**P < групп 3—1**
	r	***P*<**	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Факторы 16-ФЛО:								
A	—	—	7,2 ± 0,39	—	6,9 ± 0,38	—	7,7 ± 0,32	—
C	—	—	6,4 ± 0,42	**	8,3 ± 0,39	—	7,9 ± 0,34	**
E	—	—	5,7 ± 0,43	—	5,7 ± 0,36	—	6,2 ± 0,35	—
F	—	—	4,2 ± 0,44	—	4,3 ± 0,43	—	4,0 ± 0,29	—
G	—	—	6,0 ± 0,39	—	6,8 ± 0,43	—	6,9 ± 0,31	—
H	0,14	*	6,3 ± 0,39	—	6,7 ± 0,35	—	7,1 ± 0,29	—
I	—	—	6,0 ± 0,51	—	5,5 ± 0,42	—	5,6 ± 0,36	—
L	—	—	5,7 ± 0,41	—	5,1 ± 0,31	—	4,6 ± 0,30	*
M	—	—	5,4 ± 0,39	—	4,8 ± 0,31	—	5,0 ± 0,27	—
N	—	—	5,4 ± 0,37	—	5,4 ± 0,29	—	4,7 ± 0,27	—
O	—	—	6,7 ± 0,51	*	5,4 ± 0,43	—	4,9 ± 0,25	**

Окончание табл. 4.11

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x + m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)**					
			Группа № 1 (худшие)	***P* < групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	***P* < групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	***P* < групп 3—1**
	r	***P*<**	*n* = **30**		*n* = **34**		*n* = **52**	
Q1	—	—	7,7 ± 0,41	—	6,4 ± 0,36	—	6,3 ± 0,27	—
Q2	—	—	5,9 ± 0,38	—	5,4 ± 0,29	—	5,4 ± 0,33	—
Q3	—	—	6,3 ± 0,51	—	6,6 ± 0,37	*	7,7 ± 0,32	—
Q4	—	—	5,1 ± 0,41	—	4,0 ± 0,37	—	4,3 ± 0,30	—

Таблица 4.12

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации по шкалам СМИЛ (score), а также валидность (*r*) исследуемых шкал (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x + m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)**					
			Группа № 1 (худшие)	***P* < групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	***P* < групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	***P* < групп 3—1**
	r	*P*<	*n* = **30**		*n* = **34**		*n* = **52**	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Шкалы СМИЛ:								
L			7,7 ± 0,39	—	8,4 ± 0,41	—	8,6 ± 0,39	

Окончание табл. 4.12

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x + m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
F			16,5 ± 1,34	—	14,0 ± 1,10		14,1 ± 1,04	
K			11,2 ± 0,86		14,1 ± 0,95	—	14,0 ± 0,67	
Hs			13,7 ± 0,74	—	14,9 ± 1,06		13,8 ± 1,01	
D	–0,24	**	23,3 ± 0,97	—	22,2 ± 0,85		20,5 ± 0,64	**
Hy			16,4 ± 0,71	—	17,5 ± 1,39	—	17,5 ± 0,82	
Pd			24,3 ± 0,85	—	25,0 ± 0,87		23,7 ± 0,58	
Mf			24,1 ± 0,73	—	23,4 ± 0,73	—	22,5 ± 0,66	
Pa			12,1 ± 0,89	—	11,0 ± 0,67		11,5 ± 0,71	
Pt	–0,21	**	32,9 ± 1,16	—	30,6 ± 1,06		28,9 ± 0,81	**
Sc	–0,14	*	39,9 ± 1,63	—	34,6 ± 1,41	—	32,9 ± 1,17	*
Ma			25,0 ± 0,71		23,1 ± 0,66		23,9 ± 0,54	
Si	–0,30	**	31,6 ± 1,21	—	29,5 ± 1,12	*	25,8 ± 0,90	**

Таблица 4.13

Сравнительный анализ результатов исследования основных физиологических показателей и вторичных физиологических индексов (в покое) в группах военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации, а также валидность (*r*) применяемых методов (на всей выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 30CD$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
ЧСС. уд. в 1 мин			67,6 ± 2,10	*	73,8 ± 2,19	*	69,1 ± 1,07	**
АД-max. мм рт. ст.	—		117,6 ± 1,47	—	121,4 ± 1,81		119,2 ± 1,06	—
АД-min. мм рт. ст.	—		76,9 ± 1,26	—	78,5 ± 1,68		75,7 ± 1,13	—
ПД. мм рт. ст.	—	—	40,6 ± 1,72	—	42,9 ± 1,93		43,5 ± 1,44	—
Индексы:								
• Робинсона	—	—	4,9 ± 0,37	**	6,3 ± 0,39	*	5,5 ± 0,19	—
• Старра-1	—	—	5,4 ± 0,29	—	5,3 ± 0,35		5,8 ± 0,28	—
• Старра-2	0,16	*	4,7 ± 0,32	*	5,8 ± 0,39		5,7 ± 0,24	**
• эффективность работы сердца	—	—	5,4 ± 0,29	—	5,3 ± 0,35		5,8 ± 0,28	—

Окончание табл. 4.13

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)**					
			Группа № 1 (худшие)	***P* < групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	***P* < групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	***P* < групп 3—1**
	r	***P*<**	*n* = **30***CD*		*n* = **34**		*n* =**52**	
• Кердо	—	—	5,0 ± 0,33	—	6,0 ± 0,41		5,6 ± 0,23	—
• Квааса	—	—	5,5 ± 0,38	—	5,9 ± 0,34		5,4 ± 0,28	—
• Цандера	0,15	*	4,7 ± 0,29	*	5,7 ± 0,37	—	5,6 ± 0,27	*
• Хикэма	—	—	5,6 ± 0,29	—	6,2 ± 0,38	—	5,5 ± 0,23	—
• Альговера	—	—	5,2 ± 0,45	—	5,9 ± 0,37	—	5,5 ± 0,25	—
• Рида	0,14	*	4,7 ± 0,36	**	6,3 ± 0,41	—	5,6 ± 0,21	*
• Вейна	—	—	4,8 ± 0,37	**	6,3 ± 0,39	*	5,5 ± 0,19	
Интегральный показатель физиологических резервов	0,10	*	4,5 ± 0,34	**	6,1 ± 0,40	—	5,5 ± 0,23	*

Таблица 4.14

Сравнительный анализ результатов исследования основных физиологических показателей и вторичных физиологических индексов после физической нагрузки (проба Руфье) в группах военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации, а также валидность (*r*) применяемых методов (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
ЧСС в 1-ю мин (уд. в 1 мин)			111,8 ± 2,92	—	114,7 ± 2,59		112,8 ± 2,09	
ЧСС в 3-ю мин (уд. в 1 мин)			70,1 ± 2,60	—	73,5 ± 2,06		71,9 ± 1,69	
АД-max, мм рт. ст.			136,4 ± 2,49	—	138,0 ± 2,41		139,2 ± 1,75	
АД-min, мм рт. ст.			74,5 ± 1,87	—	74,5 ± 2,12		73,6 ± 1,35	
ПД, мм рт. ст.			63,2 ± 4,23	—	64,1 ± 3,31		65,9 ± 2,40	
Индексы:								
• Робинсона			5,3 ±0,39	—	5,7 ±0,36		5,6 ±0,25	
• Старра-1			5,4 ± 0,42	—	5,5 ±0,36		5,8 ±0,24	

Окончание табл. 4.14

Наименование исследуемых показателей	**Валидность применяемых методов**		**Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)**					
			Группа № 1 (худшие)	***P* < групп 1—2**	**Группа № 2 (средние)**	***P* < групп 2—3**	**Группа № 3 (лучшие)**	***P* < групп 3—1**
	r	*P*<	*n* = **30**		*n* = **34**		*n* = **52**	
• Старра-2			5,3 ± 0,44	—	5,6 ± 0,31		5,7 ± 0,27	
• эффективности работы сердца			5,4 ± 0,42	—	5,5 ± 0,36		5,8 ± 0,24	
• Кердо			5,6 ± 0,40	—	5,7 ± 0,29	—	5,7 ± 0,28	
• Квааса			5,7 ± 0,38	—	5,7 ± 0,39	—	5,3 ± 0,24	
• Цандера			5,3 ± 0,42	—	5,6 ± 0,33	—	5,8 ± 0,25	
• Хикэма			5,4 ± 0,32	—	5,6 ± 0,38	—	5,5 ± 0,28	
• Альговера			5,6 ± 0,38	—	5,7 ± 0,35	—	5,5 ± 0,28	
• Рида			5,2 ± 0,41	—	5,8 ± 0,30	—	5,6 ± 0,28	
• Вейна			5,3 ± 0,39	—	5,7 ± 0,36	—	5,6 ± 0,25	
Интегральный показатель физиологических резервов	—	—	5,2 ± 0,42	—	5,6 ± 0,30	—	5,6 ± 0,27	—

Таблица 4.15

Сравнительный анализ результатов исследования интеллектуальных функций в группах военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации, а также валидность (r) применяемых методов (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P <$	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Методики:								
• «Аналогии»	—	—	5,8 ± 0,40	—	5,4 ± 0,40	—	5,2 ± 0,27	—
• «Числовые ряды»	—	—	5,8 ± 0,33	—	5,3 ± 0,35	—	5,0 ± 0,31	—
• «Зрительная память»	—	—	5,7 ± 0,42	—	6,0 ± 0,36	**	4,8 ± 0,29	—
• «Образное мышление»	–0,14	*	5,9 ± 0,34	—	5,4 ± 0,39	—	5,1 ± 0,26	—
• «Арифметический счет»	—	—	5,5 ± 0,40	—	5,5 ± 0,39	—	5,1 ± 0,30	—
• «Вербальная память»	—	—	5,1 ± 0,42	—	5,6 ± 0,34	—	5,2 ± 0,28	—
• «Установление закономерностей»	—	—	6,0 ± 0,37	—	6,1 ± 0,38	—	5,1 ± 0,29	—
Интегральные показатели:								
• продуктивность	—	—	5,2 ± 0,39	—	6,0 ± 0,38	*	5,1 ± 0,23	—
• эффективность	—	—	5,9 ± 0,39	—	5,8 ± 0,36	—	5,1 ± 0,25	—
• надежность	–0,15	*	6,4 ± 0,36	—	5,5 ± 0,39	—	5,3 ± 0,24	**

Таблица 4.16

Сравнительный анализ результатов исследования физической подготовленности, выносливости и некоторых сенсомоторных качеств в группах военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации, а также валидность (*r*) применяемых методов (на совокупной выборке)

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	$P<$	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Частные показатели:								
• сила рук (отжимания)	—		5,1 ± 0,42	—	6,0 ± 0,27	—	5,6 ± 0,28	—
• сила мышц спины (наклоны)	—	—	5,0 ± 0,39	*	7,1 ± 0,27	—	5,5 ± 0,28	—
• сила ног (приседания)	—		5,2 ± 0,31	—	5,9 + 0,31	—	5,3 ± 0,29	—
• координация движений (обороты)	—	—	5,2 ± 0,43	*	6,2 ± 0,25	**	4,9 ± 0,24	—
• владение весом собственного тела (подтягивания)	—	—	5,8 ± 0,48	—	5,7 ± 0,43	—	5,7 ± 0,43	—
• физическая выносливость (кросс 3 км)	—	—	4,8 ± 0,47	—	5,8 ± 0,43	—	5,9 ± 0,48	—
Интегральный показатель	—		4,8 ± 0,39	**	5,9 ± 0,23	*	5,7 ± 0,26	—
Сенсомоторика:								
• теппинг-тест (правая рука)	—		4,9 ± 0,34	—	5,8 ± 0,42	—	5,6 ± 0,27	—
• теппинг-тест (левая рука)	—		4,7 ± 0,40	*	5,8 ± 0,37	—	5,4 ± 0,26	—
• коэффициент моторной асимметрии	—	—	5,5 ± 0,29	—	5,6 ± 0,40	—	5,6 ± 0,25	—

Таблица 4.17

Сравнительный анализ результатов исследования по методике САН в группах военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации, а также валидность (*r*) шкал методики САН (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (средние)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	$P <$ групп 3—1
	r	*P*<	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Шкалы методики САН:								
• шкала самочувствия	—	—	5,8 ± 0,21	—	6,3 ± 0,25	—	6,4 ± 0,23	—
• шкала активности	0,19	**	6,1 ± 0,31	**	7,3 ± 0,24	—	7,4 ± 0,28	**
• шкала настроения	—	—	7,1 ± 0,31	—	7,5 ± 0,23	—	7,4 ± 0,24	—

Таблица 4.18

Сравнительный анализ результатов исследования по методике Айзенка в группах военнослужащих с различной успешностью боевой адаптации, а также валидность (*r*) шкал методики Айзенка (на совокупной выборке) по используемому критерию сравнения

Наименование исследуемых показателей	Валидность применяемых методов		Значения анализируемых показателей в изучаемых группах ($x \pm m$) и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
			Группа № 1 (худшие)	P < групп 1—2	Группа № 2 (средние)	P < групп 2—3	Группа № 3 (лучшие)	P < групп 3—1
	r	$P<$	$n = 30$		$n = 34$		$n = 52$	
Успешность адаптации (критерий сравнения)	1,00	**	3,7 ± 0,22	**	6,7 ± 0,31	**	9,2 ± 0,16	**
Шкалы методики Айзенка:								
• шкала экстраверсии	0,23	**	13,2 ± 0,46	—	14,4 ± 0,57	—	15,2 ± 0,43	**
• шкала нейротизма	–0,23	**	12,2 ± 0,82	—	10,5 ± 0,80	—	8,8 ± 0,72	**
• шкала искренности	0,19	**	2,2 ± 0,28	—	2,4 ± 0,24	—	2,9 ± 0,22	*

Таким образом, с учетом содержательной и расчетной валидности для дальнейшего изучения и анализа в целях обоснования прогностических критериев успешности боевой адаптации были отобраны показатели: социометрического статуса, самооценки личности, нервно-психической устойчивости, состояния физиологических резервов и физической подготовленности, а также косвенно характеризующие некоторые личностные особенности факторы H, L, O и Q3 16-ФЛО и шкалы D, Pt, Sc и Si СМИЛ.

4.3. Изучение внутренней структуры прогностических критериев (математическое моделирование)

Сопоставляя результаты сравнительного и корреляционного анализов используемых показателей относительно двух внешних критериев, нетрудно заметить, что в ряде случаев прогностические показатели совпадают, что позволяет сделать заключение об однопорядковости изучаемых явлений — эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации, что подтверждается интеркорреляциями этих двух внешних критериев ($r = 0{,}21$, $P < 0{,}05$).

По результатам проведенного анализа для обоих внешних критериев валидными оказались показатели нервно-психической устойчивости, физической подготовленности, физиологических резервов, социометрического статуса, а также факторы H и O 16-ФЛО и шкалы D, Pt, Sc и Si СМИЛ, характеризующие способность к психофизиологической мобилизации, отсутствие предрасположенности к формированию тревожных, психастенических и аутистических реакций («шизоидности»), а также экстравертированность как личностную черту (табл. 4.19). В дополнение к этим показателям (общим для обоих внешних критериев), валидными относительно эффективности боевой деятельности являлись уровень интеллектуального развития, мотивация к своей воинской специальности и деятельности в составе боевых контингентов, факторы A, C, G 16-ФЛО и шкала Pa СМИЛ, позволяющие косвенно характеризовать выраженность таких личностных качеств, как доброжелательность, эмоциональная устойчивость, моральная нормативность и отсутствие склонности «накапливать» аффективные переживания. Для внешнего критерия успешности боевой адаптации дополнительными (к общим для обоих критериев) были показатели самооценки личности, уровня притязаний, факторы L и Q3 16-ФЛО, характеризующие общую «расслабленность» личности (как противоположность склонности к психической напряженности) и выраженность самоконтроля. В целом полученные данные подтверждали результаты профессиографического исследования и позволяли оценить применяемые методы как адекватные изучаемым феноменам.

Таблица 4.19

Сопоставление прогностических критериев, обладающих статистически значимой валидностью относительно эффективности боевой деятельности и успешности боевой адаптации военнослужащих

Наименование показателей	Принадлежность к группе валидных (+) или невалидных (–) от носительно внешних критериев:	
	эффективности деятельности	успешности адаптации
Нервно-психическая устойчивость	+	+
Физическая подготовленность	+	+
Физиологические резервы	+	+
Социометрический статус	+	+
Фактор H 16-ФЛО	+	+
Фактор O 16-ФЛО	+	+
Шкала D СМИЛ	+	+
Шкала Pt СМИЛ	+	+
Шкала Sc СМИЛ	+	+
Шкала Si СМИЛ	+	+
Общее интеллектуальное развитие	+	–
Мотивация к своей специальности	+	–
Мотивация к деятельности	+	–
Шкала Pa СМИЛ	+	–
Фактор A 16-ФЛО	+	–
Фактор C 16-ФЛО	+	–
Фактор G 16-ФЛО	+	–
Самооценка личности	–	+
Уровень притязаний	–	+
Фактор L 16-ФЛО	–	+
Фактор Q3 16-ФЛО	–	+

При блок-кластерном анализе показателей, валидных относительно внешнего критерия эффективности боевой деятельности, было выделено три группы переменных (табл. 4.20): а) наиболее типичных и связанных между собой; б) наименее типичных и не взаимосвязанных; в) средних по признаку «внутренней согласованности». В первую группу вошли: общее интеллектуальное развитие, физическая подготовлен-

ность, социометрический статус, мотивация к своей специальности, а также факторы A, C, H и O 16-ФЛО, характеризующие такие личностные особенности, как доброжелательность, эмоциональная устойчивость, способность к психофизиологической мобилизации и низкий уровень тревожности. С учетом ранее обоснованной методики математико-статистического анализа это позволяло сделать заключение, что указанные показатели изменяются на всей выборке однонаправленно, взаимосвязанно и характеризуют нечто общее, а именно — в рамках исследуемой феноменологии — общепрофессиональные воинские качества.

Промежуточное значение по степени согласованности и взаимосвязи занимали показатели нервно-психической устойчивости и входящие в этот синдромокомплекс шкалы СМИЛ — D, Pa, Pt, Sc. В группу наименее взаимосвязанных (дискриминирующих выборку) входили показатели физиологических резервов, мотивации к деятельности в составе боевых контингентов, фактор G 16-ФЛО и шкала Si СМИЛ (интерпретированы как сила «Я» и экстравертированность). Полученные данные не противоречили рабочей гипотезе и позволяли выделить три основных группы детерминант эффективности боевой деятельности: общепрофессиональные воинские качества, связанные с интеллектуальными способностями, физическими данными и определенными личностными особенностями; нервно-эмоциональные характеристики и состояние психофизиологических резервов.

Таблица 4.20

Результаты блок-кластерного анализа переменных, валидных по критерию эффективности боевой деятельности

Наименование показателей	Группа наиболее типичных и взаимосвязанных показателей	Группа показателей, занимающих промежуточное положение по признаку «типичности — атипичности»	Группа наименее типичных и невзаимосвязанных показателей
Общее интеллектуальное развитие	+	—	—
Физическая подготовленность	+	—	—
Мотивация к своей специальности	+	—	—
Социометрический статус	+	—	—
Факторы 16-ФЛО			
A	+	—	—
C	+	—	—
H	+	—	—

Окончание табл. 4.20

Наименование показателей	Группа наиболее типичных и взаимосвязанных показателей	Группа показателей, занимающих промежуточное положение по признаку «типичности — атипичности»	Группа наименее типичных и невзаимосвязанных показателей
О	+	—	—
Нервно-психическая устойчивость	—	+	—
Шкалы СМИЛ			
D	—	+	—
Pa	—	+	—
Pt	—	+	—
Sc	—	+	—
Мотивация к деятельности	—	—	+
Физиологические резервы	—	—	+
Фактор G 16-ФЛО	—	—	+
Шкала Si СМИЛ	—	—	+

При блок-кластерном анализе переменных, валидных относительно внешнего критерия успешности боевой адаптации, также было выделено три группы переменных. В первую, наиболее типичных и взаимосвязанных, вошли: уровень притязаний, факторы H и L 16-ФЛО, шкалы Pt и Sc СМИЛ, в совокупности характеризующие такие личностные особенности, как направленность на личные социально одобряемые достижения, способность к психофизиологической мобилизации, отсутствие склонности к психастеническим реакциям и «шизоидности». Эта группа была интерпретирована как психологическая составляющая детерминант социальной адаптации личности. Промежуточное значение по степени внутренней взаимосвязи и согласованности занимали показатели физической подготовленности, физиологических резервов, социометрического статуса, фактор Q3 16-ФЛО и шкала D СМИЛ. Надо отметить, что, испытывая определенную трудность при интерпретации «комплексирующихся» психологических и физиологических показателей, мы объединили эту группу, бесспорно, взаимосвязанных признаков (в чем многократно убеждают обыденный и клинический опыт) как совокупность морфолого-генетически и нейродинамически обусловленных психофизиологических свойств личности, «ответственных» и за психологическую, и за физиологическую адаптацию.

В группу наименее типичных и наименее взаимосвязанных критериев (валидных относительно внешнего критерия успешности боевой

адаптации) вошли психологические показатели, характеризующие самооценку и нервно-психическую устойчивость личности, которые с учетом особенностей формирования этого блока оценивались как «создающие» качественное (в противоположность первой группе показателей) своеобразие лиц с высокой успешностью адаптации (табл. 4.21).

Таблица 4.21

Результаты блок-кластерного анализа переменных, валидных по критерию успешности боевой адаптации

Наименование показателей	Группа наиболее типичных и взаимосвязанных показателей	Группа показателей, занимающих промежуточное положение по признаку «типичности — атипичности»	Группа наименее типичных и невзаимосвязанных показателей
Уровень притязаний	+	—	—
Фактор H 16-ФЛО	+	—	—
Фактор L 16-ФЛО	+	—	—
Шкала Pt СМИЛ	+	—	—
Шкала Sc СМИЛ	+	—	—
Физическая подготовленность	—	+	—
Физиологические резервы	—	+	—
Социометрический статус	—	+	—
Фактор Q3 16-ФЛО	—	+	—
Шкала D СМИЛ	—	+	—
Самооценка личности	—	—	+
Нервно-психическая устойчивость	—	—	+
Фактор O 16-ФЛО	—	—	+
Шкалы Si СМИЛ	—	—	+

При факторном анализе переменных, валидных относительно эффективности боевой деятельности (метод максимального правдоподобия «Квартимакс»), выделилось семь независимых факторов, в три из которых с достаточно высокими весовыми вкладами вошел внешний критерий (табл. 4.22). При математико-статистическом анализе, с включением и без включения внешнего критерия, выделившиеся факторные структуры были устойчивыми, а весовые «коэффициенты вхождения» не претерпевали существенных изменений, что свидетель-

ствовало об их неслучайности. С учетом состава переменных и весовых коэффициентов вхождения полученные факторы были интерпретированы как:

1-й фактор — связанный с психоэмоциональными, интеллектуальными и мотивационными детерминантами эффективности боевой деятельности (наиболее существенные вклады по показателям: «шизоидности», нервно-психической устойчивости [методика «Прогноз», фактор С 16-ФЛО], мотивации к деятельности в составе боевых контингентов и интеллектуальному развитию);

2-й фактор — характеризующий преимущественно социально-психологические и внутригрупповые детерминанты эффективности боевой деятельности (в него вошли только внешний критерий и показатель социометрического статуса);

3-й фактор — связанный с морфолого-генетическими детерминантами эффективности боевой деятельности (в него вошли показатели интеллектуального и физического развития).

Таблица 4.22

Результаты факторного анализа переменных, валидныхотносительно критерия эффективости боевой деятельности

Наименование показателей	Наименование и структура выделившихся факторов		
	1-й фактор	**2-й фактор**	**3-й фактор**
	Психоэмоциональные и мотивационные детерминанты	**Социально-психологическая детерминанта**	**Морфолого-генетические (включая нейродинамические) детерминанты**
Эффективность деятельности	–0,258	0,654	0,294
Интеллектуальное развитие	–0,291	—	0,785
Нервно-психическая устойчивость	–0,827	—	—
Физическая подготовленность	—	—	0,386
Мотивация к специальности	–0,276	—	—
Мотивация к деятельности	–0,400	—	—
Социометрический статус	—	0,749	—
Факторы 16-ФЛО:			
А	–0,362	—	—
С	–0,441	—	—
н	–0,284	—	—
О	0,345	—	—

Окончание табл. 4.22

Наименование показателей	Наименование и структура выделившихся факторов		
	1-й фактор	2-й фактор	3-й фактор
	Психоэмоциональные и мотивационные детерминанты	Социально-психологическая детерминанта	Морфолого-генетические (включая нейродинамические) детерминанты
Шкалы СМИЛ:			
D	0,265	—	—
Pa	0,700	—	—
Pt	0,758	—	—
Sc	0,827	—	—
Si	0,689	—	—
VP («вес» фактора)	4,09	1,13	1,00
Интеркорреляции факторов:			
1-й фактор	0,932	—	—
2-й фактор	–0,005	0,740	—
3-й фактор	–0,017	–0,006	0,744

Полученные факторные структуры подтвердили неслучайность результатов предшествующих этапов математико-статистического анализа и, в частности, данных о валидности использованных показателей, позволив одновременно выделить среди них наиболее существенные и относительно самостоятельные: интеллектуальное развитие и физическая подготовленность, соизометрический статус в воинском коллективе, нервно-психические и мотивационные характеристики.

При анализе факторных структур показателей, валидных относительно критерия успешности боевой адаптации, выделилось пять факторов, из которых с учетом весовых вкладов внешнего критерия были интерпретированы два (табл. 4.23):

1-й фактор — психоэмоциональные и социально-психологические детерминанты успешности боевой адаптации (наиболее существенные вклады по показателям нервно-психической устойчивости [методика «Прогноз»], социальной интроверсии [шкала Si СМИЛ], социометрического статуса и самооценки личности);

2-й фактор — психофизиологические детерминанты успешности боевой адаптации (в него вошли показатели физиологических резервов и самооценки личности).

Полученные факторные структуры позволили высказать предположение, что наиболее существенное влияние на успешность боевой

адаптации оказывали состояние физиологических резервов и нервно-психическая устойчивость личности.

Таблица 4.23

Результаты факторного анализа переменных, валидных относительно критерия успешности боевой адаптации (метод максимального правдоподобия, «Квартимакс»)

Наименование показателей	Наименование и структура выделившихся факторов	
	1-й фактор	2-й фактор
	Психоэмоциональные и социальнопсихологические детерминанты	Психофизиологические детерминанты
Успешность адаптации	–0,291	0,306
Нервно-психическая устойчивость	–0,745	—
Физиологические резервы	—	0,312
Самооценка личности	–0,253	0,525
Социометрический статус	–0,294	—
Факторы 16-ФЛО:		
H	–0,365	—
L	0,409	—
O	0,377	—
Q3	–0,497	—
Шкалы СМИЛ:		
D	0,271	—
Pt	0,727	—
Sc	0,710	—
Si	0,734	—
VP («вес» фактора)	3,19	1,00
Интеркорреляции факторов:		
1-й фактор	0,823	—
2-й фактор	0,041	0,978

На этом этапе обоснование методов и критериев прогнозирования эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации могло бы быть завершено, так как полученные факторные модели являлись достаточно информативными и подтверждали результаты профессиографического анализа, а также рабочую гипотезу о связи прогнозируемых внешних критериев с общим интеллектуаль-

ным развитием и физической подготовленностью, нервно-психической устойчивостью, физиологическими резервами и мотивационными характеристиками личности. Каждый из названных показателей являлся комплексным и относительно независимым, интегрируя в себе ряд наиболее существенных характеристик личности военнослужащего.

В то же время в теоретическом плане и, особенно, в практическом смысле — было естественным желание дальнейшей минимизация изучаемых показателей и выделение из них самых главных и самых существенных по степени интеграции и системности относительно исследуемой феноменологии. Для этого нами было проведено математико-статистическое моделирование с помощью регрессионного и дискриминантного видов анализа, которые позволяли (на более высоком уровне «обобщения», во всяком случае — теоретического) выделить признаки, объединяющие выборку в непрерывном континууме переменных (регрессионный анализ), и признаки, дискриминирующие выборку в дискретном континууме переменных.

При построении регрессионной модели на критерий эффективности боевой деятельности с включением в исходный массив признаков всех переменных, выделенных в результате факторного анализа, была получена формула

$$\hat{y} = 0{,}491 + 0{,}337x_5 + 0{,}64\,x_{17}, \qquad (1)$$

где 0,491 — свободный член — константа, x_5 — показатель общего интеллектуального развития, x_{17} — показатель социометрического статуса.

Если y равен 6 и более баллам в соответствии с полученной моделью, прогноз эффективности боевой деятельности позитивный. При $\hat{y}$, равном 5 и менее баллам, прогноз негативный. Между 5 и 6 баллами — «зона неопределенности». Путем подставлений значений из таблицы средних показателей (см. табл. 4.1) в группах наименее эффективных, средних и наиболее эффективных военнослужащих проверяем решающее правило:

— для группы наименее эффективных:

$$\hat{y} = 0{,}491 + 0{,}337 \cdot 4{,}6 + 0{,}64 \cdot 3{,}4 = 4{,}1172 \qquad (2)$$

($\hat{y} < 6$, прогноз отрицательный);

— для группы средних:

$$\hat{y} = 0{,}491 + 0{,}337 \cdot 6{,}1 + 0{,}64 \cdot 5{,}5 = 6{,}0667 \qquad (3)$$

($\hat{y} > 6$, прогноз положительный);

— для группы наиболее эффективных:

$$\hat{y} = 0{,}491 + 0{,}337 \cdot 6{,}5 + 0{,}64 \cdot 7{,}2 = 7{,}2893 \qquad (4)$$

($\hat{y} >> 6$, прогноз положительный).

Проверка показала, что решающее правило является обоснованным. Для еще большего упрощения практических расчетов можно исходить из предпосылки, что если значения обоих входящих в уравнение показателей 6 и более — прогноз всегда благоприятный:

$$\hat{y} = 0{,}491 + 0{,}337 \cdot 6 + 0{,}64 \cdot 6 = 6{,}353. \quad (5)$$

Коэффициент множественной регрессии полученного уравнения составил 0,39 (модель считается «разрешенной» к использованию при коэффициенте множественной регрессии более 0,3 по К. Иберла [184]).

Некоторой неожиданностью явилось то, что и в дискриминантную модель вошли те же показатели — общее интеллектуальное развитие и социометрический статус (формула 6), что, по-видимому, может быть объяснено в рамках гипотезы о том, что эти показатели являются одновременно и количественными, объединяющими выборку в непрерывном континууме, и качественными, дискриминирующими обследуемый контингент[1].

$$\hat{y} = 0{,}29x_5 + 0{,}64x_{17} - 5{,}26. \quad (6)$$

При $\hat{y}$, равном и более 0, прогноз положительный, при $\hat{y}$ менее 0 — прогноз отрицательный. Расчетная надежность прогноза равна 74%. Проверим надежность и второй модели с использованием средних значений на изучаемой выборке (табл. 4.1):

— для группы наименее эффективных:

$$\hat{y} = 0{,}29 \cdot 4{,}6 + 0{,}64 \cdot 3{,}4 - 5{,}26 = -1{,}65 \quad (7)$$

($\hat{y} < 0$, прогноз отрицательный);

— для группы средних:

$$\hat{y} = 0{,}29 \cdot 6{,}1 + 0{,}64 \cdot 5{,}5 - 5{,}26 = 0{,}029 \quad (8)$$

($\hat{y} > 0$, прогноз положительный);

— для группы наиболее эффективных:

$$\hat{y} = 0{,}29 \cdot 6{,}5 + 0{,}64 \cdot 7{,}2 - 5{,}26 = 1{,}233 \quad (9)$$

($\hat{y} >> 0$, прогноз положительный).

Путем тех же простых расчетов находим, что установленные в первом случае пороговые критерии (6 баллов) и в дискриминантной модели являются достаточными для прогнозирования эффективности боевой деятельности:

$$\hat{y} = 0{,}29 \cdot 6 + 0{,}64 \cdot 6 - 5{,}26 = 0{,}32. \quad (10)$$

---

[1] Вероятно, квалиметрические подходы являются наиболее адекватными психологическим феноменам вообще, так как понятия «больше — меньше» здесь скорее уводят от сути, нежели приближают к ней.

При проведении регрессионного анализа с показателями валидными относительно критерия успешности боевой адаптации, математической модели, пригодной к использованию, получено не было (максимальный коэффициент множественной регрессии равен 0,04), что может быть интерпретировано как свидетельство того, что нет типового комплекса переменных, который бы отображал линейную вероятность прогнозирования адаптивных свойств в непрерывном континууме или, другими словами, что механизмы адаптации являются в определенной степени более индивидуальными и дискретно представленными в популяции, чем механизмы, обеспечивающие эффективность деятельности.

При проведении дискриминантного анализа с теми же переменными получена формула 11:

$$\hat{y} = 0{,}19x_{88} + 0{,}15x_{16} - 0{,}05x_{70} - 0{,}34, \qquad (11)$$

где 0,34 — свободный член — константа, x_{88} — интегральный показатель физиологических резервов, x_{16} — показатель самооценки личности, x_{70} — показатель интроверсии по шкале Si СМИЛ (score).

При $\hat{y}$, равном и более 0, прогноз положительный, при $\hat{y}$ менее 0 — прогноз отрицательный. Расчетная надежность решающего правила составила 70%. Проверим полученное решающее правило на надежность тем же способом, используя значение средних в группах военнослужащих с низкой, средней и высокой успешностью боевой адаптации (см. табл. 4.10, 4.12):

— для группы с низкой успешностью адаптации:

$$\hat{y} = 0{,}19 \cdot 4{,}5 + 0{,}15 \cdot 4{,}2 - 0{,}05 \cdot 31{,}6 - 0{,}34 = -0{,}435 \qquad (12)$$

($\hat{y} > 0$, прогноз отрицательный);

— для группы средних по показателю успешности адаптации:

$$\hat{y} = 0{,}19 \cdot 6{,}1 + 0{,}15 \cdot 5{,}6 - 0{,}05 \cdot 29{,}5 - 0{,}34 = 0{,}184 \qquad (13)$$

($\hat{y} > 0$, прогноз положительный);

— для группы с высокой успешностью адаптации:

$$\hat{y} = 0{,}19 \cdot 5{,}5 + 0{,}15 \cdot 6{,}2 - 0{,}05 \cdot 25{,}8 - 0{,}34 = 0{,}345 \qquad (14)$$

($\hat{y} > 0$, прогноз положительный).

Обратим внимание, что в группе лучших при снижении величины показателя физиологических резервов, а вернее — при приближении его к уровню популяционной нормы надежность позитивного прогноза успешности адаптации (в формализованном выражении) увеличивается почти «вдвое». И хотя, как уже отмечалось, это не может быть интерпретировано в традиционном понимании отношений «больше — меньше», полученные данные еще раз подтверждают обоснованность рабочей гипотезы о генетических детерминантах адаптивных способностей в их популяционной представленности.

Несмотря на достаточно высокую расчетную надежность полученных решающих правил, как уже отмечалось при обосновании материалов и методов исследования, нами, в отличие от других авторов, математические модели никогда не рассматривались в виде «истины в высшей инстанции» или формул «расчета идеального специалиста», а составляли лишь инструмент для выявления наиболее существенных зависимостей и наиболее значимых показателей. В то же время эти результаты математического моделирования могут иметь и практическое применение, в частности в целях предварительного разделения обследуемых на более или менее однородные группы людей с помощью автоматизированных систем, с последующим распределением или принятием решения о профессиональном предназначении в индивидуальном порядке (на основании дополнительных исследований).

Суммируя результаты содержательного и одномерного, сравнительного, блок-кластерного, факторного, регрессионного и дискриминантного анализов, в качестве наиболее информативных критериев прогнозирования эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации рядового состава можно выделить:

- общее интеллектуальное развитие (с учетом полученных данных, в диапазоне от 4 до 7 стэнов, так как и при более низких, и при более высоких значениях этого показателя реальная надежность прогноза эффективности боевой деятельности снижается);
- физическую подготовленность (в диапазоне от 4 стэнов и более);
- нервно-психическую устойчивость (от 5 стэнов и более);
- социометрический статус (от 5 стэнов и более);
- физиологические резервы (в диапазоне от 4 до 7 стэнов по интегральному показателю, так как и при более высоких, и при более низких значениях этого показателя, т.е. — как при симпатотоническом, так и при ваготоническом «сдвиге», реальная надежность прогноза успешности боевой адаптации снижается);
- самооценку личности (от 5 стэнов и более);
- экстравертированность по шкале Si СМИЛ от 25 score и менее.

Как видно из обозначенных пороговых критериев выделенных прогностических показателей, мы несколько занизили их (по сравнению с расчетными данными), чтобы в случае чрезвычайного положения «расширить» круг лиц, имеющих позитивные заключения о пригодности к деятельности в составе боевых и спецконтингентов. Логика жизни всегда немного отличается от математической логики.

Естественно, что в качестве обязательных компонентов формирования экспертного решения о прогнозе эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации должны учитываться мотивация к своей воинской специальности и деятельности в составе боевых контингентов, хотя эти показатели и не вошли в решающие правила.

Существенными представляются данные о выявленных при блок-кластерном анализе группах устойчиво взаимосвязанных признаков. В частности, данные о взаимосвязи таких личностных характеристик, как интеллектуальное развитие, физическая подготовленность, доброжелательность, эмоциональная устойчивость, способность к психофизиологической мобилизации и социометрический статус (см. табл. 4.20). Или, например, высокий уровень притязаний, подозрительность, напряженность, склонность к повышенному самомнению, тревожность, аутистичность, склонность к дистанцированию и непредсказуемости [«шизоидность»] (см. табл. 4.21)[1]. На первый взгляд эти данные лишь подтверждают сведения, которые можно было бы сформулировать и на уровне обыденного сознания или формальной логики. Но формальная логика не позволила бы нам сделать заключение, что эти две группы социально значимых качеств составляют два специфических комплекса личностных характеристик, при этом каждая из упомянутых составляющих этих комплексов не только связана со всеми другими, но в определенной (и достаточно высокой) степени позволяет прогнозировать уровень и векторность всех остальных.

4.4. Изучение иерархических взаимосвязей основных прогностических критериев эффективности боевой деятельности и успешности боевой адаптации

При анализе корреляционных связей и структур общего интеллектуального развития обращали внимание (рис. 4.1) его прямые положительные взаимосвязи с показателями физической подготовленности (ОФП), мотивации к боевой деятельности (МБД), эффективности боевой деятельности (ЭБД), фактором С 16-ФЛО и нервно-психической устойчивостью (НПУ). И уже через эти связи общее интеллектуальное развитие реализовалось в социометрическом статусе военнослужащих (СМС) и ряде личностных характеристик, в частности определяемых по факторам А, G, H 16-ФЛО (доброжелательность, общительность, терпимость к недостаткам, дисциплинированность, способность к психофизиологической мобилизации).

Все отрицательные корреляционные связи «соединяли» показатель общего интеллектуального развития (ОИР) с психопатологическим синдромокомплексом — шкалами Sc, Pt, D и Si СМИЛ, а также фактором O 16-ФЛО, в совокупности характеризующими снижение рационального компонента мышления, склонность к психастеническим и депрессивным реакциям, тревожному, интравертированному и огра-

[1] Один из моих коллег предложил обозначить эти две группы как людей «приятных» и «мало приятных» в общении, что, хотя и не вполне научно, не лишено смысла.

ничительному поведению. Неадекватность указанных личностных особенностей эффективности боевой деятельности достаточно очевидна, однако это не снижает значимости научного обоснования этой феноменологии.

Если отрицательные связи показателя нервно-психической устойчивости (определяемого по методике «Прогноз») с упомянутыми выше шкалами СМИЛ (Sc, Pt, D и Si) и 16-ФЛО являлись естественными, то однозначно отрицательные связи этих же показателей СМИЛ и 16-ФЛО с общей физической подготовленностью позволили еще раз подтвердить гипотезу, что психические и физические функции являются более взаимосвязанными и более взаимозависимыми, нежели это традиционно представлялось (рис. 4.1—4.2). Одновременно, как достаточно наглядно свидетельствует корреляционная плеяда показателя общей физической подготовленности (см. рис. 4.2), уровень последней в существенной степени определял некоторые социально-психологические феномены, в частности, социометрический статус (СМС) в воинском коллективе и позитивно влиял на мотивацию к боевой деятельности (МБД).

Интегральный показатель нервно-психической устойчивости (рис. 4.3) оказался в первую очередь связанным с доброжелательностью (фактор А 16-ФЛО), мотивацией к боевой деятельности (МБД), эффективностью боевой деятельности (ЭБД), социометрическим статусом (СМС), моральной нормативностью (фактор G 16-ФЛО) и мотивацией к своей воинской специальности (МКВС). Другие связи показателя нервно-психической устойчивости (с общим интеллектуальным развитием, физической подготовленностью и способностью к психофизиологической мобилизации) уже излагались при интерпретации предшествующих корреляционных плеяд.

Социометрический статус (рис. 4.4) образовал плеяду, включавшую все те же переменные и с тем же характером связей: положительных — с эффективностью боевой деятельности, нервно-психической устойчивостью, мотивацией к боевой деятельности, общей физической подготовленностью и мотивацией к своей воинской специальности; отрицательных — со шкалами Pa, Pt, Sc и Si СМИЛ, характеризующими интровертированность, аутистичность, склонность к тревожным и психастеническим реакциям, а также предрасположенность к фиксации на негативных аффективных переживаниях в сочетании с недружелюбием и злопамятностью.

Показатель физиологических резервов (ФР) образовал плеяду, в которой среди связей первого порядка не было отрицательных (рис. 4.5). Эта плеяда включала фактор G 16-ФЛО (как правило, дающий отрицательный прогноз на социальную патологию), показатели эффективности боевой деятельности и успешности боевой адаптации, а также самооценку личности.

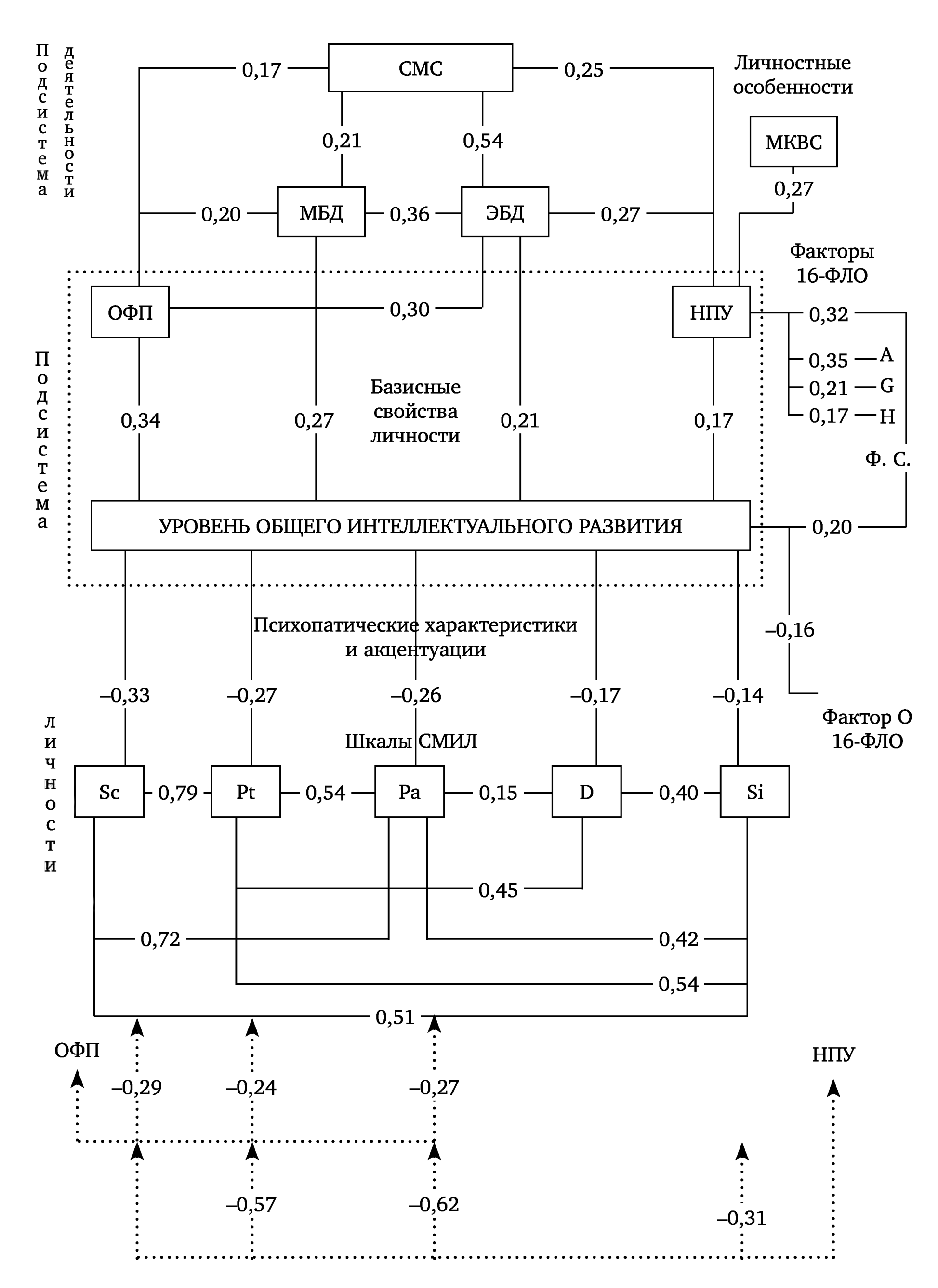

Рис. 4.1. **Корреляционная плеяда показателя общего интеллектуального развития:**

Условные обозначения: СМС — социометрический статус в воинском коллективе; МБД — мотивация к боевой деятельности; ЭБД — эффективность боевой деятельности; ОФП — общая физическая подготовленность; НПУ — уровень нервно-психической устойчивости; МКВС — мотивация к своей воинской специальности

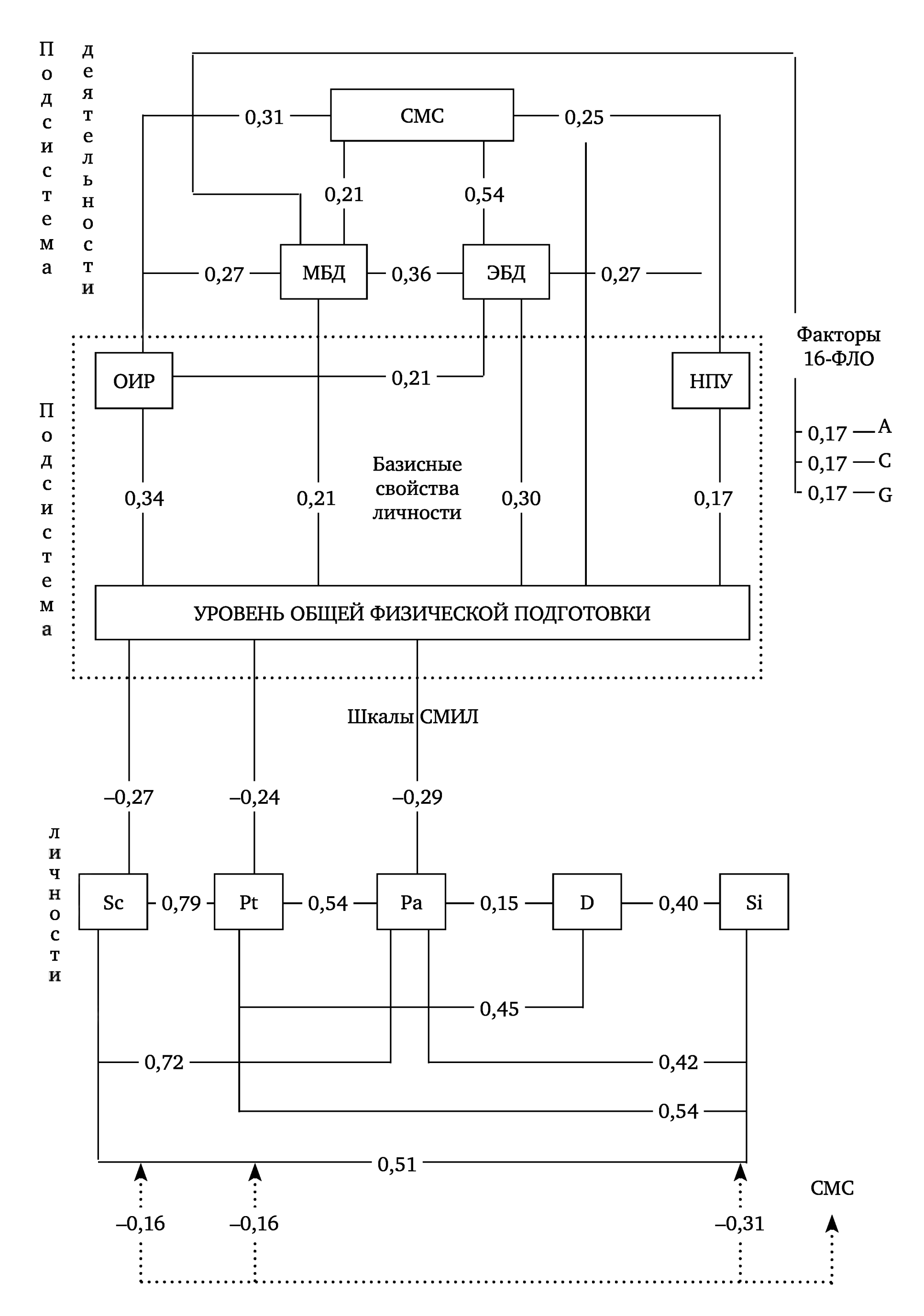

Рис. 4.2. **Корреляционная плеяда показателя общей физической подготовленности**

Условные обозначения: СМС — социометрический статус в воинском коллективе; МБД — мотивация к боевой деятельности; ЭБД — эффективность боевой деятельности; ОИР — общее интеллектуальное развитие; НПУ — уровень нервно-психической устойчивости

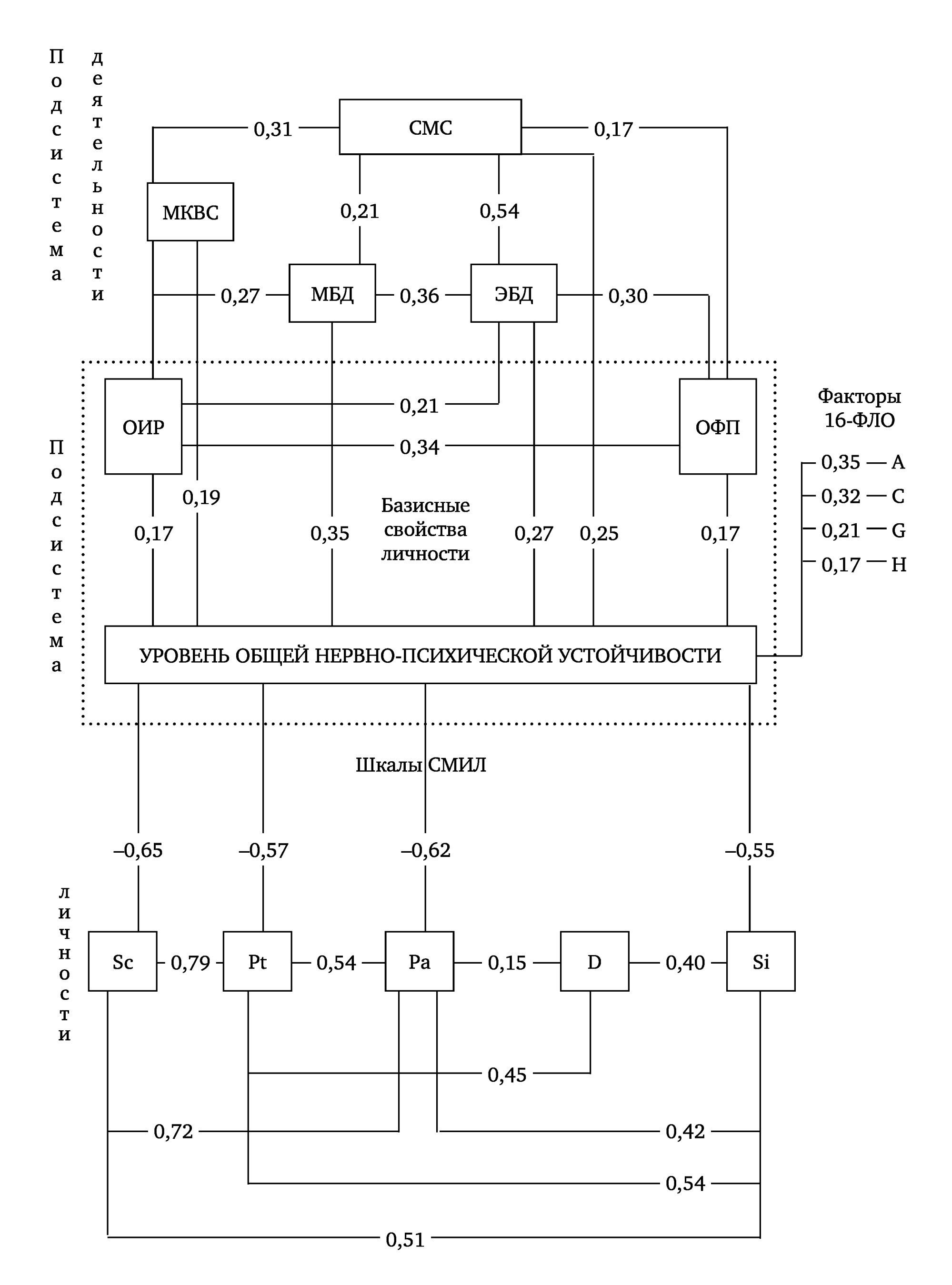

Рис. 4.3. **Корреляционная плеяда показателя общего уровня нервно-психической устойчивости**

Условные обозначения: СМС — социометрический статус в воинском коллективе; МКВС — мотивация к своей воинской специальности; МБД — мотивация к боевой деятельности; ЭБД — эффективность боевой деятельности; ОИР — общее интеллектуальное развитие; ОФП — общая физическая подготовленность

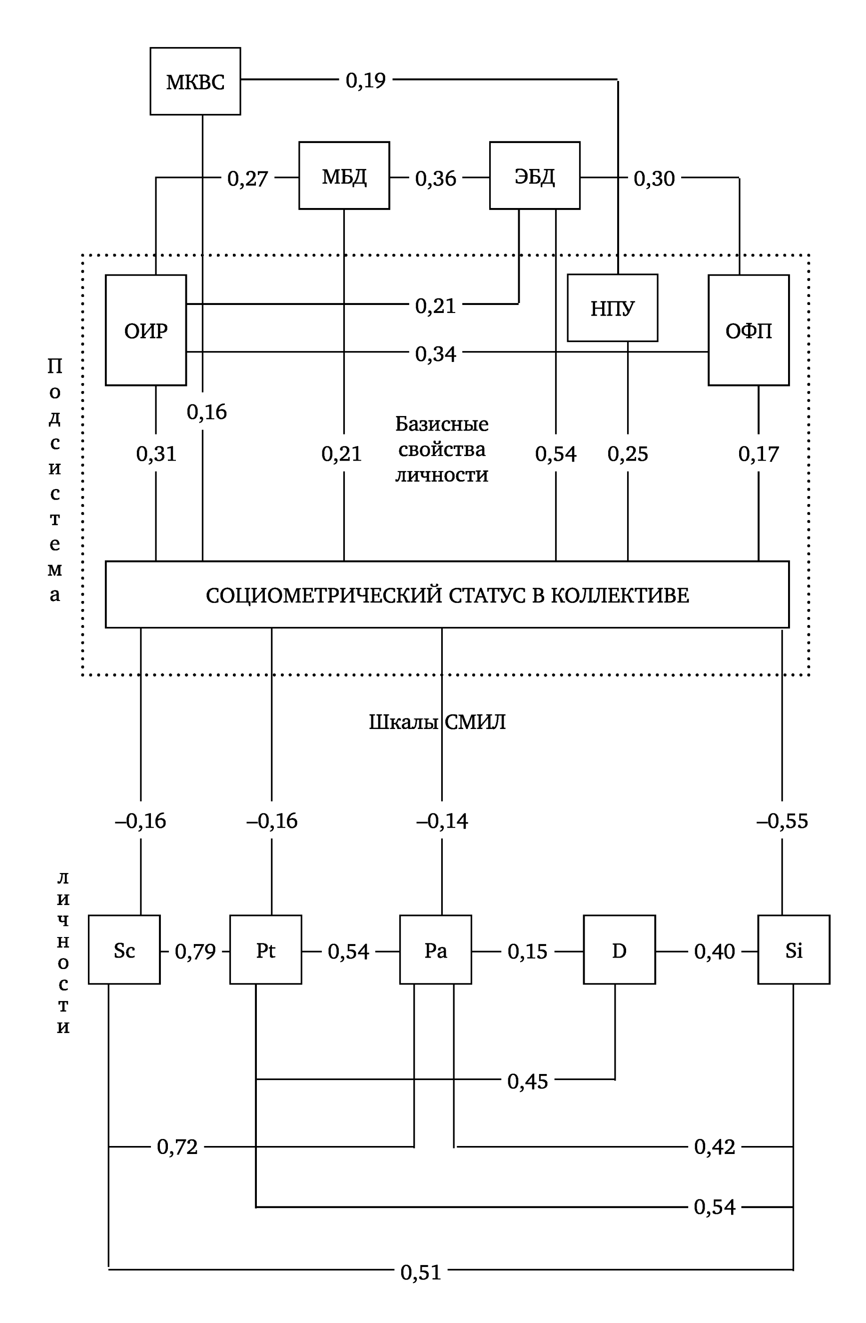

Рис. 4.4. **Корреляционная плеяда показателя социометрического статуса**

Условные обозначения: МКВС — мотивация к своей воинской специальности; МБД — мотивация к боевой деятельности; ЭБД — эффективность боевой деятельности; ОИР — общее интеллектуальное развитие; НПУ — уровень нервно-психической устойчивости; ОФП — общая физическая подготовленность

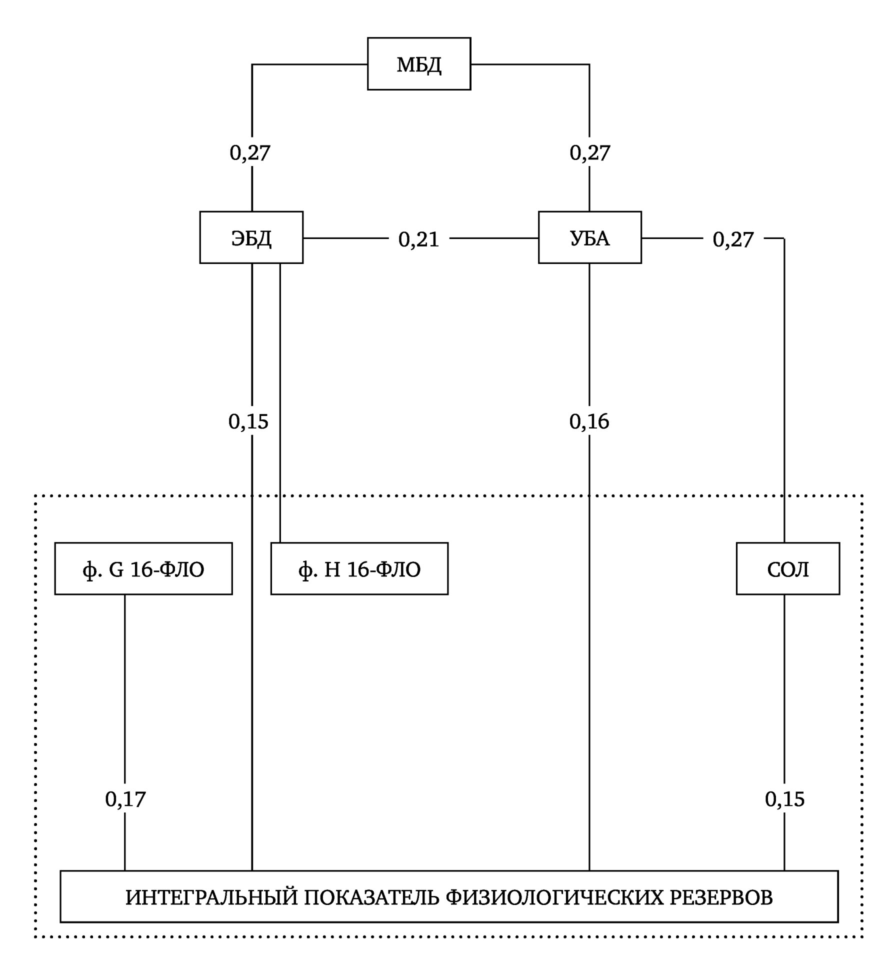

Рис. 4.5. **Корреляционная плеяда интегрального показателя физиологических резервов**

Условные обозначения: СМС — социометрический статус в воинском коллективе; ЭБД — эффективность боевой деятельности; СОЛ — самооценка личности; УБА — успешность боевой адаптации

Учитывая многочисленность связей показателя самооценки личности (СОЛ) и его вхождение в группу основных прогностических критериев, мы считали целесообразным рассмотреть корреляционную плеяду СОЛ в качестве самостоятельной. Полученная плеяда (рис. 4.6) и ее многочисленные составляющие позволил высказать предположение, что современной психологической наукой и психодиагностической практикой эта личностная характеристика явно недооценивается. Проведенный анализ показал, что высокая самооценка личности определяла (или прогнозировала) высокий уровень самоконтроля (фактор Q3 16-ФЛО), высокие физиологические резервы, склонность

к экстраверсии (по Айзенку) и риску (СКР, по методике Шуберта). Одновременно с этим высокая самооценка давала отрицательный прогноз на вероятность таких проявлений, как склонность к депрессии (шкала D СМИЛ), общему психическому напряжению (фактор L 16-ФЛО), фрустрации (СКФ) и интровертированноста (шкала Si СМИЛ), а также комформности личности (фактор Q2 16-ФЛО). Множество случаев депрессивного синдрома, которые мы наблюдаем в психотерапевтической практике, почта всегда сочетаются со сниженной самооценкой.

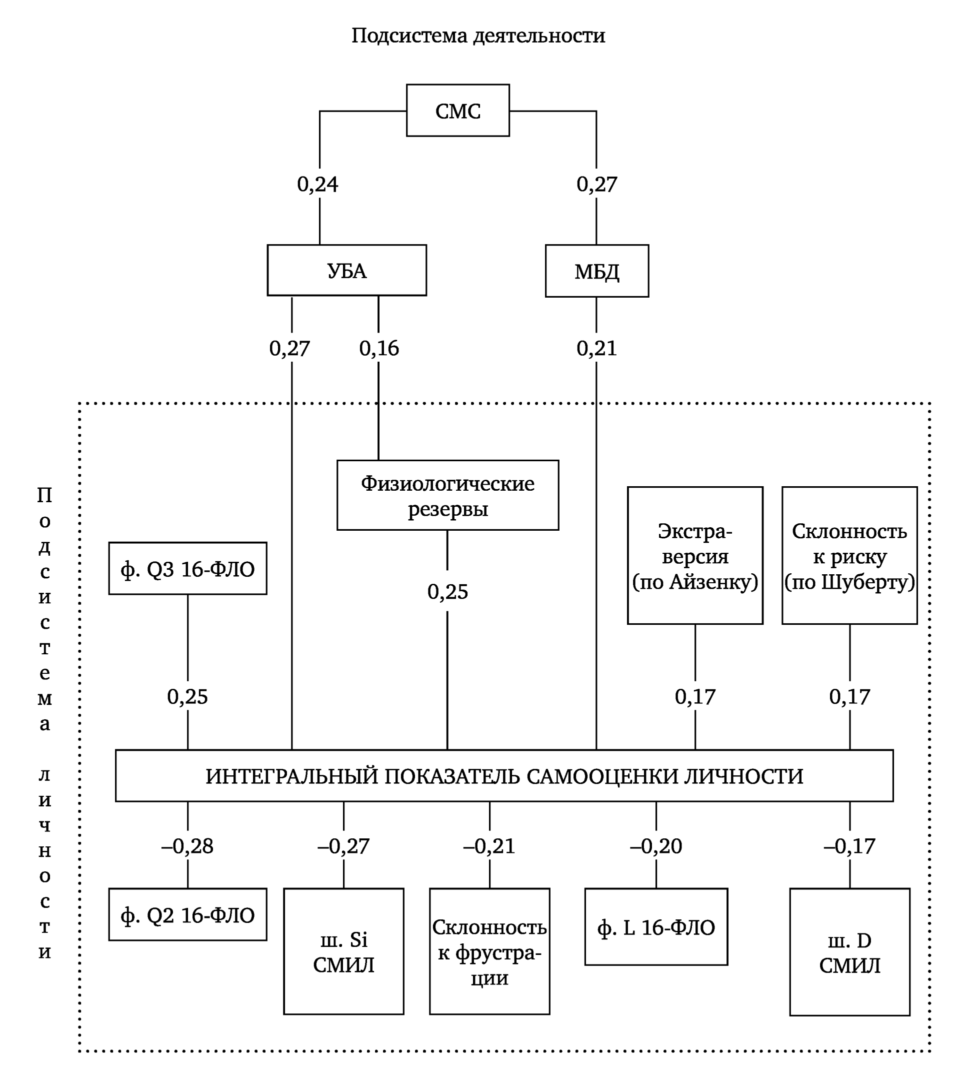

Рис. 4.6. **Корреляционная плеяда интегрального показателя самооценки личности**

Условные обозначения: СМС — социометрический статус в воинском коллективе; УБА — успешность боевой адаптации; МБД — мотивация к боевой деятельности

Учитывая, что из числа выделенных (в результате последовательного математико-статистического анализа) прогностических критериев эффективности боевой деятельности и успешности военно-профессиональной адаптации, наиболее трудоемкой в определении и потому малопригодной к использованию при массовых обследованиях являлась только шкала Si СМИЛ, а также то, что она входила на уровне прямых отрицательных связей первого порядка во все рассмотренные корреляционные плеяды (см. рис. 4.1—4.6) и, таким образом, могла оцениваться опосредованно, в итоговый перечень показателей для практического использования в целях отбора боевых и спецконтингентов были включены: общее интеллектуальное развитие, нервно-психическая устойчивость, физическая подготовленность, физиологические резервы, самооценка личности и социометрический статус в воинском коллективе, определение которых являлось достаточно простым и могло быть реализовано уже в период завершения этих исследований (1986), что не менее существенно — при существующих организационных структурах и имеющемся материально-техническом обеспечении.

Общее время проведения обследования по указанным методикам составляло около 2 часов, при этом первые пять показателей могли определяться еще в период приписки и призыва (с участием специалистов групп профотбора райвоенкоматов и военруков школ и ПТУ), а исследование социометрического статуса рекомендовалось проводить в период подготовки в учебных частях или службы в учебно-боевых частях, но не ранее, чем через 3 месяца совместной деятельности молодого пополнения.

4.5. Определение пороговых критериев профессионального отбора боевых контингентов

Определение пороговых критериев осуществлялось методом «обратной валидизации», в процессе которой рассматривались логически-непротиворечивые взаимосвязи прогнозируемых показателей с каждым из выделенных прогностических признаков (рис. 4.7—4.12). Как уже отмечалось, системообразующими основаниями при этом являлись валидизированные на предшествующих этапах исследований и в процессе математикостатистического анализа прогностические признаки, а объектами исследования — внешние критерии.

С учетом абсолютных величин прогностических признаков из совокупной выборки было выделено 10 однородных групп военнослужащих, в каждой из которых эти признаки составляли соответственно 1, 2, 3, 4, ... (и т.д. до 10) баллов. Минимальное количество членов выделившихся групп составляло 6 человек, максимальное — 37 человек. На рисунках 4.7—4.12 на оси абсцисс нанесены величины прогностических критериев в однородных группах (совпадающие с номерами групп), а на оси ординат — величина внешнего критерия в этих группах.

Проведенный анализ показал, что в группах лиц с общим интеллектуальным развитием в 1—3 стэна (три первых группы на рис. 4.7) эффективность боевой деятельности была ниже средней. В группах лиц с общим интеллектуальным развитием от 4 до 8 стэнов эффективность боевой деятельности была на среднем уровне или выше среднего. При повышении показателя общего интеллектуального развития до 9—10 стэнов эффективность боевой деятельности снижалась (ниже среднего уровня). Таким образом, оптимум данного прогностического критерия составляет 4—8 стэнов, а *зависимость эффективности боевой деятельности от уровня общего интеллектуального развития является нелинейной*. Более низкие, так же как и более высокие, показатели интеллектуального развития дают негативный и сомнительный прогноз эффективности боевой деятельности рядового состава.

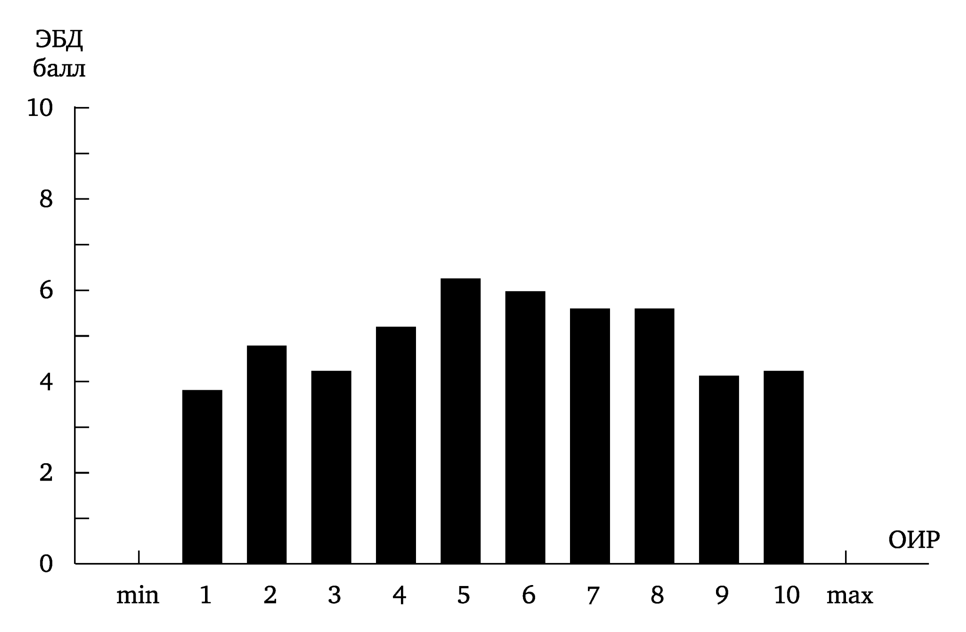

Рис. 4.7. **Графическое изображение зависимости эффективности боевой деятельности (ЭБД) от уровня общего интеллектуального развития (ОИР) в 10 однородных группах военнослужащих с показателями ОИР от 1 до 10 баллов (метод обратной валидизации)**

Зависимость эффективности боевой деятельности от показателей нервно-психической устойчивости (см. рис. 4.8), общей физической подготовленности (см. рис. 4.9) и социометрического статуса (см. рис. 4.10) была линейной, а минимальный уровень указанных показателей, позволяющих прогнозировать величину внешнего критерия на среднем и выше среднего уровнях, составлял соответственно: для показателей нервно-психической устойчивости и общей физической подготовленности — 4 стэна, а для социометрического статуса — 5 стэнов.

Устойчивая линейная взаимосвязь самооценки личности и успешности боевой адаптации определялась начиная с 5-й группы, т.е. при величине самооценки в 5 и более стэнов (см. рис. 4.11).

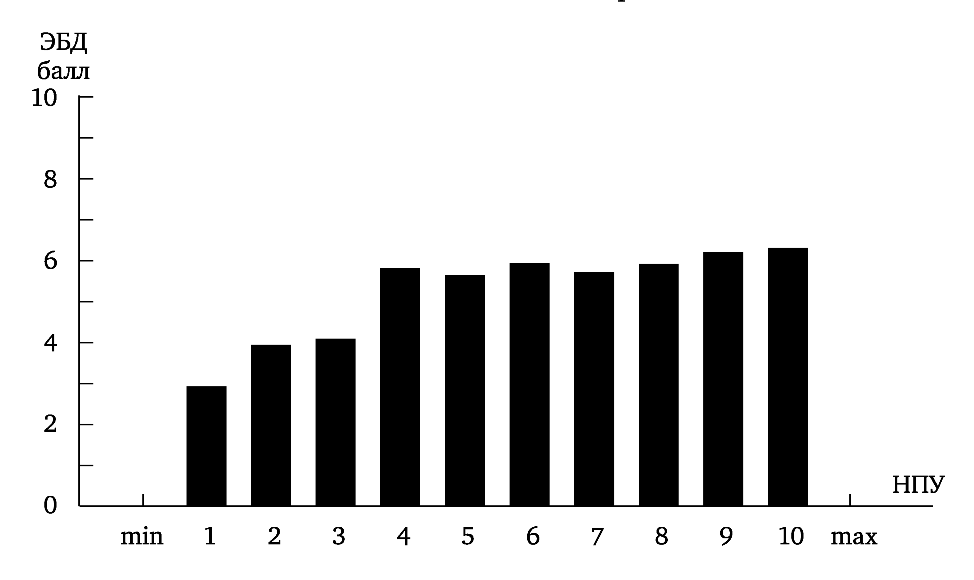

Рис. 4.8. **Графическое изображение зависимости эффективности боевой деятельности (ЭБД) от уровня нервно-психической устойчивости (НПУ) в 10 однородных группах военнослужащих с показателями НПУ от 1 до 10 баллов (метод обратной валидизации)**

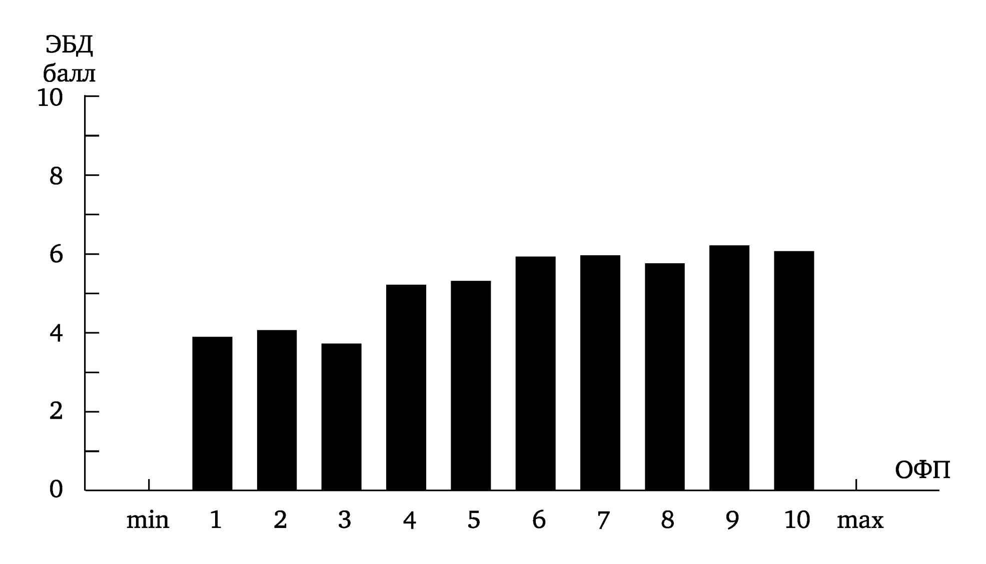

Рис. 4.9. **Графическое изображение зависимости эффективности боевой деятельности (ЭБД) от уровня общей физической подготовленности (ОФП) в 10 однородных группах военнослужащих с показателями ОФП от 1 до 10 баллов (метод обратной валидизации)**

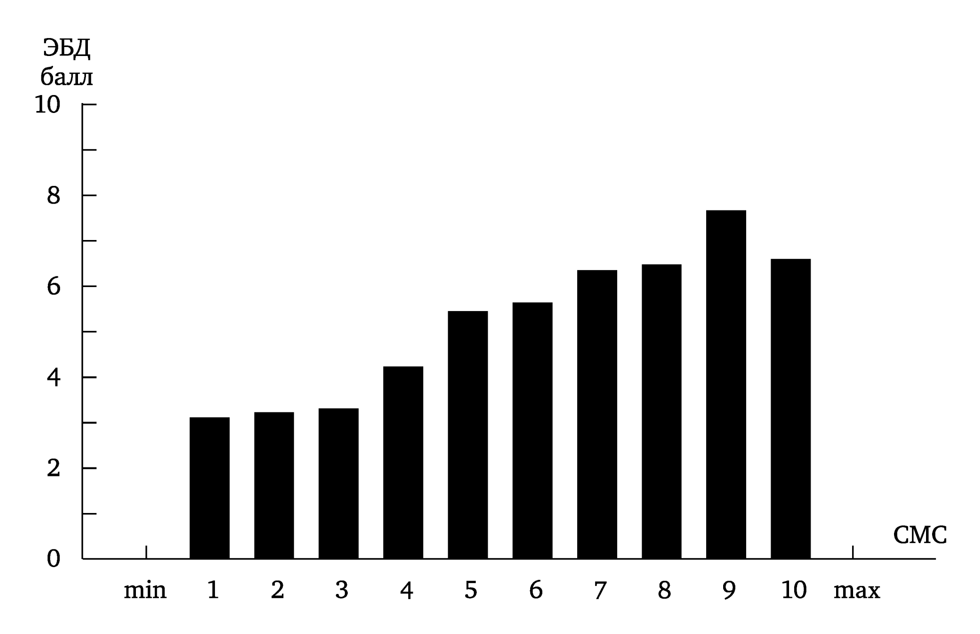

Рис. 4.10. **Графическое изображение зависимости эффективности боевой деятельности (ЭБД) от социометрического статуса (СМС) в 10 однородных группах военнослужащих с показателями СМС от 1 до 10 баллов (метод обратной валидизации)**

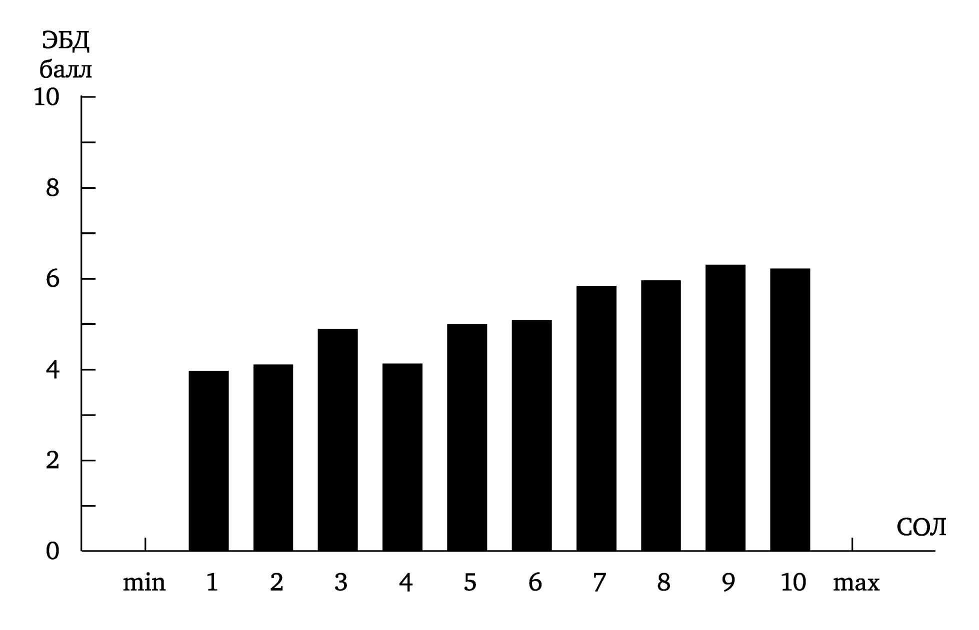

Рис. 4.11. **Графическое изображение зависимости успешности боевой адаптации (УБА) от уровня самооценки личности (СОЛ) в 10 однородных группах военнослужащих с показателями СОЛ от 1 до 10 баллов (метод обратной валидизации)**

Применительно к состоянию физиологических резервов также была установлена нелинейная зависимость (см. рис. 4.12). Значительное и устойчивое повышение успешности боевой адаптации определялось в группах лиц, у которых интегральный показатель физиологических резервов составлял 5—7 стэнов, что соответствовало популяционной норме (пульс 67—80 в 1 мин, АД-max — 102—114 мм рт. ст., АД-min — 60—74 мм рт. ст., «пульсовое» давление 32—44 мм рт. ст., частота дыхания — 11—15 полных циклов в 1 мин). Как при снижении интегрального показателя физиологических резервов («ваготонический сдвиг»), так и при его повышении («симпатотония») отмечалась негативная динамика успешности боевой адаптации. При этом склонность к «ваготонии» являлась более неблагоприятным признаком, нежели склонность к «симпатотонии».

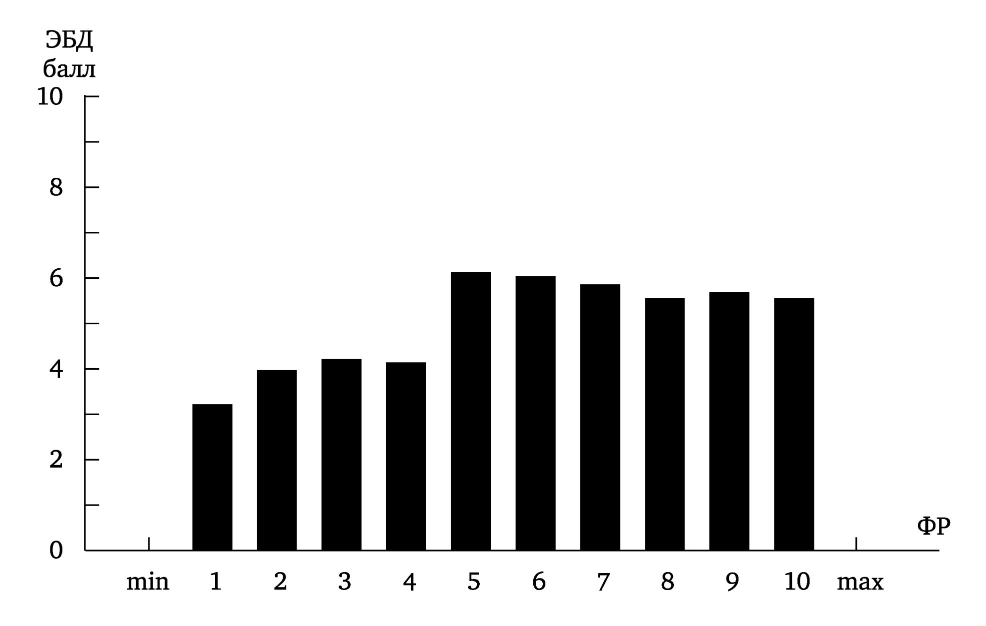

Рис. 4.12. **Графическое изображение зависимости успешности боевой адаптации (УБА) от состояния физиологических резервов (ФР) в 10 однородных группах военнослужащих с показателями ФР от 1 до 10 баллов (метод обратной валидизации)**

С учетом установленных для валидизированных прогностических показателей величин пороговых критериев разделение военнослужащих на четыре (принятых в Советской армии) группы психологической пригодности представлено в табл. 4.24. Военнослужащие с первой группой психологической пригодности «рекомендовались к укомплектованию боевых подразделений в первую очередь» (высокий прогноз успешности боевой деятельности); со второй группой пригодности — получали заключение «рекомендуются» (хороший прогноз); с третьей — «рекомендуются условно» (прогноз сомнительный или нео-

пределенный), могут включаться в состав боевых подразделений при недостатке лиц, принадлежащих к 1—2 группам, или использоваться для укомплектования подразделений обеспечения боевых действий; с четвертой группой — «не рекомендуются», как не соответствующие требованиям боевой деятельности.

Таблица 4.24

Критерии профессионального отбора и распределения военнослужащих по группам профессиональной пригодности к деятельности в составе боевых подразделений

Группа пригодности	Пороговые критерии общего интеллектуального развития (ОИР), нервно-психической устойчивости (НПУ), общей физической подготовленности (ОФП), социометрического статуса (СМС), самооценки личности (СОЛ) и физиологических резервов (ФР) в стэнах						Содержательная интерпретация заключения о группе пригодности
	ОИР	НПУ	ОФП	СМС	СОЛ	ФР	
I	5—6	5 и более	5 и более	5 и более	5 и более	5—6	Рекомендуются для укомплектования спецподразделений в первую очередь, в том числе — в качестве сержантов и старшин
II	4 и 7	4	4	4	4	4 и 7	Рекомендуются для укомплектования спецподразделений
III	3 и 8	3	3	3	3	3 и 8	Рекомендуются условно, могут использоваться для укомплектования подразделений обеспечения деятельности спецконтингентов
IV	1—2 и 9—10	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2 и 9—10	Для укомплектования спецподразделений не рекомендуются

Глава 5
ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ДИНАМИКИ В ПРОЦЕССЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УВОЛЕННЫХ В ЗАПАС

5.1. Особенности личностной динамики под влиянием боевых действий

Вряд ли нуждается в обосновании тот факт, что с увеличением срока службы в составе боевых подразделений существенно повышается эффективность боевой деятельности и успешность боевой (психологической и физиологической) адаптации. «Обстрелянный солдат» — это золотой фонд любой армии[1]. Если у прослуживших в Афганистане 6 и менее месяцев эффективность боевой деятельности оценивалась в 4,3 балла, то у прослуживших 11—12 месяцев она составляла уже 6,1 балла, а у воевавших 18 и более месяцев — 7,5 балла. Аналогичная динамика определялась и при изучении успешности боевой адаптации: 5,6 — 6,4 — 7,4 балла (табл. 5.1).

Как показали непосредственные наблюдения и экспериментальные исследования, наиболее существенными психологическими феноменами, связанными с боевой деятельностью, являются рост самоуважения, чувства собственного достоинства, уровня притязаний и самооценки, повышение социометрического статуса личности, физической подготовленности и выносливости, а также мотивации к боевой деятельности (см. табл. 5.1) при одновременном повышении чувствительности к любым проявлениям нарушений групповой морали и принципов социальной справедливости.

[1] Как известно из военной психологии, в первом бою до 90% боекомплекта расстреливается «в воздух», а «реальный солдат» появляется только к 3—5-му бою, обычно — после ранения или гибели товарищей. Именно после этого формируется осознание двух альтернатив любого боевого столкновения: убить или быть убитым. Профессиональным солдатом военнослужащий становится не ранее 3 месяцев непрерывного участия в боевых действиях. Очень ярко это положение демонстрирует соотношение потерь немецкой (воевавшей уже около 2 лет) и советской армий в 1941 году: в июне 1941 — 1 : 32; к сентябрю 1941 — 1 : 24; а к периоду завершения битвы за Москву (20.04.1942) — 1 : 12.

Таблица 5.1

Сравнительный анализ результатов обследования групп военнослужащих с различными сроками службы в составе боевых подразделений по основным структурно-комплексным показателям

Наименование исследуемых показателей	Значения анализируемых показателей ($x \pm m$) в группах испытуемых с различным опытом деятельности и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)					
	Группа № 1 (6 мес. и менее)	$P <$ групп 1—2	Группа № 2 (11—12 мес.)	$P <$ групп 2—3	Группа № 3 (18 мес. и более)	$P <$ групп 3—1
	(n = 45)		(n = 48)		(n = 21)	
Эффективность деятельности	4,3 ± 0,27	**	6,1 ± 0,27	**	7,5 ± 0,44	**
Успешность адаптации	5,8 ± 0,27	—	6,4 ± 0,29	—	7,4 ± 0,43	**
Интеллектуальные функции:						
• продуктивность	5,5 ± 0,27	—	5,5 ± 0,28	—	5,7 ± 0,39	—
• эффективность	5,3 ± 0,39	—	5,5 ± 0,36	—	6,2 ± 0,25	—
• надежность	5,4 ± 0,29	—	5,5 ± 0,27	—	6,3 ± 0,30	*
Нервно-психическая устойчивость	5,3 ± 0,37	—	5,5 ± 0,27	—	5,8 ± 0,53	
Общая физическая подготовленность	5,2 ± 0,28	—	5,3 ± 0,24	—	5,3 ± 0,43	
• физическая выносливость	4,8 ± 0,31	**	5,8 ± 0,30	—	5,6 ± 0,48	—
Социометрический статус	4,7 ± 0,31	**	5,6 ± 0,24	**	6,7 ± 0,37	**

Окончание табл. 5.1

Наименование исследуемых показателей	**Значения анализируемых показателей ($x \pm m$) в группах испытуемых с различным опытом деятельности и достоверность различий между ними ($P < 0,05$ — *, $P < 0,01$ — **)**					
	Группа № 1 (6 мес. и менее)	***P* < групп 1—2**	**Группа № 2 (11—12 мес.)**	***P* < групп 2—3**	**Группа № 3 (18 мес. и более)**	***P* < групп 3—1**
	(n = 45)		**(n = 48)**		**(n = 21)**	
Самооценка личности	5,3 ± 0,31	—	5,4 ± 0,24	—	6,6 ± 0,51	*
Физиологические резервы	5,1 ± 0,28	—	5,4 ± 0,36	—	6,3 ± 0,38	**
Мотивация к специальности	8,2 ± 0,46	—	7,8 ± 0,41	—	8,0 ± 0,37	—
Мотивация к деятельности	5,1 ± 0,38	—	5,5 ± 0,28	**	7,7 ± 0,51	**
Уровень притязаний	4,7 ± 0,33	—	5,7 ± 0,30	—	5,9 ± 0,34	**
Склонность к риску (по Шуберту)	4,9 ± 0,29	—	5,2 ± 0,29	—	5,9 ± 0,31	*
Склонность к фрустрации	5,8 ± 0,31	—	5,4 ± 0,27	—	5,1 ± 0,49	—
Конфликтность (по методике «Неоконченные предложения»)	4,9 ± 0,40		5,3 ± 0,26		5,4 ± 0,34	
«Аутогенная норма» (по методике Лю- шера)	5,9 ± 0,25		5,1 ± 0,31		5,7 ± 0,40	

В отношении интегральных показателей интеллектуальной деятельности можно отметить, что продуктивность (темп мышления) существенно не изменялась, но повышалась эффективность (рациональный компонент) и надежность принимаемых решений при одновременном значительном сужении интеллектуальных интересов.

Уровень нервно-психической устойчивости в среднем повышался. Однако при анализе состояния нервно-психической устойчивости в группах военнослужащих с ее исходно (по прибытию в РА) различными уровнями можно отметить следующую тенденцию: у лиц с обычным (популяционным) и высоким уровнем она повышалась, а улиц с исходно низким (4 и менее стэнов) — снижалась. Аналогичные тенденции установлены и в группах военнослужащих с различными уровнями физической подготовленности.

В отношении динамики нервно-психической устойчивости следует отметить ее качественное своеобразие. В процессе боевых действий постепенно формировалась специфическая устойчивость (вплоть до своеобразной эмоциональной холодности) к «внешним» негативным психоэмоциональным факторам, включая гибель товарищей и физические страдания, при одновременном значительном снижении индивидуальной переносимости любых «внутренних» переживаний и действий или поступков окружающих, прямо или косвенно затрагивающих чувство собственного достоинства и значимые содержания эмоциональной сферы военнослужащих. В последних случаях на фоне относительного «эмоционального комфорта» нередко развивались аффективные реакции с яркими проявлениями агрессии (в большинстве случаев — физической) в отношении источника психической травмы.

У военнослужащих, прослуживших в составе боевых подразделений более года, существенно повышались (см. табл. 5.1): статус в воинском коллективе, самооценка, мотивация к своей воинской специальности и боевой деятельности, уровень притязаний, склонность к риску и показатель общей конфликтности (при одновременном снижении склонности к фрустрации и, как уже отмечалось, моральной нормативности). При сравнении результатов обследования с помощью 16-факторного личностного опросника отмечалось статистически достоверное повышение эмоциональной устойчивости (по фактору С 16-ФЛО с 7,2 до 8,6 стэна, $P < 0,05$), формирование предрасположенности к агрессивности и «жесткости» жизненной позиции и поведения (снижение показателей по фактору I 16-ФЛО с 6,6 до 4,9, $P < 0,005$), уменьшение социальной опосредованности поведенческих реакций (по фактору N 16-ФЛО с 5,6 до 3,8, $P < 0,005$), снижение тревожности, склонности к рефлексии «чувства вины» и зависимости от группы (факторы О, Ql, Q2 16-ФЛО, $0,01 < P < 0,05$). Сравнение данных по шкалам стандартизированного метода исследования личности показало, что в течение первого года службы в составе боевых подразделений статистически достоверно снижалась предрасположенность к формированию депрессивных и психастенических реакций (шкалы D и Pt СМИЛ, $P < 0,05$),

однако к середине второго года наблюдались противоположные тенденции. На протяжении всего периода службы в составе боевых контингентов отмечалось снижение предрасположенности к формированию ипохондрических реакций и повышение экстравертированности (шкалы Hs и Si СМИЛ), а в физиологической сфере наблюдался определенный «симпатотонический сдвиг» (см. табл. 5.1) при одновременном уменьшении показателей «прироста» частоты сердечных сокращений и давления крови при дозированной физической нагрузке, а также — увеличении временных отрезков их реституции (возвращения к исходному уровню), что может быть интерпретировано как свидетельство явлений нарастающего утомления. Это позволяло сделать вывод, что при ведении локальных войн сроки службы в составе боевых контингентов целесообразно ограничивать 12 месяцами с последующей заменой, однако, эти замены не должны быть одномоментными и массовыми (т.е. не более 10% из каждого подразделения по «скользящему» графику).

5.2. Психологические проблемы уволенных в запас из числа личного состава 40-й армии

Учитывая особенности личностной динамики, имеющей как позитивную, так и негативную направленность, а также формирующийся под влиянием боевой деятельности стереотип решения проблем «с позиции силы» — вопросы социально-психологической реабилитации к условиям мирной жизни военнослужащих, прибывших из РА и уволенных в запас, требовали самого пристального внимания. Еще в 1986 году нами предлагалась программа исследований в этом направлении с последующей разработкой специальной государственной программы реабилитации бывших участников боевых действий. Это предложение получило позитивную оценку командования Вооруженных сил СССР, однако последующие события в стране и ее распад не позволили реализовать эти планы — они постепенно отошли «на второй план», а затем (в силу известных экономических причин) были отложены на неопределенный срок.

С 1986 года (в период Перестройки) социальная атмосфера в обществе динамично менялась, и большинство участников боевых действий возвращались совсем в другую страну, где многие из идеалов и принципов советского периода постепенно уходили в прошлое. Для демонстративности мироощущения участников боевых действий приведу несколько высказываний бывших военнослужащих, только что прибывших из РА (1989).

Старший лейтенант К.:

«Мне казалось, если я изменился в Афганистане, то и все должны были измениться. Но на самом деле это не так. Несправедливость кажется мне дикостью. Наверное,

у многих моих товарищей такое восприятие. А что делать? Как вывести хапугу, обманщика на чистую воду? Понятно, нужно обратиться, куда следует — в милицию, прокуратуру, но ведь это далеко не всегда приносит желаемый результат: слишком увертливы и опытны в своих грязных делах нарушители. С нечестным человеком я могу бороться и сам, только будет ли это законно?..».

Сержант К.:
«Там, в Афганистане, любой вопрос, любое твое предложение решались оперативно. Мы привыкли за два года к этому. Здесь все по-другому».

Старшина Ж.:
«У меня иногда появляется такое желание собрать всех своих ребят и “двинуть” по всем этим конторам и управлениям. Если бы нам еще доверие, да оружие, мы бы быстро навели порядок. И начали бы с милиции...».

Вряд ли уместно напоминать, что участники войн традиционно пользовались в Российской империи (и СССР) особым уважением и почетом. Возвращаясь непосредственно из боевой обстановки к невоевавшим родителям (после Второй мировой войны прошло уже более 40 лет) и имея, как правило, более активную социальную позицию, уволенные в запас в первый период Афганской войны (до 1985 года) обычно приобретали особый статус в семье, первичном трудовом или учебном коллективе и в своей возрастной группе в целом. Однако в последующем отношение к участникам локальной войны качественно изменилось, и далеко не в лучшую сторону. Нужно подчеркнуть, что речь идет не об отдельных лицах, а о целом поколении людей, отличающихся по возрасту иногда на 10 и более лет, но объединенных тем, что все они принадлежат к «афганцам», общее количество которых среди взрослого населения страны составляет около 1 млн человек.

Само укоренившееся наименование этих людей («афганцы», в отличие от употребляемого в официальной печати — «воины- интернационалисты») несет в себе глубокий содержательный смысл и имело на тот период лишь один аналог — в США («вьетнамцы»). В послевоенные (сороковые) годы XX века и у нас, и в других странах антигитлеровской коалиции было одно общее понятие — «фронтовик», не включавшее в себя определения страны, на территории которой воевал или окончил войну тот или иной военнослужащий. Аналогий между вьетнамской войной и войной в Афганистане можно было бы провести достаточно много. В последующих разделах мы попытаемся установить наиболее общие психологические параллели, а также экстраполировать некоторые закономерности возникновения и развития «вьетнамского синдрома», уже давно обретшего статус официального психологического и медицинского (психиатрического) термина. Но вначале остановимся на советской специфике.

Первым и главным отличием этой войны от Великой Отечественной являлось то, что по сравнению с героической борьбой с фашизмом (1941—1945), которая в историческом сознании народа ассоциировалась с нападением на нашу страну и, соответственно, с угрозой

оккупации и порабощения, в том числе собственных матерей, отцов, детей, а также с утратой безусловно принимаемых большинством социума идеалов и ценностей, полностью отсутствовали такие важные психологические феномены, как идеологическое обеспечение[1] и ненависть к врагу. Во-вторых, во время Великой Отечественной деление на фронт и тыл было весьма условным — вся страна и все ее ресурсы были отмобилизованы, в каждой семье кто-то воевал и погибал, кто-то отдавал все свои силы для работы в тылу, но главным лозунгом для всего населения страны были всего две фразы: «Все для фронта, все для победы!». В данном случае — страна продолжала жить своей обычной жизнью, в то время как часть ее населения, а именно — юноши, которым выпало «счастье» как раз в этот период дорасти до призывной категории, были вынуждены сражаться за сомнительной ценности и идеалы «афганской революции» и погибать вдали от Родины. Для полноты представлений нужно отметить, что эти «идеалы и ценности» быстро дезавуировались в процессе службы в Афганистане, одновременно ставя под сомнение все советские идеалы и ценности. Советские солдаты и офицеры быстро узнавали, что большинство членов ЦК правящей Народно-демократической партии РА принадлежат к крупным землевладельцам, среди них (несмотря на религиозные ограничения) были далеко не единичны случаи пьянства, взяточничества, многоженства, коррупции, межплеменной и межклановой розни и т.п. Именно наши военнослужащие несли караульную службу во дворце президента Афганистана, по сути — охраняя его от собственного народа и одновременно непосредственно наблюдая всю специфику «дворцовой жизни» марионеточных фигур высшего руководства страны. Приведенные явления были особенно характерны в период нахождения во главе партии и государства Бабрака Кармаля, популярность которого среди населения Афганистана и наших войск была крайне низкой.

Наша печать не раз приводила популярный среди бывших «вьетнамцев» США лозунг: «Америка предала нас». Аналогичные высказывания были характерны и для бывших «афганцев» уже в конце 1980-х годов. Специалистам хорошо известно, что социально-психологические проблемы бывших «вьетнамцев» со всей остротой проявились лишь через несколько лет после окончания войны. По данным американских психологов и психиатров (на конец 1980-х годов), за последовавшие 20 лет количество самоубийств среди бывших солдат и офицеров превышало средний уровень этого показателя в стране на 35%, количество разводов — на 38%, страдающих алкоголизмом и наркоманов — на 50% (далее будут приведены уточненные данные). А общее количество бывших «вьетнамцев», покончивших жизнь самоубийством, превышало

[1] Идеи «интернациональной помощи» афганскому народу, которые настойчиво пропагандировались в качестве идеологического обеспечения боевых действий, не выдерживали никакой критики, так как к 1985 году Советской армии противостоял фактически весь афганский народ.

число погибших за весь период «непопулярной» войны. Наряду со значительной «прослойкой» бывших «вьетнамцев» среди управленческого аппарата, включая конгресс США и правительство (где они составляли около 10%), многие из них пополнили ряды асоциальных и преступных элементов. При этом совершаемые ими преступления в ряде случаев отличались особой жестокостью. Когда эта проблема обсуждалась мной с бывшими «афганцами», они объясняли такие случаи (сведения о которых в виде «печальных исключений» появлялись в советской печати), с одной стороны, «озлобленностью на тех, кто не воевал, а жил, сладко ел, пил и наживался», а с другой — тем, что, как заявил один из респондентов: «Мы уже знаем, что можно убить человека и после этого жить так же, как и все...»

Отчасти справедливая дискредитация политической подоплеки Афганской войны в официальной печати, которая началась еще в период Перестройки, «автоматически» приводила к дискредитации не подлежащих сомнению личных подвигов конкретных военнослужащих. Если в послевоенный период 1940-х годов практически все руководящие посты в государстве, в том числе в низовом звене управления занимали бывшие фронтовики, хорошо понимавшие специфику состояния уволенных из действующей армии и во многом руководствовавшиеся законами фронтового братства, то в постафганский период этого, естественно, не было. Как не было и нет должного понимания того, что солдаты воевали не только «руками», но и душами, которые, даже при отсутствии физических травм, бесспорно, изранены и нуждаются в терапии. Неразвитость психологической и психотерапевтической помощи в стране, а также то, что значительная часть бывших «афганцев» жила «в глубинке», где о такой помощи не было даже примитивных представлений, ставило эту проблему в разряд трудноразрешимых и требующих крупных организационных решений. Эти решения до сих пор не приняты и даже не обсуждаются.

Накануне 65-летия великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне (2010), когда внимание к нуждам участников Второй мировой войны, по сути, впервые было поставлено в качестве одной из приоритетных государственных задач, ощущения афганцев как «ветеранов второго сорта» лишь усилились. Вне сомнения, определенную роль в таком «делении» ветеранов играет экономическое состояние страны, так как реальная реабилитация участников боевых действий — это удел богатых стран.

По данным, предоставленным нашими зарубежными коллегами, годовой бюджет Всеамериканской администрации ветеранов в настоящее время составляет около 30 млрд долларов. В США постоянно действуют 172 госпиталя для ветеранов, практически во всех крупных городах имеются специальные реабилитационные центры, в штате которых обязательными являются должности психологов и психотерапевтов. Ежемесячное денежное пособие для инвалидов составляет не менее 2000 долларов.

Еще в 1970-е годы в связи с изучением «вьетнамского синдрома» в американскую психологию и медицину вошел новый термин — «посттравматический стрессовый синдром» (который до середины 1990-х годов вообще не принимался во внимание в отечественной медицинской, психотерапевтической и судебной практике). В качестве основных признаков этого синдрома в тот период выделялись нервно-психическая неустойчивость с предрасположенностью к суицидальным действиям даже при минимальных психотравмирующих факторах и склонность к особо жестоким видам гетероагрессии. В качестве других проявлений этого синдрома упоминались различные фобии (например, «страх нападения сзади»), бредовые идеи идентификации себя с убитыми, навязчивые идеи самобичевания за то, что остался жив, повторяющиеся кошмарные сновидения и др. Одной из особенностей, установленных еще в начальный период изучения этого синдрома, являлось то, что с течением времени его признаки лишь обостряются, что в целом характерно не столько для невротической, сколько для психотической патологии.

В психотерапии уже давно является общепринятым, что самой лучшей терапевтической системой является семья. Исходя из этого в американской реабилитационной системе были приняты законодательные акты, предусматривающие оказание бесплатной психотерапевтической и медицинской помощи женам ветеранов, так как именно они принимают на себя основной груз «дневной психопатологии» и того, что прорывается из ночных кошмаров. Для отечественной системы реабилитации это все еще остается отдаленным и неопределенным будущим.

5.3. Особенности состояния и поведения военнослужащих частей, прибывших из Афганистана

Проведенное нами (совместно с В. А. Корзуниным) в апреле 1989 года исследование процессов социально-психологической реабилитации 62 военнослужащих войсковой части 07197, в феврале того же года прибывших из РА, показало, что в сравнении с контрольной группой (49 военнослужащих той же части, постоянно проходивших службу на территории СССР), они отличались (статистически достоверно) более низкой нервно-психической устойчивостью (по методике «Прогноз»), повышенной личностной и ситуационной тревожностью (по шкале Спилбергера), имели более низкие оценки самочувствия и активности (по шкале САН). Их поведенческие реакции характеризовались неуверенностью в себе, снижением интереса к групповой деятельности и службе в целом, ориентацией «на себя» и поглощенностью собственными переживаниями при отсутствии каких-либо тенденций представить себя «в более выгодном свете» (результаты непосредственных наблюдений и их сопоставление с показателями по факторам G, M, Ql, Q4 16-ФЛО, шкалам L и Pt СМИЛ). При фрустрирующих ситуациях

они, как правило, демонстрировали реакции препятственно-доминантного или «застревающего» типа (OD, по Розенцвейгу), которые в абсолютном большинстве случаев превалировали над самозащитными (ED) и разрешающими (NP); в структуре реагирования на конфликт отмечалась тенденция к избеганию фрустрирующих факторов и ситуаций (M') при одновременной предрасположенности принимать ответственность за разрешение возникающих трудностей на себя (i).

В смешанном воинском коллективе (воевавших и невоевавших) прибывшие из РА демонстрировали более низкий уровень коммуникативности и склонность ограничивать круг общения собственной референтной группой. Этим же, вероятно, объяснялся их более низкий социометрический статус в смешанном коллективе[1]. Таким образом, переход из боевой обстановки к условиям воинской службы в учебных частях характеризовался чрезвычайно негативной динамикой, в целом — даже более негативной, чем в результате длительной и непрерывной (до 18 месяцев) деятельности в составе боевых контингентов.

При проведении анонимного опроса о ретроспективной оценке завершившейся войны и связанных с этим событием надеждами было установлено, что:

- позитивно оценивали присутствие советских войск в РА — 10,2% (основные варианты ответов: «оказали помощь», «научились воевать», «сделали Афганистан дружественной страной», «показали мощь советского солдата»);
- не имели определенного мнения — 17,4%;
- оценивали участие СССР в войне отрицательно — 72,4% (основные варианты ответов: «большая ошибка правительства», «бесполезные жертвы», «никакой пользы не принесла», «разоряет нашу страну», «пусть афганцы сами дерутся» и т.п.).

Не имели никаких позитивных надежд, связанных с окончанием войны, — 15,3%; выражали надежду на улучшение экономического положения страны (в том числе благодаря «экономии» людских ресурсов — «перестанут гибнуть молодые парни») — 10,2%; не смогли дать определенный ответ 27,6%. В остальных случаях (46,9%) надежды связывались лишь с ближайшим будущим — «отдохнуть», «дослужить», «уволиться», «вернуться домой живым» и т.д. Позитивные жизненные программы, имеющие долговременную перспективу, связанную с обучением, приобретением профессии, активной деятельностью в той или иной степени присутствовали лишь в 17,8% ответов.

Оценивая морально-психологический климат в воинских коллективах частей, выведенных из Афганистана, 82,7% военнослужащих считали, что он (в сравнении с боевой обстановкой) практически не изменился. 15,3% опрошенных отмечали ухудшение морально-пси-

[1] Невоевавших в этом подразделении было большинство, но в качестве контрольной группы к обследованию привлекли лишь 49 из них.

хологического климата, преимущественно в связи с «недоверием к нам (афганцам)», «невниманием к их нуждам и интересам», «усталостью и нервозностью», «неопределенностью сроков и задержкой увольнения», «изменением отношения командиров» (особенно из числа вновь назначенных, не имевших боевого опыта). Психологическая необоснованность последнего решения нами была особо выделена в отчете, представленном командованию, но, как оказалось позднее, это решение по «отделению» командиров боевых подразделений от их личного состава (в условиях нестабильной ситуации в стране) имело вполне определенную политическую подоплеку.

В дополнение к указанному выше необходимо подчеркнуть, что как минимум 50% бывших «афганцев» с той или иной регулярностью в период боевых действий употребляли наркотические препараты, 85% имели пониженный эмоциональный фон и различные формы нарушений сна. За последующий период эти негативные проявления посттравматрического синдрома могли отчасти купироваться самостоятельно, но с такой же степенью вероятности — могли только нарастать. Как известно из клинической психотерапевтической практики, наркомании чаще развиваются у людей, лишенных «нормальной» юности с ее обычной психологической атрибутикой: родительской защищенностью, бесшабашностью, фантазерством, обилием и поверхностностью контактов, отсутствием серьезных социальных, экономических и прочих проблем. На фоне лишения нормальной юности, обретение специальности, семьи и стабильная трудовая деятельность, как правило, не становится естественным продолжением социализации, т.е. — тем фактором, который позволяет осознать себя как личность, подняться по социальной лестнице и преодолеть возрастные кризисы перехода к зрелости и ответственности. Когда эта проблема обсуждалась с моими зарубежными коллегами, они отметили дополнительную причину, мало учитываемую в отечественной психологии. В частности, имелось в виду снижение накала классовой борьбы и противостояния двух систем и, как следствие, лишение молодежи «образа врага», в существенной степени определявшего ее коллективную солидарность и готовность к борьбе. В этих условиях для закаленных в боях молодых людей поиск самоактуализации нередко может заканчиваться в различных антиобщественных и неформальных организациях, а также в криминальных группировках, среде алкоголиков и наркоманов. Несмотря на дискуссионность излагаемых положений, нельзя не признать их право на существование и необходимость осмысления применительно к современной социальной действительности.

Глава 6
ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ — КОРЕЯ, ВЬЕТНАМ И АФГАНИСТАН: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧИЯ

6.1. Увольнение в запас

В этом разделе мы попытаемся провести некоторые параллели между корейскими, вьетнамскими[1] и афганскими событиями, акцентируя

[1] Мы привыкли называть ее Вьетнамской войной, хотя в западной литературе она именуется 2-й индокитайской (1-я индокитайская война (1945—1954) закончилась поражением Франции и разделом Вьетнама на две части — Северный, или ДРВ (со столицей в Ханое), и Южный — РВ (со столицей в Сайгоне)) которая, так же как и Афганская, длилась 10 лет (1965—1975). Поводом для начала военных действий послужил обстрел американского эсминца кораблями береговой охраны Демократической Республики Вьетнам. Этот инцидент случился в августе 1964 года. А в марте 1965 года решением президента США Джонсона для «защиты» Южного Вьетнама от прокоммунистически настроенных партизан в регион была переброшена полумиллионная армия, оснащенная всеми видами современного вооружения. Безусловно, это был испытательный полигон, весьма эффективно использованный американской армией. В процессе ожесточенного противостояния американцами активно применялись дефолианты, уничтожая листву на огромных площадях, проводились ковровые бомбардировки, испытывались новые разработки напалма, стрелковое оружие, обмундирование, средства спасения и связи. Постепенно в боевые действия вовлеклись сопредельные страны — Лаос и Камбоджа, чем и было обусловлено второе наименование войны. К началу 1968 года стало ясно, что победить в этой войне, скорее всего, не удастся ни одной из сторон; недовольство в американском обществе нарастало, молодежь отказывалась от участия в бессмысленной войне и проводила массовые антивоенные демонстрации. В литературе впервые появилось понятие «вьетнамский синдром», которое объединяло не только психопатологические расстройства, но и определенные настроения в обществе (включая антиправительственные). Постоянно растущее количество погибших при отсутствии победоносных достижений стало восприниматься в американском обществе как чрезмерная плата за торжество западных идей. И тогда начались поиски возможности для достойного выхода из тупиковой ситуации. Переговоры велись с 1968 по 1973 год, когда американская армия покинула Индокитай, но война между двумя вьетнамскими государствами продолжалась еще 2 года (до апреля 1975). За весь период войны США потеряли 58 209 военнослужащих, в том числе — 47 424 составили боевые потери и 10 785 человек — не боевые (т.е. — каждый пятый погиб в результате транспортного происшествия или в результате вооруженых «разборок» среди своих, умер от болезни или покончил жизь самоубийством). Средний возраст погибших — 22,8 года. Учитывая, что через Вьетнам «прошли» 2 590 000 американцев, число убитых не превышает 2%. 303 704 военнослужащих получили ранения, при этом 50% раненых проходили лечение в госпиталях, а остальные получили необходимую медицинскую помощь непосредственно в частях и вернулись в строй. К моменту окончания войны числились ➲

внимание на специфике отношений к уволенным в запас. Еще в Корее в интересах снижения уровня и распространенности психических расстройств в боевой обстановке в армии США была введена «система пунктов», которая включала оценку как боевых, так и психических характеристик военнослужащих. При накоплении определенного (предельно допустимого) количества «пунктов» солдат возвращался домой независимо от срока службы, при этом нормы «острой боевой реакции» (по сравнении с предшествующими войнами) были значительно снижены. Во Вьетнаме была введена иная система — DEROS («дата ожидаемого возвращения»). Каждый солдат (система не касалась офицеров) уже перед отъездом из США знал дату своего возвращения в страну — не позднее чем через 12 месяцев. Особые «привилегии» предоставлялись только элитным морским пехотинцам, которые служили 13 месяцев. В случае тяжелых ранений, физических или психических травм, солдаты, как правило, отправлялись на лечение в США и уже не возвращались в строй.

В системе DEROS было множество специфических нюансов. Каждый солдат, как уже отмечалось, призывался индивидуально, и возвращался домой в соответствии с индивидуально назначенной датой. Его перелет во Вьетнам и возвращение обычным рейсовым самолетом были также индивидуальными. Целыми отрядами или подразделениями в зону боевых действий солдаты доставлялись достаточно редко. В этой индивидуализации события был особый психологический смысл: война для каждого начиналась в тот день, когда он прибывал во Вьетнам, и заканчивалась с отъездом. Таким образом нивелировалось чувство сопричастности с теми, кто воевал до него или будет воевать после, и даже с теми, кто воевал с ним, но еще не отслужил свой срок — каждый имел свой срок демобилизации («У каждого своя судьба»).

Это отчасти снижало боевое единство подразделений, но еще больше сказывалось на единстве ветеранов. Большинство ветеранов Второй мировой войны, которые воевали и возвращались в США на кораблях, проводили недели или даже месяцы вместе, эмоционально сближались

➲ пропавшими без вести 2600. Однако в результате до настоящего времени ведущихся поисковых работ на 11 мая 2007 года пропавшими без вести числятся 1784 военнослужащих. По вьетнамской армии точных данных нет: одни источники называют около 250 тыс. погибших и около 1 млн раненых; другие говорят о более чем 1 млн погибших из числа солдат и партизан и 4 млн мирных жителей. Эта война оказала мощное влияние на американское общество и предопределила ряд крупных реформ, как в гражданской, так и в военной сфере. Послевоенный кризис в США продолжался больше десяти лет, а его благополучное завершение отчасти следовало бы связать с началом Афганской войны (1979), которая стала своеобразным катализатором нового этапа объединения американского общества. Тяжелейший послевоенный (постафганский) социально-экономический кризис в СССР и России также длился, как минимум, 10 лет. Война окончилась в 1989, затем последовал распад СССР (1991), «шоковая терапия», бездумная приватизация, краткий период демократической эйфории сменился глубокой деморализаций и обнищанием большей части населения, усугубившийся вынужденным дефолтом (1998). В целом, можно было бы признать, что этот кризис далек от завершения.

и поддерживали друг друга, а также связи друг с другом еще в течение многих лет. У них было общее счастье — выжили, и общая радостная дата окончания войны. Для вьетнамского ветерана перелет домой в компании каких-то далеких от войны и незнакомых ему гражданских людей был датой «индивидуального триумфа», в котором, безусловно, присутствовали и радость, и чувство вины перед теми, кто остался на поле боя навсегда, или продолжал вести боевые действия в джунглях Вьетнама.

На смену убывающим домой прибывали молодые новобранцы, которых именовали «чертовы новые парни» — с нулевыми навыками боевой деятельности. Этих «новых парней» в подразделениях держали на дистанции, старались не брать на боевые в течение первых месяцев — чтобы их не убили, и чтобы не погибнуть из-за них самим.

Абсолютно аналогичным было отношение к новобранцам и в Афганистане. Уже закаленные в боях солдаты формировали свои особые группы в каждом подразделении, где действовала особая этика. Тех, кому оставалось служить «совсем ничего», начинали беречь и старались «не планировать на боевые» перед возвращением домой. Однако бывали исключения, и как очевидец, не могу их не упомянуть. Накануне одного из государственных праздников СССР очередная группа отслуживших уже была полностью подготовлена к отправке в Союз, а подразделение почти на 80% оказалось укомплектованным вновь прибывшими — необстрелянными солдатами и «новичками», прослужившими в ДРА около 3 месяцев. И хотя в праздники обычно соблюдалось перемирие, по пункту постоянной дислокации нашей части начал работать снайпер. Место расположения снайпера (в одной из пещер окружающих гарнизон гор) примерно засекли, и тогда несколько человек из «убывающих», в том числе — два односельчанина, предложили, что лучше они пойдут «выкуривать» снайпера, а то «молодых он всех положит». Снайпера они нашли, но один из двух друзей-односельчан погиб. Месть второго оглушенному лимонкой снайперу была страшной.

Американские специалисты отмечали, что по возвращении домой ветераны почти не писали своим сослуживцам, оставшимся во Вьетнаме, и редко собирались для встреч и воспоминаний после войны. Это сильно отличалось от того, что было после Второй мировой. Возможно, это объяснялось чувством вины из-за «преждевременного» отъезда или по отношению к неизвестной судьбе (оставшихся воевать и умирать), поэтому многие ветераны даже не пытались узнать, что случилось с теми, кто остался.

В СССР и России ситуация была качественно иной. Участники боевых действий выводились большими группами, какое-то время находились якобы «на реабилитации» в учебно-боевых частях. Уволенные в запас переписывались, перезванивались, создавали ветеранские общества, журналы и сайты, организации и предприятия, а в крупных городах их заселяли в так называемые афганские дома — многоэтажки, полностью «укомплектованные» семьями ветеранов. В последующем самым популярным видом деятельности для ветеранов стали охранные предприятия, тем более что устроиться на другую работу с «боевым анамнезом» было далеко не просто. И это было также качественным отличием от ситуации после Второй мировой.

Другой уникальный психологический фактор был также общим и для поствьетнамских, и для постафганских событий. Он состоял в трудности сколько-нибудь убедительного объяснения идеологических оснований завершившейся и явно не победоносной войны. Во Второй мировой нашим обеим странам угрожал вполне конкретный (внешний) противник, претензия которого на мировое господство и облик которого были хорошо известны. И были причины и поводы для формирования реальной ненависти к врагу, так же как и для формирования его конкретного образа. В локальных войнах была качественно иная ситуация. Враги редко носили военную форму, при этом врагами могли оказаться и женщины, и дети. Не было никаких типичных понятий тыла и района боевых действий, и практически в любом месте военнослужащие могли подвергнуться нападению. Навыки, полученные в процессе подготовки к боевым действиям в условиях обычной войны, оказывались хотя и значимыми, но отчасти бесполезными. Мины-ловушки, растяжки и фугасы, которые были причинами большого количества жертв, могли обнаружиться или взорваться где угодно. Захваченные и контролируемые войсками территории не имели никакого отношения к понятиям безопасности и не являлись свидетельством ситуационной или окончательной победы. Уже отвоеванные территории приходилось не раз «отбивать» заново.

Психологически это воспринималось как бесконечная война с вездесущим и одновременно неидентифицируемым противником, с постоянным ощущением бесполезности боевых операций, которые в конечном итоге сводились к какому-то трудно объяснимому перемещению своих войск и противника по одним и тем же аулам и горным перевалам. Общим результатом преимущественно минной войны было увеличение числа искалеченных и погибших. Минная война — это подлая война, и ненависть к любому, кто мог бы быть таким минером, будь то женщина или ребенок, мягко говоря, сильно осложняла отношение с населением. Отчасти странно, но всего через 20 лет ни во Вьетнаме, ни в Афганистане уже практически не было ненависти к бывшим солдатам, так же как и у бывших солдат к своим недавним врагам. Это имеет свое объяснение. Вся ненависть была переадресована к государствам и обществам, с молчаливого согласия которых велись эти войны, и к властным структурам, которые направили этих юношей воевать, а потом сделали все, чтобы поскорее забыть об этом.

После Второй мировой войны во всех странах антифашистской коалиции появилось множество высокохудожественных фильмов о героизме своих сограждан, о воинской дружбе, высоких чувствах преданности, патриотизма и самопожертвования. Тогда война касалась всех, и не было, фактически, ни одной семьи, даже в глубоком тылу, для которой она была бы чем-то внешним. Это, безусловно, создавало особый социальный статус ветеранов и способствовало их адаптации к новым социальным условиям. Вторая мировая война проходила через каждый дом, через мысли, надежды и сердца всех граждан той или иной

страны. Гражданское население периода локальных войн, совпавших с началом широкого распространения телевидения, получало информацию о боевых действиях в качестве одного из разделов обычных ежедневных новостей. Впервые началась «рутинизация» войны, т.е. — превращение ее в нечто обыденное, заслуживающее 2—3-минутного упоминания, наравне со сводками погоды. Постепенно и целенаправленно формировался феномен социального равнодушия и гражданского безмолвия. Некоторые, конечно, пытались с этим бороться, но что такое голоса некоторых в сравнении с многомиллионной аудиторией ТВ, которое настойчиво внушало: «Ничего необычного — просто идет война».

Ветераны Второй мировой возвращались домой победителями. Их встречали со слезами счастья и благодарности, с оркестрами, цветами, хлебом и солью. В США ветеранов встретили участники антивоенных маршей и протестов. А 40-ю армию, когда она выходила из Афганистана, на советской территории фактически не встречал никто. В США после Второй мировой многие курортные отели были перепрофилированы в специализированные пункты реабилитации, куда ветераны могли приехать со своими женами и семьями на период от двух недель до месяца, и еще раз прочувствовать уважение граждан и страны, встречаясь с губернаторами и сенаторами. Ветеранов Вьетнама встречали антивоенные толпы, их размещали на 2—3 дня на закрытых военных базах, и затем отправляли по домам. Наших — не встречал никто, кроме родителей и военкомов[1].

У всех воевавших почти всегда формируется особая иллюзия будущего. Война сильно меняет людей, и почти все выжившие считают, что если мы изменились, то и в мире что-то должно измениться, и измениться к лучшему. Но пока они воевали, мир жил своей жизнью, и если менялся, то далеко не всегда к лучшему. Но даже если бы он вообще

---

[1] После войны в Афганистане в стране впервые появились и постепенно приобрели массовый характер комитеты солдатских матерей, которые инициировали ряд законодательных подходов к проблеме правовой защиты военнослужащих и стали самыми последовательными приверженцами перехода к профессиональной армии. Их чувства мне понятны, и их вклад в общественный контроль над деятельностью призывных комиссий и армейской службой не подлежит сомнению. Но есть и другие аспекты проблемы. Мне приходилось встречаться с этими заслуживающими всяческого уважения женщинами, объединенными одним высоким порывом: «Мы не хотим, чтобы наши дети погибали!» Мне также приходилось задавать многим из них один и тот же вопрос: «Вы хотите, чтобы ваш сын вообще не владел оружием и методами вооруженной борьбы, когда хорошо подготовленный враг окажется у порога вашего дома?» В большинстве случаев ответ был примерно одним и тем же: «Профессиональная армия не должна этого допустить!» Трудно об этом писать, но этот тезис предполагает, что у профессиональных солдат не будет любящих их матерей или это будут исключительно сироты. Другой вариант ответа солдатских матерей состоял в том, что они совсем не против армейской службы, если солдаты и офицеры будут служить народу, а не обслуживать чьи-то политические и великодержавные амбиции. В целом, снисходительно-попустительское отношение общества к «уклонистам» пока мало исследовано и не получило адекватной оценки, а попытка решить эту проблему на основе материального стимулирования вряд ли что-то кардинально изменит.

не менялся, он уже никогда не будет соответствовать их представлениям и ожиданиям, а не воевавшее большинство — навсегда останется чужим. И они сами всегда будут немного чужими в этом мире. В силу этого многие ветераны локальных войн, по сравнению с ветеранами Второй мировой, испытывают гораздо больше проблем реадаптации к гражданской жизни.

Нужно отметить еще одну особенность Афганской войны. Впервые тела погибших возвращались для захоронения на родину. Все, безусловно, видели западное кино, в котором показывают до мельчайших элементов выверенную процедуру погребения американских солдат и офицеров, которую осуществляют специально подготовленные команды. Первые похороны советских солдат проводились с элементами трусливой таинственности, почти секретности и даже с участием спецслужб, «как бы чего не случилось». Война не пользовалась популярностью у народа. Ее упоминаний «стеснялись» даже местные партийные боссы. Погибших хоронили в дальних углах кладбищ, и если на одном и том же появлялось несколько могил молодых ребят — всегда подальше друг от друга. Но постепенно эта трусливая политика начала давать «сбой» — на похороны в маленьких селах, райцентрах и заштатных городках нередко собиралось почти все население. И это было не только проявлением сочувствия семье, но и единственно возможной в тот период формой молчаливого общественного протеста. Скрывая правду о героях, до конца исполнивших свой долг и сохранивших верность присяге, региональные и союзные лидеры Советского государства постепенно утрачивали право на их защиту (что со всей очевидностью проявилось в августе 1991). Провозглашенный несколько позднее некоторыми лидерами демократов лозунг о том, что «патриотизм — это последнее убежище негодяев», довершил развал армии. Человек с оружием, лишенный чувства патриотизма, может быть кем угодно — просто вооруженным гражданином, охотником, «оборотнем в погонах» или бандитом, но никак не защитником Отечества.

6.2. Итоги и аналогии Вьетнамской войны

Как уже отмечалось, во Вьетнаме было убито 58 148 американцев, в том числе 17 539 — состоявших в браке до отправки на войну. Средний возраст убитых составлял 22,8 года. Учитывая, что средний возраст американского призывника этого периода составлял 22,37 года, именно младшая возрастная группа погибала в первую очередь (61% — до 21 года), при этом 2/3 солдат и офицеров были добровольцами. Естественно, что это вызвало соответствующую реакцию в американском обществе и рост пацифистских настроений. Офицерский состав действующих частей составлял лишь 6598 человек, т.е. около 0,2% от всего личного состава. Средний возраст офицеров — 28,43 года.

Из 6250 медсестер за всю войну умерли от болезней и небоевых травм восемь и одна — погибла в бою.

Качественно изменилась интенсивность боевых действий. Если типичный американский солдат периода Второй мировой войны на Тихоокеанском театре боевых действий участвовал в среднем в 40 боевых операциях за 4 года (или — в 10 боевых операциях в год), то во Вьетнаме, где «рейды» проводились преимущественно в форме краткосрочных операций с использованием вертолетов, количество боевых операций в отдельные периоды доходило до 240 в год.

Хотя война во Вьетнаме фактически была проиграна, но американские эксперты так не считали, и обращали особое внимание на ее косвенный итог — насаждение коммунистической идеологии не увенчалось успехом в целом ряде стран: Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде и на Филиппинах. Закрепился раскол Кореи и Вьетнама.

97% участников боевых действий во Вьетнаме были демобилизованы со всеми установленными для ветеранов войн почестями. Социологические опросы, которые проводились в первые послевоенные годы, показали, что 91% американских ветеранов гордятся своим участием во Вьетнамской войне (в борьбе против коммунистической экспансии), а 74% заявляли, что согласились бы вновь оказаться на этой войне, даже зная, чем все это закончится[1]. Патриотическое воспитание с опорой на антикоммунизм, которое активно проводилось через американскую систему образования, безусловно, было чрезвычайно значимым. 79% направленных во Вьетнам имели среднее образование.

В результате боевых действий пострадал физически каждый десятый американский солдат. Хотя относительное количество убитых не пре-

[1] Война, как было позднее установлено в наших исследованиях, является достаточно привлекательным занятием. До 12% бывших участников боевых действий в Афганистане хотели бы посвятить свою жизнь военной службе по контракту в составе любой воюющей армии, относительно независимо от страны, предоставившей им такую возможность. Именно по этому принципу формируется Французский иностранный легион, основанный еще в 1831 году королем Луи-Филиппом. Одной из причин создания легиона была потребность сократить число иностранцев и «нежелательных социальных элементов» в Париже. Иностранный легион может использоваться только за пределами континентальной Франции, подчиняется только главе государства. Принятый на службу легионер получает новое имя, что защищает его от «излишних вопросов» и даже законодательного преследования за прошлые правонарушения (если он не находится в розыске). На службу после специальных испытаний и медицинского освидетельствования принимаются мужчины в возрасте от 17 до 40 лет. Минимальный срок первого контракта — 5 лет, после чего может быть присвоено звание сержанта. Чтобы дослужиться до офицерского звания, нужно быть или стать гражданином Франции. Получить гражданство легионер может после 3 лет безупречной службы. Жизнь каждого легионера страхуется при подписании контракта. Легионеры имеют право жениться, но только если восстанавливают свое имя и настоящую личность. После 20 лет службы легионер получает пожизненную пенсию. Он также может жить в специальных домах престарелых, предназначенных исключительно для ветеранов легиона. В настоящее время более 1/3 состава легиона укомплектовано выходцами из стран Восточной Европы и бывшего СССР.

вышало аналогичный показатель Второй мировой войны, существенно возросло (на 300%) количество ранений, которые приводили к деформациям и ампутациям. Более 75 000 ветеранов Вьетнама стали инвалидами. 23 214 остались парализованными, 2283 — потеряли конечности, 1081 — перенесли множественную ампутацию.

В процессе этой войны с обеих сторон было использовано 14 млн тонн взрывчатых веществ, что значительно больше, чем во время Второй мировой войны на всех театрах боевых действий. Финансовые затраты США составили (в нынешнем эквиваленте) более 1 трлн долларов, было сбито около 5 тыс. самолетов ВВС США. В настоящее время ветераны Вьетнама составляют 9,7% от всех американцев своего поколения.

6.3. Мифы об американском рае для ветеранов

В США нет специального праздника победы над Германией или Японией, и не проводятся парады войск, посвященные этим датам. Тем более — никак не отмечается окончание Вьетнамской войны. Но ряд аспектов работы с ветеранами заслуживает особого внимания.

Для решения проблем ветеранов всех войн в 1989 году был создан специальный Департамент по делам ветеранов, в котором на постоянной основе работают около 5 тыс. сотрудников, при этом им не рекомендуется поднимать или рассматривать любые вопросы, которые могли бы разъединять сообщество ветеранов. Департамент решает вопросы пособий для бывших военнослужащих, но право на них представляется только тем, кто полностью или частично утратил работоспособность — по состоянию здоровья или по возрасту. В целом, лишь 10% ветеранов или члены их семей получают государственные пособия и пенсии. Департамент также помогает демобилизованным получить образование, найти работу, предоставляет пособие на 6 месяцев после увольнения, способствует получению ссуд в банке на приобретение жилья, финансирует бесплатное захоронение ветеранов, а также членов их семей, оказывает помощь в частичном (около 8—12%) покрытии затрат по договорам медицинского страхования. Медицинская страховка позволяет оплачивать также получение психологической помощи. В совокупности на каждого ветерана расходуется около 10—14 тыс. долларов, в год. В стране действует около 750 ветеранских учреждений, включая 196 федеральных центров реабилитации и госпиталей.

Безусловно, нужно учитывать, что 10 тыс. в год (всех совокупных затрат на одного ветерана) — это, по американским меркам, не так уж много. США — очень богатая страна[1], а за все годы своего существования потери ее армии во всех войнах (включая Гражданскую войну

[1] Средняя зарплата в США на март 2010 составляла 26 804 долларов в год.

XIX века) составили около 900 тыс. человек. СССР только во Вторую мировую потерял более 25 млн[1].

Правовое определение понятия «ветеран» в США трактуется достаточно широко и включает помимо самих ветеранов их детей, родителей и вдов, которые могут пользоваться теми же льготами. В настоящее время в США насчитывается более 25 млн ветеранов, из них: ветеранов Первой мировой войны — 2503 человек, 5,5 млн — Второй мировой, 4 млн — корейской, 8,3 млн — вьетнамской, 1 753 530 ветеранов «войны в заливе». Еще не так давно в поименных списках департамента числилось 12 ветеранов Гражданской войны 1865 года и одна вдова ветерана этой же войны[2]. Департамент осуществляет планирование и прогнозирование затрат на содержание ветеранов. По его прогнозам к 2018 году не останется в живых ни одного участника Первой мировой, и останется около 360 тыс. участников войны 1939—1945 годов.

Как уже упоминалось, во Вьетнаме погибло около 58 тыс. американских военнослужащих, а после окончания боевых действий покончили с собой более 120 тыс. ветеранов. Только за один 2005 год (через 25 лет после окончания вьетнамской войны) покончили жизнь самоубийством 6256 ветеранов, или, как подсчитали американские журналисты, ежедневно сводили счеты с жизнью 17 ветеранов[3]. Для сравнения: боевые потери США во время вторжения в Ирак (2003) составляли в среднем 2,4 человека в день.

Современная российская статистика по этим вопросам автору неизвестна. Имеются только разрозненные данные. Например, расследование журналистов «Воронежской Газеты» показало, что к 2008 году смертность среди ветеранов Афганистана (в генерации 40—45-летних) составила 10%[4] (т.е. более 500 из 5200 участников войны, постоянно проживающих в городе), при этом каждый седьмой совершил самоубийство.

Клинический уровень посттравматических стрессовых расстройств диагностируется примерно у 20% ветеранов армии США, но эти цифры явно занижены. Бытовое насилие в семьях бывших военнослужащих

---

[1] Потери немецкой армии на Восточном фронте за весь период 1941—1945 годов составили от 4 до 5 млн человек, что позволило некоторым историкам отметить, что, по сути, Советский Союз «завалил» немецкую военную машину телами своих солдат. С этим можно согласиться лишь отчасти. Мощи немецкой военной машины были в гораздо большей степени противопоставлены советский (рабоче-крестьянский) патриотизм и коммунистическая идеология, а с другой — кроме обычного человеческого чувства ответственности за судьбу Родины и своих семей, страх перед режимом и возможными репрессиями родителей, жен и детей за любые формы неисполнения приказов или проявлений трусости.

[2] Эта женщина вышла замуж за престарелого ветерана в начале XX века.

[3] Уровень самоубийств в США на 2008 год составлял в среднем 8,9 человек на 100 тыс. населения, а среди ветеранов — 18,7 человек на 100 тыс., при этом — среди ветеранов возрастной группы 20—24-летних он поднимался до 22,9 на 100 тыс. (и был в 4 раза выше, чем в той же возрастной группе не участвовавших в боевых действиях).

[4] Средний уровень смертности в возрастной группе 40-летних по РФ в начале XXI века не превышает 2,5—3%, т.е. 25—30 человек на 1000.

в 5 раз превосходит аналогичный показатель среди гражданских лиц[1]. Уровень разводов в семьях ветеранов составляет около 90%. Они также лидируют по подверженности алкоголизму, наркоманиям, случаям асоциального и преступного поведения, что исходно затрудняет для них решение всех вопросов трудоустройства. Более одной третьей всех заключенных в США — также ветераны[2]. В 2005 году было зарегистрировано 2374 сексуальных домогательств со стороны бывших военнослужащих США, что на 40% больше, чем в предшествующем 2004[3]. Каждый четвертый бездомный (около 25%) в Америке — это участник боевых действий. Примечательно, что участники вьетнамской войны стали пополнять ряды бездомных примерно через 10 лет после окончания войны, что в целом соответствует клинического прогнозу при посттравматическом стрессовом расстройстве, которое характеризуется склонностью к последовательному усилению психопатологической симптоматики и социальной дезадаптации. По данным национальной организации США по борьбе с бездомностью на 2005 год, в качестве бездомных было зарегистрировано 194 254 ветерана.

Хотя официальные власти и демонстрируют свою озабоченность этими проблемами, регулярно обсуждая их в сенате или увольняя высокопоставленных чиновников за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по лечению ветеранов, все реализуемые меры являются явно неэффективными. Как заявил в 2005 году Майк Боуман — отец 23-летнего солдата, который после возвращения из Ирака покончил с собой: «Они не хотят, чтобы стало известно истинное число жертв». Бывший морской пехотинец Пол Рикхофф, основавший объединенную организацию ветеранов Ирака и Афганистана почти с клинической точностью характеризует состояние участников войны: «Не все возвращаются домой с ранениями, однако главное в том, что никто не возвращается

---

[1] В армии США используются специальные психотехнологии для снижения чувствительности солдат к процессам насилия, к крикам женщин или детей, которые могут умышленно применяться противником, чтобы ввести их в заблуждение, отвлечь их внимание или заманить в ловушку и уничтожить. Известны случаи, когда в Ираке американские солдаты издалека расстреливали приближающуюся к ним женщину, так как принимали прижатого к груди ребенка за бомбу. В данном случае вряд ли возможна однозначность оценок и суждений — террористки-смертницы с прижатыми к груди бомбами или детскими колясками начиненными взрывчаткой в современных условиях — не такая уж редкость.

[2] По опубликованным данным, в российских тюрьмах в настоящее время находится более 500 тыс. ветеранов. См.: *Ирецкий А. Н., Есаулова Ю. П.* «Потерянное поколение» — симптом или locus morbi социального кризиса // Социальный кризис и социальная катастрофа. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 114—117. По данным, представленным в интервью «Российской газете» от 06.04.2010 заместителем генерального прокурора РФ Е. Л. Забарчуком, количество отбывающих заключение постепенно снижается, и на 2010 год всего в местах лишения свободы содержится 861 687 человек Сколько среди них ветеранов в настоящее время — неизвестно.

[3] Бригадный генерал МакКейн, руководитель рабочей группы министерства обороны по профилактике и предотвращению преступлений в сексуальной сфере, отметил, что эти цифры сильно занижены, так как регистрируются не более 5% таких случаев насилия.

домой прежним». То же самое констатирует председатель комитета по делам ветеранов сената США Дэниел Акака: «Для слишком многих ветеранов возвращение домой с поля боя не становится окончанием конфликта...»

В 2007 году специальная исследовательская группа министерства обороны США признала, что психологические и психопатологические проблемы ветеранов демонстрируют «обескураживающий рост». С такими проблемами постоянно сталкиваются до 40% военнослужащих сухопутных войск, до 30% морских пехотинцев и 50% служивших в национальной гвардии.

В связи с этим в министерстве обороны США были начаты исследования по разработке препаратов, которые могли бы снижать влияние боевого стресса и вероятность развития посттравматического синдрома — что-то типа «бронежилета для психики» (в проекте это так и обозначается — «психологическая “кевларовая” защита»[1]). В качестве возможного варианта или поиска направления исследований назывался медицинский препарат — бета-адреноблокатор пропраналол (в отечественной практике он более известен как анаприлин), который широко применяется преимущественно при сердечной патологии в качестве антиаритмического средства (обладает также противоболевым и гипотензивным эффектом). Это предложение, вероятно, обусловливалось тем, что одним из побочных действий препарата является снижение чувства страха и, как следствие, индивидуальной реакции на психотравмирующие ситуации — основную причину развития посттравматических расстройств. То есть главная задача состояла в том, чтобы сделать американских солдат менее подверженными боевому стрессу, более устойчивыми к боли и ужасам войны. Этот проект был подвергнут обоснованной критике в американских СМИ, как попытка «перепрограммировать» психику военнослужащих, воздействовать на их систему ценностей и избавить их от мук совести и чувства вины за уничтожение себе подобных. Главный вопрос состоял в том: а как будут действовать такие запрограммированные «рыцари без страха и упрека» в последующей мирной жизни? Тем не менее нет сомнений, что исследования в этом направлении продолжаются.

6.4. Стратегические итоги непобедоносных войн

Вьетнамская война и ее исход, казалось бы, убедительно продемонстрировали, что даже самая мощная и оснащенная самым современным оружием армия не способна победить в ситуации партизанского проти-

[1] Кевлар — синтетическое волокно, обладающее высокой прочностью (в пять раз прочнее стали). Разработан американской компанией DuPont в 1965 году, с начала 1970-х годов начато его коммерческое применение, а в 1973 году — началось применение кевлара для изготовления бронежилетов.

водействия всего населения[1], даже опускаясь до массовых расправ, ковровых бомбардировок, уничтожения посевов, лесов и т.д. Увы, из этого опыта, как показывают современные события в Ираке и в Афганистане, не было сделано адекватных выводов, если не считать появление дистанционных методов ведения войны, уже апробированных в Югославии под видом «принуждения к миру». Этот тип войн с применением высокоточного оружия по стратегическим военным и техническим объектам в сочетании с массированным внешним информационно-психологическим воздействием при одновременном подавлении всех каналов информации и связи противника пока мало осмыслен, в том числе — *в отечественной военной доктрине (2010), которая допускает применение превентивных ядерных ударов*. В этой связи уместно привести задолго до этого (2004) высказанную точку зрения: «Похоже, что в России искусственно создается ситуация, при которой она просто вынуждена продолжать делать ставку на ядерное оружие, ядерное сдерживание. Бесплодность попыток вместо перехода к очередной революции в военном деле создавать универсальную стратегию ядерного сдерживания "всего и вся" вполне очевидна. Именно она может поставить Россию в рассматриваемый период 2010—2015 годов в чрезвычайно трудные условия в любой обычной войне или даже военном конфликте, которые, вполне вероятно, будут вестись противником в соответствии с новой шестой революцией в военном деле. Совершенно очевидно, что сейчас руководство России, ее ракетно-ядерная промышленность препятствуют военным революционным преобразованиям и загоняют страну в тупик условий, когда она неизбежно окажется перед вынужденной необходимостью применения ядерного оружия первой, так как все остальные возможности защиты суверенитета, территориальной целостности государства будут либо неэффективны, либо их не будет вообще. Но даже дозированное применения ядерного оружия может привести к непрогнозируемым результатам»[2]. *Через 6 лет после этого прогноза была принята новая военная доктрина России (2010), в которой зафиксировано право ответного (превентивного) ядерного удара в ответ на неядерное нападение, а также — право на ведение боевых действий вне территории Российской Федерации в интересах национальной безопасности. В принципе, все логично.*

[1] Здесь следовало бы особенно подчеркнуть — идеологически, религиозно или патриотически сплоченного населения.

[2] *Слипченко В. И.* Войны нового поколения: дистанционные, бесконтактные. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 86.

Глава 7
УЧАСТНИКИ И ЖЕРТВЫ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

7.1. Комбатанты и их правовое положение[1]

После завершения Афганской войны в российской литературе впервые начал употребляться термин «комбатанты», содержание которого остается достаточно неопределенным, хотя сам термин существует уже более 100 лет. С этим понятием мало знакомы не только специалисты, но в равной степени воевавшие или воюющие солдаты и офицеры,

---

[1] В этом разделе использованы материалы: *Арцибасова И. Н., Егорова С. А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. 1992; *Знаков В. В.* 1) Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства // Психол. журн. 1989. Т. 10. № 4. С. 113—124; 2) Психологические причины непонимания «афганцев» в межличностном общении // Психол. журн. 1990. Т. № 4. С. 99—108; 3) Психологическое исследование стереотипов понимания личности участников войны в Афганистане // Вопр. психологии. 1990. № 4. С. 108—116; *Колесник С.* Защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов, 2005; *Солдатенков Н.* Война, которую не могут забыть // Аргументы и факты. 1991. № 28; *Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О.* Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психол. журн. 1992. № 2. С. 14—29; American Psychiatric Association, Committee on Nomenclature and Statistics: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, ed. 3, revised. Washington, DC, American Psychiatric Association, 1987; *Green B. L., Lindy J., Grace M., Gleser G.* Multiple diagnoses in posttraumatic stress disorder: The role of War stressors // J. Nerv. Ment. Dis. 1989. 77. P. 329—335; *Horowitz M. J., Weiss D. S., Mannar C.* Diagnosis of posttraumatic stress disorder // Nerv. Ment. Dis. 1987. 175. P. 276—277; *Keane T. M., Zimering R. T., Caddell T. M.* A behavioral formulation of PTSD in Vietnam veterans // Behav. Therapy 1985. 8. 9—12; *Kemp A., Rawlings E., Green B.* PTSD in Battered Women: A Shelter Sample // J. of Traumatic Stress, 1991. V. 4. № 1. P. 137—148; *Pitman R. K., Orr S. P., Forgue D. F., Altman B., de Jong J., Herz L.* Psycholophysiologic Responses to Combat Imagery of V. V. with PTSD versus Other Anxiety Disorders // J. of Abnormal Psichology. 1990. V. 99. № 1. 001—006; *Solomon* Z., *Miculincer M., Benbenishty R.* Combat stress reactionclinical manifestations and correlates // Mil. Psychol. 1989. V. 1. NS 1. P. 35—47; *Van der Kolk B.* The trauma spectrum: The interaction of biological and social events in the genesis of the trauma response // J. of Traumatic Stress. 1988. 1. P. 273—290. rauma and Its Wake. Ed.: C. R. Figley. N. Y., Brunner-Mazel. V. 1, 2. 1986, а также публикации журналистов Т. Болдуина, Н. Кеворковой, А. Шиндер, K. J. Childress, R. Lemkin и материалы, представленные мне бывшим сотрудником посольства Великобритании в СССР доктором Родриком Брейвейтом, который в настоящее время также готовит к изданию книгу, посвященную Афганской войне.

которых он непосредственно касается, включая особенности их правового положения и статуса, а также специфику международно признанных законов и правил ведения войны.

История гуманизации норм и правил ведения войны не так уж продолжительна. Ее начало можно датировать 1863 годом, когда по инициативе швейцарского предпринимателя Анри Дюнана был создан Международной комитет помощи раненым, впоследствии преобразованный в Комитет Красного Креста. В 1864 году была подписана первая Женевская конвенция об облегчении участи раненных и больных во время войны. Затем последовала целая серия конвенций о законах и обычаях войны. В частности, следует упомянуть конвенции 1-й Гаагской конференции (1899) «О мирном решении международных столкновений» и «О законах и обычаях сухопутной войны».

В 1907 году на 2-й Гаагской конференции была принято положение о неприятельских торговых судах при начале военных действий и новая редакция конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», а также впервые было дано особое определение сражающихся контингентов, получивших наименование комбатантов, и установлены критерии, по которым последние четко отграничивались от других участников вооруженных конфликтов. К комбатантам, которые имеют особые права и обязанности и в отношении которых могут применяться законы военного времени, причислялись только лица, удовлетворяющие следующим требованиям:

1) они относятся к личному составу регулярных вооруженных сил конкретной страны;
2) они имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
3) они имеют определенные и хорошо различимые отличительные знаки;
4) они открыто носят оружие;
5) они соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Примечательно, что ополченцы и добровольческие отряды не входят в эту категорию. Необходимость четкого определения понятия комбатантов обусловливалась тем, что эти лица в любой сражающейся армии имеют особый статус, особые права и несут особую ответственность. Комбатанты — это лица, входящие в состав вооруженных сил одной из воюющих сторон и непосредственно ведущие боевые действия против неприятеля с оружием в руках. За ними признается право применять военное насилие и убивать противника; по отношению к ним также допускается высшая форма военного насилия, т.е. физическое уничтожение; попав в руки неприятеля, комбатанты имеют право на обращение с ними, как с военнопленными. Комбатант является главным субъектом боевой деятельности и одновременного объектом военных действий противника. В соответствии с законами военного времени он перестает быть таковым лишь в случае ранения или взятия в плен.

В 1949 и 1977 годах были приняты дополнительные протоколы к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. В соответствии с этим протоколом определялось, что вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из организованных групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов.

Одновременно с этим в упомянутом выше Дополнении указывалось, что лица, входящие в состав вооруженных сил, находящихся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала), являются комбатантами, т.е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях[1]. В этом положении впервые законодательно определялось, что комбатант действует от лица государства (как субъекта международного права), а государство берет на себе ответственность за совершаемые сражающимся действия, если те не противоречат законам и обычаям войны. То есть комбатант является лишь исполнителем воли государства (или верховного командования), которое санкционирует его действия и несет ответственность за применение оружия и за физическое уничтожение комбатантов враждующей стороны.

Отдельно стоит упомянуть понятие «признания воюющей и восставшей стороны», также входящее в положения международных законов. Признание в качестве «восставшей стороны» допускается тогда, когда иностранные государства имеют дело с территорией, контролируемой вооруженными силами, ведущими борьбу с правительством своей страны. Признание «восставших» означает, что провозгласившее такой акт другое государство считает обоснованным факт выступления народа или части его вооруженных сил против правительства, и не будет рассматривать повстанцев как вооруженных преступников[2].

Более высоким уровнем является признание восставших воюющей стороной. В этом случае на повстанцев распространяются все права, действующие в случаях вооруженных конфликтов, практически в том же объеме, что и на воюющие государства. Условиями такого признания являются обладание значительной частью территории государства, а также соответствие воюющей стороны приведенным выше положениям Гаагской конвенции. При соблюдении этих условий повстанцы

---

[1] Военные корреспонденты не являются комбатантами, однако они имеют право на статус военнопленных. Право применять оружие закреплено только за комбатантами.

[2] Например, как это было в случае признания Францией в марте 2001 года повстанческого движения в Ливии, выступавшего против режима Каддафи.

приобретают право называться «воюющей стороной» и пользоваться всеми связанными с этим правами и обязанностями. Одновременно с этим они становятся субъектом военного и гуманитарного права, а не уголовного, как это было бы при отсутствии признания их в качестве воюющей стороны.

К гражданскому населению относятся все лица, которые не являются комбатантами, и они находятся под защитой гуманитарного права. Право применения оружия закреплено только за комбатантами. Если гражданские лица берутся за оружие (точно так же — военные корреспонденты, врачи и священники), они утрачивают свой статус и полагающуюся им защиту, но, оказавшись во власти неприятеля, имеют право на статус военнопленного[1].

Статусом военнопленного обладает любой комбатант, при этом даже в случае нарушения им международных норм ведения боевых действий, он не может быть лишен этого статуса (за исключением случаев шпионажа). Однако в случае совершения военнопленным уголовных преступлений, он может быть подвергнут уголовному преследованию (но не за участие в боевых действиях).

Особой категорией являются наемники, т.е. лица, не являющиеся гражданами ни одной из воюющих сторон и принимающие участие в боевых действиях в интересах получения личной выгоды. Эти лица не могут иметь статуса комбатанта или военнопленного, так как наемничество является преступлением и подлежит уголовному преследованию. Аналогичное положение действует и в отношении шпионов, действующих скрытно (ведущих агентурную работу) на территории противника. А вот военнослужащие разведывательных подразделений, даже если они захвачены на территории противника, но при этом оставались в форменном обмундировании своих вооруженных сил, являются комбатантами и имеют право на статус военнопленного.

В соответствии с Четвертой Женевской конвенцией и Дополнительными протоколами (1977) любой из воюющих сторон запрещается:

- использовать мирное население, отдельных его представителей или мирные объекты в качестве целей наступления;

---

[1] Однако в этом вопросе существует множество «юридических коллизий». Так, например, правительством США активно используются юридические понятия «незаконные комбатанты» или «враждебные комбатанты», в отношении которых не признается статус ни комбатантов, ни гражданских лиц, например, применительно к лицам, содержащимся в настоящее время на известной базе Гуантанамо или в других тайных центрах за рубежом и арестованным в рамках военных операций по борьбе с терроризмом. Это позволяет США не применять к ним Женевскую конвенцию о военнопленных, что, в свою очередь, сказывается на порядке и условиях содержания таких лиц, а на практике — позволяет содержать их бессрочно без предъявления обвинения в тюремном заключении, в том числе — с применением пыток. Более того, ссылка на то, что указанные лица содержатся на базах за пределами территории США, дает правительству США повод отказать им в соблюдении прав, гарантированных Конституцией самих Соединенных Штатов. В настоящее время статус «незаконных комбатантов», по поводу которого американским Верховным судом за последние годы была вынесена серия решений, привели к целому ряду громких судебных процессов.

• проводить наступления, не направленные на конкретные военные цели (или с использованием оружия, не допускающим возможность конкретной направленности), а также осуществлять операции, в результате которых можно ожидать избыточного количества жертв среди мирного населения;

• использовать голод мирного населения как средство ведения войны;

• нападать на объекты, имеющие важное значение для жизнеобеспечения мирного населения;

• нападать на сооружения повышенной опасности (плотины, дамбы, атомные электростанции), если разрушение этих объектов может привести к значительным жертвам среди мирного населения (за исключением случаев, когда такие сооружения осуществляют непосредственную поддержку вооруженных сил противника, и нет другого способа прекратить эту поддержку).

Этот достаточно гуманный свод правил далеко не всегда выполняется, тем более что в соответствии с тем же международным правом наличие гражданского населения в определенном месте не является препятствием для проведения военных операций, если это диктуется стратегической или тактической необходимостью. Командирам и офицерам рекомендуется лишь заботиться о том, чтобы избегать или, в крайнем случае минимизировать число жертв среди мирного населения. Прямо запрещено только использование гражданского населения в качестве «живого щита».

7.2. Законы и обычаи войны

Гаагская конвенция еще в 1907 ввела норму, согласно которой право воюющих сторон применять те или иные средства поражения противника не является неограниченным. Согласно этой конвенции, а также дополнительным протоколам к Женевским конвенциям (1949), запрещено:

• использовать яды или отравляющие вещества;

• предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к армии или населению вражеского государства;

• убивать или ранить противника, который, сложил оружие или, не имея возможности обороняться, сдался;

• отдавать приказ не оставлять никого в живых, так же как и угрожать или действовать таким образом;

• использовать оружие, боеприпасы или материалы, которые позволяют не просто уничтожать противника, а созданы, чтобы причинять человеку излишние страдания;

• злоупотреблять флагом перемирия, национальными флагами, знаками различия и униформой, равно как и эмблемами, определенными в Женевской конвенции (например, скрываться под эмблемой «Красного креста»);

- уничтожать или конфисковать собственность врага, если это не продиктовано военной необходимостью;
- объявлять приостановленными или утратившими силу права подданных неприятельской державы.

Кроме того, запрещается использовать подданных неприятеля против их страны. Запрещено: атаковать незащищенные города, селения и здания, а во время осады или бомбардировки необходимо заботиться о том, чтобы по возможности не пострадали здания, предназначенные для нужд религии, искусства, науки, благотворительности, а также госпитали, памятники истории и места сбора раненых и больных, если только эти здания не используются в военных целях. Безусловно запрещены грабежи, сексуальное насилие и мародерство. Однако неизвестно ни одной войны, где этого бы не было: война — всегда связана с массовой криминализацией сознания всех ее участников.

7.3. Суд для комбатантов

В 1998 году было предложено создать Международный уголовный суд для расследования военных преступлений, а в 2002 году рядом стран был даже подписан международный договор о таком суде. Россия, США и Китай договор не подписали, и эта инициатива пока существует преимущественно в декларативном варианте. Всем известна деятельность Гаагского трибунала и суд над югославским лидером Милошевичем, но правомочность и справедливость этого суда признается далеко не всеми.

Идея такого суда существует не так уж давно. Фактически она начала обсуждаться с того момента, когда польский юрист Рафаэль Лемкин (1943) ввел в обращение термин «геноцид». В 1948 году этот термин получил международный правовой статус в качестве одного из тягчайших преступлений против человечества. В силу юридических норм применение этого определения считается оправданным только по отношению к событиям, последовавшим после 1948 года, так как подписанная Конвенция не содержит положений, которые допускали бы ретроспективные оценки и применение этого закона к прошлым событиям. Именно поэтому ведется столько споров о признании парламентами некоторых стран геноцида армян в Османской империи в 1915 году. В Российской Федерации геноцид признан международным преступлением. В целом, как свидетельствует мировая практика, ни одна власть, которой инкриминируется акт геноцида, никогда не признает его — признание обычно исходит или от преемников ушедшей с политической арены власти или со стороны других стран. Но в этом вопросе очень много зависит от субъектов влияния и политической конъюнктуры. В принципе, если во Вьетнаме погибло более 4 млн мирных жителей, было бы вполне обоснованно предъявить США обвинение в геноциде. Но кто поддержит такое обвинение?

Несмотря на то что многие законы и правила ведения войн регламентируются межгосударственными соглашениями, они не обладают прямым действием в отношении конкретных физических лиц, поэтому ряд государств воспроизводят некоторые принципиальные положения этих соглашений в своем национальном законодательстве (в частности, соответствующие положения содержатся в главе 34 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против мира»).

В целом же условия войны никогда нельзя предусмотреть заранее. Юридическая оценка тех или иных событий в большинстве случаев становится вопросом интерпретации (обычно, политизированной), а судебное преследование относится к «особой привилегии» победившей стороны или «откладывается» на неопределенный срок. Например, партизан-герой — для одних, другими объявляется военным преступником (как это случилось в Латвии с бывшим советским партизаном Василием Кононовым, дело которого дошло до Европейского суда по правам человека).

В соответствии со статьей 359 Уголовного кодекса Российской Федерации «наемничество» предусматривает уголовное наказание в виде лишения свободы до семи лет; а за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а также его использование в вооруженном конфликте — сроком до восьми лет. Фактически, речь идет о применении этой статьи к любым гражданам России, участвующим в вооруженном конфликте за рубежом или к иностранцам, вовлеченным в вооруженный конфликт на территории России. Одновременно следует уточнить, что известная расплывчатость понятия «наемник» не способствует эффективности его применения на практике. Например, как с этой точки зрения рассматривать тех, кто сражался в испанских интернациональных бригадах против режима Франко, или — российских добровольцев, по собственной или иной инициативе тайно пробиравшихся на территорию Югославии, чтобы помочь братьям-славянам?

7.4. Предатели

Предательство осуждается повсеместно. Применительно к боевой деятельности предательство подразумевает государственную измену своей стране, присяге и воинскому долгу. Предательство может основываться на идеологических мотивах, трусости или преследовать какую-либо выгоду. В процессе любой войны встречаются все упомянутые выше формы, однако в процессе Афганской войны, по данным опроса командиров и солдат, наиболее распространенными были случаи поиска личной выгоды, которые реализовались в форме продажи и обмена вооружения и боеприпасов на продукты питания, алкоголь, наркотики, бытовую технику и деньги, а в отдельных случаях — на антикварные изделия (преимущественно оружие и украшения) и алмазы.

Одним из вариантов предательства является государственная измена, которая включает: переход на сторону противника в период войны; выдача вероятному противнику в мирное время государственной тайны; сепаратные переговоры с противником лицами, не уполномоченными правительством и др. Хотя в процессе боевых действий в Афганистане советскими войсками не было проиграно ни одной крупной операции, «утечки» данных о планируемых точечных ударах или рейдах тех или иных подразделений периодически случались, а переговоры с противником о «временных перемириях» на период религиозных (афганских) или советских праздников вели даже сержанты горных застав.

Наказание за государственную измену во все времена было самым суровым. Обычно оно каралось смертной казнью, во многих странах — самой позорной — через повешенье, а в некоторых странах еще не так давно применялось четвертование. В настоящее время за случаи государственной измены предусматриваются значительные сроки заключения.

Уголовный кодекс Российской Федерации классифицирует государственную измену следующим образом (ст. 275):

> «Государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового».

Эта статья имеет примечание: «Лицо, совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьей, а также статьями 276 и 278 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

7.5. Запрещенные виды оружия

Еще в 1868 году в Петербургской декларации было сформулировано одно из важнейших ограничений на ведение боевых действий и на разработку новых видов вооружений. Было признано, что, поскольку целью войны является не физическое уничтожение противника (что равноценно геноциду), а ослабление его путем выведения из строя как можно большего числа людей, применение оружия, причиняющего бессмысленные страдания человеку, уже выведенному из строя, так же как и оружия, делающего его смерть неизбежной, противоречит прин-

ципам гуманизма. Эта идея послужила основой ряда международных договоров и запрета некоторых видов оружия и боеприпасов. В частности, были запрещены: разрывные пули (с 1868); пули, расширяющиеся или сплющивающиеся в теле (с 1899); осколочные снаряды с «начинкой», которая не выявляется с помощью рентгеновских лучей (с 1980); химическое (с 1993) и биологическое (с 1972) оружие. Ограничены: противопехотные мины и мины ловушки (с 1997), которые должны располагаться на четко обозначенных минных полях, иметь механизмы самоуничтожения и определяться стандартными миноискателями; зажигательное оружие (с 1980), где этот эффект является основным; ослепляющееo (лазерное) оружие (с 1980), но только созданное именно для ослепления (слепота в качестве «побочного» эффекта военных лазеров другого назначения не учитывается).

Боеприпасы объемного взрыва и боеприпасы, содержащие обедненный уран, пока не запрещены международными договорами, хотя эта проблема активно обсуждается уже в течение многих лет.

В период Афганской войны многое еще не было запрещено, и пластиковые мины, мины-ловушки покалечили тысячи солдат с обеих сторон — естественно, что никаких четко обозначенных минных полей не было. Но была еще и отравленная водка, и много чего другого, не вписывающегося в уходящий в прошлое кодекс войны. Не будем повторять уже упомянутые примеры из опыта Вьетнамской войны, хотя подобий более чем достаточно. Американские аналитики также отмечали, что были вынуждены вести войну в джунглях, где вообще не было такого понятия, как «линия фронта», а противник был неотличим от мирного населения, т.е. — любой вьетнамец, будь то подросток или пожилая женщина, могли быть вьетконговцами, представляли потенциальную опасность и в результате исходно становились объектами уничтожения. Вся территория, находившаяся под контролем вьетнамских партизан, именовалась не иначе, как «зона свободного огня». Распылением токсичных дефолиантов было охвачено более 16% территории Вьетнама, и до настоящего времени сотни тысяч людей страдают от связанных с этим заболеваний, в том числе в США. Некоторые ветераны пытались подать иск против правительства США за последствия отравления дефолиантами, но по законам этой страны правительство защищено иммунитетом от исков пострадавших в процессе боевых действий.

Всемирный резонанс получила бойня, устроенная американскими солдатами во вьетнамской общине Сонгми (1969), когда было убито (по разным источникам и оценкам) от 300 до 500 мирных жителей.

7.6. Военная оккупация

Территория государства считается оккупированной, если фактическая власть на ней перешла в руки противника. Все вопросы, связанные с оккупацией, также регулируются Гаагской конвенцией (1907).

С переходом фактической власти на территории к оккупационной администрации последняя обязана сделать все от нее зависящее для восстановления общественного порядка и спокойствия. Законы, ранее действующие на оккупированной территории, должны сохранять свою силу, если их отмена или изменения не продиктованы крайней необходимостью (это правило, фактически — никогда не выполняется, и оккупационная администрация вводит свои законы). Права семьи, отдельных лиц и частная собственность должны быть сохранены.

Запрещено принуждать население оккупированной террито- риик выдаче информации об армии воюющей стороны. Запрещено принуждать население присягать на верность неприятельской державе. Запрещено наказывать лиц, находящихся на оккупированной территории, за деяния, которые они не совершали (в данном случае речь идет о коллективных наказаниях).

Грабежи запрещены в любой форме. Если неприятельское государство собирает на оккупированной территории установленные ранее законной властью налоги, оно должно руководствоваться действующими в данной местности правилами налогообложения и нести расходы в размерах, соответствующих размеру расходов законного правительства в данном регионе. Изъятия в виде контрибуции допускаются только на основе распоряжения командиров, при этом тем, у кого она изымается, должна выдаваться расписка.

Армия, занимающая тот или иной регион, имеет право завладеть банками, всеми наличными средствами, фондами, долговыми требованиями и другими активами оккупированного государства, которые могут быть им использованы в военных целях. В то же время собственность общин, религиозных, художественных, образовательных, научных и благотворительных учреждений приравнивается к частной собственности и является неприкосновенной, даже если она принадлежит государству. Захват, повреждение или уничтожение подобных учреждений, а равно уничтожение исторических, культурных и научных ценностей запрещаются и должны преследоваться.

За нарушение этих правил каждый военнослужащий несет личную ответственность, но международное право предполагает также особую — командную ответственность. Командир, если он знал о возможности противоправных действий подчиненного, но не предпринял адекватных мер для их предотвращения, также подлежит юридической ответственности (аналогично оценивается и сокрытие противоправных действий подчиненного).

Эти законы, конечно, нужно знать и пытаться следовать правилам ведения войны. Такая регламентация создавалась, безусловно, грамотными юристами и высоконравственными гуманитариями. Но война дезавуирует почти все законы, и в ситуации, когда смерть каждую минуту стоит за спиной, когда вопрос: «Быть или не быть?» — обретает свое предельно циничное звучание: «Убить или быть убитым?», рациональные компоненты практически полностью тонут в эмоциях

страха, гнева и отчаяния, а эмоции — плохие советчики. Убийство — в любой стране самое тяжкое преступление. Невозможно отменить запрет на самое тяжкое преступление, и при этом сохранить запреты на «мелкие хулиганства».

7.7. Современные тенденции

Современная действительность явно демонстрирует, что элементы частного права все сильнее проникают во все общественные отношения, не исключая и военную сферу. Начиная с конца 1990-х понятие «наемничества» постепенно размывается, а в отношениях между государством и наемниками появляется новый общественный институт — посредники. Типичными примерами этого новшества являются так называемые частные военные и охранные предприятия и компании (ЧВК), в том числе — в сфере закупок вооружений и техники.

Присутствие таких компаний наиболее заметно на африканском континенте и на Ближнем Востоке. Среди наиболее известных можно назвать: Executive Outcomes — в Сьерра-Леоне; Secopex, которая осуществляет охрану морских конвоев по поручению правительства Сомали; DynCorp в Афганистане, формирующая личный состав американских полицейских миссий; Military Professional Resources Inc., Blackwater Security — защита американских дипломатов в Багдаде и охрана нефтяных месторождений и трубопроводов Ирака). Эти и множество других компаний активно предлагают и предоставляют государствам и частным лицам услуги по сопровождению VIP-персон, охране военных объектов и тюрем, защите военного персонала и имущества, в подготовке военнослужащих; по техническому обслуживанию и логистике; по инженерным работам и перевозке секретных грузов, сбору и анализу разведывательной информации; ведению допросов заключенных и обеспечению переводчиками; разминированию минных полей и невзорвавшихся боеприпасов, тыловому снабжению войск, авиаразведке, защите морских судов от пиратов. В некоторых случаях они могут обеспечивать и непосредственное ведение боевых действий, когда те или иные государства предпочитают передавать им эти и упомянутые выше функции в силу того, что сами не располагают соответствующим персоналом или не имеют его в конкретном регионе.

Преимуществами ЧВК (по сравнению с использованием регулярных войск) является снижение стоимости «удаленных» военных операций, их менее негативное восприятие в глазах мирового сообщества и местного населения[1], а также, по сути, неограниченные возможности для противодействия национальным вооруженным сипам в государствах со слабыми политическими институциями. Кроме того, потери личного

[1] Например, личная гвардия уже упомянутого полковника Каддафи практически полностью формировалась из наемников — граждан других государств.

состава ЧВК не учитываются в официальных отчетах соответствующих армий.

Юридический статус сотрудников частных военных компаний остается достаточно неопределенным, поскольку необходимые правовые нормы еще не выработаны, а те государства, которые пользуются их услугами, воздерживаются от принятия на себя соответствующих обязательств. Большинство сотрудников частных военных и охранных компаний подпадают под категорию гражданских лиц, как она определяется международным гуманитарным правом. Однако если они прямо участвуют в боевых действиях, то теряют правовую защиту, предоставляемую им как гражданским лицам. Можно было бы обозначить также проблемы страховок и рисков, юридических последствий отказа работника ЧВК от выполнения конкретных «поручений», степень применения трудового законодательства и т.д., что в целом способствует расширению «серой зоны» между регулярными подразделениями армии и ЧВК. Тем не менее в армейском руководстве большинства стран все большее распространение получает идея постепенной передачи в руки частных подрядчиков многих из функций, ранее рассматривавшихся как чисто армейские и государственные. В этом есть определенная логика. Как известно, в ряде областей частные компании оказываются гораздо эффективнее, прежде всего — с экономической точки зрения, чем неповоротливая машина государственного управления.

Если то или иное государство разрешает иностранной компании строительство крупной автомагистрали или автогиганта (фактически — производства двойного назначения), то что помешает ему распространить такой опыт и на выполнение работ, например, по разминированию территории или по созданию военной базы с соответствующим оборудованием; затем, по обеспечению безопасности объектов «ядерного сдерживания», а, в конце концов, и собственно по проведению боевых операций? Но если в области снабжения, военной инженерии, разработки новых видов оружия и даже программного обеспечения некоторых высокотехнологических комплексов, такая «приватизация» оказывается весьма оправданной, то в области собственно боевых действий, ситуация далеко не всегда очевидна.

Отсутствие четкого обозначенных и осознаваемых национальных интересов и идеологического обеспечения (при ориентации на «привлекаемые силы», которым, по определению, чужды патриотические чувства) резко снижают саму возможность требовать самопожертвования от граждан страны в возможных военных конфликтах и в их борьбе за интересы, которые уже не будут восприниматься как свои личные или групповые.

С учетом современных тенденций вполне логично ожидать, что в обозримой перспективе грань между государственными и национальными интересами, и интересами частного капитала будет продолжать постепенно размываться, а элементы частного права будут все сильнее проникать в международное право. Можно предполагать, что бое-

вая деятельность, как и многие другие аспекты современной жизни, постепенно будет все больше коммерциализироваться, особенно в тех случаях, когда те или иные задачи могут решаться с помощью дистанционных методов войны (уже успешно апробированных в Югославии и в Ираке). А это, в свою очередь, вызовет появление новых форм правового регулирования вооруженных конфликтов. Последний вариант также уже апробирован США, например, при принятии решения по Ираку («в обход» ООН и даже без согласия союзников по НАТО).

В этом разделе нет какой-либо претензии на концептуальный анализ, поскольку автор не является специалистом в области международного права. Мной лишь обозначены некоторые психологические аспекты качественных изменений в системе формирования оборонительных и наступательных вооружений и доктрин.

Часть 3
ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ В ОЧАГАХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ И КАТАСТРОФ, МОДЕЛИРУЮЩИХ ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Введение

В главе излагаются результаты исследований, проведенных в декабре 1988 в городах Ленинакан и Спитак Армянской СССР сразу после землетрясения силой до 8 баллов по шкале Рихтера (рассматриваемого как модель ударной волны большой разрушительной силы в результате подземного ядерного взрыва), а также данные изучения особенностей состояния, поведения и деятельности людей в очаге объемного взрыва газа (эквивалентного заряду в 300—800 килотонн тротила) и последовавшей железнодорожной катастрофы на перегоне Улу-Теляк-Аша в июне 1989 (как модель ядерного взрыва в атмосфере). На заключительном этапе работы эти материалы были дополнены исследованиями, проведенными на территории радиоактивного заражения после аварии на Чернобыльской атомной станции (1986).

Следует отметить, что до последнего времени роль и значение психогенных факторов в современной войне и, в частности, в условиях применения оружия массового поражения, недооценивалась. Даже в учебнике для военных врачей-психиатров [8, с. 390—391] указывалось, что потери психоневрологического профиля в очагах применения ОМП составят около 7,5% от общего числа пораженных, при этом развитие «острых реактивных состояний» прогнозировалось лишь в 0,15% случаев. Предваряя изложение собранного нами фактического материала, следует сказать, что исследования, проведенные в реальных условиях стихийных бедствий и катастроф, показали, что эти данные занижены, как минимум, в 10, а по последнему показателю — даже в 100 раз. Полученные нами (совместно с кандидатом психологических наук, старшим научным сотрудником Ю. А. Барановым, доктором философских наук, профессором А. П. Мухиным и доктором медицинских наук, профессором С. В. Чермяниным) данные свидетельствуют, что реактивные состояния различной степени выраженности наблюдались в 70—80% случаев, что совпадает с прогнозами зарубежных специалистов [16, с. 20].

Глава 1
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ УДАРНОЙ ВОЛНЫ БОЛЬШОЙ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ

В период с 13 по 22 декабря 1988 года нами было проведено комплексное социально-психологическое изучение и психофизиологическое обследование личного состава частей, подвергшихся воздействия землетрясения силой 7—8 баллов по шкале Рихтера (или X—XI по шкале Меркалли)[1]. Социально-психологическими методами было обследовано более 300 человек, в психологических исследованиях приняли участие 70 человек.

В большинстве источников катастрофические события 1988 года описываются достаточно деликатно и обычно упоминаются несколько заслуживающих восхищения случаев мужества и верности своему воинскому, служебному или врачебному долгу, но, следуя принципу научного исследования, мы вынуждены обратиться к предыстории событий и попытаемся дать им более объективную характеристику.

Краткая историческая справка.

Армения — одно из старейших государств мира (в 9—6 веках до н.э. — в составе государства Урарту), народ, упоминаемый в Библии. С 6 в. до н.э. — Армянское царство, неоднократно подвергавшееся завоеваниям и набегам со стороны сельджуков, монголо-татар, персов и турок. Современная площадь — 29 700 кв. км. На 2001 года население составляло около 3 млн человек, а затем прогрессивно уменьшалось, и в настоящее время оценивается примерно в 1,5 млн. Большая часть населения при-

---

[1] Шкала интенсивности землетрясений для определений их силы по внешним признакам была предложена Джузеппе Меркалли в 1883 году и уточнена в 1902. Позднее Чарльзом Рихтером в нее были внесены изменения и ее стали называть модифицированной шкалой Меркалли (ММ) или шкалой Рихтера, для которой используются арабские цифры от 1 до 10 баллов (в отличие от шкалы Меркалли, где обозначения интенсивности даются римскими цифрами от I от XII баллов). Примечательно, что в характеристиках обеих сугубо физических шкал при достижении интенсивности землетрясения в 7 (X) баллов указывается на чисто психологический феномен: «Всеобщая паника». Физические признаки описываются следующим образом: «трудно устоять на ногах и вести автомобиль, рушатся стены домов, башни, памятники и деревья, образуются трещины в грунте, повреждаются трубопроводы, мосты и плотины, появляются мощные оползни и волны на поверхности водоемов, изменяются русла рек и границы озер, деформируются железнодорожные пути».

надлежит к Армянской Григорианской церкви (христиане с III века н.э.). В 1375 году Армянское государство было уничтожено, и в течение 450 лет армяне жили под гнетом турок и персов. В 1805—1828 началось вхождение Армении в состав России (Эриванская губерния). В 1915—1916 годах — массовый геноцид армян в Восточной Турции. Было убито около 1 500 000 армян, 600 000 выслано из страны в пустыни Сирии и Месопотамии, где большая их часть погибла. 300 000 армян нашли спасение в России. В 1917—1920 при поддержке Англии была оккупирована Турцией. В 1920 — освобождена от оккупации (в том числе — «белогвардейцами») и преобразована в Армянскую ССР (29.11.1920).

В период перестройки, в 1990 году Верховный Совет Армянской СССР принял Декларацию о независимости Армении, а 17 марта 1991 года Армения воспрепятствовала проведению общегосударственного референдума о сохранении СССР, и 21 сентября 1991 был проведен национальный референдум о выходе из состава СССР и установлении независимой государственности. По понятным историческим причинам антитурецкие (в том числе — антиазербайджанские) настроения являлись традиционными, а ярко выраженные антисоветские и антироссийские начали активно нарастать лишь в 80-е годы XX века. Этим отчасти объясняется то, что трагедия 1988 года во многих случаях сопровождалась получившими широкое распространение слухами, что никакого землетрясения не было — «это турки или русские специально организовали подземный ядерный взрыв огромной мощности». Различные варианты проекции вины вовне и мифологизации мышления пострадавшего населения проявлялись и в последующем. В частности, в разворовывании цемента и в нарушении строительных норм при строительстве домов в сейсмоопасном районе обвинялись исключительно русские строители. Из множества русских, принимавших участие в ликвидации последствий трагедии, был особо выделен образ Председателя Правительства СССР Николая Рыжкова, который со слезами на глазах и самыми искренними чувствами обратился к армянскому народу по телевидению (позднее Н. И. Рыжкову был поставлен памятник в Спитаке). Необычайно популярным в Армении по этой же причине стал тогда еще сын президента и будущий президент США Джордж Буш-младший. На невообразимую высоту вознесся образ французского певца (армянского происхождения) Шарля Азнавура, которого именовали не иначе, как «Спасителем армян», а слухи прочили в президенты республики, как только «мы освободимся от России». Пик землетрясения (без особых предвестников) пришелся на 11 часов 41 минуту 7 декабря 1988 года, когда все взрослые находились на рабочих местах, а дети — в яслях, детских садах и школах. Самые мощные подземные толчки силой 7—8 баллов по шкале Рихтера продолжались всего около 30 секунд, и за это время был практически полностью уничтожен город Спитак, разрушены — Ленинакан (ныне — Гюмри), Степанаван и Кировакан (ныне — Ванадзор). Очаг землетрясения располагался на глубине 20 километров от поверхности земли в 6 километрах от Спитака, но землетрясение охватило всю северную часть территории Армении с населением около 1 млн человек, т.е. — около трети населения республики.

Первоначально проведение исследований планировалось нами в Спитаке, но его практически уже не существовало — были только груды камней и тысячи трупов, напоминавших о том, что еще недавно здесь был город и жили люди. Ленинакан пострадал чуть меньше — было уничтожено около 80% жилого, социального и производственного фондов. Единственным местом, пригодным для размещения нашей экспедиции, оказались Александровские казармы, в стенах которых, несмотря на их вековой возраст, образовались лишь незначительные трещины.

По опубликованным позднее официальным данным, погибли 28 854 человека, по неофициальным данным — более 55 000 человек и около 20 000 получили тяжелые увечья. После землетрясения расширился (существовавший и ранее) тектонический разлом земной коры протяженностью в 37 километров со смещением до 170 сантиметров. Была остановлена АЭС у озера Севан и прекращена подача электроэнергии в ряде районов республики. Поверхность земли не только трясло, но и «разворачивало», «скручивая» рядом стоящие здания в разные стороны. Пострадали также около 350 малых селений, а 60 из них были разрушены полностью. Без крыши над головой (в декабре, при температуре около нуля градусов) остались более 530 000 человек.

Приводимые данные о деятельности личного состава воинских частей получены при условии сохранения тайны источника информации и рассматривались лишь как научный материал (представление нашего доклада командованию, насколько нам известно, не повлекло каких-либо выводов об индивидуальной или групповой дисциплинарной или иной ответственности).

Сразу после подземных толчков весь офицерский состав (включая дежурного по части, оставившего открытой оружейную комнату) покинул гарнизон и бросился к домам, где жили семьи. Военнослужащие срочной службы выбежали из учебных классов и казарм на плац, часть из них неосознанно бросилась вслед за офицерами. Оставшиеся пытались удержаться на ногах, держась за столбы или деревья, или ложились на землю. В целом в течение первых 15—20 минут по результатам анамнестического изучения примерно у 60—70% военнослужащих преобладала фугиформная паническая (ориентированная на бегство) реакция с характерным сужением сознания и выраженным двигательным возбуждением, хотя встречались явления аффектогенного ступора (ориентировочно — около 10—15% личного состава).

Примерно через 15 минут после окончания первых (самых мощных) подземных толчков командиром части (не имевшим в это время семьи в городе) была подана команда «Строиться!». Несмотря на эмоциональный шок, длительность которого ретроспективно оценивалась от нескольких минут до 2,5 часа, абсолютным большинством обследованных отмечалось, что команды воспринимались и выполнялись точно, даже в случаях, когда они были не вполне адекватными ситуации. Первой после построения оставшегося личного состава части командой была: «Выставить оцепление!» (вокруг развалин находившихся напротив расположения части 9-этажных зданий). Команда, в общем-то, лишенная смысла и даже подвергавшая личный состав опасности (здания продолжали шататься и «складываться»), была выполнена, но уже через несколько минут (по оценкам обследованных — от 5 до 15), слыша крики о помощи из-под развалин, военнослужащие самостоятельно (без команды) сняли оцепление и приступили к спасательным работам.

Для полноты характеристики психоэмоционального состояния личного состава нужно отметить, что часть многоэтажных зданий, устоявших после первого толчка, с «высыпавшими» на балконы жителями, обрушилась, когда военнослужащие уже стояли в оцеплении. Запись впечатлений одного из обследованных: «Вы даже не представляете — какой это ужас видеть, как десятки людей, кто-то — обнявшись по двое — по трое, летят с балконов 9-го этажа. Не то что помочь не можешь — пошевелиться не можешь. А я к некоторым из этих людей в гости ходил...».

В первые три дня спасательные работы длились по 18 и более часов в сутки. Основная часть офицеров (70%) появилась в расположении части только через 3—5 часов и возглавила спасательные работы (за исключением 30% офицеров, имевших случаи гибели членов семей — жен и детей). Прапорщики из числа местного населения возвратились в часть (в единичных случаях) к третьему дню, большинство — к седьмому дню, а некоторые отсутствовали (даже не имея пострадавших среди родственников) и на 9-й день после землетрясения.

Хотя в абсолютном большинстве случаев наличие паники военнослужащими срочной службы и офицерами отрицалось, она, безусловно, имела место. Собственное состояние в первый день после землетрясения военнослужащими характеризовалось как «растерянность» и «отчаяние», которое усугублялось отсутствием достаточных сил и средств для оказания помощи и спасательных работ. Выведенная из парков наличная военная техника — краны, тягачи, танки и т.п., в силу недостаточной мощности была малоэффективна. С 3-го дня после землетрясения среди личного состава появились первые отказы от деятельности, связанной с расчисткой завалов и извлечением трупов (с 13 декабря, когда был введен учет, по 18 декабря военнослужащими было извлечено из-под обломков зданий 199 обезображенных трупов и только двое живых). Данные за предшествующие дни не документировались, фотофиксация и описание одежды погибших не проводились. Участие местных жителей в расчистке завалов и извлечении пострадавших на всех этапах было минимальным. Они собирались небольшими группами вокруг костров и молча смотрели, как горят остатки чьего-то имущества, или рыдали, наполняя окрестности непереносимыми ощущениями горя. Другие бродили среди руин с потухшими и безжизненными глазами, ни с кем не вступая в контакты или периодически выкрикивая имена пропавших родных и детей. Третьи — наоборот — вели себя и действовали чрезвычайно агрессивно.

Уже в первые дни после трагедии началась «перекупка» техники, транспортных средств и спасателей, что в условиях низкой экономической защищенности офицеров (преимущественно русских и представителей других народов СССР) способствовало усилению межнационального конфликта, проявления которого, как уже упоминалось, начались задолго до стихийного бедствия. Волей случая один из военных врачей

этой части был азербайджанцем. До прибытия спасательных подразделений именно к нему выстраивалась очередь из пострадавших. Однако после прибытия дополнительных врачебных бригад ему не позволяли даже приближаться к армянам.

Гораздо более широкие масштабы, чем об этом сообщалось в печати, имели место случаи мародерства, в том числе и среди военнослужащих. Значительные количества товаров и продуктов, поступавших в районы бедствия из союзных республик и зарубежных стран, расхищались. Так, по сообщению командира десантно-штурмовой части (введенной в Ленинакан 8 декабря для поддержания правопорядка и оказания помощи пострадавшим), из 100 машин, направленных в Ленинакан из Еревана и Тбилиси с интернациональной помощью, в пункт назначения прибыло лишь десять. А уже через трое суток большая часть этих машин, груженных награбленным имуществом, была остановлена комендантской ротой (с применением оружия) при попытке покинуть город. В течение первых дней были полностью разграблены продуктовые магазины, а также склады и магазины, торгующие коврами, мебелью, бытовой техникой, ювелирными изделиями и т.д. При распределении поступающей гуманитарной помощи (в виде продуктов, палаток, теплой одежды, белья и т.д.), местное население активно (если не сказать — агрессивно) не допускало к распределительным пунктам представителей других национальностей («Это привезли для армян»). Горько и стыдно вспоминать об этом, но были и такие ситуации, когда люди просто преграждали путь технике для спасательных работ, требуя приостановить разбор именно этих завалов, так как: «Там не было армян, там только русские работали...» Широкий международный резонанс получил случай, когда югославский самолет с разовыми шприцами, закупленный на все сбережения одного американского пенсионера, разбился при посадке (все летчики погибли), а крайне дефицитные в то время шприцы, предназначенные пострадавшим, уже на следующий день появились на ереванском рынке...

Десятки тысяч погибших в Спитаке, Ленинакане и Кировакане на какой-то период времени полностью вытеснили (даже у руководства спасательными работами) мысли о небольших поселках и горных селах. 350 таких малых населенных пунктов пострадало, а 60, как уже отмечалось, было полностью разрушено, погибли люди, домашний скот и птица, оборвалась связь с внешним миром. Многие из этих людей в армянской провинции были уверены, что наступил конец света: крики раненых и находящихся под завалами смешивались с воем искалеченных в своих стойлах животных и воем обезумевших собак. Об этих людях вспомнили только через 3—4 дня, и только тогда начали думать о необходимости оказать и этим несчастным хоть какую-то помощь.

У меня нет ни малейшего желания хоть как-то очернить тех, кто осуществлял спасательную операцию или армян. Мной просто описывается ситуация так, как она реально развивалась и существовала,

более того — мой личный опыт и общение с другими коллегами, которые побывали в аналогичных условиях, свидетельствуют, что такая (временная) моральная и интеллектуальная деградация является закономерной реакцией любых людей и любого народа на массовую психическую травму, связанную с утратами близких, материального и социального статусов. Именно поэтому одна из главных рекомендаций, которая была представлена в Правительство СССР, обосновывала необходимость введения во всех подобных случаях временной администрации из числа лиц, не принадлежащих к очевидцам трагедии.

Мне приходилось присутствовать при просьбах местных жителей направить солдат в ту или иную квартиру шатающихся от ветра многоэтажных домов и принести спрятанные там деньги или драгоценности на условиях 50 и даже 70% вознаграждения, в отдельных случаях в качестве вознаграждения предлагались женщины или девочки (члены семей пострадавших). К чести офицерского состава, ни одна такая просьба не была удовлетворена, но имели место отдельные случаи, когда на такие уговоры поддавались солдаты.

В первые сутки медпункт части и подразделения медицинской роты Закавказского военного округа, расположенные в том же гарнизоне, что и обследованная часть, были единственными медицинскими учреждениями на территории Ленинакана. Оказание первой врачебной помощи было организовано примерно через 2,5 часа после землетрясения. Городские лечебные учреждения частью были разрушены, а частью — покинуты персоналом, несмотря на наличие лежачих больных во всех отделениях. Аналогичное положение было в советских и партийных органах, включая отделения милиции, восстановление функционирования которых началось лишь на 5-й день после землетрясения. К этому периоду военнослужащими в городе было развернуто 98 палаток и 108 пунктов походного довольствия. Напомню, что никаких подразделений или даже отдельных специалистов МЧС в то время не существовало[1]. Солдаты, привлекавшиеся к спасательным работам, как уже отмечалось, через один-три дня отказывались выполнять приказы, связанные с «расчисткой». В ряде случаев они не могли не только работать, но даже есть и спать после увиденного. Прибывшая на помощь так называемая Славянская команда добровольцев в силу ее психического, морального и физического состояния уже через 7 дней оказалась не способной ни к какой деятельности (в том числе — из-за попыток «терапии» своего состояния алкоголем), и на 10-й день было принято решение заменить ее командой из мусульман, отношение которых к смерти и погибшим оказалось более терпимым. В процессе раскопок одной из разрушенных школ, только увидев многочисленные

[1] Российский корпус спасателей (РКС) был образован 27 декабря 1990 года, позднее он был переименован в Государственный Комитет по чрезвычайным ситуациям (ГКЧС), а 10 января 1994 года преобразован в Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Датой образования МЧС РФ считается 27.12.1990.

исковерканные трупы маленьких детей, от сердечного приступа умер французский спасатель-доброволец.

Современному читателю покажется странным, но, когда иностранные добровольцы спрашивали: «А где же спасатели?» — мы даже не понимали, о чем идет речь: у нас вообще не было такой категории специалистов, и уж тем более — поисковых собак или какой-то специальной аппаратуры и инструментов. Традиционно для советской России такие работы выполняли сотрудники Министерства обороны и войска МВД — руками и лопатами.

Тяжелее всего приходилось врачам, которые прибыли раньше спасателей. Машин скорой помощи не хватало, и пострадавших привозили на автобусах, грузовиках и даже самосвалах, в окровавленных кузовах которых вперемешку лежали еще живые и умершие по дороге, оторванные конечности и только что — до срока — родившиеся дети.

Следует отметить, что использование в качестве специалистов связи женщин-военнослужащих и служащих СА привело к тому, что сразу после землетрясения (при технической сохранности аппаратуры и коммуникаций) прервалась всякая связь, так как многие женщины покинули не только службу, но и город; позднее — по той же причине (привлечения женщин-специалистов в качестве работников пищеблоков) — имелись существенные затруднения в организации качественного пищевого довольствия военнослужащих и пострадавших. Решением командования части (в последующем одобренным командованием Закавказского военного округа) были вскрыты все склады с неприкосновенным запасом продовольствия и медицинского имущества, и уже к исходу первого дня после трагедии силами офицеров и солдат срочной службы было организовано питание и выдача теплых вещей пострадавшим, около тысячи которых разместились на территории (на стадионе) части.

Выраженность чувства страха перед закрытыми помещениями была весьма индивидуальной, а длительность этой реакции составляла у отдельных военнослужащих от нескольких часов до 10 и более суток после землетрясения, что позволяет косвенно оценить возможность адекватного функционирования полевых фортификационных сооружений после воздействия ударной волны большой силы. Эти ситуационные фобии были весьма заразительными, и при малейших повторных толчках легко провоцировали различные варианты панических реакций. Все, включая членов нашей экспедиции, «предпочитали» спать — не раздеваясь, чтобы иметь возможность в любой момент покинуть помещение.

Учитывая обострение проявлений межнационального конфликта, в том числе — и со стороны офицерского состава (преимущественно — славянского происхождения), и, особенно — офицеров, имевших утраты в семье, а также уже упомянутые случаи мародерства, в которых участвовали и военнослужащие, на 3-й день после стихийного бедствия все части постоянной дислокации были разоружены, а осуществление

комендантской службы было возложено на вновь прибывшие части. Большинством офицеров, постоянно служивших в Ленинакане, этот приказ был воспринят как оскорбляющий их честь и достоинство, но — нужно признать, что иного выхода у командования не было. Стихийное бедствие явно могло «дополниться» вооруженными столкновениями на национальной почве. О специфике обстановки в районе стихийного бедствия достаточно объективно свидетельствует то, что в период с 10 по 18 декабря военнослужащими введенных для поддержания правопорядка десантно-штурмовых частей было расстреляно более 150 тыс. патронов. И хотя огонь велся преимущественно в форме предупредительного, в дополнение к тысячам пострадавших в полевые госпитали поступили несколько раненых.

Целенаправленный опрос офицерского состава о возможных сроках приведения части в полную боевую готовность после воздействия ударной волны такой мощности выявил весьма противоречивые ответы. При индивидуальном анонимном опросе отмечалось, что (в боевых условиях) для этого необходимо от 3—5 часов до 3—5 суток, а после коллективного обсуждения офицерами части было выражено общее мнение, что в данном конкретном случае (в пунктах постоянной дислокации частей): «До тех пор, пока не будут найдены и эвакуированы семьи, ни о какой боеготовности речи быть не может».

Таким образом, в районе стихийного бедствия или после применения оружия массового поражения по воинским частям в местах их постоянной дислокации (после реализации витальных потребностей) ведущей ценностью, определяющей поведение и деятельность офицерского состава, является семья, а уже затем следуют вопросы боеготовности и боеспособности. В принципе это совершенно закономерно и не противоречит человеческой природе и сложившимся в обществе нормам и стереотипам поведения. Любой человек, защищая Отечество, в равной мере осознает, что тем самым он защищает свою семью. Поэтому если исходить из вопросов боеготовности и боеспособности частей, то военные базы (как объекты или «мишени» применения оружия массового поражения) должны располагаться вне, а точнее — далеко за пределами мест постоянного проживания семей офицеров, а сама служба — осуществляться в форме боевых дежурств («вахтовым методом»).

Таким образом, полученные данные позволяют предполагать, что при воздействии ударной волны большой разрушительной силы в течение первых 15 минут личный состав, который располагается вне специальных защитных сооружений, может полностью утрачивать боеспособность. В последующие 3—5 часов преимущественно по причинам психологического характера («острый эмоциональный шок») боеспособность будет составлять не более 25—50%, с постепенным прогрессивным ее снижением («стадия демобилизации»). Вероятно, можно также предполагать, что чем выше степень должностной ответственности пострадавших, тем быстрее будут купироваться неблагоприят-

ные психоэмоциональные реакции (сравним уже приведенные данные о поведении и деятельности в период и после стихийного бедствия командира части, офицеров, прапорщиков и рядового состава).

Нужно отметить, что до настоящего времени в структуре индивидуального реагирования военнослужащих на применение или даже возможность применения оружия массового поражения не учитываются феномены, обусловленные установкой на спасение собственной семьи. Тем не менее без обсуждения этого вопроса не обходится ни одно занятие по средствам защиты от ОМП. Эта проблема, вне сомнения, требует более пристального внимания и практического решения, наравне с другими мероприятиями, направленными на повышение боеготовности и боеспособности личного состава.

Данные о половозрастных характеристиках, частоте различных форм психопатологии и динамике развития отдаленных последствий Спитакского землетрясения приведены мной в одной из предшествующих книг[1], поэтому могут быть здесь опущены.

---

[1] См.: *Решетников М. М.* Психическая травма. СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. С. 163—173.

Глава 2
ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОРАЖЕННЫХ В ОЧАГЕ ОБЪЕМНОГО ВЗРЫВА

2.1. Боеприпасы объемного взрыва

Боеприпасы объемного взрыва (БОВ, также известные как термобарические боеприпасы или как «вакуумная бомба», хотя последнее наименование не совсем верно) являются относительно новым видом оружия массового поражения, реализуемого на основе распыления горючего вещества в виде аэрозоля с последующим подрывом полученного газового облака. По своему поражающему эффекту современные БОВ сравнимы по мощности с малыми (тактическими) ядерными бомбами, а их «преимуществом» является почти такая же площадь поражения и отсутствие радиоактивного заражения территории[1].

2.2. Обстоятельства трагедии

Крупнейшая в истории России железнодорожная катастрофа под Уфой произошла 4 июня 1989 года в 23.10 в 11 км от города Аша (Челябинской области) на перегоне Аша — Улу-Теляк (Башкирия). В момент прохождения двух пассажирских поездов № 211 «Новосибирск—Адлер» и № 212 «Адлер—Новосибирск» произошел мощный взрыв облака топливовоздушной смеси, образовавшейся в результате аварии на проходящем на расстоянии около 1 км от железнодорожной магистрали трубопровода «Сибирь—Урал Поволжье». Вслед за объемным взрывом начался гигантский пожар, охвативший территорию около 250 га.

В двух поездах находилось 1284 пассажира, в том числе 383 ребенка, и 86 членов поездных и локомотивных бригад. Погибли 575 человек, 181 из них — дети; получили тяжелые ожоги и телесные повреждения

[1] 11 сентября 2007 года Россия провела испытания самой мощной в мире вакуумной бомбы, получившей название «Отца всех бомб» — по аналогии с крупнейшей неядерной (фугасной) авиабомбой, испытанной в 2003 году США и получившей наименование «Матери всех бомб».

более 600 человек, многие из которых стали пожизненными инвалидами.

Как показало расследование, на трубопроводе, по которому транспортировались легкие углеводороды (сжиженная газобензиновая смесь), образовалась узкая щель длиной 1,7 метров. По одним данным, щель образовалась незадолго до катастрофы, по другим — трубопровод был поврежден ковшом экскаватора еще при укладке. Известно, что сигналы об утечке газа от машинистов проходящих поездов и местных жителей поступали как минимум в течение 20 дней. Примерно за три часа до катастрофы приборы станции трубопровода показали резкое падение давления. Однако вместо того, чтобы искать утечку, дежурный персонал лишь увеличил подачу газа для восстановления давления.

Сжиженный газ и его смесь с воздухом все это время накапливались в низине на огромной площади — от леса до железной дороги. Объем вылившейся смеси неоднократно пытались рассчитать (исходя из размеров щели, давления в трубе, продолжительности утечки), но точных цифр так и не было получено. В связи с этим мощность взрыва была оценена весьма приблизительно: от 300 тонн тротила до 10 килотонн тротила[1].

В двух поездах было 38 вагонов. Ударной волной с путей было сброшено 11 вагонов, семь из них сгорели полностью. 27 вагонов, оставшиеся на путях, обгорели снаружи и выгорели внутри. Сила взрыва была такова, что ударной волной была выбита часть стекол в городе Аша, расположенном более чем в 10 километрах от места происшествия. Столб пламени был виден более чем за 100 километров. Было разрушено 350 метров железнодорожного полотна и 17 километров воздушных линий связи. При осмотре места трагедии с вертолета четко выделялся черный круг выжженной земли диаметром около 1 километра. От деревьев остались только почерневшие стволы. Тем не менее нескольким пассажирам повезло, и они не получили практически никаких серьезных повреждений и ожогов, в том числе — повезло нескольким детям, которые ехали из Челябинска в Молдавию на сбор черешни. Одноклассникам хотелось ехать в одном купе, поэтому некоторые разместились на «третьей» полке. Когда взрывом сорвало крышу вагона, их просто выбросило на землю.

В качестве возможных причин взрыва рассматривались: искра, возникшая в токоприемнике одного из локомотивов или под колесами состава в результате торможения, столкновение двух воздушных потоков (от встречных поездов) и даже просто выброшенная из окна сигарета.

---

[1] Мощность атомной бомбы, сброшенной 6 августа 1945 года с американского бомбардировщика B-29 на японский город Хиросима, была эквивалентна 13 килотоннам тротила, погибло одномоментно около 80 тыс. человек.

Предположение о диверсии было быстро опровергнуто сотрудниками КГБ. Многими высказывалась идея о трагическом стечении обстоятельств и некоем «злом роке». В частности, о том, что если бы поезда не встретились именно в этом месте, ничего бы не произошло. Действительно, поезда должны были разминуться в другом месте, но поезд, который шел из Новосибирска, на 7 минут опаздывал, так как ему пришлось сделать вынужденную остановку на промежуточной станции, чтобы снять женщину, у которой начались преждевременные роды. И ее, и ребенка называли счастливчиками, а некоторые — «главными виновниками» катастрофы. Однако наличие для взрыва именно двух поездов было вовсе не обязательным. Не было адекватного, а точнее — практически никакого контроля за состоянием трубопровода.

Первые предположения о катастрофе появились у дежурной службы Министерства путей сообщения. Один из машинистов по радио сообщил об ощущении сильной загазованности, а вслед за этим связь прервалась. Затем стали поступать сообщения от очевидцев из близлежащих населенных пунктов. Помощь пришла относительно быстро. Машин скорой помощи, естественно, не хватало, поэтому пострадавших эвакуировали на подручном транспорте, на грузовиках и самосвалах. Сортировка была организована на месте, с учетом принципов военно-полевой медицины: спасали тех, кого еще можно было спасти. Опознание погибших велось позднее, родственниками. Генетическая экспертиза в тот период времени была не слишком доступной, поэтому осталось много неопознанных фрагментов тел и людей.

2.3. Военно-прикладные психологические исследования

В период с 5 по 13 июня 1989 года нами (совместно с Ю. А. Барановым, А. П. Мухиным и С. В. Чермяниным) проведено социально-психологическое изучение и психофизиологическое обследование пострадавших, а также военнослужащих частей, осуществлявших аварийно-спасательные работы.

Всего было обследовано 72 военнослужащих в/ч 55120 (школа младших авиационных специалистов), привлекавшихся к аварийно-спасательным работам 4—12 июня непосредственно на месте катастрофы; изучено (в том числе — ретроспективно — в момент катастрофы) психическое состояние и поведение 71 пострадавшего; проведено углубленное психологическое обследование в динамике со 2-го по 10-й день после катастрофы 15 пораженных с сочетанными ожогами различной (I—III-а) степени тяжести; социально-психологическим изучением было охвачено более 200 очевидцев, участников трагедии и спасательных работ.

Исследования выполнялись в подразделениях в/ч 55120, в Уфимском гарнизонном госпитале и Уфимском ожоговом центре. Обследование военнослужащих проводилось групповым методом. Индивидуальные

обследования пострадавших сочетались с проведением психотерапевтических и психокоррекционных мероприятий.

На следующий день после катастрофы останки и фрагменты тел около 250 погибших были доставлены в морг, 897 госпитализированы, из которых в течение первой недели скончались от ожогов 92 человека. Количество лиц, не подлежавших госпитализации, составляло не более 5%, т.е. — около 100 человек. Во многих случаях тела погибших вообще не были обнаружены или же их фрагментарные останки не подлежали идентификации.

Изучение историй болезни 184 пострадавших позволило установить, что у 79% оставшихся в живых ожогами было поражено до 50% поверхности тела (табл. 2.1).

С учетом данных непосредственного наблюдения и оценки состояния пострадавших (в том числе пассажиров-военнослужащих), лишь лица с общей площадью ожоговых поражений до 20% поверхности тела (и только I—II степени тяжести) могли в создавшихся условиях сохранять достаточную боеспособность в течение примерно 2 часов. Количество таких лиц, по полученным данным, составляло около 15% среди оставшихся в живых или 1,5—2% от всех подвергшихся воздействию объемного взрыва.

Таблица 2.1

Сведения о площади ожоговых поражений у пострадавших в результате объемного взрыва газа

Площадь поражений (в процентах к общей площади поверхности тела)	Количество наблюдений (абс. числ.)	Относительное количество пострадавших (в процентах ко всем оставшимся в живых)
до 10	21	11,5
от 11 до 20	34	18,5
от 21 до 30	26	14,0
от 31 до 40	33	18,0
от 41 до 50	31	17,0
от 51 до 60	21	11,5
от 61 до 70	10	5,5
от 71 до 80	5	2,5
от 81 до 90	1	0,5
от 91 до 100	2	1,0
Итого:	**184**	**100**

При оценке психического состояния 71 человека с легкой (33%) и средней (67%) степенями тяжести поражений, находившихся на лечении в военном госпитале и ожоговом центре, было установлено, что

те или иные изменения в психической сфере обнаруживаются у 100% пострадавших. Среди наблюдаемых психопатологических синдромов преобладали психическая заторможенность с выраженными астено-депрессивными проявлениями и аффектогенный ступор. Таким образом, наблюдаемые ведущие синдромы совпадали с данными, полученными ранее при обследовании пострадавших от землетрясения в Армении. В остром периоде после психической травмы практически полностью редуцировалось чувство стыда (у полураздетых или даже полностью обнаженных людей), однако уже через 15—20 минут социальная регуляция восстанавливалась, мужчины отдавали свои майки, рубашки и остатки другой одежды женщинам и детям.

Если рассматривать два поезда (18 и 20 вагонов) как обычные полевые фортификационные сооружения общей протяженностью до 1 километра, то экстраполяция полученных данных на боевые условия позволяет сделать предположение, что применение объемного взрыва или тактического ядерного оружия такой мощности (при взрыве в атмосфере) приведет к 40—50% безвозвратных и 30—40% санитарных потерь. С учетом поражающих, в том числе — психогенных, факторов общее количество личного состава, частично сохраняющего военно-профессиональную бое- и работоспособность (на период до 2 часов) составит не более 3—5%.

Существенный научный и практический интерес представляют данные о поведении и деятельности пострадавших в период катастрофы и в ближайший последующий период. В момент взрыва абсолютное большинство пострадавших спали. Сразу после взрыва и мгновенно последовавшего воспламенения вагонов поведенческие реакции имели преимущественно витальную направленность, обусловленную инстинктом самосохранения. В последующем у спасшихся из числа лиц, следовавших в дороге вместе с родственниками (в случаях гибели последних), формировался «комплекс вины», сопровождавшийся выраженной психопатологической симптоматикой, вплоть до бредово-галлюцинаторных состояний. При многократном повторном воспроизведении событий (на 4-е, 6-е, 8-е сутки после катастрофы) рассказы этих пострадавших все более дополнялись (бесспорно, привнесенными) «воспоминаниями» о попытках оказать помощь близким (т.е. осуществлялась бессознательная реализация механизмов психологической защиты).

В процессе психотерапевтических бесед такие пострадавшие чрезвычайно внимательно следили за мимикой терапевта и его речью, тестируя уровень доверия к излагаемому материалу и ожидая явного или скрытого осуждения. Некоторые самостоятельно вербализовали причину такого чувства вины: «За то, что остался жив...» Установление контакта с этой группой пациентов (в отличие от большинства других) отличалось достаточной легкостью. У них отмечался выраженный настрой на длительные и повторные беседы, что интерпретировалось как проявление типичного психологического феномена, в частности,

«потребности в отторжении воспоминаний». Получение искренних (без излишней фиксации) заверений, что «в данной ситуации они сделали все, что могли», демонстрация полного доверия к практически ежедневно дополняемым рассказам о происшедшем, способствовало существенному улучшению состояния пациентов и купировало психопатологические нарушения, в том числе — бредовые симптомы, в отдельных случаях сменяемые ситуационной эйфорией (развивавшейся как реакция на «снятие чувства вины»).

Ретроспективный анализ предоставил ряд дополнительных сведений. Весьма характерной являлась психогенная анестезия в течение первых 5—10 минут после взрыва, получения травм и ожогов, при сохранении ясного сознания и способности к рациональной деятельности (преимущественно витальной направленности) практически у 100% обследованных с легкими и средними степенями поражений. У лиц с повышенным чувством ответственности (например, у должностных лиц поездной бригады) длительность психогенной анестезии в отдельных случаях достигала 15 минут (даже при общей площади ожоговых поражений I—III-а степени до 40% поверхности тела). Одновременно отмечалась значительная мобилизация психофизиологических резервов и физических сил — некоторые пострадавшие (из перевернувшихся на бок составов с заклинившимися выходами купе) выбирались из вагонов, в прямом смысле раздирая руками щели, образовавшиеся в перегородках крыши вагонов.

Сразу после покидания горящих вагонов, пострадавшие собирались в небольшие группы (до 10—15 человек), в последующем действующие достаточно «автономно». В каждой группе выделялся свой лидер, и реализовались социальные феномены взаимной поддержки и помощи. При этом сознание отдельных членов таких групп «замыкалось» лишь на ближайшем окружении и собственном лидере; мнение лидеров других групп игнорировалось. Например, один лидер считал, что ближайшая станция находится в одной стороне по ходу поезда, а другой показывал в противоположную сторону, и каждая группа без какой-либо критической оценки следовала за своим лидером. Какие-либо воспоминания о других группах в целом являлись чрезвычайно размытыми или фрагментарными. Характерно также значительное торможение воспоминаний о событиях от момента образования группы и выхода из очага пожара до периода встречи со спасательными и врачебными бригадами. Этот период (около 2 часов) весьма смутно воспроизводился в рассказах пострадавших или упоминался как нечто припоминаемое как «в тумане». Примерно в 70% случаев образовавшиеся группы первоначально старались «укрыться» в лесу, и лишь заметив его возгорание, возвращались к железнодорожному полотну. Достаточно типичными для этого периода были предположения о возможности применения ядерного оружия. Однако большая часть пострадавших осознавала связь взрыва с утечкой газа, запах которого ощущался в вагонах до катастрофы. Опасаясь повторных взрывов, большинство

пострадавших старались как можно быстрее покинуть место катастрофы и двигались вдоль железнодорожного полотна.

В первичных и повторных беседах с пациентами полностью отсутствовали упоминания о трупах и останках погибших, словно их не было на месте катастрофы. Редко упоминалось и о перенесенной боли. Гораздо чаще говорилось об ознобе. Во всех случаях до прибытия спасательных и врачебных бригад отмечалось существенное изменение восприятия временных интервалов («казалось, что время вообще остановилось»),

В течение первых дней нахождения в клиниках Уфы пострадавшие не отмечали каких-либо сновидений. Большей частью наблюдался поверхностный фракционный сон продолжительностью 1—3 часа. Для периода бодрствования были характерны малоподвижность, вынужденная (щадящая) поза и закрытые глаза. Восстановление сновидений относилось преимущественно к 5-му дню после катастрофы. Характерно, что чем меньше была тяжесть физических поражений, тем раньше проявлялась психопатологическая симптоматика в состоянии бодрствования, особенно при легких и средней тяжести ожогах лица, рук и ног. Это позволяло сделать заключение о наличии «конкурентных» отношений между тяжестью соматических и психических нарушений в остром периоде после сочетанной (психической и физической) травмы. Уместно отметить, что до прибытия нашей группы понятие «психическая травма» при оказании помощи пострадавшим вообще не употреблялось.

Применение тазепама и феназепама[1] (на тот период времени табельные седативные препараты Советской армии), по 1 табл. 2 раза в день, в целом позитивно сказывалось на состоянии и поведении пострадавших в периоды бодрствования, но не оказывало какого-либо влияния на характер сновидений, в 70% случаев сопровождавшихся кошмарами и воспроизводивших события катастрофы. Более позитивными были отзывы пациентов на применение кортексина[2].

У обследованных пациентов со средними степенями поражений были установлены весьма незначительные повышения АД (до 130—140/80—90 мм рт. ст.) и тахикардия — 100—110 уд. в 1 мин. Уместно также отметить, что первые жалобы, связанные с баротравмами (отсутствие которых с учетом характера поражающего фактора удивляло

[1] Феназепам — первый созданный в СССР бензодиазепиновый транквилизатор. За его разработку и внедрение, а также за создание новой отрасли военной медицины — военной психофармакологии группе ученых, среди которых было несколько моих коллег и друзей (Г. Я. Авруцкому, Ю. А. Александровскому, С. А. Андронати, А. В. Богатскому, Ю. И. Вихляеву, Т. А. Ворониной, В. В. Закусову, А. Л. Зюбану, Б. В. Овчинникову, С. Б. Середенину, Л. И. Спиваку, Г. В. Чучкину) была присуждена Государственная премия СССР (1980).

[2] Препарат из группы нейрометаболических стимуляторов (ноотропов). Фармакологическое действие: метаболическое, церебропротективное, противосудорожное. Регулирует уровень серотонина и дофамина, обладает антиоксидантной активностью, нормализует биоэлектрическую активность мозга.

военных специалистов) появились лишь на 7-е сутки после катастрофы (снижение слуха, боли в ушах и носоглотке, «сухость», затрудненное дыхание), и вначале — лишь у больных с легкими и средней тяжести поражениями. Это позволило высказать еще одно предположение, в данном случае, о «маскирующем» эффекте более тяжелых ожоговых поражений и необходимости построения терапевтического процесса не только на основе жалоб пострадавших, но и с учетом всего комплекса возможных поражающих факторов.

С учетом установленной специфики и динамики психического состояния пораженных было предложено провести ряд организационных и психопрофилактических мероприятий, в частности:

- во всех клиниках города приступить к психофармакологической коррекции состояния больных;
- в кратчайшие сроки осуществить радиофикацию и оборудовать телевизорами каждую палату (с целью заполнения «информационного вакуума» и отвлечения внимания пациентов от концентрации на содержании собственных переживаний);
- усилить психиатрическую настороженность медицинского персонала и внимание к баро-поражениям;
- вызвать для проведения психотерапевтической работы достаточное количество квалифицированных психотерапевтов.

Все указанные предложения были встречены с пониманием и реализованы еще в период работы нашей исследовательской группы в Уфе.

2.4. Уфимские ликвидаторы

Существенную военно-профессиональную значимость имеют данные о состоянии и деятельности военнослужащих, привлекавшихся к ликвидации последствий катастрофы, оказанию помощи и эвакуации пострадавших.

Особенностью обследованного контингента являлось то, что он лишь весьма условно мог быть отнесен к категории ликвидаторов, спасателей и даже военнослужащих. Срок службы у абсолютного большинства солдат (92%) составлял к моменту катастрофы от нескольких часов до 2—4 суток. Таким образом, правильнее будет рассматривать полученные результаты как характеризующие призывную популяцию гражданского населения.

Полученные данные свидетельствовали, что участие в аварийно-спасательных работах существенно отразилось на психическом состоянии военнослужащих. 98% обследованных отмечали, что испытали парализующий «страх и ужас от увиденного», 62% указывали на чувство растерянности, дрожание и слабость в конечностях. В 20% случаев собственное состояние по прибытии на место катастрофы и в последующие 2—3 часа военнослужащими характеризовалось как предобморочное. Все 100% опрошенных (ретроспективно оценивая свое самочув-

ствие в период аварийно-спасательных работ) отмечали многочисленные соматические жалобы, в частности такие, как головокружение, головная боль, боли в области желудка, тошнота, рвота, расстройства стула. Эти психосоматические проявления сохранялись на протяжении нескольких дней и после завершения спасательных работ. 54% военнослужащих в последующие дни предъявляли жалобы на нарушения сна, сопровождавшиеся кошмарными сновидениями, повышенную раздражительность и угнетенное состояние. У 10% обследованных установлено наличие умеренно выраженных гипертензивных реакций и тахикардии; в 22% случаев наблюдалось снижение показателей кистевой динамометрии на 25—30% (по сравнению с нормативными для этой возрастной группы данными). Ориентировочная оценка снижения уровня работоспособности составляла около 50%.

Уместно воспроизвести некоторые записи на диктофон рассказов участников аварийно-спасательных работ.

Военнослужащий Б.:

«Мы знали, что произошла катастрофа на нефтепроводе. Больше ничего не знали, ни о каких поездах. Сначала не видно было ничего, так как мы ехали по лощине. А когда поднялись на возвышенность, тогда все и увидели: обгоревший лес, дым везде, вагоны опрокинутые... Тогда нам и сказали, что будем выносить трупы... Самая такая..., знаете, работа... Дали нам рукавички, носилки, разбили по четыре человека...»

Сержант Ж.:

«...Когда ехали на место аварии, я все пытался себе представить — как это все будет выглядеть? Первый труп сильного впечатления на меня не произвел, я его как бы издалека видел. Потом мы прошли по лесу. “Акклиматизировались”. ...Я думаю, нас специально по лесу провели, чтобы мы немного привыкли... Со мной были еще три молодых солдата. И вот первый труп, как бы в воронке такой неглубокой. Я спокойно к нему подошел. Солдаты рядом стояли. Видно было, что им не по себе, молодые ведь совсем... Да и мне было не по себе, но выбирать не приходилось — я ведь старший. Пришлось взяться за труп первым. Не хотелось, конечно, но выбора не было. Молодые ведь, только два дня как прибыли. Перед тем, как начать работать, я им просто сказал: “Мужики, за нас этого никто не сделает. Мы — единственные, кто это будет делать. Поэтому хочешь — не хочешь, надо...” Сначала я, правда, сам себе это сказал, а потом уже им. Ну а когда сказал, по-другому уже было нельзя... Самое тяжелое, когда тащил первый труп. Я его из воронки вытаскивал. А там галька или щебенка. Поскользнулся и чуть было на труп не лег. Было такое ощущение, что меня сейчас не просто вырвет, а вывернет всего. Уже и в горле стояло... Но как-то стыдно стало. Скажут молодые: “Сержант — слабак”, — а мне их учить еще. Я отполз, потный был, отдышался, одел респиратор. Потом взялся за труп и вроде никаких ощущений особых не было. Как бы выключился. Только потом, когда несли, очень тяжело было переносить трупный запах. Или это не трупный был, а горелого мяса? Не знаю. Ребят послабее я вперед поставил, чтоб не видели, что несут».

Офицер Р.:

«Когда прибыли на место катастрофы, то первое, что увидели, — это искореженные поезда. На вагонах живого места не было. Они были какого-то грязно-красного цвета. Многие вообще ни на что не похожи, так, груда металла. Никогда раньше такого не видел. Даже сердце застучало. Пошли с группой офицеров смотреть — что там на месте. Первое, что бросилось в глаза, — трупы обгоревших. Мы прямо оцепе-

нели. Такого даже представить себе нельзя. Никогда мы не видели трупов, на которых полностью сгорела одежда, сгорели волосы, другие части тела, такие, например, уши, нос, губы. Невозможно себе этого представить. Многие трупы были "перекорежены", как вагоны, без кожи, просто обгорелое мясо на костях... Трудно было отвести взгляд... Когда получили команду сносить трупы поближе к месту погрузки, не каждый мог решиться на эту работу. Начали их собирать... С первого раза многие даже не могли взяться... Непонятно было — что это? — руки или ноги, а иногда торчал просто кусок кости с мясом, такого обгорелого. Очень трудно было взяться, почувствовать в руках части человеческого тела... Особенно тяжело было смотреть на трупы детей. Одного мне самому пришлось выносить. Маленького, совсем грудного ребенка, примерно 3—4 месяцев. Было очень трудно все это воспринять. Я до этого мертвых детей не видел. А у самого трое. Младший примерно того же возраста. У меня даже руки затряслись. Но вроде неловко звать кого-то на помощь. Пришлось самому вытаскивать его из-под вагона, брать на руки, нести. Тяжело, даже не то слово. Там идти-то всего... Несколько раз останавливался... Приходилось класть его на землю, завернутого в тряпку какую-то, какая под руку попалась. Очень трудно было. И не только морально, физически трудно было. Как ослабел вдруг. Хорошо тут ребята подошли, положили его на носилки, укрыли и унесли... А солдаты... По-разному, конечно, было, но ни о ком плохого сказать не могу...»

Глава 3
ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ В ОЧАГАХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ И КАТАСТРОФ

По результатам обследования населения и военнослужащих, подвергшихся воздействию экстремальных факторов, моделирующих применение оружия массового поражения, нами было выделено семь последовательных стадий изменения их психического состояния и восстановления военно-профессиональной работоспособности.

1. «*Стадия витальных реакций*» — длится от нескольких секунд до 5—15 минут, когда поведение практически полностью подчинено императиву сохранения собственной жизни, с характерными сужением сознания, редукцией моральных норм и ограничений, нарушениями восприятия временных интервалов и силы внешних и внутренних раздражителей (включая явления психогенной гипо- и аналгезии даже при травмах, сопровождавшихся переломами костей, ранениями и ожогами 1—2-й степени до 40% поверхности тела). В этот период характерна реализация преимущественно инстинктивных форм поведения, в последующем переходящих в кратковременное (тем не менее — с широкой вариативностью) состояние оцепенения.

Длительность и выраженность витальных реакций в существенной степени зависят от внезапности воздействия экстремального фактора. Например, при внезапных мощных подземных толчках, как это было при землетрясении в Армении, или взрыве газа и крушении поезда под Уфой в ночное время, когда большинство пассажиров спали, имели место случаи, когда, реализуя инстинкт самосохранения, люди выпрыгивали из окон шатающихся домов или горящих вагонов, на несколько секунд (иногда — на минуты и даже часы) «забывая» о своих близких. Но если при этом они не получали существенных повреждений, через некоторое время социальная регуляция восстанавливалась, и они вновь бросались в обрушивающиеся здания или пылающие вагоны на спасение прежде всего — своих родных, а затем — всех других. Если спасти близких не удавалось, это определяло течение всех последующих стадий, специфику состояния и прогноз психопатологии на весьма протяженный период. Последующие попытки рационального разубеждения в том, что инстинктивным формам поведения невозможно противостоять или противодейство-

вать, оказывались малоэффективными, и нами применялись другие методы психотерапевтической коррекции.

Апеллируя к недавним трагическим событиям в Беслане (2004), следует признать, что отчасти аналогичная ситуация наблюдалась после внезапного взрыва мины и начала массового расстрела заложников, когда люди, до этого на протяжении нескольких дней находившие единственную поддержку в присутствии рядом ближайших родных, внезапно теряли друг друга.

При пролонгированном воздействии экстремальных факторов (в том числе связанных с длительным ограничением или полным лишением удовлетворения витальных потребностей, например, в пище или воде) постепенно формируются аналогичные реакции, в основе которых лежат властно побуждающие императивы выживания, которые в ряде случаев не могут быть реализованы как коллективные.

2. *«Стадия острого психоэмоционального шока с явлениями сверхмобилизации»*. Эта стадия, как правило, развивается вслед за завершающим период «витальных реакций» кратковременным состоянием оцепенения, длится от 3 до 5 часов и характеризуется общим психическим напряжением, предельной мобилизацией психофизиологических резервов, обострением восприятия и увеличением скорости мыслительных процессов, проявлениями безрассудной смелости (особенно при спасении близких) при одновременном снижении критической оценки ситуации, но сохранении способности к целесообразной деятельности. В эмоциональном состоянии в этот период преобладает чувство отчаяния, сопровождающееся ощущениями головокружения, «бега мыслей» и головной боли, а также сердцебиением, сухостью во рту, жаждой и затрудненным дыханием. Поведение в этот период подчинено почти исключительно императиву спасения близких с последующей реализацией представлений о морали, профессиональном и служебном долге. Эти представления (в стадии «витальных реакций») становятся на какой-то период «отставленными» практически у всех пострадавших, включая подвергшихся психической травме представителей силовых и властных структур. Несмотря на присутствие рациональных компонентов, именно в этот период наиболее вероятны проявления панических реакций и заражение ими окружающих, что может существенно осложнять проведение спасательных операций. До 30% обследованных при субъективной оценке ухудшения состояния одновременно отмечали в этот период увеличение физических сил и работоспособности в 1,5—2 и более раз. Окончание этой стадии может быть как пролонгированным, с постепенным нарастанием чувства истощения, так и наступать внезапно, мгновенно, когда только что активно действовавшие люди оказывались в состоянии, близком к ступору или обмороку, вне зависимости от ситуации.

3. *«Стадия психофизиологической демобилизации»* — ее длительность до 3 суток. В абсолютном большинстве случаев наступление этой стадии связывалось с пониманием масштабов трагедии («стресс

осознания») и контактами с людьми, получившими тяжелые травмы, и телами погибших, а также прибытием спасательных и врачебных бригад. Наиболее характерными для этого периода являлись резкое ухудшение самочувствия и психоэмоционального состояния с преобладанием чувства растерянности (вплоть до состояния своеобразной прострации), и специфических панических реакций (нередко — иррациональной направленности, но реализуемых без какого-либо энергетического потенциала), снижение моральной нормативности поведения, отказ от какой-либо деятельности и мотивации к ней. Одновременно наблюдаются выраженные депрессивные тенденции, нарушения функций внимания и памяти (как правило, пострадавшие вообще не могут сколько-нибудь ясно вспомнить, что они делали в это время, но, естественно, эти пробелы затем «заполняются»). Ярко выражены бледность, потливость, тремор конечностей. Из жалоб в этот период ведущими являются тошнота, «тяжесть» в голове, дискомфорт со стороны желудочно-кишечного тракта (в том числе — рвота и диарея), полное отсутствие аппетита (отказ от пищи), резкая слабость, замедление и затруднение дыхания, вплоть до приступов удушья. Высока вероятность асоциального поведения, реализуемого в виде «тусклого» аффекта с признаками неадекватности оценки ситуации.

4. Последующая динамика состояния и самочувствия пострадавших во многом определяется спецификой воздействия экстремальных факторов, полученными поражениями и моральнопсихологической ситуацией после трагических событий. Вслед за «психофизиологической демобилизацией» (при относительно высокой вариативности ее сроков) с достаточным постоянством наблюдалось развитие 4-й стадии — «*стадии разрешения*» (от 3 до 12 суток). В этот период, по данным субъективной оценки, постепенно стабилизировались настроение и самочувствие. Однако по результатам объективных данных и включенного наблюдения, у абсолютного большинства обследованных сохранялись: пониженный эмоциональный фон, ограничение контактов с окружающими, гипомимия, снижение интонационной окраски речи, замедленность движений, нарушения сна и аппетита, а также различные психосоматические реакции (преимущественно со стороны сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта и эндокринной сферы). К концу этого периода у большинства пострадавших появлялось желание «выговориться», реализуемое избирательно, направленное преимущественно на лиц, не являвшихся очевидцами трагических событий, и сопровождавшееся некоторой ажитацией. Этот феномен, входящий в систему естественных механизмов психологической защиты («отторжение воспоминаний путем их вербализации»), в ряде случаев приносил пострадавшим существенное облегчение (что является одним из показаний для дебрифинга). Одновременно восстанавливались сны, как правило, отсутствовавшие в предшествующие периоды, в том числе — тревожного и кошмарного содержания,

в различных вариантах трансформирующие впечатления трагических событий.

На фоне субъективных признаков некоторого улучшения состояния объективно отмечалось дальнейшее снижение психофизиологических резервов (по типу гиперактивации), прогрессивно нарастали явления переутомления, существенно уменьшались показатели физической и умственной работоспособности.

5. «*Стадия восстановления*» психофизиологического состояния начиналась преимущественно с конца второй недели после полученной психической травмы и первоначально наиболее отчетливо проявлялась в поведенческих реакциях: активизировалось межличностное общение, начинала нормализоваться эмоциональная окраска речи и мимических реакций, впервые появлялись шутки, вызывавшие эмоциональный отклик у окружающих, восстанавливались сновидения у большинства обследованных. В состоянии физиологической сферы позитивной динамики и на этой стадии выявлено не было. Клинических форм психопатологии, за исключением транзиторных и ситуационных реакций, в «острый» период (до двух недель) после воздействия экстремальных факторов не наблюдалось. Основные формы транзиторной психопатологии (по ведущему признаку) представлены в табл. 3.1.

Таблица 3.1

Данные о частоте наблюдавшихся психопатологических синдромов у пострадавших

Наименование психопатологических синдромов, классифицированных по ведущему признаку	Частота (в процентах)
Психическая заторможенность, астено-депрессивный синдром	56
Аффектогенный ступор	23
Общее психомоторное возбуждение	11
Глубокая депрессия и выраженный негативизм	4
Бредово-галлюцинаторные состояния	3
Неадекватность, эйфория	3
Итого:	**100**

6. В более поздние сроки (через месяц) у 12—22% пострадавших выявлялись стойкие нарушения сна, немотивированные страхи, повторяющиеся кошмарные сновидения, навязчивости, бредово-галлюцинаторные состояния и некоторые другие, а признаки астеноневротических реакций в сочетании с психосоматическими нарушениями деятельности желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой и эндокринной систем определялись у 75% пострадавших («*стадия отставленных реакций*», которая для определенной части пострадавших — до 10% случаев — может оцениваться как острое стрессовое расстройство или

как манифестация начала ПТСР). Одновременно нарастала внутренняя и внешняя конфликтогенность, требующая специальных подходов.

Седьмая стадия отдаленных последствий подробно описывалась в монографии «Психическая травма»[1].

Обобщая опыт работы в очагах стихийных бедствий и катастроф, нами было предложено создать специально подготовленные и укомплектованные (с учетом психологических критериев отбора) аварийно-спасательные части в составе:

1) подразделений для организации управления[2], охраны порядка, осуществления связи и контроля за снабжением (во всех случаях в районы стихийных бедствий и катастроф «стекается» определенное количество авантюристов, имеют место мародерство и отсутствие должного взаимодействия органов управления и охраны порядка в течение первых 2—3 суток, значительная часть поступающих в районы бедствий и катастроф материальных средств, медицинского имущества и остродефицитных препаратов расхищаются);

2) подразделений для проведения аварийно-спасательных работ непосредственно в очаге бедствия (аварии) и эвакуации пострадавших (опыт показал, что до 25—30% прибывавших для проведения таких работ, в том числе — из состава частей ГО, доставляемых иногда за сотни и тысячи километров, как это было в Армении, в силу индивидуальных особенностей и состояния нервно-психической сферы, оказывались совершенно неэффективными, а применительно к Уфимской катастрофе — возникновение рвоты и предобморочных состояний при транспортировке обожженных наблюдалось даже у санитаров медицинских учреждений);

3) медицинских подразделений из числа врачей всех специальностей, имеющих опыт медицинской сортировки пострадавших и оказания помощи на различных этапах эвакуации, а также психологически подготовленных к работе в очаге массовых санитарных потерь;

4) подразделений военных психологов и психиатров для:

а) оказания психологической помощи пострадавшим, проведения психотерапевтической и психофармакологической коррекции, а также

[1] См.: *Решетников М. М.* Психическая травма. СПб. : Восточно Европейский Институт Психоанализа, 2006. С. 163—173. Аналогичные данные приводятся и другими авторами, в частности, В. М. Лыткин и И. Л. Герасим, обобщая данные о стационарном лечении в психиатрическом отделении Военно-медицинской академии 104 ветеранов Афганистана, отмечали, что невротические состояния наблюдались в 37,9% случаев, шизофрения — в 24,9%, последствия ЗТМ — в 16,8%, алкоголизм — в 11,8%, наркомания — в 6%, аффективные психозы — в 3% случаев. Отсутствие позитивных установок на будущее отмечали 42% пациентов, относились к будущему безразлично — 15% [3, с. 86—88].

[2] Организацию управления (или уже упомянутую «временную администрацию») следует подчеркнуть особенно, так как это положение все еще не реализовано в должной степени. Совершенно недопустимо, когда управление спасательными или антитеррористическими операциями осуществляется психологически травмированными людьми (как это было, например, в 2004 году в Беслане).

разработки мероприятий по социально-психологической реабилитации тех, кто в этом нуждается;

б) оказания социально-психологической помощи родным и близким пострадавших и погибших;

в) психологического обеспечения деятельности врачебных бригад, личного состава частей и подразделений, привлекаемых к аварийно-спасательным работам;

г) для информационно-психологической поддержки населения.

В случаях даже ограниченного военного конфликта с применением оружия массового поражения потребность в таких подразделениях неизмеримо возрастет. Учитывая оборонное значение таких подразделений, решение об их формировании предлагалось принять в ближайшее время. Такие подразделения были созданы и, теперь хорошо всем известны под наименованием МЧС[1].

Было также предложено разработать и внести на рассмотрение правительства специальную долговременную государственную программу по проблеме социально-психологической реабилитации участников боевых действий в Республике Афганистан, пострадавших в результате экологических и техногенных катастроф, а также террористических актов, включая создание и расширение сети действующих центров анонимного лечения психогенных расстройств. Однако это предложение в силу последовавших социально-политических изменений и экономических проблем до настоящего времени не было реализовано.

---

[1] Автор ни в коей мере не пытается отнести это к своим заслугам или заслугам своих коллег — просто пришло время.

Глава 4
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА[1]

4.1. История проблемы

26 апреля 1986 года в 01 час 24 минуты произошло разрушение четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС, расположенной на территории Украинской ССР в непосредственной близости от города Припять, в 110 километрах от Киева и в 16 километрах от границы с Белорусской ССР. Эта авария оценивается как крупнейшая за всю историю ядерной энергетики, и до настоящего времени относительно этого трагического события обсуждается множество сомнительных фактов и мифов. Хотя в соответствии с новым законодательством РФ все данные по экологической безопасности никто не имеет права засекречивать, адекватной информации по данной проблеме явно недостаточно. Подходы к интерпретации даже технических вопросов и обстоятельств аварии менялись с течением времени, и единого мнения по большинству из них нет до сих пор. Публикации по данной проблеме многочисленны и противоречивы [4, 10, 440], еще больше версий представлено в сети Интернет, включая воспоминания очевидцев и участников (подвергшиеся значительной индивидуальной трансформации), поэтому любые обобщения носят отчасти вероятностный характер.

В отличие от широко распространенного мнения, авария на ЧАЭС не являлась неким аналогом ядерной бомбардировки, подобной той, что в конце Второй мировой войны провели США в Хиросиме и Нагасаки (1945). Скорее, это трагическое событие стоило бы рассматривать как применение «грязной бомбы», которая никогда никем не испытывалась, и лишь теоретически рассматривалась в качестве возможного средства ведения войны. Самый простой вариант «грязной бомбы» — это обычный контейнер, начиненный радиоактивными изотопами, которые с помощью тех или иных средств распыляются на большой территории, вызывая ее радиоактивное заражение и соответствующие поражения населения и всего живого, одновременно провоцируя мас-

[1] Раздел подготовлен совместно с д.м.н., проф. Новицким А. А. и научным сотрудником ВЦЭРМ Решетниковой Е. М., с учетом материалов исследований проведенных автором при участии канд. психол. наук Ю. А. Баранова и канд. психол. наук Н. А. Мухановой.

совую панику и все связанные с этим последствия. Идея такой бомбы была сформулирована еще в 1940 году, но, учитывая непредсказуемость результатов и отсутствие немедленного поражающего эффекта, а также то, что очистка такой территории потребует значительного времени (годы и десятилетия) и средств и фактически — приведет к невозможности использования «завоеванного» таким образом, эта идея никогда не рассматривалась военными в качестве рациональной. Но она неоднократно изучалась как возможный вариант деятельности террористов, и на это были соответствующие основания.

Непосредственно в процессе аварии на ЧАЭС погибли 2 человека. Еще 31 человек погиб в процессе ликвидации последствий аварии в течение первых трех месяцев после катастрофы. Отдаленные последствия облучения, которые выявляются до настоящего времени, стали причиной смерти еще от 60 до 100 человек. Лучевая болезнь была диагностирована у 134 человек (28 из них умерли в течение последующих месяцев)[1]. Более 100 тыс. человек были подвергнуты принудительной эвакуации из 30-километрой зоны. Для ликвидации последствий аварии были привлечены значительные человеческие ресурсы — более 200 тыс. в первый год, а в целом в ликвидации последствий аварии участвовали более 600 тыс. человек, которые затем получили специальное наименование, а позднее — и особый статус «ликвидаторов».

Основным следствием аварии (в результате распространения радиоактивного облака) стало радиоактивной заражение, которое в той или иной мере затронуло значительную часть территории ряда европейский стран, однако около 60% радиоактивных осадков выпало на территории Беларусской ССР. Именно в этом регионе в последующем нами проводились исследования. Во время аварии наша исследовательская группа находилась в Афганистане, и впервые об этой трагедии мы узнали из радиопередач Голоса Америка 27 апреля 1986 года. Первое официальное заявление по советскому телевидению было сделано 28 апреля 1986 года, при этом сообщалось только о факте аварии и двух погибших, без каких-либо подробностей и характеристики масштабов катастрофы, хотя уже 27 апреля началась принудительная эвакуация населения города Припять. Затем от населения была освобождена вся 10-километровая, а позднее — 30-километровая зона.

Эвакуируемым запрещалось брать с собой какие-либо вещи, домашних животных и скот[2] (многие были эвакуированы только в личной

---

[1] Первые радиоактивные поражения начали проявляться уже через час после аварии в процессе ликвидации возникшего в результате взрыва реактора пожара. У пожарных начала развиваться резко нарастающая слабость, рвота и появился «ядерный загар». Помощь им оказывали на месте, в медпункте станции, после чего переправляли в городскую больницу Припяти. 27 апреля первую группу пострадавших из 28 человек отправили самолетом в Москву, в 6-ю радиологическую больницу.

[2] Позднее из числа военнослужащих и охотников были сформированы специальные отряды по отстрелу брошенных домашних и диких животных, чтобы предотвратить их миграцию на чистые территории.

одежде). Чтобы не провоцировать панику, эвакуация характеризовалась как профилактическая, а гражданам сообщалось, что они вернутся домой максимум через три дня, когда будет ликвидирована угроза аварии на ЧАЭС. Хотя заявлениям властей уже традиционно не доверяли, серьезной паники удалось избежать (советские люди были приучены к терпению и послушанию). Никакой сколько-нибудь адекватной информации об опасности радиоактивного поражения, возможных симптомах, так же как о целесообразных мерах безопасности 27 апреля гражданам еще не давалось[1], хотя уже имелись данные радиационной разведки, которые учитывались при утверждении маршрутов движения колонн эвакуируемых. В это же время западные средства массовой информации уже активно анализировали создавшиеся угрозы и демонстрировали карты воздушных потоков в Центральной и Восточной Европе. Но СССР готовился к празднику 1 мая, и ничто не должно было омрачать этот день «международной солидарности трудящихся», «единства партии и народа»[2].

В настоящее время общепризнано, что авария явилась результатом «стечения целого ряда обстоятельств», связанных с человеческим фактором, а именно как раз с тем, который был позднее обозначен мной как психологическая проблема «субъектов высоких технологий». В данном случае этот фактор включал: недостатки инженерных решений при проектировании и строительстве, нарушения правил безопасности при проведении регламентных и ремонтных работ, а также безответственное проведение испытательных и научных экспериментов на неизвестных режимах работы ЧАЭС (вплоть до случайного нажа-

---

[1] Уже позднее в постсоветской России были приняты законодательные акты, запрещающие сокрытие подобной информации от граждан. В соответствии со статьей 7 Закона РФ от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» сведения о состоянии экологии не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию. Согласно статье 10 Федерального закона от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» сведения о чрезвычайных ситуациях, экологические, метеорологические, демографические, санитарно-эпидемиологические и другие сведения, необходимые для обеспечения безопасного функционирования производственных объектов, безопасности граждан и населения в целом, являются открытыми и не могут относиться к информации с ограниченным доступом.

[2] 1 мая 1986 года мы напряженно вглядывались в экран телевизора, гадая, покажут или нет демонстрацию трудящихся из Киева. Ее показали, и, более того, на трибуне стоял первый секретарь ЦК УССР (весьма популярный и уважаемый в народе деятель советского периода) В. В. Щербицкий с малолетним внуком на руках. Со сталинских времен такие «вольности» не поощрялись, и это настораживало, хотя одновременно появились сомнения, не клевещут ли в очередной раз «западные голоса».

Позднее стало известно, что В. В. Щербицкий просил Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева отменить демонстрацию, так как уровень радиации в Киеве (в связи со сменой направления ветра) в этот день превышал естественный фон в 100 раз. Как свидетельствовали позднее В. А. Згурский, бывший в то время председателем Киевского горисполкома, и супруга В. В. Щербицкого, первый секретарь приехал за 10 минут до начала демонстрации, нецензурно выругался и разразился тирадой в адрес Горбачева: «Я ему говорю, что нельзя выводить на Крещатик людей, а он: “Я тебя из партии, из Украины выгоню, я тебя сгною, попробуй только проявить панику”».

тия не той кнопки оператором, что также рассматривалось в качестве одной из версий причин аварии). Примечательно, что, несмотря на то, что Государственная комиссии СССР и привлекаемые позднее международные эксперты основную ответственность за аварию однозначно возложили на руководство и персонал ЧАЭС, психологические факторы остаются (и скорее всего — уже навсегда) наименее исследованными, в то время как технические были неоднократно подвергнуты самому детальному анализу. И это достаточно характерно для всех подобных ситуаций[1].

Как известно, в последующем (с участием все тех же ликвидаторов) был построен саркофаг (строительство завершилось уже в ноябре 1986-го), и на протяжении ряда лет осуществлялась очистка загрязненных территорий и отселение граждан, которое продолжается по настоящее время. Значительные дозы облучения (по данным Российского государственного медико-дозиметрического регистра) получили около 60 тыс. ликвидаторов (10%), а за последующие 20 лет из этой группы от различных причин, в том числе — прямо не связанных с радиацией, умерло примерно 5 тыс. человек[2].

Психологические исследования состояния и поведения людей начали проводиться в 1987 году, преимущественно на так называемом чернобыльском следе — в Белоруссии. Но уже происходящие кризисные социально-политические процессы в стране существенно сказались на этой работе, которая так и осталась весьма фрагментарной (руководство этими исследованиями осуществлялось мной совместно с профессором А. А. Новицким). Постепенно акцент исследований все больше смещался в область медицинских и радиологических аспектов проблемы. Применительно к населению пострадавших регионов в настоящее время определить, какая часть заболеваний является следствием аварии, а какая нет — фактически, не представляется возможным, хотя, вне сомнения, психосоматический фактор присутствует во всех этих случаях.

Психопатологические эффекты от воздействия радиации (а тем более — от психогенной трансформации гипотетической угрозы радиоак-

---

[1] Приведем только три вывода квалифицированных международных экспертов: «...Авария явилась следствием низкой культуры безопасности не только на Чернобыльской АЭС, но и во всех советских проектных, эксплуатирующих и регулирующих организациях атомной энергетики, существовавших в то время... Человеческий фактор следует по-прежнему считать основным элементом среди причин аварии... Наибольшего осуждения заслуживает то, что неутвержденные изменения в программу испытаний были сразу же преднамеренно внесены на месте, хотя было известно, что установка находится совсем не в том состоянии, в котором она должна была находиться при проведении испытаний».

[2] Чтобы еще раз подчеркнуть отличия Чернобыльской катастрофы от взрыва ядерной бомбы, отметим, что количество одномоментно погибших от ядерной бомбардировки в Японии составило от 70 до 80 тыс. человек; к концу 1945 года, в связи с действием радиоактивного заражения и других сочетанных повреждений число погибших оценивалось уже в 90—160 тыс. человек, а по истечении 5 лет, с учетом умерших от рака и других долгосрочных воздействий взрыва, эта цифра превысила 200 000 человек.

тивных поражений) очень трудно отделить от других негативных психологических факторов, связанных, например, с распадом СССР, что привело к общему увеличению смертности и сокращению продолжительности жизни во всех республиках бывшего Союза, а также вызвало специфическую миграцию, падение рождаемости и изменение возрастного состава населения в ряде регионов России, Республики Беларусь и Украины.

В ряде исследований отмечалось, что относительное повышение уровня заболеваемости среди людей, не участвовавших непосредственно в ликвидации аварии, и переселенных из зоны отчуждения в другие места, не связан непосредственно с облучением, а обусловливался стрессами, связанными со страхом перед радиацией, самим фактом переселения, потерей имущества, социальными проблемами и т.д. Эта гипотеза обосновывается также тем, что суммарная доза облучения (за весь период после чернобыльской аварии), полученная эвакуированными и жителями зон отселения или зон со строгим контролем не превышает 30—50 миллизиверт[1], в то время как жители некоторых регионов Земли с повышенным естественным радиоактивным фоном (в Бразилии, Индии, Китае) за аналогичный период получили дозы облучения в 100—200 мЗв.

Наиболее значительные дозы облучения получили ликвидаторы — около 100 мЗв (в отдельных случаях — до 500 мЗв). В настоящее время большинство жителей загрязненной зоны получает менее 1 мЗв в год сверх естественного фона, однако психологический фактор нахождения на радиоактивно-зараженной территории присутствует постоянно.

4.2. Психологические исследования в зоне радиоактивного загрязнения

Психологические исследования выполнялись нашими сотрудниками на территории «чернобыльского следа» с 1986 по 1992 год, и затем (после распада СССР) были прекращены, а собранные экспериментальные данные частично переданы органам здравоохранения Республики Беларусь, а частично утрачены.

Основные исследования проводились в городе Хойники Гомельской области. Всего было обследовано 744 человека в возрасте от 14 до 60 лет, в том числе 278 мужчин и 270 женщин, постоянно проживавших на территории радиоактивного загрязнения в течение 6 лет (с 1986 года). В качестве контрольной (нормативной) выборки использовались результаты исследований, проведенных в тот же период в городе Подпорожье Ленинградской области (270 человек).

Как уже отмечалось, уровни радиационных поражений населения в этих районах были весьма незначительными, однако психологиче-

[1] Зиверт (обозначение: Зв, мЗв) — единица измерения доз ионизирующего излучения (введена в 1979 году).

ский фактор, связанный с угрозой радиоактивных поражений и отсутствием адекватной разъяснительной работы и информации, оказывал чрезвычайно негативное воздействие на состоянии психической и соматической сферы практически всех категорий населения. Тогда же в качестве специфического нами был выделен особый психотравмирующий фактор, «состояние неопределенности в ситуации отсутствия адекватной информации», содержание которого раскрывается ниже.

У лиц, постоянно проживающих в районах с повышенным радиационным фоном, на протяжении первых лет после аварии отмечалось увеличение числа жалоб, преимущественно — со стороны сердечно-сосудистой системы и органов пищеварения, а также — на непреходящее чувство страха и усталости, при этом подчеркивался эффект последовательной кумуляции утомления. Наиболее частыми вариантами жалоб являлись: неприятные ощущения во всем теле, по типу чувства жара или зуда, тяжесть в желудке, головные боли, тахикардия, отсутствие аппетита и нарушения сна. Эти субъективные ощущения соматического неблагополучия, по заключениям действовавших в тех же районах врачебных бригад, во многих случаях не подтверждались специальными клиническими исследованиями, но сопровождались одновременным ростом производственных травм, ошибочных действий при управлении транспортом и на производстве. Было совершенно естественным и вполне закономерным сопряженное с этим снижение производительности труда и мотивации к какой-либо деятельности вообще, на что обращалось внимание и другими авторами (88, 89, 93). Таким образом, исходно патология проявлялась почти исключительно на психосоматическом и поведенческом уровнях, но никаких специалистов для ее коррекции в тот период просто не было.

Различные формы нервно-психических расстройств, обусловленных состоянием хронической тревоги, в 1987 году выявлялись в 80—90% случаев. Этот показатель, например, среди жителей Могилевской области, был в 9 раз выше, чем в экологически благополучных районах Белорусской ССР. Через 6 лет после Чернобыльской катастрофы, несмотря на качественные изменения в разъяснительной, информационной и профилактической работе, а также ряд существенных социально-экономических льгот, до 65% обследованных считали проживание на территории Хойников опасным для здоровья. Наиболее выраженными эти опасения были в активной возрастной группе (22—35 и 36—45-летних), а наименее, вплоть до индифферентного отношения, в группе юношей (14—20 лет), которые, фактически, выросли и сформировались в этой специфической экологической и морально-психологической атмосфере, и как следствие, воспринимали ее как нечто естественное, как данность[1]. Специфично, что примерно такое же индифферентное

[1] Тем не менее именно у этой молодежной группы выявлялась наибольшая частота (до 30%) снижения интереса к какой-либо деятельности и к жизни в целом.

отношение было характерным и для значительной части населения старшей возрастной группы (55—60-летних). Более высокие субъективные оценки риска, связанного с радиационными поражениями, давали мужчины (79,3% всех обследованных мужчин), хотя различия с женской популяцией по частоте негативных оценок (76,4%) были незначительными.

В дополнение к уже упомянутым психосоматическим проявлениям, ведущими во всех возрастных группах являлись жалобы на повышенную утомляемость, раздражительность и нервозность, хроническое чувство недомогания и снижение интереса не только к деятельности, но и к жизни (табл. 4.1). Различия по этим показателям в мужской и женской популяции были незначительными, хотя у женщин падение мотивации к какой-либо деятельности встречалась в 2,5 раза чаще; у них же вдвое увеличился прием различных лекарств, что позволяло предполагать определенную фиксацию на «роли неизлечимо больных».

Таблица 4.1

Распределение наиболее типичных жалоб, связанных с самочувствием и состоянием, в различных возрастных группах населения, постоянно проживающего на радиоактивно загрязненной территории (1992 год)

Перечень наиболее характерных жалоб	Частота и распределение наиболее характерных жалоб (в процентах) в различных возрастных группах			
	21 и младше	22—35 лет	36—45 лет	55 и старше
Постоянное чувство усталости	40,8	50,0	52,9	55,6
Нарушения сна	14,1	13,6	17,6	11Д
Снижение аппетита	7,0	9,1	17,6	11,1
Повышенная раздражительность и нервозность	38,0	40,9	35,3	44,4
Нарастающее чувство соматического недомогания	31,4	41,7	73,3	77,8
Постоянное чувство тревоги	8,6	12,5	26,7	0
Учащение заболеваний	17,1	16,7	13,3	ПД
Снизился или пропал интерес: к работе, к жизни	30,0	20,8	6,7	0
Ощущение трудностей во взаимоотношениях с другиМИ людьми	20,0	29,2	6,7	22,2
Повысилась частота приема различных лекарств	12,7	—	5,9	33,3

Анализ обращений за медицинской помощью в последующие годы (1986—1992), показал, что наиболее значительные переживания лиц постоянно проживающих на загрязненной территории связаны с состоянием здоровья детей, что, в целом, совершенно естественно (табл. 4.2). Второй наиболее значимой причиной было обострение хронических заболеваний, различные проявления более высокой онкологической настороженности и импотентофобии, в обоих случаях — преимущественно у мужчин. У женщин выявлялась гораздо большая озабоченность проблемами, связанными с сексуальной жизнью, беременностью и родами, а также — с заболеваниями щитовидной железы. 23,3% опрошенных считали, что нуждаются в психотерапевтической или психиатрической помощи, а 13,6% отмечали, что в такой помощи нуждаются не только они, но и их близкие.

Талица 4.2

Данные опроса о наиболее существенных жалобах и причинах обращения к врачам общей практики (1992)

Наиболее существенные жалобы, повлекшие обращение к врачам общей практики	Распределение ответов (в процентах) в мужской и женской группах обследованных	
	Мужчины	**Женщины**
Обострение хронических заболеваний	23,4	32,0
Нарушение половой функции	10,4	0
Нарушение функции щитовидной железы	14,3	40,0
Онкологические заболевания	20,8	4,0
Проблемы связанные с здоровьем детей	53,2	36,0

Влияние радиоактивного загрязнения на субъективную оценку состояния тревоги в различных возрастных группах графически представлено на рис. 4.1, где еще раз демонстрируется, что наиболее подверженной невротическим реакциям являлась активная возрастная группа (22—35 и 36—54-летних). Самостоятельного анализа заслуживает содержание интеллектуально-эмоциональной сферы обследованных, их внутренние переживания (табл. 4.3), среди которых преобладали чувства тоски, неуверенности и раздражения. Переживания, связанные с чувством страха, к этому периоду минимизировались или, точнее — рутинизировались; фактически, их частота по сравнению с 1986 годом уменьшилась в 7 раз (к 1992), но качественно новым стало немотивированное чувство вины (перед собой и перед детьми за случившееся). Хотя частота этого показателя была не так уж велика (15—18%), тем не менее уместно напомнить, что именно чувство вины является наиболее мощным провоцирующим фактором для развития психопатологии.

Таблица 4.3

Преобладающие формы внутренних переживаний и испытываемых чувств (1992)

Преобладающие формы внутренних переживаний и испытываемых чувств	Частота показателей (в процентах в зависимости от пола обследованных	
	Мужчины	Женщины
Чувство страха	14,3	11,8
Чувство вины	15,6	17,6
Чувство одиночества	23,4	25,5
Чувство тоски	42,9	39,2
Чувство непонимания	23,4	19,6
Ощущение неуверенности	33,3	22,6
Чувство печали	24,7	28,3
Ощущение возбуждения	9,9	1,9
Чувство раздражения	30,9	28,3
Вспыльчивость	19,8	24,5

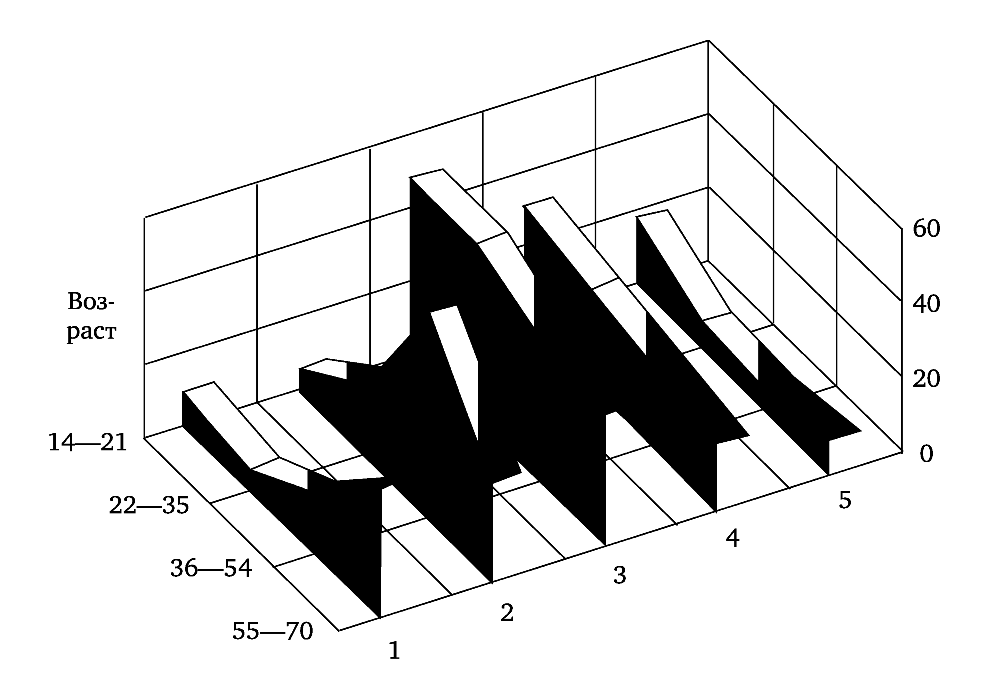

Рис. 4.1. **Возрастные особенности проявления тревоги и страха в условиях пролонгированного стресса, связанного с постоянным проживанием на загрязненной территории**

1 — испытываю чувство страха; 2 — испытываю сильное беспокойство; 3 — испытываю некоторую тревогу; 4 — отношусь спокойно; 5 — отношусь безразлично.

На утрату цели в жизни указывали 42,6% мужчин и 46,7% женщин; негативная динамика отношений в семье в последующие после чернобыльской аварии годы (как между супругами, так и между родителями и детьми) отмечалась в 66,7% случаев.

Предполагали сменить место жительства в ближайшее время около 60% обследованных, не имели определенного мнения по этой проблеме 22%, и однозначно приняли решение остаться жить («доживать») в районе радиоактивного заражения около 18% (в последнем случае преимущественно представители старшей возрастной группы).

Не вдаваясь в качественный анализ многочисленных жалоб на состояние здоровья (что относится к компетенции медицинской службы), был проведен их количественный анализ и затем собранный материал был систематизирован по отношению к тем или иным органам или системам организма. Полученные данные позволили еще раз констатировать не подлежащий сомнению факт, что с возрастом наблюдается увеличение общего количества жалоб на состояние всех жизненно важных органов и систем организма (табл. 4.4). Тем не менее нужно подчеркнуть, что наибольшее количество жалоб предъявлялось на состояние органов пищеварения, сердечнососудистой и дыхательной систем, а их общее количество в группе обследованных, как минимум, вдвое превышало аналогичные показатели контрольной группы.

Таблица 4.4

Субъективная оценка состояния здоровья и анализ количества жалоб на состояние органов и систем организма в различных возрастных группах (усредненная количественная характеристика или «сумма жалоб» по конкретной возрастной группе)

Система органов, к которым относились жалобы	Усредненная сумма жалоб ($x \pm m_x$) в различных возрастных группах			
	14—21	22—35	36—45	55 и старше
Органы зрения	26,6 ± 0,7	30,4 ± 2,6	34,0 ± 4,7	39,8 ± 4,1
Органы слуха	11,8 ± 0,3	13,3 ± 1,1	14,2 ± 2,2	18,0 ± 1,5
Органы дыхания	31,4 ± 0,8	33,2 ± 2,0	41,0 ± 5,8	42,0 ± 4,9
Сердечнососудистая система	46,2 ± 1,1	51,0 ± 4,4	61,4 ± 9,5	68,0 ± 9,4
Органы пищеварения	64,8 ± 1,3	72,5 ± 4,4	67,9 ± 7,7	119,5 ± 12,0
Органы д вижения	24,9 ± 0,8	24,6 ± 1,6	32,5 ± 4,0	51,6 ± 5,6
Кожные заболевания	24,9 ± 0,6	25,9 ± 2,0	29,9 ± 6,6	44,7 ± 5,7
Нервная система	64,3 ± 1,9	73,4 ± 6,0	80,8 ± 15,0	112,2 ± 16,1

Существенных половых различий по этим признакам выявлено не было — ведущими причинами жалоб и у мужчин, и у женщин являлись те же органы и системы (табл. 4.5), но все исследуемые показатели в группе женщин были выше, что также согласуется с давно известным положением о том, что женщины болеют больше, но живут дольше, при этом они же заполняют около 70% коечного фонда во всех клиниках мира.

Таблица 4.5

Субъективная оценка состояния здоровья и анализ количества жалоб на состояние органов и систем организма в обследованных группах женщин и мужчин (усредненная количественная характеристика или «сумма жалоб»)

Система органов, к которым относились жалобы	Усредненная сумма жалоб ($x \pm m_x$) в различных возрастных группах	
	мужчины	женщины
Органы зрения	28,8 ± 1,2	29,8 ± 1,5
Органы слуха	12,7 ± 0,5	13,3 ± 0,6
Органы дыхания	33,1 ± 1,4	34,0 ± 1,1
Сердечнососудистая система	47,4 ± 2,1	53,3 ± 2,4
Органы пищеварения	68,4 ± 2,5	71,2 ± 2,9
Органы движения	26,3 ± 1,4	28,2 ± 1,1
Кожные заболевания	26,8 ± 1,4	26,7 ± 1,1
Нервная система	67,5 ± 3,2	72,8 ± 3,5

Динамика самооценки самочувствия, активности и настроения изучалась ретроспективно за 5-летний период — с 1987 по 1992 год. Усредненные показатели по всем трем шкалам методики САН представлены на рис. 4.2. Все испытуемых оценили первый год после аварии (1986—1987) как наиболее тяжелый (как «точку отсчета») по всем исследуемым параметрам. В дальнейшем наметилась устойчивая тенденция к постепенному улучшению всех исследуемых показателей, за исключением незначительного «провала» в предкризисном 1990 году. Характерно, что женщины были склонны характеризовать свое самочувствие (см. рис. 4.2) и работоспособность (рис. 4.3), на протяжении всех 5 лет, в целом — более низкими оценками.

Изучение состояния психической сферы населения, постоянно проживающего на загрязненной территории, показало, что различные проявления нервно-психической неустойчивости выявлялись в 83% случаев, при этом преобладающими являлись астено-ипохондрические, психастенические и депрессивные синдромы.

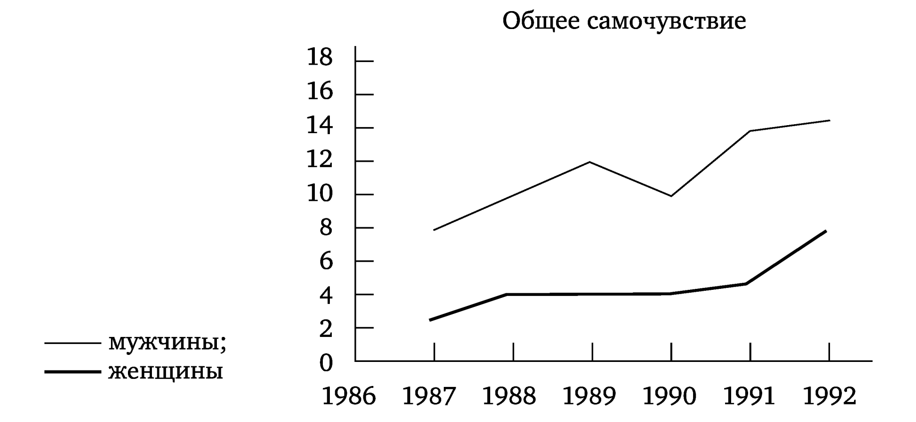
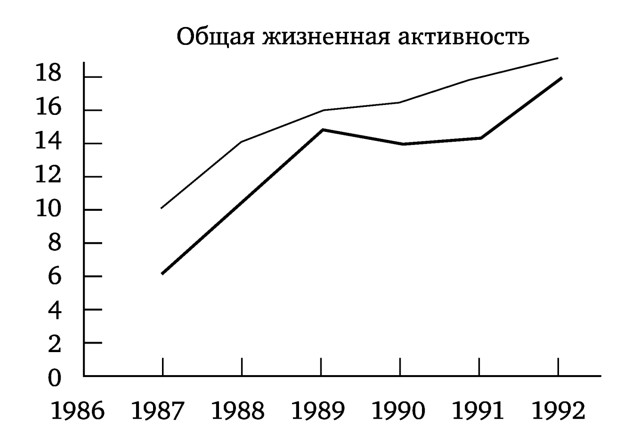

Рис. 4.1. **Общая жизненная активность**

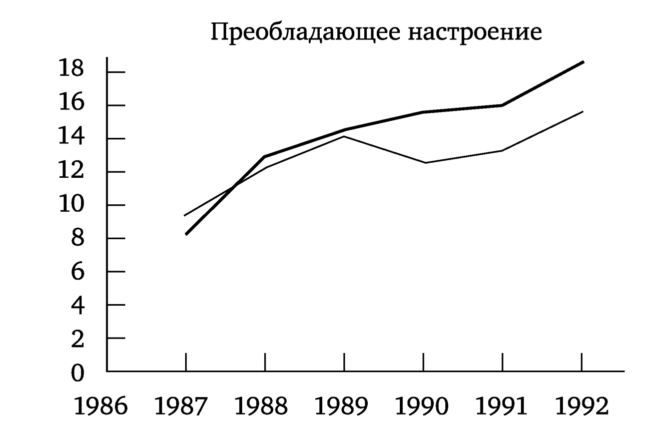

Рис. 4.2. **Динамика самооценки самочувствия активности и настроения у мужчин и женщин, проживающих в условиях радиационно-экологического стресса**

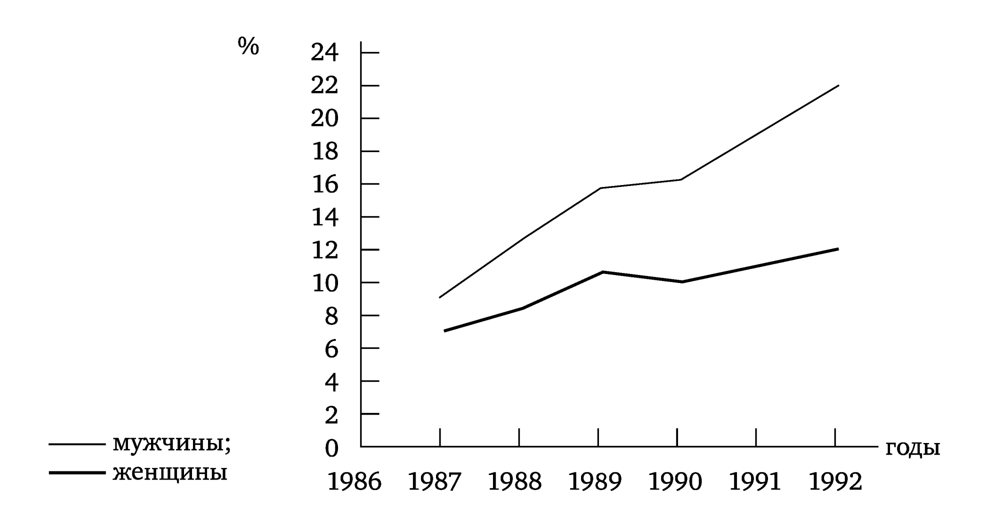

Рис. 4.3. **Половые особенности динамики работоспособности у жителей г. Хойники после Чернобыльской катастрофы**

Шкала депрессии у 59% обследованных являлась ведущей шкалой профиля MMPI и во всех случаях превышала нормативные показатели, а у 26,7% обследованных этот показатель достигал субклинического уровня (более 80Т). Аналогичные изменения отмечались и по другим шкалам невротической триады, в частности, по шкале ипохондрии MMPI — у 39,8% обследованных, а по шкале истерии MMPI — у 32,8%. Отклонения от нормативных показателей по шкалам психотической тетрады были менее выраженными и встречались реже, преимущественно у лиц активной и старшей возрастной группы (31—55 лет): по шкале психопатии MMPI — у 39,8%, по шкале паранойи — у 37,1%, по шкале шизофрении — у 40,9% и по шкале мании — у 9,7%. Эти данные, в целом, подтверждались результатами обследования с помощью 16-факторного личностного опросника, которые показывали негативную динамику по шкалам А, С, Н, М и О, которые характеризовали такие личностные черты, как снижение общительности и эмоциональной устойчивости, низкий уровень способности к психологической мобилизации, «уход в себя» (аутичность) и высокий уровень тревожности. Применение интеллектуальных тестов выявило снижение показателей ниже нормативных во всех исследуемых группах (по типу псевдодеменции), однако наиболее негативная динамика была установлена в возрастной группе 22—25-летних, «пик развития» которых совпал с периодом аварии на ЧАЭС.

Подготовка этого раздела книги не принесла мне особого удовлетворения — он представляется достаточно фрагментарным, впрочем, как и лежавшие в его основе исследования. На это были свои причины, о которых уже упоминалось в начале.

Психологические исследования отдаленных последствий у ликвидаторов аварии на ЧАЭС в последние годы активно проводятся в кли-

нике Всероссийского Центра Экстренной и Радиационной Медицины (ВЦЭРМ) МЧС, где ликвидаторы проходят плановые лечебно-профилактические мероприятия. Научно-методическое руководство этой работой осуществляется проф. С. С. Алексаниным и проф. В. Ю. Рыбниковым. Результаты этой работы, безусловно, будут со временем проанализированы и опубликованы.

Заключение

В монографии обобщаются результаты исследований, проведенных автором в 1986 году непосредственно в процессе боевых действий в Республике Афганистан, после Спитакского землетрясения (1988) в Армении, взрыва газа и железнодорожной катастрофы двух пассажирских поездов под Уфой (1989), а также материалы пролонгированного наблюдения людей, постоянно проживающих на территории радиоактивного загрязнения после аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Основное военно-прикладное содержание работы было связано с проблемой профессионального психологического отбора боевых контингентов и прогнозированием поведения людей в условиях современной войны.

В результате проведенных исследований было установлено, что выраженность и направленность многих из определяемых с помощью современных методов психологических, социальнопсихологических и патопсихологических показателей, а также эффективность боевой деятельности и успешность боевой адаптации могут с высокой степенью надежности прогнозироваться с помощью ограниченного перечня структурно-комплексных критериев, или так называемых «базисных качеств личности», объединяющих показатели общего интеллектуального развития, нервно-психической устойчивости, самооценки личности, социометрического статуса в воинском коллективе, а также общего уровня физической подготовленности и состояния физиологических резервов, каждый из которых обладает достаточной информативностью и признаками системности в отношении исследуемой и прогнозируемой феноменологии.

Профессиографическое обследование, осуществлявшееся путем включенного наблюдения и с помощью метода экспертной оценки, позволило выделить две группы профессионально важных качеств: совпадающих у военнослужащих учебно-боевых и боевых частей (общепрофессиональные воинские качества) и дифференцирующих последнюю группу. При этом наиболее существенные отличия были установлены по социально-психологическим характеристикам, что определяет необходимость усиления внимания к этому (относительно мало разработанному) аспекту профессионального психологического отбора и профессиональной подготовки личного состава.

С учетом предложенного автором популяционного подхода, при анализе результатов обследования боевых контингентов было выделено

три группы военнослужащих: наиболее эффективных, обычных (средних) по показателю качества боевой деятельности (основная группа) и наименее эффективных.

При сравнительном анализе установлено, что группа наиболее эффективных военнослужащих («лучших») достоверно отличалась от наименее эффективных («худших») практически по всем структурно-комплексным критериям, в то время как отличия группы обычных (от «лучших») состояли преимущественно в социально-психологическихпоказателях, что позволило сформулировать вывод о том, что группа лучших (в массовых профессиях и специальностях) формируется в средней массе и развивается из нее, что, в свою очередь, определяет необходимость особого внимания к проблеме формирования личности солдата-профессионала.

Анализ полученных данных позволил установить содержательно обоснованные и статистически достоверные зависимости между рядом индивидуально-психологических особенностей личности и эффективностью боевой деятельности и успешностью боевой адаптации военнослужащих, что составило основную военно-прикладную значимость проведенных исследований.

Предложенный популяционный подход и разработанный автором математико-статистический аппарат позволили установить, что связь показателей общего интеллектуального развития и эффективности боевой деятельности является нелинейной. В частности, при повышении показателя общего интеллектуального развития от 1 до 7 стэнов величина прогнозируемого внешнего критерия повышается, а при общем интеллектуальном развитии, составляющем 8 и более баллов, качество боевой деятельности существенно и статистически значимо снижается, достигая уровня, характерного для лиц, у которых показатель интеллектуального развития составлял 1—3 стэна. Аналогичная нелинейность и специфика взаимосвязей установлена также между интегральным показателем физиологических резервов и внешним критерием успешности боевой адаптации.

При анализе внутренних взаимосвязей личностных показателей установлено наличие, как минимум, трех относительно независимых групп признаков:

- однонаправленно изменяющихся и взаимосвязанных на совокупной выборке («количественных»), включающих преимущественно социально-психологические показатели;
- невзаимосвязанных и дискретно представленных на совокупной выборке (качественных), характеризующих преимущественно психофизиологические резервы личности и выраженность отклонений по шкале интро-экстраверсии;
- средних по степени внутренней взаимосвязи на популяционной выборке, включающих преимущественно психопатологические показатели.

Полученные данные о различиях в популяционной представленности различных групп личностных признаков предполагают необходимость различных методических подходов к их исследованию, оценке прогностической значимости и коррекции в процессе обучения и воспитания.

Математическое моделирование с использованием регрессионных и дискриминантных решающих правил позволило установить, что ведущими прогностическими признаками эффективности боевой деятельности и успешности боевой адаптации являются показатели: а) общего интеллектуального развития (в данном случае — не превышающего среднепопуляционный уровень); б) социометрического статуса в воинском коллективе (как проекция личностных особенностей на специфическую референтную группу); в) самооценки личности и г) состояния физиологических резервов. Надежность полученных моделей составила от 70 до 74%. Тем не менее с учетом содержательной валидности было обосновано, что (применительно к отбору боевых контингентов) перечень прогностических показателей во всех случаях должен дополняться критериями общей физической подготовленности и нервно-психической устойчивости, вклады которых в формирование высокого социометрического статуса юношей в воинском коллективе чрезвычайно велики.

Изучение личностных особенностей и групповой динамики в процессе боевой деятельности показало, что наиболее существенными и весьма специфическими (ранее не встречавшимися в подобном сочетании) психологическими феноменами являются повышение общей эмоциональной устойчивости с преобладанием явлений эмоциональной холодности и стеничности при одновременном формировании предрасположенности к астено-депрессивным состояниям и реакциям на фоне: общей психопатизации, эксплозивности, повышения групповой сплоченности и снижения моральной нормативности, в последнем случае — проявляющейся как в форме индивидуального, так и в процессе группового поведения.

Установлено, что одним из наиболее негативных психологических факторов боевой деятельности (наряду с психическими травмами и постоянной угрозой смерти) является дефицит позитивных эмоциональных переживаний, являющийся основой развития психологического феномена «поиска ощущений», нередко приобретающего в специфических условиях боевых действий асоциальные формы реализации.

В процессе проведенных исследований была выдвинута и обоснована гипотеза о наличии аналоговых эквивалентов некоторых нейрофизиологических и психологических феноменов. В частности, установлено, что преобладание физиологической симпатотонии и склонность к гипертензии коррелируют с отсутствием предрасположенность к депрессивным и тревожным реакциям; физиологический показатель детренированности сердечной мышцы обнаруживает статистически

значимые связи с ригидностью мышления и склонностью «накапливать» аффективные эмоциональные переживания; уровень артериального давления (в пределах статистической нормы) коррелирует с показателем общей эмоциональной устойчивости. Полученные данные позволили сформулировать положение об общих закономерностях функционирования разноуровневых систем в едином комплексе адаптивного реагирования, в основе которого лежит единство субстрата и наиболее общих механизмов нервной регуляции.

На заключительном этапе работы материалы были дополнены исследованиями особенностей психологической и социально-психологической реадаптации военнослужащих, прибывших из Республики Афганистан и уволенных в запас из числа боевых контингентов. При этом были установлены: ярко выраженная негативная динамика показателей нервно-психической устойчивости, фиксация на полученных психических травмах, склонность к повышенной фрустрации, снижение уровня коммуникативной активности, определенная замкнутость в пределах собственной референтной группы, формирование стереотипа решения проблем «с позиции силы», в абсолютном большинстве случаев отсутствие позитивных жизненных программ, а также ряд других специфических феноменов, нуждающихся в самостоятельном систематическом исследовании.

Исследования, проведенные в условиях стихийных бедствий, аварий и катастроф, моделирующих применение оружия массового поражения (ОМП), показали, что реактивные состояния, приводящие к частичной или полной утрате военно-профессиональной работоспособности, наблюдаются в 70—80% случаев.

В целом, в течение первых 15—20 минут после применения ОМП, даже у лиц, не получивших физических травм и не имеющих радиационных поражений, в 60—70% случаев можно прогнозировать развитие неконтролируемых панических реакций с характерным сужением сознания и выраженным двигательным возбуждением, еще около 10—15% в этой ситуации будут демонстрировать явления аффектогенного ступора.

Общая длительность эмоционального шока у личного состава после применения ОМП силой до 300 килотонн тротила может достигать 2,5 часов.

В последующие 3—5 часов преимущественно по причинам психологического характера («острый эмоциональный шок») боеспособность, даже у лиц не получивших никаких физических травм или радиационных поражений, будет составлять не более 25—50%, с постепенным прогрессивным ее снижением («стадия демобилизации»). В отдаленный период те или иные изменения в психической сфере будут обнаруживаться у 100% подвергшихся ОМП и как минимум у 70% тех, кто участвовал в боевых действиях с применением обычного оружия. Среди наблюдаемых в подобных ситуациях психопатологических синдромов преобладающими являются: астено-депрессивные проявления

и псевдодеменция в сочетании с нарушениями сна, немотивированными страхами, повторяющимися кошмарными сновидениями, навязчивостями и бредово-галлюцинаторными состояниями, а также психосоматические нарушения деятельности желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой и эндокринной систем. В качестве характерного феномена следует подчеркнуть, что чем меньше тяжесть физических поражений, тем раньше проявляется психопатологическая симптоматика, для развития которой в отдельных случаях достаточно лишь слухов, например, о радиоактивном поражении.

***

Мне очень хотелось бы, чтобы этот опыт и эти знания никому не пригодились. Но пока мы живем все еще в достаточно хрупком мире, а те, кто воевал, — все еще не окружены заслуженной заботой и вниманием, об этом нужно говорить и писать. Ибо то, что одними не было сказано, другим не дано услышать.

Новые издания по дисциплине «Психология экстремальных ситуаций» и смежным дисциплинам

1. *Караяни, А. Г.* Военная психология. В 2 ч. Часть 1 : учебник и практикум для вузов / А. Г. Караяни. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

2. *Караяни, А. Г.* Военная психология. В 2 ч. Часть 2 : учебник и практикум для вузов / А. Г. Караяни. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

3. *Караяни, А. Г.* Настольная книга военного психолога : практ. пособие / А. Г. Караяни. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

4. *Одинцова, М. А.* Психология стресса : учебник и практикум для академического бакалавриата / М. А. Одинцова, Н. Л. Захарова. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

5. *Одинцова, М. А.* Психология экстремальных ситуаций : учебник и практикум для академического бакалавриата / М. А. Одинцова, Е. В. Самаль. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

6. Психология безопасности : учеб. пособие для академического бакалавриата / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перелыгина. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

7. *Решетников, М. М.* Психическая травма : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / М. М. Решетников. — 2-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

8. *Суворова, Г. М.* Психологические основы безопасности : учебник и практикум для академического бакалавриата / Г. М. Суворова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.